4: H. lit. P.
317 △

Danilevskij

~~91357.~~

92
158.

= 92

№9/12

012 (Сковорода)
012 (В. Н. Каразин)
012 (Г. Ф. Квитка-Основьяненко)

Инв. 952.
ИСКЛЮЧЕНО 1927.

30

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

и

НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Г. П. Данилевскаго.

Украинскіе дѣятели:

I.) Сковорода, 1722 — 1794 г.
II.) Каразинъ, 1773 — 1842 г.
III.) Основьяненко, 1778 — 1843 г.

Народное образованіе на Украйнѣ:

IV.) Харьковскія народныя школы, 1732 — 1845 г.

ХАРЬКОВЪ.

Изданіе Заленскаго и Любарскаго.

1866.

Д п 5776

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 марта 1865 года

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Въ Типографіи П. Чеховскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Григорій Савичъ Сковорода 1 — 96.

2. Василій Назарьевичъ Каразинъ 99 — 169.

3. Григорій Өедоровичъ Квитка - Основьяненко . . . 173 — 284.

4. Харьковскія народныя школы. 287 — 403.

Примѣч. Всѣ четыре означенныя статьи принадлежатъ *Г. П Данилевскому.*

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Литературная дѣятельность собственно въ Харьковѣ прекратилась съ конца сороковыхъ годовъ этого вѣка. Прежде Харьковъ имѣлъ и своихъ самостоятельныхъ издателей, и свои значительно-распространенныя изданія. Въ первой четверти этого столѣтія въ Харьковѣ издавались журналы: *Украинскій Вѣстникъ* (Филомаѳитскаго и Гонорскаго), *Харьковскій Демокритъ* (Масловича), *Украинскій Журналъ* (Склабовскаго) и *Харьковскія Извѣстія*, газета политическая и литературная (Вербицкаго). Вмѣстѣ съ этими журналами и послѣ нихъ здѣсь издавался цѣлый рядъ альманаховъ и ученыхъ сборниковъ: *Записки филотехническаго общества* (Каразина), *Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ* (Вербицкаго), *Утренняя звѣзда*, *Украинскій альманахъ*, *Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета*, *Труды общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ*, *Акты филотехническаго общества*, драгоцѣнный сборникъ *Запорожская старина* (Срезневскаго), *Снипъ* (Корсуна), *Южнорусскій сборникъ* (Метлинскаго) и богатый матеріялами альманахъ *Молодикъ* (Бецкаго), теперь справочная книга для каждаго, работающаго надъ малорусскою былою жизнью. Харьковская литература, повторяемъ, имѣла въ то время успѣхъ и успѣхъ вполнѣ заслуженный. Всѣ названныя здѣсь изданія составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Но если въ настоящее время украинскіе писатели перенесли свою дѣятельность въ столичные журналы, не надо забывать, что

есть цѣлая область въ нашей литературѣ и въ наукѣ, къ которой почти всѣ столичные журналы относятся свысока и мимоходомъ, питая къ ней полное безучастіе: это мѣстная наша, такъ называемая, украинская старина, которой Кіевъ посвящалъ также когда-то и съ такимъ успѣхомъ свои сборники (Кіевлянинъ и др.), Черниговъ свой Черниговскій листокъ, а г. Бѣлозерскій свою ничѣмъ не замѣнимую Основу. Имѣя въ виду эти мѣстные интересы, мы предприняли изданіе нашего сборника „*Харьковская старина*“ первый выпускъ которой посвящается обзору жизни и трудовъ трехъ замѣчательныхъ украинскихъ дѣятелей: Сковороды, Каразина и Основьяненка и обозрѣнію судьбы народныхъ школъ въ здѣшней губерніи, въ той между прочимъ надеждѣ, что свѣдѣнія о послѣднихъ не будутъ лишними въ рукахъ ближайшаго губернскаго земскаго собранія этой губерніи. Смотря по успѣху этого сборника, въ слѣдующихъ выпускахъ мы помѣстимъ біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей, отрывки старинныхъ актовъ переписки помѣщиковъ XVIII вѣка, мемуаровъ, и цѣлыя монографіи о южно-русскомъ краѣ.

Харьковъ 1865 г.

I.

ГРИГОРІЙ САВИЧЪ СКОВОРОДА.

(*Съ 1722 по 1794 г.*)

I.

ГРИГОРІЙ САВИЧЪ СКОВОРОДА.

(*Съ 1722 по 1794 г.*)

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды.—Слободская Украина до конца прошлаго вѣка.—Харьковское намѣстничество.—Этнографическія данныя изъ современной лѣтописи.—Видъ селъ.—Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.—Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго: »Мое опредѣленіе въ службу.«—Общая страсть къ вину и универсалы противъ винокуренія послѣдняго гетмана.—Состояніе украинскаго общества.—Остатки вольницы.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до-сихъ-поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давно-забытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возмозжно-полныя свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка, и сведены въ общемъ обзорѣ отдѣльныя, печатныя извѣстія о немъ. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, напримѣръ, Котляревскій и Нарѣжный, имѣютъ чисто-народное, туземное значеніе. Ихъ можно понять и оцѣнить только въ соображеніи той почвы и того времени, гдѣ они явились и дѣйствовали. Тамъ, для своего времени, они имѣютъ значеніе. Сковорода же, какъ отчасти и Квитка, имѣютъ вѣсъ, кромѣ украинской литературы, еще и въ развитіи украинскаго общества. Съ этой стороны мы попробовали представить

I.

ГРИГОРІЙ САВИЧЪ СКОВОРОДА.

(*Съ 1722 по 1794 г.*)

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды.—Слободская Украина до конца прошлаго вѣка.—Харьковское намѣстничество.—Этнографическія данныя изъ современной лѣтописи.—Видъ селъ.—Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.—Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго: »Мое опредѣленіе въ службу.«—Общая страсть къ вину и универсалы противъ винокуренія послѣдняго гетмана.—Состояніе украинскаго общества.—Остатки вольницы.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до-сихъ-поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давнозабытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возмозжно-полныя свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человѣка, и сведены въ общемъ обзорѣ отдѣльныя, печатныя извѣстія о немъ. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, напримѣръ, Котляревскій и Нарѣжный, имѣютъ чисто-народное, туземное значеніе. Ихъ можно понять и оцѣнить только въ соображеніи той почвы и того времени, гдѣ они явились и дѣйствовали. Тамъ, для своего времени, они имѣютъ значеніе. Сковорода же, какъ отчасти и Квитка, имѣютъ вѣсъ, кромѣ украинской литературы, еще и въ развитіи украинскаго общества. Съ этой стороны мы попробовали представить

очеркъ жизни и сочиненій Квитки (*). Съ этой же стороны теперь напомнимъ читателю и лицо Сковороды, выразителя украинской умственной жизни прошлаго вѣка.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донынѣ въ рѣдкомъ уголкѣ родины его не вспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его. Мы полагаемъ что библіографическій очеркъ сочиненій Сковороды и статей о его жизни, какъ матеріялъ для исторіи южнорусской литературы вообще, будетъ весьма полезенъ.

Сковорода былъ человѣкъ самостоятельный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, безпощадный въ протестахъ противъ тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій, и ненавидимый и гонимый всѣми, кому выгодно было царство мрака и всякой нравственной лжи. Несмотря на свой мистицизмъ и на свой семинарскій, топорный и, не рѣдко, неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чистостоической жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполнѣ-народнымъ человѣкомъ во всей Украинѣ тогдашняго времени. Близорукіе хвалители его тогда восхищались, къ-сожалѣнію, и духовными умствованіями, для насъ не имѣющими ровно никакого значенія, и называли его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ избранныхъ кружкахъ Москвы, давно-дохнувшей вѣяніемъ всего, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей и уже подготовленная почва. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Видя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести

(*) См. *»Отечественныя Записки«* 1855 года. №№ XI и XII: »Основьяненко« (Гр. Ѳед. Квитка). Матерьялы для исторіи украинской литературы«. Тоже издано отдѣльно въ 1856 году, съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и рисункомъ В. Ф. Тимма—домикъ Основа.

кончить курсъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, Европу, и, воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куреней уединенныхъ пасикъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ, распѣваясь бродячими лириками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украинѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ учреждена *Слободская Украинская губернія*: губернскимъ городомъ ея назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціяльные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести коммисарствъ; а козачьи полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ*; на пользующихся правомъ винокуренія по 95 коп., а на лишенныхъ его — по 85 к. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободская Украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество*, которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна, еще недавно почти-дикая и малообитаемая, населялась и принимала наконецъ видъ благоустроеннаго общества. Пустынныя, но плодородныя, земли новаго Харьковскаго Намѣстничества стали привлекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1654 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужескаго пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя (*) въ Слободской Украинѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ

(*) См. историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, преосв. Филарета.

заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ „тогобочной“ заднѣпровской Украины, убѣгая отъ притѣсненій Поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтами и пасичьными угодьями, лѣсами и прудами съ пышными „сѣножатями“, мельницами и винокурнями,—распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отважныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, „рыцарь прадедовщины“ считался уже многими наравнѣ съ татарами, являвшимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховые пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Острявицы, попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія уже обзаводился „садомъ большимъ регулярнымъ“ и другимъ „за оградой, содомъ *виноградньмъ.*“

„*Въ Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ* (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія, *1788 года.*) мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украины того времени, о нравахъ ея, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще не утвердившемся, обществѣ. Съ одной стороны наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой—извращеніе властей, и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходимцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ о томъ времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ Украинцевъ той поры: „Се есть характеръ, или начертаніе, домоводства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь, между пахатнымъ полемъ, видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и

всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота—съ перваго взгляда влагаютъ намъ, Великороссіянамъ, догадку о скудости селенія и о небреженіи жильцовъ. Но, съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговыя сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* наращаютъ цѣну къ имуществу жилища. Кладовыя каморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семъ дѣлѣ для хозяевъ убыточна. (87—90 стр.)"—„Липовые покои по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы" (65 стр.).—„Духъ европейской людскости, отчужденный азіятской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ; духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и поползновенія, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* препинаетъ стези *деспотизма и монополіи*" (90 стр.).

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: „Самой скудной человѣкъ безъ скрипицъ свадьбы не играетъ." — „Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства" — (*). „Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разговариваютъ*". (92—93 стр.). Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украинѣ Харьковскій духовный Коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году Харьковскаго Университета. Въ названномъ нами „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества" сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: „Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1778 г.,—партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей—купцовъ, мѣщанъ, цѣховыхъ, отставныхъ

(*) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для Украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ—единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ золотухи, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ Черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5,338 душъ." — Далѣе: (128 стр. — 138 стр.) „Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ, въ 1722 году, епархіальную семинарію въ Бѣле-городѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ (*). Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украинѣ. — Потомъ училищный домъ наименованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ." — Императрица Анна Іоановна, въ 1731 году, даровала жалованную грамоту, гдѣ „ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ." Въ заключеніе граматы сказано: „Чего ради сею жалованною грамотою тотъ монастарь, *и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ*." Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно всѣ книги покойнаго митрополита Муромскаго и Рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе библіотеки Харьковскаго училища. „Въ ней книгъ разныхъ языковъ, въ томъ 1788 г.", говоритъ авторъ, „болѣе 2,000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель." — „Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣличь* дополнилъ Харьковское училище классами французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математи-

(*) Примѣч. Подробная статья о Коллегіумѣ напечатана въ «Молодикѣ» 1843 г., стр. 7—32. неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: *»Основаніе Харьковскаго Коллегіума нынѣшней Харьк. духовной Академіи.«* О Харьковскомъ Коллегіумѣ помѣщена также статья въ Харьков. Губ. Вѣд. за 1855 г.

ческіе инструменты."—„Но, замѣчаетъ авторъ (135 стр.), по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлгородской епархіи, классъ французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли."—„Сіе оскуденіе продолжалось до временъ Великія Екатерины."—Въ 1765 г. снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каѳедры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты безплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и остальнымъ наукамъ даромъ.—„Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки" (137 стр.).

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей козачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ „Москвитянинѣ" 1852 года, № 17, подъ именемъ: „*Мое опредѣленіе въ службу*". Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: „Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили мѣня въ селѣ Деньгахъ, мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу." (4 стр.) „По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтная блондинка. Та ходила за нами и учила насъ" (5 стр.). Потомъ автора, когда онъ подросъ, отдаютъ къ сельскому дьячку, осанистому пану Василію, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка „столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ пись-

момъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ не-слоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разѣдали школьники, и разбивали горшокъ палками, на пустырѣ, издалека, въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьячка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительные вирши“ (8 стр.). Но вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще болѣе интересно въ „Панѣ Халявскомъ,“ Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній описываетъ это очень живописно. „Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *киреи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпитептамъ счасливилось, что одно село разомъ ихъ обогощало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь, и привозили запасы себѣ и братьи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши—одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою,— поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацію*. Онъ поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть „Блаженъ мужъ“: перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то“—„Къ праздникамъ для своихъ поздравленій учитель готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ,

сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *ораціи*,“ (9—10 стр.) Ученикъ скоро могъ уже щегольнуть ученостью и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать „по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли.“

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощіе и скудные плоды — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскія школы, и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы. Духовные высшіе Коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, „laudes“, изъ которыхъ за вины положена была такса учетовъ, такъ-что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій по словамъ Тимковскаго (стр. 22—23), изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ— нарисованный „мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукой“; на второй двери символъ піитовъ и риторовъ — „колодезь съ воротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается,“ и на третьей двери символъ философовъ и богослововъ — „большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца“. Грамматики тогдашніе были порядочными „пнями невѣдѣнія“, піиты и риторы мало почерпали знаній изъ колодезя черствой риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую нерѣдко попойками отъ распространявшагося болѣе и болѣе свободнаго винокуренія. Г. Маркевичъ (*), въ своей „Исторіи Малороссіи“ (1842

(*) Отъ А. М. Лазаревскаго, владѣющаго спискомъ этого универсала, мы получили

г., т. 2 стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: „Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій)* обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что Малороссіяне *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ, и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и козаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса.“ — Любопытны также слѣдующія строки г. Маркевича (стр. 651—2): „Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссіи *пикинерія* и *вербунки* (вербованія). Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила козаковъ и народъ; потомъ пьянымъ

слѣдующую дополнительную записку. Выписываю здѣсь нѣсколько строкъ, именно изъ того универсала, о которомъ упоминаетъ г. Маркевичъ во 2-мъ т. своей исторіи:

»Его ясневельможности собственными примѣчаніями усмотрено, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великого до наименьшого хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природнаго, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ, что почти тотъ токмо вина не куритъ, кто мѣста на винокурню не имѣетъ: отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи раждающемуся столь великое повсягодное истребленіе бывае, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна«.—Въ универсалѣ приводятся нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокуренія, изъ которыхъ я выписываю два. »Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ ясневельможности, яко могіе козаки его полку, не имѣя собственного своего довольного хлѣба, покупаютъ оной по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пянства; и лѣса свои вырубкою для винокуренія пустошатъ, такъ что и для топленія въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень козаки, взимая у постороннихъ куфами и ведрами вино, вишенковуютъ убыточно и пянствомъ истощеваютъ страну.

»Хмѣловскій сотникъ, Шкляревичъ, доноситъ ясневельможности, что козаки его сотни отъ винокуренія обнищали и къ службѣ козачей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на винокуреніе пожгли, а послѣ у другихъ своей братіи покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пьянству и разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуда себя снабдѣть лошадьми и амуниціею къ службѣ козачей, принуждены, у можнѣйшихъ своей братіи занимая деньги, давать въ закладъ свои грунта и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны».

Вслѣдствіе развитія винокуренія въ такихъ огромныхъ рѣзмарахъ, гетманъ Розумовскій принужденъ былъ ограничить его строгими положеніями.

предлагала записаться на службу въ пикинера, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ козаки, потому что начальства не боятся и шапки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и „великіе опіяки“ записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ.“ Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворянство лѣпилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. „Похожденія Столбикова,“ Квитки, въ этомъ отношеніи, не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденія которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго ошляхеченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши, — представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемаго снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или нежданно-завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекешѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новыя мѣры и законы: въ краѣ наставленія ея принимались медленно. Дворянству указано служить въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись; тогда же учреждены Малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно разсказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): „Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболонскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьею. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду, *въ лодкѣ*.“ Въ разсказѣ Тимковскаго появляется и образъ его отца — олицетвореніе тогдашняго времени:

„Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленаго стола“.—„Тогда и отецъ мой, говоритъ онъ, —отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой.—„То-таки бувало выйде,“ говорили межъ собой люди: „або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперь—*абы-що: нѣмець не нѣмець, такъ соби пидщипанный!*“—И я помню, помню эту крѣпкую, вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ.... —Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стрижиннымъ въ кружокъ.“ Новые носители камзоловъ и косъ служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой и грабили. Имя комисара ровнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непочатой край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ даятелямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы и своеволія. Паденіе Запорожья напустило на Украйну цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣвали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ, и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ „кулачныхъ судій“ на Украйнѣ. Мы говоримъ объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похожденія котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка „Братья-близнецы“; въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ статьѣ

Одесскаго Вѣстника, 1859 года №№ 21 и 22: „Романтическіе типы старосвѣтской Украйны. 1. Разбойникъ Гаркуша.“

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Сочиненія его, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были все произведенія, писанныя подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они не имѣютъ особеннаго значенія, кромѣ нѣкоторыхъ стихотворныхъ сатирическихъ пѣсень. Оставляя другимъ опредѣлить отношеніе Сковороды къ этой школѣ мистиковъ, еще мало объясненныхъ у насъ, обратимся къ Сковородѣ со стороны болѣе понятныхъ его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ своею жизнью, своими словами, совѣтами и характеромъ.

ГЛАВА II.

Жизнь Сковороды, по неизданнымъ запискамъ Ковалѣнскаго.—Его дѣтство.—Опредѣленіе въ Придворную Капеллу.—Капелла того времени. Выписки изъ архива, сдѣланныя В. В. Стасовымъ.—Въѣздъ Елисаветы въ Кіевъ и «божественный фаэтонъ» семинаристовъ.—Сковорода ускользаетъ за границу.—Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію.—Уроки у помѣщика Тамары.—Москва и «Титъ Ливій».—Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ, Захаржевскихъ и другихъ помѣщиковъ.—Странствованія и превыя сочиненія, послѣ ссоры съ Коллегіумомъ.—Музыкальныя стремленія.—Предложеніе Екатерины II.—Другіе анекдоты о Сковородѣ.—Начало извѣстности.

Сообщаемъ жизнеописаніе Сковороды по *неизданнымъ* до-сихъ-поръ *запискамъ* Ковалѣнскаго, въ спискѣ, полученномъ нами отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владимира па Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго находилась у г. Аскоченскаго въ Кіевѣ и передана имъ М. П. Погодину. Подробный же хронологическій списокъ статей о Сковородѣ, появившихся съ 1806 года, съ „Сіонскаго Вѣстника“ сообщаемъ въ концѣ нашего труда, подъ общимъ библіографическимъ обзоромъ. Все жизнеописаніе Сковороды, такимъ образомъ,—скажемъ, чтобы не повторять указаній,—построено нами на подлинномъ разсказѣ и собственными словами Ковалѣнскаго, (у котораго до насъ взялъ только нѣкоторыя черты г. Снѣгиревъ, въ „О-

течественныхъ Запискахъ" 1823 года), а недостающее въ его „*Житіи Григорія Савича Сковороды*" пополняемъ другими позднѣйшими замѣтками о Сковородѣ. Въ числѣ послѣднихъ мы должны отдать преимущество статьямъ И. И. Срезневскаго, а за нимъ—воспоминаніямъ Ивана Вернета и Гессъ-де-Кальве.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

„Григорій Савичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 г. (*). Родители его были простолюдины: отецъ — козакъ, мать — козачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околодкѣ.

„Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковъ онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснею его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія" (**).

„По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ Кіевскую Академію, славившуюся тагда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Митрополитъ Кіевскій, Самуилъ Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его.

„Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ." Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд. 1852 г. № 42):

(*) *Гессъ-де-Кальве* (»Украинскій Вѣстникъ« 1817 г.) невѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ Харьковской губерніи и что отецъ его былъ бѣдный священникъ. Ковалѣнскій зналъ Сковороду короче, и потому нельзя не отдать ему, въ этомъ случаѣ, предпочтенія предъ другими біографами. Такъ и И. И. Срезневскій не точно сказалъ (»Утрення Звѣзда« 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 г.

(**) *Г. Снѣгиревъ* (»Отеч. Зап.« 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ еще »отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично«, прибавляетъ: »Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ, или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное.« (стр. 97).

„Въ Кіевской Академіи юный пришелецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *дерижера пѣвческой капеллги*, и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ“ (*).

В. В. Стасовъ доставилъ намъ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ „*Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи*“. Мы просмотрѣли эти драгоцѣнныя извлеченія, и вотъ нѣкоторыя, неизвѣстныя еще, данныя изъ исторіи придворной капеллы временъ императрицы Елисаветы, помѣщаемыя нами съ разрѣшенія В. В. Стасова. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя Алексѣя Михаиловича, постоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: „вновь привезеннымъ ко двору *изъ Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье.“ Императрица Елисавета, по извѣстной набожности своей и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гаврилъ Головня, и другіе, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста откуда изъ Украйны брались пѣвчіе слѣдующія. Въ указѣ 1784 года, октября 16-го, сказанно: „*дисканты*: города Лохвицы, войсковаго товарища, Максима Афонасьва, сынъ, 6 лѣтъ; г. Кролевца, войсковаго товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго судьи сынъ; Роменьскаго козака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ; Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерева, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, козака Галайницкаго сынъ 8 лѣтъ. *Альты*: Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовѣцъ, священника Тройницкаго сынъ 7 лѣтъ; Знобовскаго жителя Стожка сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго значкова товарища, Гор-

(*) Къ статьѣ г. Аскоченскаго мы болѣе не будемъ обращаться, имѣя подъ рукою подлинникъ — статью Ковалѣнскаго. Но здѣсь нельзя не замѣтить, что въ трудъ его вкрались нѣкоторыя ошибки: такъ, на стр. 279-й, онъ смѣшиваетъ Ковалѣнскаго съ Ковалевскимъ.

лича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предсѣдатель, бунчуковый товарищъ Рачинскій".

При отставкѣ за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, подъ 1734 годомъ, читаемъ: „Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ Малую Россію, и дать имъ абшиты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова". При капеллѣ они получали столько же: „а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на госпиталь". Иногда давалась и особая винная порція: „Пѣвчему Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ" (1731 года, собственная подпись: *Елисавета)*. Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простаго званія. Подъ 1746 годомъ стоитъ: „Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жалованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить".—Нарядъ носили такой: „1741 г., декабря 15-го: Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленаго сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтаны и штаны изъ шелковой матеріи, пунсовыя или алыя."—Подъ *1745 г. февраля 14*, читаемъ: „Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждаго рубахъ и порты по пяти паръ, полотенцевъ по три, изъ средняго полотна, сапоговъ, и башмаковъ и чулковъ по двѣ пары, хапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ роспискою." — Подъ *1747 г.*, февраля 18-го, стоитъ: „Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбитъ стамедомъ, или камлотомъ, и пугвицы гарусныя". Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того что на росписи *1748 г., марта 26*, она собственною рукою приписала: „Четыремъ на верхніе кафтаны широкаго бозументу положить и взять у Дмитрея Александровича". (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1649 года, января 5-го по-

велено: „Во время службы, ежели кто какого бы чина и достоинства не былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать въ вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя.") Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, принятъ былъ „французской націи учитель Пажъ Ришадръ". Что касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть-можетъ, отъ того, что пѣвчихъ знали только по имени, обращая отечества въ фамиліи. Въ указѣ *1740 г., января 8-го*, при выдачѣ наградъ „за славленіе и поздравленіе въ Рождество" въ числѣ другихъ стоитъ „робятамъ" такимъ-то: „Каленику, Екиму, Павлу и *Григорью* по 6 рублей каждому." Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей: тутъ-же названъ еще „*Григорій Синозоеничъ*" (не Савичъ ли?). Въ указѣ же *1741 г.*, декабря 21, состоитъ: „*Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Иларіана, реестръ,*" Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ „Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ" И. И. Срезневскаго („Утренняя Звѣзда" 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: „Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни *Иже херувимы*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украинѣ." Къ этимъ словамъ г, Срезневскаго тутъ же (на стр. 76 – 77) сдѣлано примѣчаніе Г. Ѳ. Квитки: Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: „Христосъ воскресе" и канонъ Пасхи: „Воскресеніе день", нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый; *Сково-*

родинѣ". Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но къ сожалѣнію, тутъ есть неточности. Всѣ изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли въ полнѣ подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни „Иже Херувимы", которая введена въ Россіи; и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданный подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо „Сковородиннымъ" то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, воротившись изъ Петербурга, училъ желающихъ напѣвамъ придворнымъ, напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранились въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ Петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: „живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ, собраніяхъ Кіевскаго духовенства, любящаго завѣтную страну."

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыхано-привольное житье. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко двору за голоса, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, сановитый видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при дворѣ не долго, около двухъ или трехъ лѣтъ.

Императрица, продолжаетъ Ковалѣнскій, скоро предприняла путе-

шествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими.

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1846 года (*), (августа 23 въ неофиціальной части, стр. 327—328) мы нашли статью: „*О посѣщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіева*", гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: „Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы, раздавала дары священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія (*). Войска были одѣты на-ново, въ синихъ черкескахъ, съ вылетами, и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ Кіевской Академіи были выписаны вертепы: пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной „фаэтонъ божественный" на двухъ коняхъ крылатыхъ, которыхъ студенты назвали пегасами и которые были ничто иное, какъ пара студентовъ. Этотъ странникъ представлялъ Кіевскаго князя Владиміра Великаго; на концѣ моста встрѣтилъ онъ государиню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ Кіевскимъ, ее своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій пародъ во власть ея и въ милостивое покровительство."

При возвратномъ отбытіи двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣнскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе (***).

(*) Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Молороссіи помѣщены въ Черниговскихъ Губерн. Вѣдом. 1852 г. № 29 и 45 (Расказъ современника, изъ дневника подскарбія Андрея Марковича).

(**) Въ «*Запискахъ о слободскихъ полкахъ*» съ начала ихъ поселенія до 1766 года, (Харьковъ) 1812 г. на стр. 60-й, при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится; «При этомъ бригадиръ Лесевицкій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковскаго отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас Ковалевскій». Оба послѣднія лица впослѣдствіи играли роль въ жизни Сковороды.

(***) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: „Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго впрочемъ преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возрасла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевскаго архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, сталъ заикаться. Почему обманутый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода: будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя впрочемъ онъ совсѣмъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ." („Украинскій Вѣстникъ" 1817 г.)

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣнскій, показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

Отъ Двора отправленъ былъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо полатыни и по-нѣмецки, и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а

слухомъ. Уставщикъ же при дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавой. (Со словъ П. Е. Бѣликова).

съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ.

Гессъ-де-Кальве (стр. 108—110), знавшій также коротко Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: „Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т. е. пѣшимъ и съ крайне-тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Трояна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ.“ Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ; но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разсказами самаго Сковороды. Далѣе онъ говоритъ: „Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непремѣнно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ, тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросали длинныя тѣни. „Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!“ Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока наконецъ поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца.—Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ

опять свой странническій посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ." (110—112 стр.) (*).

Но еще до посѣщенія Харькова, Сковорода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣнскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также не велико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды, съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго (**).

Сковорода, имѣя уже обширныя по тогдашнему времени познанія, написалъ для училища „Руководство о поэзіи", въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить его, и преподавать предметъ по старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямбамъ Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ ослушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: „Alia res sceptrum, alia plectrum." (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль). Епископъ, на докладѣ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: „Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню." Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ училища переяславскаго.

Бѣдность крайне его стѣсняла; но нелюбостяжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

(*) О мѣстѣ родины Сковороды, селѣ *Чернухахъ*, мы нашли въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, 1853 г. № 4, свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговое мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: «Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ четыре ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами—а изъ околицъ хлѣбомъ, лошадьми и питейными товарами.

(**) По словамъ О. М. Б—го, въ Переяславлѣ существуетъ преданіе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сковороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Леванда, оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями.

Онъ перешелъ жить къ прiятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ его бѣдности. Сковода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Нужда сѣяла въ сердѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствiи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссiйскiй помѣщикъ Степанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскiй останавливается со Сковородою нѣсколько долѣе. Старикъ Тамара отъ природы былъ большаго ума, а на службѣ прiобрѣлъ хорошiя познанiя отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣнiемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодаго человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣнiями. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученiе: но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякiй день сидѣлъ у него за столомъ съ своимъ воспитанникомъ. Тяжело было такое униженiе; но Сковорода желалъ выдержать условiе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непрiятность. Какъто разговаривалъ онъ съ ученикомъ своимъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значитъ, онъ мыслитъ, „какъ свинная голова!“ Слуги подхватили слово, передали его барынѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести „за родовитаго шляхетскаго сына“, названнаго свинною головою, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньи однако онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: „Прости, государь мой! мнѣ жаль тебя!“

И вотъ за „свинную голову“ Сковорода опять остался безъ мѣста, безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды, — заключаетъ Ковалѣнскiй.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ прiятелю своему, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академiи.

Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человѣкъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кириллъ сталъ уговаривать Сковороду, знакомаго уже ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Сковорода возвратился снова въ Переяславль, „оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“ (*). Сковорода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашняго угла.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Сковорода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

Поселясь въ деревнѣ и обезпеча свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удалясь въ поля, рощи и аллеи сада. „Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣдниками.“ Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него „Записокъ“ Сковроды. Изъ выдержки этой видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни прошло уже четырнадцать лѣтъ, и онъ поступалъ въ тридцать шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

„Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говоритъ Сковорода, казалось во снѣ, будто разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, паряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіяся

(*) Вѣроятно, къ этому времени относится черта сохраненная въ статьѣ г-на Снегирева: «*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*». (Ученыя записки Импер. Моск Университета 1833 г. ч. 1, стр. 694—695.) Вотъ слова г-на Снегирева: «Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подъ № 292, въ четырехъ большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV-то тома надписано: Переведена з латинскаго діялекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернѣговскаго, року 1716 —На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано *рукою Григорія Сковороды*, извѣстнаго подъ именемъ украинскаго Философа: «*196 году, мѣсяца Маи, въ 29 день, купилъ Сковорода, далъ восмъ алтынъ.*»

то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицѣ, съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ.“ Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое съ „кошелькомъ таскается“ всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, „имѣющую голыя колѣна и убогіи сандаліи.“ Сковорода кончаетъ словами: „Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ.“

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: „Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова (*)!“

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю перейти въ другой кругъ; Сковорода также вступилъ на новое поприще. Въ Бѣлгородъ прибылъ епископъ Іосафъ Миткевичъ. Онъ вызвалъ изъ Переяславля друга своего, игумена Гервасія Якубовича. Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ къ себѣ бывшаго учителя Тамары и доставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1759 году(**).

Отрадно остановиться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ему на время улыбнулась. Онъ явился уже въ простомъ, но въ приличномъ, нарядѣ. Чудакъ начинаетъ въ немъ пробиваться по поводу пищи, которую онъ принималъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и ѣстъ только овощи, плоды и молочныя блюда, не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спитъ въ сутки только четыре часа. Встаетъ до зари и пѣшкомъ отправляется за городъ гулять, какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, предъ всѣми „веселъ, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почтителенъ.“ Годъ прошелъ, и онъ, окончя срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе

(*) Эти стихи написаны на тему: «Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ», и помѣщены въ рукописномъ сборникѣ «Садъ пѣсней» подъ № 2.

(**) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи; а префектомъ—Лаврентій Кордетъ, игуменъ. (См статью о коллегіумѣ «Молодика» 1843 г. стр. 30).

при училищѣ, поручилъ Гервасію уговаривать его, какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гервасій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ „напутственнаго благословенія.“ Гервасій понялъ его намѣреніе и благословилъ его скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому пріятелю своему, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными „удольями,“ по словамъ Ковалѣнскаго „благопріятствующими глубокому уединенію.“ Здѣсь Сковорода принялся изучать себя, и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гервасій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынножительство Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, заслышавъ о его нравѣ, съѣзжались съ нимъ знакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и между прочимъ вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. „Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.“ Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, „Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.“

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго знакомаго своего, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, занялся съ новымъ другомъ своимъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ; словомъ, невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными, школьными риторами, и частію

монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастіе состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ веселіи. Сковорода говорилъ, что счастіе—ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга. Въ добавокъ къ этому, словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его и его дѣка. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіяна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предпринявъ перевоспитать ученика своего совершенно, Сковорода почти ежедневно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ пріучить его мыслить и писать. Вскорѣ, именно въ *1763 году*, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ „Поденныхъ Записокъ,“ онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную: Ананія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. „Поутру, говоритъ онъ, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды.“ Три отрока, говорилъ ему Сковорода, это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіеся злому духу міра, не сгарающіе отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы съ своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до кончины своей, потому что послѣдній не рѣшался ему разсказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ ученикомъ своимъ, раздѣляя человѣка на двое, на внутренняго и внѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. „Такимъ образомъ, часто,—говоритъ ученикъ,—видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ

на изображеніе Екатерины II, бывшее въ гостинной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!"

Въ бесѣдахъ своихъ приглашалъ онъ ученика, въ поздніе лѣтніе вечера, за городъ, и не замѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. „Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣнскій, онъ пѣлъ тамъ что-либо, приличное благодушеству; иногда же, удалясь въ близь лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку." Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году, Ковалѣнскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ; и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности; а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. „Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ, замѣчаетъ Ковалѣнскій, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: „полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешь столпъ и украшеніе обители!"—„Ахъ, возразилъ въ горячности Сковорода:—довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!" Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой; а Сковорода остался погостить у родственника своего, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украину онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. „Онъ обыкновенно, замѣчаетъ ученикъ его, называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткою, по жительству въ ней и по любви къ ней."

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много наслышался о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ намъ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостиннаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъютанта. „Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!"—„Какое превосходительство?"—„Господинъ губернаторъ!"—„Скажите ему

что мы незнакомы!"—Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. „Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*" — „А! отвѣтилъ Сковорода:—объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!" И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣнскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. „Честной человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?" спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства „Милостивый государь, отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры, похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простаго, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ."—„Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга:—можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе... мѣшаютъ—хотѣлъ онъ сказать. „Если бы я почувствовалъ, перебилъ Сковорода, сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!"...

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихирны, пѣваемыя на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣнскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ акроматическому роду музыки. „Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ и гусляхъ." По словамъ г. Срезневскаго („Утренняя Звѣзда", 1834 г., к. I, 76—77 стр.). „онъ началъ музыкальное поприще, въ домѣ отца своего, *сопилкою*, свирѣлью. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рощу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За

нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, стариковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ primo, и за слабостью голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною спутницей его; переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или вынувъ изъ за-пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи."

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторые науки подъ именемъ „прибавочныхъ классовъ". Между прочимъ, благородному юношеству назначено было преподавать правила благонравія. Начальство для этого избрало Сковороду, которому было уже сорокъ четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ, написалъ онъ тогда извѣстное сочиненіе свое: „*Начальная дверь къ христіанскому добронравію, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи*" (*). Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣнскій, отдали Сковородѣ полную справедливость. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ статьѣ своей: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ" („Утренняя Звѣзда" кн. I, стр. 71—73) сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Воротившись изъ-за границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человѣчества, любящій все доброе и честное, и ненавидѣвшій ложь и невѣжество. „Бѣдный странникъ, говоритъ г. Срезневскій, въ рубищѣ, явился онъ въ Харьковъ. Скоро

(*) Напечатана вполнѣ въ »*Сіонскомъ Вѣстникѣ*« Θеопемпта Мисаилова, 1806 г. ч. III, стр. 156—179,—и въ »*Утренней Звѣздѣ*« 1834 г. кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ И. И. Срезневскаго, стр. 72—74. Начало этого сочиненія, подъ именемъ »*Преддверія Сковороды*« напечатано еще въ «*Москвитянинѣ*» 1842 г. ч. I, стр. 117—119, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

распространилась молва о его учености и краснорѣчіи.“ Въ предварительной лекціи, по полученіи каѳедры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторые мысли свои, и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей.“ И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ. Выписываю оное слово въ слово: „Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!“ Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, отдалъ рукопись и тогда-то буря востала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностію читали ее. Но, какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны, все истолковано въ смыслѣ превратномъ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее, Сковорода принужденъ былъ удалиться изъ Харькова.“

Ковалѣнскій продолжаетъ разсказъ. Близь Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это помѣстье Земборскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго устроена тогда была пасика, съ хижиною пчельника. На этой пасикѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселися Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе „*Наркизъ познай себя*“; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же написалъ онъ разсужденіе: „*Книга Асхань о познаніи себя*„ (*).Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣнскій,

(*) Первая не напечатана. Второй мы также нигдѣ не нашли въ печати. Но въ спискѣ сочиненій Сковороды, преданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Инокентія, сказано »Асхань, о познаніи себя« напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: »*Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя*«, о которой мы скажемъ ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

онъ писалъ только „малыя отрывочныя сочиненія. въ стихахъ и въ прозѣ.“ „Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не имѣетъ любви къ ближнему, а потому называли его манихейцемъ, мизантропомъ, человѣконенавистникомъ.“ Сковорода, узнавши объ этомъ, явился въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. „Было время, говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣнскаго, когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?“ И стрѣлы его противъ „оглагольниковъ его“ сыпались безъ числа. Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ Изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣнскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ которыхъ приглашалъ Сковороду раздѣлить его жилище и дружбу. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто и хозяевъ, и поселился у нихъ, по обычаю своему, на пасикѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. „Многіе говорятъ, писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣнскому:—что дѣлаетъ въ жизни Сковорода, чѣмъ забавляется?—Я радуюсь; а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!“ Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Сковорода, между тѣмъ въ 1770 году, съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у родственника своего Іустина, въ Китаевской Пустыни, близь Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. „Но вдругъ“, по словамъ Ковалѣнскаго, „примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Сковорода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украину. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ—нижній Кі-

евъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у пріятеля своего, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получается извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и городъ уже запертъ.“ Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ любезнымъ своимъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣнскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Сковорода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Сковорода*, а иногда *Даніилъ Мейнгардъ*.

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣнскій поѣхалъ въ чужіе краи, и объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ, Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ, сошелся онъ съ Даніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до-того похожъ на Сковороду—образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно-было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣнскому Мейнгардъ пришелъ поэтому еще болѣе по сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библіотекой, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребываніе въ Швецаріи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ чужихъ краевъ, Ковалѣнскій передалъ о своей встрѣчѣ Сковородѣ. И послѣдній до-того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться, въ письмахъ и въ сочиненіяхъ своихъ: *Григорій Варсава* (по еврейски: варъ-сынъ Савы) и *Даніилъ Мейнгардъ*. Это были его рода псевдонимы.

Въ 1775 году Сковородѣ было уже пятьдесятъ три года; а онъ по прежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени жизнь его уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями.

Здѣсь разсказъ Ковалѣнскаго мы прервемъ воспоминаніями дру-

гихъ лицъ, писавшихъ о Сковородѣ. Кавалѣнскій говоритъ: „И добрая и худая слава распространилась о немъ по всей Украинѣ. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, и всѣ хотѣли выдѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку.“ (*)

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой порѣ („Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., IV кн., 112—115): „Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украинѣ, изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла сѣрая свита; пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ.—Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ лѣтомъ въ саду, подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ, бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту, и пускался далѣе пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во вся-

(*) Въ объясненіе словъ Ковалѣнскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскій* доставилъ намъ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующія замѣтки своего отца: »Другъ Сковороды, Алексѣй Юрьевичь Сошальскій жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. Ѳ. Земборскій. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера, и будучи бездѣтенъ, все имѣніе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопли, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопли были причиною того, что имѣніе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это—то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т. е. хуторъ Селище, близь лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самаго Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданіе въ три этажа. Верхній по имени лѣтникъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сковороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгій—мой дѣдъ. Первый жилъ также въ Гусинкѣ, а второй въ *Маначиновкѣ*. Недалеко отъ Гусинки есть лѣсъ. Тамъ, въ то время, была хижина и пасика, гдѣ Сковорода проживалъ, иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось Скрынники и получило имя «Скрынницкой пустыни». Друзья ходили оттуда въ церковь въ Гусинку, гдѣ и теперь въ алтарѣ хранится зеркало Сковороды, взятое по смерти его изъ домика Скрынницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе. Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украину. Возлѣ матери найденъ былъ живымъ ребенкомъ, сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впослѣдствіи взятый въ казну, пожертвовалъ на Курятскій монастырь, близь Харькова, и самъ пошелъ въ монахи.»

кое время года, на видалъ его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасичника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ.“

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ („Утренняя Звѣзда“ 1834 г., кн. I, стр. 75): „Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того. что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселился онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: „дайте неимущему!“ и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій,— вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать, или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой* (*). И то и другое было собственнаго его рукодѣлья“. — Въ тѣхъ же, „запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ“ г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): „Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, росшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же другой: сначала добрый, игривый, онъ мало по малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе, и наконецъ погрузился въ бездну

(*) По словамъ Хиждеу, въ статьѣ «*Три пѣсни Сковороды*»,—пѣсни Сковороды малороссійскіе слѣпцы поютъ подъ именемъ «*Сковородинскихъ веснянокъ*»

мистицизма. Притомъ. вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики, или квіетисты, разыгрывались тогда повсюду, въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней предъ всѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами,—Сковорода могъ по справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естествоиспытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма — самая разительная черта его характера.—Вотъ-что говоритъ Сковорода самъ о своей жизни: „что жизнь? *То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ. —сонъ страшный*: и голова болитъ отъ него, сердце стынетъ! *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда итти, зачѣмъ итти. И всегда блуждаю между несчастными степяти, колючими кустарниками, горными утесами—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!“ . . . —Впрочемъ Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ самъ-собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій, и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ.“ (74—75 стр.) Сказавъ, что „Сковорода вообще отличался особенною умѣренностію, какъ въ пищѣ такъ и въ питіи, онъ былъ настоящій посникъ, и „по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ“—г. Срезневскій старается защитить Сковороду (стр. 80—81) противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей „Украинскаго Вѣстника“, гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ Вѣстника. Письмо писано къ Харьковскому купцу Урюнину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ концѣ посланія „старецъ Григорій Варсава Сковорода“ выражается такъ: „Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью некстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя, тогда, *когда я у васъ*

въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно!—*Бочоночки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу." Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ „Утренней Звѣзды", сдѣлалъ (на стр. 80—81) примѣчаніе Квитка—Основьяненско, подписавшись буквами: *Г. Ѳ. К—а.* Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: „хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ, существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошскихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ."

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде нежели мы перейдемъ къ дальнѣйшему развитію разсказа Коваленскаго.

„Въ Московскомъ Наблюдателѣ" 1836 г. ч. VI (стр. 205—238, 435—468 и 721—736), г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть „*Майоръ майоръ*," гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій, авторъ сберегаетъ любопытныя черты, взятыя имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. Послѣ того, какъ Сковорода „съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ", бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію, странствовалъ потомъ по Украинѣ и „*въ 1765 году зашелъ въ наши Валковскіе хутора*". Значитъ, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близь пасѣки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, прозвище „Майоръ" носившимъ, часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой, онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочка Майора и Сковорода влюбляются другъ въ друга. Сковорода, по словамъ біографовъ, „вовсе несклонный къ женскому полу," увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ

подъ вѣнецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, сберегаетъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ—и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца.... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ другу своему, Ковалѣнскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности: только въ его разсказѣ этого мы не нашли.

Продолжаемъ записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, Воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у него въ деревнѣ, и написалъ тутъ сочиненіе: „Икона Алкивіадская (*)". Потомъ онъ имѣлъ прибываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстьѣ отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, въ сѣлѣ Бабаяхъ въ монастыряхъ старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ, у друга своего, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близь Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковалѣнскаго*, гдѣ потомъ и скончался. „Иногда жилъ онъ у кого-либо," замѣчаетъ Ковалѣнскій, „совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ; но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла.*" — „Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги.—Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша объ немъ, желалъ видѣть его". Губернаторъ, съ перваго же знакомства, спросилъ о чемъ учитъ его любимая книга, „книга изъ книгъ", священная Библія? Сковорода отвѣтилъ: „Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя, какъ звѣрей ловить; модныя, какъ наряжаться; а она учить, какъ облагородствовать человѣческое сердце"! Тутъ онъ

(*) По случаю жизни Сковороды въ Воронежской губерніи, уцѣлѣло нѣсколько строкъ, въ »*Москвитянинѣ*«, 1849 г. XXIV ч. 68 стр., III отдѣлъ, подъ именемъ »*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III, въ Острогожскѣ*«. Подпись: »Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа«. Извѣстіе это начинается словами: »Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогожскѣ«. Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ между прочимъ въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: »Почему не ходите никогда въ церковь?—»Если вамъ угодно, я завтра же пойду«—И онъ кротко повиновался желанію епископа.

толковалъ и спорилъ съ учеными; говорилъ о философіи. И во всѣхъ рѣчахъ его была одна завѣтная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и „къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего". Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку къ Сошальскимъ, въ „любимое свое пустыножительство". Онъ былъ счастливъ по-своему, и повторялъ зывѣтную поговорку свою: „*благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ*!"—Усталый, говоритъ Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасикѣ, „бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою вечерю". „Можно жизнь его было назвать жизнію; не таково было тогда состояніе друга его!"—заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Сковородою и, увлеченный вихремъ свѣта и столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго учителя своего (*). Здѣсь и мы на время разстанемся съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополнимъ его слова изъ другихъ источниковъ о Сковородѣ, именно, нѣсколькими анекдотами о странствущемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" (1817 г. кн. IV стр., 115—125) сохранили о Сковородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: „Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, приведу два случая.—При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г. ** умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по фрунцузски). хотѣлъ однажды осмѣять его. „Жаль!

(*) *Примѣч.* По словамъ Ѳ. Н. Глинки, Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе, изъ Украины переселиться въ столоцу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Сковороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родины . . ,.

Мнѣ моя свирѣль и овца,
Дороже царскаго вѣнца»!

говорилъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безь цѣли и пользы для отечества!"—Ваша правда, отвѣчалъ философъ: я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но надобно сказать, и никакого вреда! Но вы, сударь безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свищетъ и притомъ никого не колетъ!" Г. ** проглотилъ пилюлю; однако она не подѣйствовала: онъ остался какъ и былъ, и былъ безбожникомъ до послѣдняго издыханія"-—„Другой анекдотъ, говоритъ Гессъ-де-Кальве, показываетъ скромность Сковороды.—Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человѣкомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги.—Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ковкій, воспитанникъ Сковороды. (Это вѣроятно братъ Ковалѣнскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, помѣшкалъ болѣе года. Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдста, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралася единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты и къ общей досадѣ никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ стало тихо". Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: „Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій. „Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай".—„Курица кудакчитъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ".—„Рыба начинаетъ отъ головы портиться".

Нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе. Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, *П. Ѳ. Пискуновскаго*, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Савича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своенравіе, излишнее самолюбіе, не

терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повинованіе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его — magister dixit — затмѣвали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ. Истина, въ устахъ его не будучи прикрита пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго.* Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ Малороссіянъ и Нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ.. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, *что онъ меня назвалъ мужчиною съ бабьимъ умомъ, и дамскимъ секретаремъ,* я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титла. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у *коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца,* поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго; и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ." („Украин. Вѣстн." 1817 г. к. IV, стр. 121—125). Модное нѣкогда, какъ впослѣдствіи—разочарованность, „чувствительное сердце" Ивана Вернета, заставило его сказать въ концѣ отъ души: „Я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, Богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные остатки незабвеннаго Сковороды. Ив Вернетъ. *Софіиское, Валковскаго уѣзда. Въ мартѣ 1817 года.*"

Г. Срезневскій сохраняетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ („Утренняя Звѣзда" 1834 г. к. I. стр. 77—79): „Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности; а если и измѣнялъ,

то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ однако застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой; онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго,* старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики разсказы и нравоученія старца, который выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу разсказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: „Лотова жена,“ сочиненіи, въ коемъ положилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ дверь съ шумомъ разтворяется, половинки хлопаютъ, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно.—Итакъ, восклицаетъ Х—ъ, я наконецъ достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соотечественника моего, Григорія Савича Сковороду! Позвольте“ ... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляеся тощее лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровами, самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: „*позвольте! тоже позвольте!*“ — и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; проситъ, умоляетъ — нѣтъ. „Съ меня смѣяться!“ говоритъ Скорода и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а.“

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго „*Майоръ, майоръ*“ („Московскій Наблюдатель“ 1836 г. IV ч.). гдѣ онъ сохранилъ, по разсказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. „Сухой, блѣдный, длинный“ говоритъ онъ, (на стр. 206-й), „губы

изжелкли, бодто истерлись; глаза блестять то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная.“ Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые „бандуристами“ и „слѣпцами“, подхватывали его стихи и духовные канты, и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ „псалмами.“

ГЛАВА III.

Переписка Сковороды. — Письма Ковалѣнскаго. — Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки.—Болѣзнь, старческая суровость и смерть.—Надгробная, и вызовъ читать его сочиненія чрезъ »Московскія Вѣдомости«. — Письмо Н. С. Мягкаго. — Заключеніе.

Начиная съ 1775 года, когда Сковородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ жизни его пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ „увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ внѣшній,“ на двадцать лѣтъ, прямо переходитъ уже къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго нами изъ его „Записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ“, также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Пробѣлъ этотъ почти въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ нами анекдотовъ, достаточно его оживившихъ, могутъ освѣтить еще болѣе выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ рукописныя сочиненія его, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его рузсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Скововоды помѣщены отдѣльно въ „*Украинскомъ Вѣстникѣ*“, при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго въ „*Молодикѣ*“ 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ

на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ „*Телескопѣ*“ 1835 года. Сдѣлаемъ выдержки изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ, тщательно сведенныхъ нами, писемъ. Въ нихъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Драгоцѣннымъ пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ намъ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ, списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

„Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій (въ отдѣльной статьѣ своей „Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды“; Молодикъ, 1843 г. стр. 234—243) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной); „О древнемъ зміѣ или Библіи.“ Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ“ (*).

Вотъ отрывокъ этого письма: „Училъ своихъ друзей Епикуръ. что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самаго его величали пастыремъ стада свинаго, а каждаго изъ друзей его величали: Epicuri de grege porcus. *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.*“ („Молодикъ,“ 1843 г. стр. 241—242.)

(*) Это письмо подтверждаетъ г. Хиждеу, въ »Телескопѣ« 1835 г., стр. 154, дѣлая изъ него другую выписку и ссылаясь такъ: »*Письмо къ протоп. Ѳедору Залѣсскому изъ Обуховки, 1763, декабря 10.*« Но Хиждеу, на стр. 159, дѣлаетъ ссылку на другое письмо Сковороды, именно, на »*Письмо къ Афанасію Панькову, при посылкѣ ему трехъ десятковъ басней, изъ Сѣнnанскія пустыни,* 1762 г. март. 4 « Значитъ это письмо, если оно только найдется, старѣе перваго. Вслѣдъ за тѣмъ, мы имѣемъ уже письма отъ 1774 года. Но Хиждеу, на стр. 166, ссылается съ выпискою на письмо Сковороды »*къ архіепископу Георгію Конисскому, изъ Нѣжина, 1769, іюл. 29.*« Г. Срезневскій въ »Молодикѣ« 1843 г. стр. 244, сомнѣвается въ истинѣ словъ Хиждеу, на что послѣдній не возражалъ.

При изданной книгѣ Сковороды *„Басни Харьковскія“* (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: *„1774 года, въ селѣ Бабаяхъ, наканунѣ пятидесятницы“*, слѣдующее письмо Сковороды. Приводимъ его по порядку.

Любезному другу, Аѳанасію Кондратовичу Панкову.

Любезный пріятель! Въ седмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности, и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; при омъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Бабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Мѣжду тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую же тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху; а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ; и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ.... А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ* Говорятъ и Великороссійцы: *летали высоко, а сѣли недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность, и пышная пустошъ; а люблю тое, что сверху ничто но въ середкѣ чтось: снаружи ложъ, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія. Басня и притча естъ тоже. »Не по Кошельку суди сокровище.« Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой не имущія. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошъ; такъ и басня безъ истины. Если жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ „*Телескопѣ*“ 1835 года. Сдѣлаемъ выдержки изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ, тщательно сведенныхъ нами, писемъ. Въ нихъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Драгоцѣннымъ пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ намъ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ, списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

„Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій (въ отдѣльной статьѣ своей „Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды“; Молодикъ, 1843 г. стр. 234—243) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной); „О древнемъ зміѣ или Библіи.“ Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ“ (*).

Вотъ отрывокъ этого письма: „Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самаго его величали пастыремъ стада свинаго, а каждаго изъ друзей его величали: Epicuri de grege porcus. *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.*“ („Молодикъ,“ 1843 г. стр. 241—242.)

(*) Это письмо подтверждаетъ г. Хиждеу, въ »Телескопѣ« 1835 г., стр. 154, дѣлая изъ него другую выписку и ссылаясь такъ: »*Письмо къ протоп. Ѳедору Залѣсскому изъ Обуховки, 1763, декабря 10.*« Но Хиждеу, на стр. 159, дѣлаетъ ссылку на другое письмо Сковороды, именно, на »*Письмо къ Афанасію Панькову, при посылкѣ ему трехъ десятковъ басней, изъ Сѣннанскія пустыни*, 1762 г. март. 4« Значитъ это письмо, если оно только найдется, старѣе перваго. Вслѣдъ за тѣмъ, мы имѣемъ уже письма отъ 1774 года. Но Хиждеу, на стр. 166, ссылается съ выпискою на письмо Сковороды »*къ архіепископу Георгію Конисскому, изъ Нѣжина, 1769, іюл. 29.*« Г. Срезневскій въ »Молодикѣ« 1843 г. стр. 244, сомнѣвается въ истинѣ словъ Хиждеу, на что послѣдній не возражалъ.

При изданной книгѣ Сковороды *„Басни Харьковскія“* (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: *„1774 года, въ селѣ Бабаяхъ, наканунѣ пятидесятницы“*, слѣдующее письмо Сковороды. Приводимъ его по порядку.

Любезному другу, Аѳанасію Кондратовичу Панкову.

Любезный пріятель! Въ седмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности, и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; при омъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Бабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую же тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху; а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ; и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ.... А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ* Говорятъ и Великороссійцы: *летала высоко, а сѣла недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность, и пышная пустошъ; а люблю тое, что сверху ничто но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія. Басня и притча естъ тоже. »Не по Кошельку суди сокровище.« Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой не имущія. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошъ; такъ и басня безъ истины. Если жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.

Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, »*но осквернился ихъ умъ и совѣсть*«.

Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истины. Истина острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ: но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ.

Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса, столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимою Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились символы, притчи-басни, подобія, пословицы....

И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоновы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. — —

Пріими жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію небезвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ: истина есть безначальна! Но люблю!... Тѣшъ мои *люби*—и будутъ твои. Знаю что твой телѣсный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба — мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Одни только мисли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

Питаймо жъ дружбу! Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто сутъ, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее! Любезный пріятель Твой вѣрный слуга, Любитель Священныя Библіи, Григорій Сковорода.

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, изъ рукописи преосвященнаго Иннокентія (*). Выдержки изъ нихъ (всѣхъ ихъ семь) мы теперь и представимъ, какъ новое пополненіе

(*) Въ этой рукописи они списаны подъ рядъ почеркомъ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка.

указаннаго нами біографическаго пробѣла. Первое письмо помѣчено годомъ *„1779, генваря 19. Москва“*. — Сверхъ того, первые четыре и шестое начинаются словами: *„Любезный мой Мейнгардъ,“* какъ по словамъ біографіи Ковалѣнскаго, называлъ себя иногда другъ его; а пятое и седьмое, писанныя Тамарой, начинаются полнымъ именемъ Сковороды: *„любезный мой другъ, Григорій Савичъ“* и *„любезный мой учитель, Григорій Савичъ.“* Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ мы не знаемъ. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сковороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его. Приводимъ ихъ по порядку, какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное, хотя между первымъ изъ нихъ отъ 1779 года, и послѣднимъ, отъ 1788 года, должны по порядку итги другіе уцѣлѣвшіе отрывки изъ переписки Сковороды.

Первое письмо. »Любезнѣйшій Meingard! Бесѣду вашу получилъ. Сорадуюсь обращенію вашему съ Плутархомъ. Онъ изъ Грековъ лутшій, мой другъ; изъ Римлянъ любомудрствующій царедворецъ Сенека; изъ Французовъ Боннетъ, изъ республикантовъ Жнъ-Жакъ-Руссо; изъ Нѣмцовъ Геллѣртъ; изъ Русскихъ Meingard.... Удивляюсь, что свирѣль моя не — (понравилась, вѣроятно). А она казалась титирскою и отъ Дафниса я имѣлъ ее! Я теперь живу въ удовольствіи — Я имѣю друга въ женѣ: сіе много. Имѣю человѣка мыслящаго со мною; сіе утѣшительно. Имѣю изобиліе земное, со излишествомъ сіе не мѣшаетъ. А въ дружбѣ и въ добросердечіи сокровище утѣшеній моихъ. И Плутархъ и Мейнгардъ правду говорятъ; и я тоже думаю. И сіе тріедино. Не можно ли хоть на мѣсяцъ къ намъ? Я бы очень желалъ. Пожалуста! Я послалъ вамъ *сыръ, трубку и книги*; не знаю получили ль вы. Скажите, гдѣ вы нынѣ обитаете? Но гдѣ бы вы ни были, на всякомъ мѣстѣ люблю я душу Мейнгардову. Adieu! Вашъ Михайло Ковалѣнскій.« (1779 г., генваря 19. Москва.)

Приписка жены Ковалѣнскаго. »При семъ и я вамъ, любезный Meingard, Григорей Савичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и прошу меня любить, а, я права, уже люблю васъ. Посылаю сыру пармазану и галанскаго. Желаю кушать и насъ помнить. Я слышела отъ Михаила Ивановича, что вы, въ-мѣстѣ съ скрипкой, любите и трубку. То я вамъ оную посылая, желаю употреблять въ ваше удовольствіе. Adieu, mon ami! Вамъ покорная ко услугамъ—Надежда Ковалѣнская.

Приводимъ кстати еще слѣдующее, помѣченное 1779 г., нигдѣ не

изданное и замѣчательное письмо Сковороды къ лицу неизвѣстной фамиліи, найденное мною въ рукописяхъ библіотеки харьковскаго университета въ 1865 году, въ сборникѣ рукописей Сковороды, подаренныхъ университету И. Т. Лисенковымъ въ 1861 году.

Вотъ оно:

«Изъ Гусинской пустыни, 1779 г. февраля 19.

«Любезный государь, Артемъ Дорофеевичъ, радуйтесь и веселитесь! Ангелъ мой хранитель, нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе, суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? Не спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы или портняжилъ, или ловилъ звѣрь; тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я праздёнъ; и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрь? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра, и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе: очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себе за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагось о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая жъ намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ тѣлега, по пословицѣ, кромѣ колесъ — одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги, или матрозскій алтына не стоящій козырокъ. Она въ насъ разслабленна, грустка, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничемъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣда, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ портретами и пѣсньми, сирѣчь одами величаетъ; не жалобныя ли для нея оныя пророческіе сонаты:

«Въ тайнѣ восплачется душа моя! (Іеремія)

«Взволнуются... и почти не возмогутъ! (Исаія)

«Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души изнываетъ и болитъ; кто или что увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а втораго много ль? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна ль? Сіе-то есть:

«Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!»

«О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и нощь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давыдомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ, пребывая, любезный государь, вамъ всегда покорнѣйшимъ слугою – и любезному нашему Степану Никитичу г-ну Курдюмову, отцу и его сынови поклонъ, если можно, и Ивану Акимовичу». На письмѣ адресъ: «М. гос г-ну Артему Дорофеевичу — въ Харьковѣ».

Не слышитъ ли читатель въ этомъ и другихъ письмахъ Сковороды того, что явилось въ перепискѣ Гоголя 1847 года?

Второе письмо. Изъ рукописей Иннокентія. »1782 г., февраля 18, С. Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Письмо ваше изъ *Таганрога* получилъ я. Какъ воспоминаніе, такъ и письмы ваши, во мнѣ производятъ сердечное утѣшеніе. Въ толпѣ свѣтскихъ стеченій наиpріятнѣйшее чувствіе есть истины и непорочности. *А въ сихъ именахъ мнѣ всегда представляетесь вы!* Гдѣ вы теперь обрѣтаетесь? Я приторговалъ подлѣ Святогорскаго монастыря прекрасную, какъ сказываютъ, дачу; и скоро она, можетъ быть, моя будетъ. Весьма бы желалось мнѣ, чтобъ вы были тутъ жителемъ, и гражданиномъ, и хозяиномъ. Она извѣстна подъ именемъ деревни *Прилуцкаго.* Съ братомъ Григоріемъ, имѣющимъ отправиться отсюда скоро, пришлю *сыру и рыбы.* Да увѣдомьте, гдѣ васъ находить письмамъ моимъ? Я здоровъ, по милости Бога моего, съ семьею милою. Я пустился паки въ здѣшнее море, да удобнѣе къ пристани уединенія достигну. Все прискучаетъ; и великая, и славная, и дивная — суть ничто для сердца человѣческаго. Adio, mio caro Mangard! Другъ твой Михайло Ковалѣнской. Тамара Василій Степановичъ здѣсь со мною, въ одной командѣ, при князѣ Потемкинѣ, подъ-полковникомъ; и я тоже. Онъ кланяется вамъ.»

Третье письмо. «1784 г. сентября 14. С. Пѣтербурхъ. – Любезный мой Менгардъ! Я давно собирался на письмо ваше отвѣтствовать, но не могъ. Гдѣ вы пущу (пустыню) свою утвердили? Благодарю васъ за любовь вашу ко мнѣ; еще больше благодарю за «Дружескія Бесѣды», которыя воспоминаютъ во мнѣ сладчайшія, блаженныя времена безпечалія, молодости и простоты, отъ которыхъ я столько удалился теперь

и которыя всѣми чувствіями души моея люблю, и хочу, съ помощію Божіею, поздно или рано вознести себя къ истинному своему оному счастію. Признаюсь, что я не могу вспомнить безъ ощущенія любви къ тихой жизни и безъ побужденія къ исканію оной. И сіе утѣшаетъ еще меня внутренно, что я хоть не потерялъ искры добраго чувствія, потопляемъ бурею житейскою и вовлеченъ въ бездну суетъ и міра. Мнѣ крайне хочется купить въ *Украинскихъ сторонахъ* мѣсто, по склонности и любви моей естественной къ тихому провожденію жизни, о чемъ и просилъ Якова Михайловича Захаржевскаго. Ежели бы сіе удалось, то, удалясь отъ всего, уединился бы и просилъ бы васъ раздѣлить остатокъ жизни вмѣстѣ. Прошу васъ, любезнѣйшій мой Менгардъ, продолжить вашу дружбу ко мнѣ и писать, пока я не увижу васъ. Гостинца привезетъ вамъ отъ меня Яковъ Михайловичъ, сыру пармазану. Vale! Господь надъ тобою.—P. S.—В. С. Тамара вамъ кланяется. И севодня, читая Энеиду Виргилія, переведенную по русски, поминали васъ любезно. Онъ ѣдетъ скоро въ Грузію и Черкесскія горы, и просилъ меня написать къ вамъ, не согласитесь ли вы съ нимъ ѣхать тудаже; то бы онъ взялъ васъ въ *Изюмъ*, куда онъ по дорогѣ его проѣзжать долженъ. А онъ туда ѣдетъ по коммиссіи, возложенной на него. Скрипку или флейту харошу пришлю вамъ. *Да пожалуста увѣдомъ: гдѣ изволишь ночевать, другъ сердечный?* Adieu.»

Сковорода въ Грузію и на Кавказъ не поѣхалъ. Любопытны эти стремленія „пустынножительства" въ лицѣ человѣка, который между тѣмъ, имѣя всѣ средства оставить шумъ свѣта, около двадцати лѣтъ, почти безвыѣздно, прожилъ въ столицѣ.

Четвертое письмо. «1785 года, октября 7-го. С. Пѣтербургъ.—Любезной мой Мейнагардъ! Съ самой весны я собирался къ вамъ писать. Но извѣстной Мечниковъ уѣхалъ, не видавшись со мною; и я разсудилъ за вѣрное средство послать вамъ письмо и флейттраверсъ чрезъ Петра Андреевича Щербинина, съ которымъ и пишу сіе. Посылаю слоновой кости бѣлый флейттраверсъ, которымъ желаю забавляться съ тѣмъ сердечнымъ удовольствіемъ, котораго вы достигли рѣдкими трудами вашими и каковаго ищемъ мы всѣ суетніи. Желаніе ваше видѣть меня въ Украинскихъ странахъ возбудило во мнѣ воспоминаніе пріятнѣйшей молодости моей и тѣхъ тихихъ, невинныхъ лѣтъ, которые съ дружбою вашею протекали въ простотѣ и чистотѣ сердца. Другъ мой любезной! Я бы давно уже полетѣлъ въ объятія тѣхъ прекрасныхъ, безмолвныхъ природныхъ мѣстъ, къ которымъ склонность моя всегда привязывала меня, но обстоятельствы мои удалили меня и, при всемъ направленіи моемъ, еще и нынѣ удаляютъ отъ исполненія желанія мо-

его. Правда, что я пользуюсь деревенскою жизнію и, соединяя невозможное, городъ столичный и деревню, провожу время не безъ удовольствія. Я имѣю загородный домъ отъ Питербурха на восьмой верстѣ, по Петиргофской дорогѣ, надъ моремъ, съ рощею, съ садомъ, съ ранжереями, — гдѣ и живу всю весну, лѣто и часть осени, ѣздя въ недѣлю раза два въ городъ къ должности, по утрамъ; а къ деревенскому своему обѣду всегда возвращаюсь домой. Итакъ, въ одинъ день бываю въ первѣйшей столицѣ русскаго міра и въ самомъ глубокомъ уединеніи. Вы скажете, что это похоже нѣчто на Тускуланумъ любимаго вашего Туллія, гдѣ старичокъ оной, любомудрствуя, провождалъ время въ отдохновеніи отъ мятежей и блистательностей Рима. То и мое уединеніе, еслибы оно имѣло подобнаго оному мудраго старичка, съ коимъ вы сходствуете, отверзло бы нѣдра свои для принятія друга, старичка мудраго. Но предубѣдительность ваша къ краю сему въ томъ мнѣ поспоритъ. — Подумай, другъ мой, что, принявши трудъ увидѣть меня здѣсь, ты увидишь сына моего, который уже любитъ васъ и котораго ты полюбишь вѣрно. Жена моя, какъ Ревекка, раздѣлитъ все мое удовольствіе собесѣдованій съ тобою. Домъ мой обрадуется зрѣніемъ того человѣка, о которомъ часто слышали. Воспоминаніе любезное я, конечно, обращаю — въ Украйну, и хочу тамъ скончати животъ свой. Сынъ мой учится по гречески и по французски.»

Письмо пятое. «1787 года іюня 22. С. Пѣтербурхъ. — Любезной мой другъ, Григорей Савичь! Имъ-же образомъ желаетъ елень источниковъ водныхъ, такъ я желалъ бы видѣть васъ и утѣшаться въ жизни дружескимъ собесѣдованіемъ вашимъ. Теперь всѣ мои привязанности къ столицѣ и большому свѣту кончились: я лишился сына семилѣтняго, который одинъ и былъ у меня, и скончался сего марта, 26 числа. Онъ составлялъ привязанность къ службѣ и здѣшнему пребыванію. Безъ него все сіе не нужно. Скорбь моя служитъ мнѣ руководствомъ къ простотѣ жизни, которую я всегда *вътренно* (?) любилъ, при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ разума. Я осматриваюсь, какъ проснувшійся отъ глубокаго сна. Ахъ, другъ мой! Я часто привожу на память тихія и безмятежныя времена молодыхъ моихъ лѣтъ, которыхъ цѣну, доброту и красоту отношу къ дружбѣ твоей. Но не столько счастливъ я былъ въ большомъ свѣтѣ! При всемъ благопріятствѣ фортуны, разумъ мой не могъ имѣть счастія, чтобъ не впасть въ сѣти, оковы «желѣзностей» и суетностей, которыми разъ будучи обвязанъ, съ превеликимъ. . свободиться долженъ! Ты самъ тамъ неразлученъ со мною въ мысляхъ моихъ, какъ я самъ съ собою. Почему и желаніе мое видѣть тебя и окончить вѣкъ вмѣстѣ. — Я всячески стараюсь купить деревню въ Харь-

ковскомъ намѣстничествѣ, для привычки къ тому краю и для тебя. И совсѣмъ было сторговалъ село *Покровское*, *Спиридовой*, помѣщицы, но сосѣди попрепятствовали купить. Надѣюсь же на Бога, что вселитъ въ мѣстѣ злачнѣ и на водѣ покойнѣ, гдѣ бы я могъ упокоить и себя и твою старость, хоть ты и не имѣешь въ семъ надобности.—*Посылаю вамъ очки*. Не знаю, годятся ли для глазъ вашихъ; желаю же, чтобъ угодны были.—Жена моя посылаетъ вамъ *сыру пармазану и галанскаго*, по полупуда. Все сіе отправлено съ Тимофѣемъ Филиповичемъ Надаржинскимъ, который обѣщалъ доставить вамъ вѣрно. Флейту не успѣю послать теперь; а пришлю съ другою оказіею.»

Шестое письмо. «1788 г. февраля 13. Санг-Пѣтербургъ.—Возлюбленный мой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только чрезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дружеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою Мейнгардовою! Видъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огнь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало—а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самаго не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію мою къ пристани тихаго уединенія!—Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ!—Прости! Не знаю, что послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобъ я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтьми Якова Михайловича, *и шесть платочковъ*. Пріими ихъ отъ дружбы.»

Седьмое письмо «1788 г. 6 марта» съ подписью: «*Василій Тамара*.» «Любезный мой учитель Григорій Савичь! Письмо ваше чрезъ корнета *Кислаго* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности можетъ быть и не-песчастнаго, но внутренно болѣе

имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему — Василію Тамарѣ.»

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою встрѣчали и провожали его всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другаго, высшаго нравственнаго интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василія Каразина послужилъ къ открытію, въ Харьковѣ, университета.

Обратимся теперь къ оставленному нами на время перечню уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Они снова начинаются *1776 годомъ*. Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды „Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis“ помѣчена словами: написанна 1776 года марта 28 (*) и сопровождается также не изданнымъ письмомъ къ „Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*.“ Въ письмѣ объясняется цѣль сочиненія. Кончается оно словами:

«Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздности и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ

(*) Въ спискѣ, переданномъ намъ преосвященнымъ Иннокентіемъ внизу сдѣлана еще приписка копіиста: «Переписывано во градѣ С. Петра, 1791 г. генваря 22—23 числа. *В. К.*»

вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою веспокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: Deus nobis haec otia fecit! — Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ, Григорій Сковорода.*»

Въ письмѣ къ бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ *1785 г. окт. 3.*, онъ, пересылая ему новое свое сочиненіе „*Марко препростый,*" изъ села Маначиновки, изъясняется по латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный Срезневскимъ:

«*1785. окт. 3.* Изъ Маначиновки (*). Въ «Postscriptum»: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum, quem per aliis laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: *Марко препростый* »

Тутъ-же образецъ его стиховъ латинскихъ:

«Omnia praetereunt: hed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Képha sit atque Petra». etc.

Тамъ же г. Срезневскій (отъ стр. 235) приводитъ другія выписки изъ неизданныхъ, бывшихъ у него подъ рукою, писемъ Сковороды къ священнику Правицкому. Помѣщаемъ ихъ по порядку годовъ, въ извлеченіяхъ:

»1787. Апрѣля 25. Изъ пустыни Маначиновскія.—Не печися о разговорѣ »*Маркъ.*« Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. »*Лотову жену*« хочется докончать. Однако привезу съ собою, да написанное выпишите! Что бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ, точію поучитися Святынѣ? въ сей единой да живу и умираю. Помалу-малу отходимъ отъ тлѣни плотскія, яже есть блаженная и вседневная смерть; иприближаемся ко Господу, иже есть Святыня,

(*) «Молодикъ» на 1844 г. изд. И. Бецкимъ Харьковъ. 1843 г. стран. 235 и 242. Хиджеу (въ Телескопѣ, ч. XXVI. 1835, стр. 52) упоминаетъ еще, что существуютъ письма Сковороды, этого времени, къ Правицкому, изъ *Маначиновки*, отъ 1786 года марта 30; къ протоіерею Ивану Гилевскому, изъ *Бурлука*, отъ 1788 г. мая 11, и изъ *Гусинки*, отъ 1787 г. мая 1. — Онъ же упоминаетъ кстати, еще слѣдующія, не изданныя и неизвѣстныя намъ, письма Сковороды (стр. 12): «*Помни послъдняя*», автобіографическое письмо Сковороды къ архіеп. Георгію Конискому, отъ 5 мая 1789 года, изъ *Бурлука*, и наконецъ къ нему же, изъ *Нъжина*, отъ 1769 г. іюля 29.

Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашея: на ней же сбывается оное. Положу стропотная ихъ во гладкая. Окрылатѣютъ, яко орлы, потекутъ и не утрудятся! Виждь Діатрибу мою, друже! «Діатреви» Еллински нарицается то, чемъ кто главно жизнь свою забавляетъ.—О, воскресеніе! міру невѣруемое! Коль услаждаеши сердце мое! Блаженни узрѣвшіи съ наперсникомъ красоту твою. Ядущій тя, еще взалчетъ! Сіе глаголю того ради, яко, доканчивая «Жену Лотову,» насладитися имамъ новаго вина, съ новымъ моимъ Лотомъ! Христомъ Іисусомъ, имѣя обрученіе съ нимъ по вѣрѣ Божіей.« (Молодикъ, 1843 г. стр. 235—236).

Далѣе: „1787. Января 18. Изъ *Гусинки*: (*)

»Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ »Жену Лотову«. *Весною хощу васъ посѣтить,* сице Богу угоно, и привезу. Аще же, дайте знать, тотчасъ перишлю. *Въ зимнихъ трусостяхъ* (**) можетъ она потерятися. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною *въ пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея; а зима безгодна!* Я и сіе съ нуждою пишу.« (Тамъ же стр. 236.)

Письмо: »*1787-го года.* Марта 6 дня.« -- Любезный во Христѣ, отче и брате и друже Іяковѣ: веселися во Господѣ! Пришлите мнѣ «*Симфанію*»(***). Переписавъ, паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ »Жену Лотову.« Побесѣдуйте съ нею во Христѣ. Она чистая чистымъ; и сей кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ! Божіимъ. На ней-то исполняется: отъ каменя воздвигнути чада Аврааму. Она не доведена до конца. Но кто дождется конца, въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, обѣщая окончаніе, сіе касается до книжечки начатой мною, не до «Жены.» Сія книжечка учитъ: какъ читать подобаетъ Священое Письмо? Аще единъ глаголъ Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтелъ. Во примѣръ сему взялъ я сіе. Поминайте «Жену Лотову» и толкуя сіе слово, и возмутилъ всю Св. Писанія купѣль.» Да уразумѣютъ

(*) Любопытно, что 1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II чрезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ, у Сошальскихъ, и ничѣмъ не откликнулся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, мы получили, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ чрезъ Украину, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: »*Отчего ты такой черный?*«—»*Э! вельможная мати отвѣтилъ Сковорода: развѣ же ты гдѣ видѣла чтобъ сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она все въ огнѣ?*«—

(**) Дрожаніи отъ холода.

(***) Неизданное сочиненіе Сковороды.

спящіи на Библіи!» Или съ Павломъ сказать: «почивающіи на законѣ!» Яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрыми, но многожеваніе принудило сказать сіе, »како сей вѣсть книги, не учився?« И да познаютъ: яко единъ день въ тысящѣ, и напреки: 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается. Нынѣ же много жрутъ, для единыя дисентеріи! И нѣсть имъ человѣка, могущаго приложить имъ вкусъ — Все дастъ вкусъ свой, и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ; аще есмы отъ числа оныхъ. Израиль толчаше Манну въ ступахъ. Во блаженное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю вамъ сего, всеискренній братъ и нижайшій слуга, *Григорій Сковорода.* Postea scripsi. Да наречется же сія книжечка; «*Женою Лотовою* » Предисловіемъ же да будетъ сіе мое въ тебѣ письмо. О возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожду первому; и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Іисуса Христа! Протчее при перепискѣ. *повелѣвай наблюдать ортографію. Паче же всѣ ея листы хранить отъ нечистоты.* Цѣлуй любезнаго Наемана Петровича, и всю нашу братію. Миръ въ днехъ нашихъ! Аминь« На томъ же листѣ и надпись: «Господину моему, Іерееви, Іакову Правицкому, въ Бабаяхъ« (Молодикъ, 1843 г. стр. 236—7).

Новое письмо: »*1787 октября 7.* Изъ Гусинки.« — Вы, снится мнѣ, переписали »*Михаилову Борьбу*« (*) и паки требуете? Обаче посылаю Негли обрящете, чего ваша переписъ не образуетъ. Не медлите же много. Обаче чрезъ невѣрныя руки; *не! не! не!*«

Письмо: »*1787. Января 18. Изъ Гусинки.* — Духъ правъ обнови во утробѣ моей. Аще кто не имѣетъ новаго сердца, тому весь міръ есть *ветха ветошь.* Аще чія душа тужитъ, тому весь міръ плачетъ. Аще чіе сердце мучится и страждетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ отчаяніемъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тому весь вѣкъ безъ живота! О любезный мой друже Іякове! Изблюймо прочь ветхій квасъ мірскій. Стяжимъ новое сердце. Облещимся въ одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда намъ вся тварь просвѣтится; весь міръ взыграетъ и возскачетъ! Будетъ намъ всякъ день »*Великъ-день.*«

Изданная въ 1837 г, въ Москвѣ, книжка Сковороды »*Убогій жаворонокъ*«, сопровождается, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ письмомъ (**)

(*) *Изданное сочиненіе Сковороды.*

(**) Лицо, о которомъ здѣсь говорятся, *Ѳ. И. Дискій*, одинъ изъ бывшихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную намъ рукопись Ковалѣнскаго »*Житіе Сковороды.*« Полагаемъ, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаемъ о немъ письмо г. Алякринскаго:

отъ 1787 г.—»Григорій Варсава Сковорода, любезному другу, *Өеодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ есть Океанъ. О! велми немногими щастливцами безбѣдно преплаваемый! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ Сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменныя, вѣдь, соблазны суть неудачи. Сирены суть то льстивые други, киты суть то запазушные страстей нашихъ зміи! Вѣтры разумѣй напасти. Волненіе: мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товію, еслибы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ! (Рафа, Еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ, значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую, не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло, Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего *(въ 62 году)*. въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня, *Услышавъ же имя, выскочилъ, и достигши на улицѣ, молча въ лицо смотрѣлъ на мене*, и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистинну прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полѣзнымъ. Видишь, *коль далече прозираетъ симпатія!* Пріими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ *»Убогого моего Жайворонка«*. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ, и нѣсколько поможетъ спасатися *отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего*. О. Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спитъ ловецъ! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать нещастія! Впрочемъ, да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ (*) названъ

»О Ө. И. Дискомъ извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученію Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Не смотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ: изъ нихъ памятны мнѣ: профессоръ Московскаго Университета, Мудровъ и Директоръ Коммерческаго училища, Калайдовичъ. — Ө. И. Діскій къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828. Впослѣдствіи я узналъ о несчастной смерти Дискаго. 3-го іюля 1833 года, работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина.«

(*) *Тетервакъ*—тетеревъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ посылаемый книги.

Фридрикомъ. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малороссію Велироссія нарицаетъ тетерваками.* Чего же стыдится? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ кто знать не хочетъ!* Возненавидь глупость: тогда хоть глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбитъ тя! Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта; въ полнолуніе послѣднія луны осеннія.«

Передъ изданною книжкою Сковороды *„Брань Михаила“* посвященной другу его, Мих. Ив. Ковалѣнскому, и написанной, какъ видно изъ помѣтки на рукописи переданной намъ г. Алякринскимъ: „въ *1788 году,*“ помѣщено письмо Сковороды слѣдующаго содержанія:

«Возлюбленный друже Михаилѣ! Пріими отъ меня и сію книжечку, въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименитства печатленную. Имя Михаилово пріялъ еси, пріими и сердце его« — »Сія книжечка изводитъ на подъ-небесный позоръ два сердца, ангельское и сатанинское«. И въ концѣ: »О, предовольно-довольно! Се, гдѣ нашъ Іаковъ покоился и спа; тамо спа въ Харонѣ, во градѣ любви! — Видишь ли, возлюбленный Михаилѣ! Се, гдѣ покоится другъ твой *старецъ Варсава Даніилъ Меінгардъ. Іюня, 19 дня, 1788 года.*«

Неизданная книжка Сковороды *„Жена Лотова,“* по рукописи, переданной намъ г. Алякринскимъ, сопровождается также письмомъ къ Ковалѣнскому, безъ означенія года и мѣста жительства Сковороды. По приведеннымъ выше отрывкамъ, оно относится также къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго вѣка. Вотъ его начало:

»Любезный друже Михаилѣ! Въ самомъ открытіи *Намѣстничества Харьковскаго* (*), во время непрестанныхъ осеннихъ дощей, прогоняя скуку, написалъ я книжицу сію въ монастырѣ *Сѣннянскомъ.* Сей монастырикъ подарилъ Печерской Лаврѣ святый Іустинъ, Митрополитъ Бѣлоградскій, въ которомъ онъ часто уединялся, ради горнихъ вертоградовъ и чистаго неба. Братъ мой Іустинъ, звѣряка, бывый тогда игуменомъ, не могъ чувствовать вкуса къ моей «Женѣ Лотовой,» одна-

(*) Открыто 29 *сентября 1780 года.*

ко былъ типографомъ и забавлялся книгами эллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкусъ не звѣрскій.«

Далѣе идетъ письмо снова къ Правицкому, отъ: »*1788. Августа 4.* Изъ Гусинки, Скрынницкой пустыни. (*)—Вотъ вамъ, по желанію вашему »Херувимскія пѣсни« paraphrasis! Тайновидным херувимамъ сообразны и животворящей Тройцѣ пѣснь принося,—видимый сей весь міръ извержимъ изъ сердца, да вмѣстимъ невидимый, и его царя, окружаемаго и стрегома тмами—копіеносныхъ херувимъ и серафимъ! Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

Дорофорео есть копіеноснымъ лейбгвардеромъ. Дорофоруменосъ, сирѣчь: окруженъ копіеносною гвардіею, или строемъ. Дориносима есть полъ-грека, за полъ-славяна.«

По порядку годовъ, помѣщаемъ теперь изъ „Украинскаго Вѣстника“ 1817 г. кн. 1, стр. 126—131, два письма Сковороды, отъ 1790 г., какъ сказано въ „Вѣстникѣ“ издателями: „писанныя къ здѣшнему, (т. е. къ Харьковскому) купцу *Е. Е. У—ну*, который и доставилъ ихъ издателямъ.“ Въ примѣчаніи Квитки къ статьѣ г. Срезневскаго, въ „Утренней Звѣздѣ“ 1833 г. (кн. 1 стр. 80) сказано: „Написавшій статью въ Украинскомъ Вѣстникѣ „приложилъ письма Сковороды къ *Урюпину*.“—Вотъ эти письма:

1.

»*Изъ Великаго Бурлука. 1790 года Іюня 10 дня.*—Возлюблеѣнный друже! Георгій Георгіевичь! Міръ сердцу твоему и дому! Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу у тебя почилъ *Старецъ Сковорода*, аки въ матернемъ домѣ! Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой счетъ пріемлетъ все даемое нищимъ! Я вашимъ виномъ, не только въ дорогѣ, но и въ дому пользовался! Прошу покорнѣйше отдать низенькій поклонъ господину Петру Ѳедоровичу, *Аптекарю*, и показать наоборотѣ вашего письма мои строки Латинскія! Артему Дороѳеевичу и *Рощину*, съ товарищемъ, усердное мое почтеніе. Также и Стефану Никитичу *Курдюмову*, и всему его дому; а я пребуду, возлюбленный друже, вамъ искреннимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою: Старецъ Григорій Варсава Сковорода.«

На оборотѣ написано слѣдующее: «Carissime amice Petre! Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem; equidem nunquam te interpel-

(*) »Молодикъ.« 1843 г. *Стр.* 238.

lassem, nec tibi facesserem molestiam! Nunc cum Socrate dico illud vetus proverbium:

Novi Simonem et Simon me.

Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei majoris; sive cardui benedicti. Macerabimus aut vino ant sikera! Gratissimum nobis feceris, si miseris Vale! Debitor tuae amicitiae et beta tuorum amicorum— Senior Gregor. Bar-Saba Skoworoda.‹

II.

›Изъ Великаго Бурлака. 1790 года Іюля 2 дня.—Любезный друже! Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и дому твоему! Не забывай, друже, что нынѣ течетъ первая четверть небесныя луны Августа. Разумѣй, яже глаголю... Даждь премудрому поводъ, и премудрѣйшій будетъ. Слушай Римскую сію пословицу: боязливаго сына мати не рыдаетъ! Не дремай! Жизнь наша есть море! Блюдите, како опасно ходите! Господь да хранитъ правая теченія твоя! Тако плови, да достигнеши въ гавань благоумащенныя старости оныя! Вѣнецъ хвалы старость!... А кое-то есть масло, умащающее щастливую старость? Кій вѣнецъ? Послушай! Помаза насъ Богъ духомъ!.. Елеемъ радости помазалъ еси его. — Веселіе вѣчное надъ главы Святыхъ! Ахъ! что лучше возможетъ усладити старость, какъ Божіе сіе масло? Вотъ тебѣ масло! *Добрая слава* (пословица) *лучше мягкаго пирога*!

›Не думай же, друже, что *добрая слава есть тоже, что пустозвонкій мірскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ.* Да не хвалится премудрый премудростію своею! .. Отъ сего елея утекаетъ Давидъ! Елей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея! Симъ елеемъ мажутся нечестивіи! Они украшаютъ стѣны и тѣлеса, а не сердца своя. А вотъ они суть! О лицемѣре! Омый прежде внутренность твоея скляницы. На, вотъ же тебѣ, и истинный, сердца украшающій елей, и питающій. Назнаменался, напечатлѣлся на сердцѣ нашемъ, свѣтъ лица твоего. *Далъ еси веселіе въ сердцѣ моемъ. Отъ плода, пшена, вина и елея и протчее.* Сирѣчь, разбогатѣли-де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету: и будеши блаженный оный, Христомъ похваляемый купецъ! Онъ надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ, хоть тратою всего, только бы достать оный. А кій той толь странный и чудный *маргаритъ?*

›Вотъ онъ! Заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень чистъ!... Вотъ онъ! на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатсвѣ. Вотъ онъ! Открый очи моя и уразумѣю цѣну его! Вотъ онъ!

Пришлецъ азъ есмь на землѣ! Вотъ онъ! Слава добрая утучняетъ кости!... Вотъ онъ! Слава велія: послѣдовати Богу! Прильпе сердце мое по тебѣ.... Во вѣки не забуду оправданій твоихъ. Ей! лучше голый да правый, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ. Любезный друже! Вашъ истиннаго добра желатель и всепокорнѣйшій слуга, старецъ Григорій Вар-Сава Сковорода. Пришлите мнѣ *ножикъ съ печаткою.* Всякою печатью не кстати, и не люблю, моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. *Уворовано моего еленя,* тогда, когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ. Достойно! Боченочки оба отсылаются: вашъ и *Дубравина*! И сей двоицѣ отдайте отъ меня низесенькій поклонъ, и господину Прокопію Семеновичю.«

Въ „Молодикѣ" (1843 г. стр. 229—234.) при „Письмѣ къ издателю" Василія Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года, Каразинъ пишетъ: „Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а писанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ, къ тайному совѣтнику, Михайлу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія, который столь благосклонно предложилъ его для насъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, Кол. Совѣтн. *Андрея Ив. Ковалевскаго,* въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена Лейбница.(*) Вотъ это письмо:

(*) Каразинъ добавляетъ: »Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златауста исторически говорить о живыхъ.«

Изъ Олшанскія Ивановки. 1790 г. септембря 26—Возлюбленный паче всѣхъ, человѣкъ Михайле! Миръ тебѣ, муже Божественныхъ желаній! Мати моя — Малороссія, и тетка моя — Украина, посыляютъ тебѣ въ даръ малорослую мою дщерь Авигею: »*Икону Алкивіадскую.*« Пріими ее, и яко Давидъ, наслаждайся ею. Она не лицемъ, но сердцемъ красавица, и вся слава ея внутрь ея! Съ нею бесѣдуя, бесѣдуешъ со мною! Сердце мое въ ней, а ея во мнѣ! Она тебѣ породитъ единаго точію сына, иже есть истое начало. Родъ сей лицемѣрный и сласто-очесный, ругаясь, нарицается бѣсною и буйною. Азъ же тя, прежде юношу, нынѣ же обрѣтохъ тя мужа, по сердцу моему. Сія моя душа — твоя есть, и твоя—моя! Вотъ единость! Любовь! Дружба!... Письмо сокращу. Не удерживаю отъ бесѣды съ дѣвою Еvою. Только припишу воспѣтую мною въ Харьковѣ—Харькову »*Пѣсеньку*« въ августѣ:

Oratio ad Deum
In urbem Zacharpolim:
Ex hoc Zachariae Prophetae grano:
r. hi sunt oculi Domini..

Zacharias oculos septem tibi praedicat esse.
Septimus est oculus: Zachariana polis.
Caeci sunt oculi: quando Pupilla latet.
O reclude tuos in eam, miseratus. Ocellos!
Sic sol verus erit: Zachoriana Popis.

»Сіи очи откроетъ Авигеа въ Захаровскомъ »*Свѣшникѣ.*« Tu versus facies slawonicos! Іаковъ мой къ сей моей дщерѣ *простудился* (*). Замарая въ ней и мое, и кому поднесена, — имя. Откуду сіе? Не вѣмъ! Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей, для него списанный, *списокъ.* Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу.

»Аще Богъ помощникъ, въ слѣдъ Авигеи, еще *два мои сыночки*, выправляютъ крыльца, и думаютъ къ вамъ летѣть. »Древній мыръ« — (пишу *ы* at differat ab illo: *мир*) и »Михаилъ, боряй сатану.« Они рожденны для тебя, и посвящены отъ самыхъ пеленъ твоему духу. Окажетъ прологъ! Будь же имъ отецъ и покровитель во вѣки! Но потерпимъ: снимаются копіи. Оригиналъ ли прислать? Увижу. До »Дщери« случайно привязалася »*Ода Сидронія-Езуиты.*« Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ, отлѣтая къ матерѣ моей, пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей! достойна быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ.—Прилагаю тутъ-же, какъ хвостикъ, и *закоснѣвшее мое къ вамъ*

(*) Остылъ.

письмишко Гусинковское. Нынѣ скитаются у моего Андрея Ивановича Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бурлука.* Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источниками распещрена. На томъ мѣстѣ я родился *возлѣ Лубенъ.* Но ничто мнѣ не нужно, какъ спокойна келія; да наслаждаюся моею невѣстою оною; сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Давидъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! *На сіе я родился.* Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсава Сковорода, Даніилъ Меіґардъ.*« — Приписка:

›*Число моихъ твореній.* Лутчее — значатъ звѣздки.

1) *Наркисъ узнай себѣ* *** Первородный плодъ.

2) *Симфонія Библейныхъ словъ сему:* * ›Рѣхъ сохраню пути.«

3) *Симфонія * Аще не увѣси самую тебѣ и* пр. ***

4) *Неграмотный Марко.* (У Якова Правицкаго.)

5) *Алфавитъ мира.* ***

6) *Разговоръ Кольцо.* *

7) *Древній мыръ.*

8) *Жена Лотова.* *

9) *Брань Михайлова со Сатаною.* **

10) *Икона Алкивіадская.* ***

11) *Бесѣда 1-я нареченна Сіонъ.*

12) *Бесѣда 2-я Сіонъ.*

13) *Бесѣда 3-я нареченна: Двое.* **

14) *Діалогъ:* дума и нетлѣнный духъ (У Правицкаго).

15) *Притча нареченна: Убогій Жайворонокъ.* (У Дискаго.)

›ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ЦИЦЕРОНА.

1) *О старости,* * поднесена Ст. Ив. Тевяшеву, изъ Плутарха.

2) *О смерти.*

3) *О Божіемъ правосудіи.* *

4) *О храненіи отъ домовъ.* (Дарена Алекс. Юр Сошальскому.)

5) *О спокойствіи душевномъ.* * (Подн. Як. Мих. Захарж.)

) *О вожделеніи богатства.* (Завезена *въ Крымъ* безъ списка.)

7) Езуита Сидріоніа: *Ода о Уединеніи,* et coetera.

«У друга нашего Бабайскаго Іерея, Іак. Правицкаго, *всѣ мои творенія хранятся* По мнѣ бы они давно пропали! Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркисса и Симфонію ›аще не увѣси‹. Я ее ожелчившися, *спалилъ въ Острогожскѣ,* а о Наркиссѣ на вѣки было забылъ. Просите у его! *А я, не точію апографи, но и аутографи раздалъ, раздарилъ, расточилъ*

Non prodest Messis: nisi servet cura fidelis.
Fons fundit largas: Testa reservat aquas. etc.

›Post scripsi. При ›Авиген‹ пріимите и ›Алфавита‹ сына. Такъ духъ велѣлъ!‹

Въ публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: „*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*“. Здѣсь приложено письмо Сковороды: „Высокомилостивому Государю, Якову Михаиловичу Донцу-Захаржевскому“, отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: „Пріимите милостиво отъ человѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лепту, дарикъ; уклонившись къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его.“ Подпись письма: „Любитель и сынъ міра Григорій Варсава Сковорода.“

Наконецъ, прилагаемъ послѣднее, неизвѣстно когда писанное письмо Сковороды къ *Тевяшову*, напечатанное при книгѣ его, изданной въ Москвѣ въ 1837 г., „*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*“. Вотъ оно:

›Милостивому государю, Владимеру Степановичу, его благородію, Тевяшову, Милостивый Государь! Идутъ къ вамъ два разговора, жаждущій вашего лицезрѣнія. Удостойте ихъ своего пріятія. Они уже, прежде рожденія своего, опредѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое къ человѣколюбному и кротчайшему батюшкѣ вашему, усердіе мое къ вамъ, а доброжелательство къ цѣлой фамиліи вашей приноситъ оные! Христова философія обращается около сердца и врачуетъ оное. Душа есть mobile perpetuum, движимость непрерывная. Крыла ея суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отъ чего. Желая, любитъ; убѣгая, боится. Если не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать,—тогда не доумѣваетъ, сумнится, мучится сюда и туда; какъ шарикъ, катается, мятется и вертится, какъ магнитная стрѣла,—поколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера.

›Такъ и душа наконецъ, когда и найшла того, кого нигдѣ нѣтъ, и вездѣ есть,—щастлива! Сей одинъ довлѣетъ ея насытить! А безъ сего глотаетъ воздухъ, съ ядущимъ вся дни живота своего землю зміемъ.

›Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между стихіями не виденъ: но твердѣе земли, а сильнѣе воды; ломлетъ дерева, низвергаетъ строенія, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень.

›Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе. Отъ сего зерна

зависитъ цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми (въ старости наипаче) наслаждаемся плодами. Какъ сѣемъ такъ, и жнемъ!

›Весьма я радъ буду, если сія книжечка въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужитъ. Но куда я доволенъ, если она хоть въ каплѣ внутренняго мира поспособствуетъ! Вседражайшій, сердечный миръ подобенъ самымъ драгоцѣннымъ камушкамъ. Одна крошечка цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну каплю щадить, тогда можемъ со временемъ имѣть цѣлую чашу спасенія.

›Разливши мысли наши по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и не помышляемъ о душѣ, не разуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово проистекаетъ; а если сѣмя зло, нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ спрыхъ оставитъ, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

›Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ у тѣхъ, задумчивою грустью, печалью, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное нещастіе родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ:

›Ищите прежде Царствія Божія....
‹Возвратися въ домъ твой! —
›Царствіе Божіе внутрь васъ есть!
›Омый прежде внутренность стакана!...‹

›Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бываетъ поздный трудъ въ томъ, что для человѣка есть самонужнѣйшее. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу, и для пріобрѣтенія вѣры надобенъ одинъ пунктикъ времени.

›Дай Богъ вамъ читать слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ:

›Блажены слышащіе слово Божіе и хранящіи.‹ Другой разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду, милостивый государь! вашего благородія покорнѣйшій слуга, любитель Священныя Библіи, *Григорій Сковорода.*‹

Представивъ отдѣльные анекдоты и черты изъ жизни Сковороды, съ отрывками изъ его писемъ, мы такимъ образомъ пополнили двадцатилѣтній пробѣлъ біографіи его, писанной Ковалѣнскимъ. Теперь остается намъ перейти снова къ рукописи послѣдняго и разсказать по ней, съ добавленіями другихъ источниковъ послѣдніе, годы жизни Сковороды.

„Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самаго“, говоритъ Ковалѣнскій: „собралъ разсѣянныя по свѣ-

ту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню*, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію." Хотя „свѣтъ и тамъ исказилъ все" и онъ „въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта помощи и соболѣзнованія", — но былъ наконецъ утѣшенъ. „Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ-несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его". Это было, значитъ, въ годъ смерти Сковороды, въ *1794 году*. — „Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ (*) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь, не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея." Они толковали о сектахъ. „Я незнаю мартинистовъ", говоритъ Сковорода. „Но всякая секта пахнетъ собственностію! а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Доходя до толковъ о „философскомъ камнѣ" и о „содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ", Сковорода говорилъ: „Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: *поживь въ малѣ, исполнь лѣта долги!*"

Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, разговоръ Сковороды касался смерти. „Страхъ смерти," замѣчалъ онъ, „нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости, его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется из-

(*) Посвятилъ.

дали, тихо, въ тайнѣ сердца ростетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни". И наконецъ говорилъ: „Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее возданіе за добро есть дѣлать добро!

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, „многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства Правленія Окружнаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Савичъ! прошу любить меня! — Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще не знаю васъ!" — „другой, изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше, Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: „имя ваше не скоро ложится на мое сердце!"

Простота жизни, замѣчаетъ біографъ, высокость познаній и долголѣтній подвигъ Сковороды „въ любомудріи опытномъ" раздиралъ ризу „высокомудрствующихъ". Они отъ зависти говорили: „Жаль что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!" Въ это же время онъ „увѣчеваемъ былъ уже знаменами истины".

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

„Старость, осеннее время, беспрерывно мокрая погода умножали разстройку въ здоровьи его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего *около трехъ недѣль*, проситъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ упрашивалъ остаться у него зиму провести, и вѣкъ свой скончать, со временемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность! — Другъ

его не безпокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ. — 1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украину. — При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: „можетъ быть больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни, то, что мы часто говорили:—свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время....“ Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему Архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ, ради безпрерывныхъ дождей, и улуча ведро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзни,—старостью, погодою, усталостію отъ пути,—приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: „духъ добръ, но тѣло немощно“. Далѣе Коваленскій, замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершать нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ „представляя себѣ совѣсть слабыхъ“, исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, поутру на разсвѣтѣ 1794 года* (*).

Здѣсь мы пополнимъ очеркъ его послѣднихъ минутъ слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ („Утрен. Звѣзда“ 1833, г., стр. 88—81): „Въ деревнѣ у помѣщика К—го (Ковалевскаго), небольшая „кимнатка“, окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ,

(*) Примѣчаніе. Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ благочестіи своемъ, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. — *К. С. Аксаковъ* передалъ намъ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ. выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ »Со страхомъ Божіемъ и вѣрою приступите«,—Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: »Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?« — »Знаю и готовъ! »отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ: пріобщилъ его охотно.«

добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую.—Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. — Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?“ сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — „Пора, другъ, кончить странствіе! отвѣтилъ Сковорода: „и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“—„Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила....“ И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, и подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку“—легъ, сложивши на крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый.“

Ковалѣнскій замѣчаетъ: Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

„*Міръ ловилъ меня, но не поймалъ*“.

Потомъ Ковалѣнскій прилагаетъ списокъ сочиненій Сковороды. по „своеручному списку“ Сковороды въ письмѣ къ нему. Это письмо мы привели выше вполнѣ, подъ 1790 годомъ. Сказавши, что нѣкоторыя сочиненія Сковороды хранятся у него, Ковалѣнскій кончаетъ свое

"житіе Сковороды Григорія Савича описанное другомъ его", словами: „Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога.

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

»Ревнитель истины, духовный Богочтецъ,
»И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
»Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
»Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда—
»Достигъ на верхъ наукъ, познаній духъ прироры,
»Достойный для сердца примѣръ *Сковорода.*« (*)

»Сочиненіе друга его М. К.«—

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снегиревъ дѣлаетъ одно любопытное замѣчаніе съ своей стороны (стр. 262), намека на которое мы въ рукописи не нашли.—Вотъ оно: „*Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ, черезъ Московскія Вѣдомости, желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца*".

Такова была, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность къ этому „Украинскому мудрецу."

Изъ печатныхъ извѣстій о Сковородѣ, мы можемъ еще прибавить слѣдующія строки Хиждеу, изъ примѣчаній къ статьѣ его, въ „Телескопѣ", 1835 г. (XXVI ч., стр. 171): „Магистръ Кіевской Духовной Академіи, Симеонъ Рудзинскій, сообщалъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиной сумы*, оставленной у его отца: но она не принадлежитъ къ роду „бесагъ" (двойная сумма, раздѣленная на двѣ ноши, соединенныя вмѣстѣ швомъ). Это просто „торба" или обыкновен-

(*) Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снегирева (Отч. Зан. 1823 г., ч. XIV, стр. 263) »*гравированнымъ П. Мещеряковымъ*«. Послѣ отдѣльнаго изданія, портретъ этотъ перепечатанъ въ *Утренней Звѣздѣ* 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ, въ «*Картинахъ Свѣта*« Вельтмана 1836 г., при статьѣ о Сковородѣ, со стихами, — и безъ стиховъ и статьи о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ »*Иллюстраціи*« 1847 г.

ная котомка." Это также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ,...

Желая собрать окончательныя свѣдѣнія о Сковородѣ, мы снеслись съ помѣщикомъ Харьковской губерніи, *Н. С. Мягкимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое мы получили отъ *Н. С. Мягкаго*, отъ 10 января 1856 года:

—„Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника, Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне-вспыльчивый нравъ, разражавшійся грозою, надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близь рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флайттраверсѣ псалмы. Чрезъ двадцать лѣтъ, тѣло его было перенесенно оттуда и похороненно въ саду священника, близь памятника владѣльцевъ, по старанію однаго изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ.—Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику, Петру Андреевичу Ковалевскому, (*) отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго.—По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія, и большею частію съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ, садикъ, съ могилою „философа": или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаще же это, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены спивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой.

(*) Замѣтимъ кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ смерти его находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы преосвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы.

Передпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дернемъ, а вблизи устроилъ свою пасику,— мѣсто, свято чтимое у насъ искони.—Еще любопытная черта дѣйствій памяти о Сковородѣ на впечатлѣнія потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ разсказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влѣтелъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежь двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ до смерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода.— Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: „У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!“ — Увы эти слова были приняты за чистую монету; „но клада ненашли, какъ ни старались.“

Заключимъ описаніе жизни Григорія Савича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю „Молодика“ (1843 г., 229 стр.) о Сковородѣ не сбылись. Каразинъ писалъ: „Ивановка принадлежитъ теперь господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ добра общественнаго. Теперь село Ивановка, или „Панъ—Ивановка“ (на Украйнѣ села часто называются именами владѣтелей „Панъ — Васильевка“ — „Панъ — Лукьяновка“)—принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину.—

ГЛАВА IV.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

Извѣстность Сковороды. — Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Отрывки его »басень« и »стихотвореній«. I., Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды. — II., Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды. — III., Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806—1862 годъ.

Очеркомъ жизни Сковороды легко опредѣляется и его литературное значеніе. Многаго сказать о немъ нельзя. Важенъ Сковорода былъ, еще

повторяемъ, для своего времени не столько сочиненіями своими, сколько собственною своею личностью и примѣромъ своей жизни. Увлеченіе характеромъ Сковороды у современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія начальныя статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отчего впрочемъ самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ „Телескопѣ", подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту. Разсмотримъ эти увлеченія.

Первое, что представляется намъ въ этомъ случаѣ, это слѣдующее соображеніе: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего.* По нашимъ усиленнымъ разысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная книжечка его „*Бесѣда о познаніи себя*," которая прошла, безъ сомнѣнія, совершенно — незамѣченною. Потомъ, въ 1806 году, въ мистическомъ „*Сіонскомъ Вѣстникѣ*" помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его „Преддверія". Наконецъ, уже только въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ также весьма немногіе тогда узнали, а теперь объ этихъ брошюрахъ знаетъ рѣдко кто и изъ библіографовъ. Значитъ, для печатнаго міра и публики, читающей такъ-называемыя книги, Сковорода съ своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой нашей *письменной литературы!* Быть можетъ, они удостоились, въ свое время, да и впослѣдствіи, судьбы такихъ сочиненій, каковы: „Ябеда" Капниста, „Горе отъ ума" Грибоѣдова и второй томъ „Мертвыхъ душъ" Гоголя, не говоря уже о другихъ замѣчательныхъ литературныхъ явленіяхъ, которыя за долго до печати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ?—И съ этой стороны вопросъ рѣшится, къ сожалѣнію для славы Сковороды, иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ не для барышень, не для офицеровъ и не для обучающагося юношества вообще, но для тѣхъ, словомъ, горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ въ нашемъ отечествѣ всего, что живо

говоритъ сердцу и мысли и за что этотъ особый кругъ читающаго міра такъ усердно спѣшитъ услужить любимому писателю и составить, мимо печатнаго міра и типографій, его громкую славу. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ копіистовъ; но это были люди другаго свойства, люди серьезные, тяжелые на подъемъ и нелегко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора, „Кавказскаго плѣнника" ни авторовъ „Демона" и „Горе отъ ума". Словомъ, со Сковородою этого быть не могло на столько, чтобы опять-таки собственно его произведенія снискали ему славу. Онъ писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, списывали его сочиненія только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессоры и ученики Духовныхъ Академій, старики помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ мы убѣдились сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка,—списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Впрочемъ, съ одной стороны, еще при жизни Сковороды, произведенія его дѣйствительно находили доступъ къ значительной степени истинной литературной извѣстности. Нѣсколько полу-духовныхъ, полусатирическихъ стихотвореній его, какъ напримѣръ, извѣстное стихотвореніе: „*Всякому городу нравъ и права*", тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами — бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванная, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то есть, въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденому поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ „Утренней Звѣздѣ" 1834 года, напечатавши пѣсню Сковороды „Всякому городу" и ея варіятнъ — произведеніе уже на-

родное.—Подобной участи достигли, въ наше время, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: „*Вотъ мчится тройка удалая*“—авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лице спорное, неизвѣстное, и считаетъ множество варіянтовъ своей пѣсни.

Собирая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, мы, по, непреложному опыту, пришли къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать при жизни его много-много два-три десятка. И у кого-же еще встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ казбинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые наконецъ любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинскій и русскій очень не далеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Сковороды, стихотворныхъ мы почти нигдѣ не встрѣчали, за исключеніемъ одного. Въ печати же, только появились, въ началѣ тридцатыхъ годахъ, три стихотворныя пѣсни его, въ „Телескопѣ“ и въ „Утренней Звѣздѣ“.

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды вовсе никогда на Украинѣ не пользовались. Письменную извѣстность ихъ на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, не составлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые сатирическіе канты его слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимали на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне, и козачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ произведеній своихъ, собственною личностію дѣйствовалъ на массы Сковорода. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по нашему, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ именемъ его въ устахъ его современниковъ, то современники эти большею частію говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ

другихъ, безкорыстно смѣшивая значеніе ихъ съ значеніемъ и личнымъ характеромъ самаго Сковороды. Дѣйсвительно, если прослѣдить большую часть его разсужденій, что впрочемъ теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ, изъ нихъ окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавши ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ, и скажетъ, быть можетъ, много повхалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому не нужныхъ риторическихъ умствованій, и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ „Воронежскомъ Сборникѣ“ 1861 года, говоритъ, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа, и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между-прочимъ, собственныя слова Сковороды.

„*Учителю подобаетъ, бѣть изъ среды народа русскаго а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное.* Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь.

Итакъ, еще разъ скажемъ, мы смотримъ на Сковороду, преимущественно какъ на „человѣка общественнаго“ — дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ ветхихъ стремленій ветхаго человѣка, во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его, помѣщикамъ, а жизнь и уст-

ное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ Коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій Коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣлъ, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому мы представили въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство силы общественнаго Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году, первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія его, были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому: это были все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основъяненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества. Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-ой, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую Академію для странствованія за-границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ, удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго общества, современникъ Гарькуши и былой неурядицы на Украинѣ, достоинъ полной признательности.

Чтобы нашъ трудъ не имѣлъ пробѣловъ, представляемъ отчетъ о его сочиненіяхъ. Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды мы заимствуемъ изъ „*Исторіи философіи въ Россіи*" (1840 г., ч. IV, стр. 53—71) *А. Гавріила*, изучившаго печатныя и неизданныя сочиненія Сковороды. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ вслѣдъ за первыми представителями ея: *Никифоромъ, Кіев. митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Даніиломъ Заточникомъ, Ниломъ Сорскимъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ Ге-*

оргемъ Конисскимъ, разбираетъ и Сковороду. Вотъ, что говоритъ ученый историкъ Русской философіи: (стр. 59—70) „Въ простонародной свиткѣ, съ „видлогою“ и „торбою“ за плечами, съ дудкою за поясомъ, съ палицею въ рукахъ, ходилъ Сковорода по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насушный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію, и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вощяныхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а ізъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, скачетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. „Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому фолософу..“ Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почестъ его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ—народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и но-

ваго образованія, какъ прю благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія сіи можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гете; съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды дотого роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями въ тихой и смиренной долѣ, и, обращаясь въ кругу простаго народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы. Мысль сію относилъ Сковорода и къ знанію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педогогическое искусство Сковороды въ образованіи простаго народа, и отъ того жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны, какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. „Надо мною позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай о-

стрятъ; они знаютъ свое, я знаю мою, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе.“ „Барская умность, пишитъ Сковорода,— будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтимъ? И какъ изъ утробы чернаго народа вылопились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка: я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь? О докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ.“ Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ ученіе свое, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ душа его извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ состязаніе свое съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. „Даймонъ: слышъ, Варсава! Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы? Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Даймонъ: о странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя.—Варсава: и лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!... Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!“—

Что касается до слога и способа выраженій Сковороды, то мы представляемъ отрывки изъ его лучшихъ, по нашему мнѣнію, произведеній, избирая, по преимуществу, мѣста по языку болѣе доступныя для со-

временнаго читателя. Теософскихъ сочиненій его, очерченныхъ выше Гавріиломъ, мы не каснемся. Вотъ выдержки изъ его сочиненій, запечатлѣнныхъ болѣе характеромъ *сатирическимъ*. Изъ выдержекъ нашихъ легко видѣть, чѣмъ питалась украинская муза Сковороды, нашедшая вскорѣ за нимъ такое полное и цѣлое, хотя не совершенно художественное развитіе въ Котляревскомъ, авторѣ „Энеиды, вывороченной на-изнанку", а въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненка и Гулака—Артемовскаго, ставшая вполнѣ художественною и народною.

Лучшимъ, то-есть, болѣе сноснымъ для нашего времени, по нашему мнѣнію, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его „*Басни Харьковскія*", изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ образчики этихъ басень;

(Стр. 26.) *Кротъ, нетопырь и два птенца: горлицынъ и голубининъ.* Великій и преисподній звѣрь, живущій въ землѣ кротъ, писалъ самое краснорѣчивѣйшее письмо, къ живущимъ на землѣ звѣрямъ и къ воздушнымъ птицамъ. Сила была такая: »Дивлюся суевѣрію вашему! Оно въ мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало. Какой вамъ насѣялъ сумазбродъ, будто въ мірѣ есть какое-то солнце? Оно въ собраніяхъ вашихъ прославляется, начальствуетъ въ дѣлахъ, печатлѣетъ концы, услаждаетъ жизнь, оживляетъ тварь, просвѣщаетъ тьму, истощаетъ свѣтъ, обновляетъ время. — Кое время? Одна есть только тьма въ мірѣ, такъ одно и время; а другому времени быть чепуха, вздоръ небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовитая мать и другихъ дурачествъ. Вездѣ у васъ врутъ; свѣтъ, день, вѣкъ, лучь, молнія, радуга, истина. А смѣшнѣе всего почитаете химеру, называемую око; будто оно зерцало міра, свѣта пріятелище, радости вмѣстилище, дверь истины.... Вотъ варварство! Любезніи мои други! Не будьте глупы: скиньте яремъ суевѣрія: не вѣрьте ничему, поколь не возьмете въ кулакъ. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтобъ зрѣть; но то, чтобъ щупать. *Отъ 18 Апрѣля 1774 г., изъ преисподняго міра №№*«.

Сіе письмо понравилось многимъ звѣрямъ и птицамъ. Напримѣръ совѣ, дремлюгѣ, сычу, удоду, ястребу, пугачу, кромѣ орла и сокола. А паче всѣхъ нетопырь пловко шатался въ семъ высокородномъ догматѣ и, увидѣвъ горличина и голубинина сыновъ, старался ихъ сею высокопарною философіею осчастливить. Но горличинъ сказалъ: Родители наши суть лучшіи тебѣ для насъ учители. Они насъ родили во тьмѣ; но для свѣта. А голубчикъ отвѣщалъ. Не могу вѣрить обман-

щику. Ты мнѣ и прежде сказывалъ, что въ мірѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись въ мрачныхъ дняхъ, въ днешній Воскресный день увидѣлъ рано восходъ прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрадъ отъ тебе и отъ удода исходящій свидѣтельстуетъ, что живетъ внутрь васъ не добрый духъ.—Сила: свѣтъ и тьма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе міръ весь составляютъ, и одно другому нужное. Кто тьма, будь тьмою, а сынъ свѣта да будетъ свѣтъ! Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

(Стр. 17.) »*Оселка и Ножъ.*« Ножъ бесѣдовалъ съ Оселкою. »Конечно ты насъ, сестрица, не любишъ, что не хочешь въ статъ нашу вступать и быть ножомъ?..« Ежелибы я острить не годилась, сказала Оселка, не отреклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А теперь тѣмъ-то самимъ васъ люблю, что не хочу быть вами. И конечно, ставши ножемъ, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ тѣ ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю. А въ сіе время на оселки очень скудно!—Сила: родятся и такіи, что воинской службы и женитьбы не хотятъ, дабы другихъ свободнѣе поощрять къ разумной честности, безъ которой всяка стать недѣйствительна.

(Стр. 10.) »*Чижъ и Щеголъ.*« Чижъ вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: »какъ ты, другъ мой, освободился?... Раскажи мнѣ.« — Чуднымъ случаемъ, отвѣчалъ плѣнникъ. Богатый Турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ, и прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичей рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ-сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ предъ другимъ выспѣвали, смотрѣлъ съ сожаленіемъ; наконецъ молвилъ »а сколько просишь денегъ за всѣхъ?«—25 рублевъ, отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпущая на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлѣтались.« — А что жъ тебе, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?« — Сладкая пища, да красная клѣтка, отвѣчалъ счастливецъ. А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенкою.

»Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!«

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

»*Старуха и Горшечникъ.*« (Стр. 49.) Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. »А что за сей хорошенькій..?« — За того возьму хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ. — »А за того гнуснаго (вотъ онъ): конечно полушка?« — За того ниже двухъ ковѣекъ не возьму....«—»Что за чудо?—У насъ, бабка, сказалъ мастеръ,—не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?—

Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить; а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

(Стр. 50.) Изрядная Великороссійская пословица сія: *не красна хата углами, красна пирогами*! Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемтами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху; гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: »подъ сіяніемъ язва!« Сюда принадлежитъ пословица; находящаясь въ Евангеліи: »гробы повапленныи.«

»*Оленица и кабанъ.*« (Стр. 47.) Въ Польскихъ и Венгерскихъ городахъ Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана: »желаю здравствовать, господинъ Кабанъ«—стала витаться—»радуюся, что васъ...—»Что жъ ты, негодная подлость, столько неучтива; вскричалъ, надувшись, Кабанъ. Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешь, что я пожалованъ бараномъ, въ семъ имѣю патентъ, и что родъ мой, происходитъ отъ самыхъ благородныхъ бобровъ: а вмѣсто епанчи для характера ношу въ публикахъ содранную съ овцы кожу.—»Прошу простить ваше благородіе, сказала Оленица: я не знала. Мы простые, судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы также же какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ.«

(Стр. 49.) »Есть и въ Малороссіи пословица: »далеко свинья отъ коня.«

»*Змія и Буфонъ.*« (Стр. 20 и 21.) Какъ змія весною скинула ла(и?)новище (старая кожа). Буфонъ ее усмотрѣвъ: »куда вы, судариня, сказалъ съ удивленіемъ,—отмолодѣли. Что сему причиною? Прошу сообщить.«—Я вамъ съ охотою сообщу мой совѣтъ, Змія говоритъ.—Ступайте за мною. И повела Буфона къ той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она съ великою трудностію продравшись, всю старинную ветошь изъ себя стащила.—Вотъ, господинъ Буфонъ! Извольте полезать сквозь узкой сей проходъ. А какъ только пролѣзете, тотъ же часъ обновитеся, оставивъ всю негодность по другую сторону.—»Да развѣ ты мене тутъ хочешь задушить? вскричалъ Буфонъ. А хотя мнѣ сюда и удастся протащится, то съ мене послѣднюю кожу сдереть...«—Прошу жъ не прогнѣваться, сказала Змія: кромѣ сего пути нельзя вамъ туда дойтить, гдѣ быть удалось.—Сила: чѣмъ лучшее добро, тѣмъ большимъ трудомъ окопалось, какъ рвомъ. Кто труда не перейдетъ, и къ добру тотъ не пріидетъ.

Какъ образчикъ стихотвореній Сковороды, приводимъ слѣдующую извѣстнѣйщую пѣсню его: „*Всякому городу нравъ и права*“, изъ сборника Сковороды: „*Садъ божественныхъ пѣсней*“ присланнаго

намъ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году, сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она.

ПѢСНЬ Х-я. »ВСЯКОМУ ГОРОДУ.«

Всякому городу нравъ и права́
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новой манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
*

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта́,
Сей иностранны заводитъ скота́.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Строитъ на свой тонъ юриста права́
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшна́, замашная косо́!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?..
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Въ книгѣ Сковороды „*Дружескій разговоръ*„ (*) мы нашли еще одну характеристическую басню. Вотъ она:

(Стр. 10 и 11.) »Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.—Двѣ дороги, говорилъ имъ человѣколюбивый старикъ: вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ: а другая съ обинякомъ, Совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите:—и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — »Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ.«—И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожанной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое же судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: »не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте: по ту сторону бездны чернѣетъ что-то....« Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщеющему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: «боязливаго сына матери плакать нѣчево.« (Стр. 26 и 27.) »Любить мудрыхъ совѣты значитъ: самому себѣ зажигать факелъ, для безпреткновеннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ узнать самаго себе и слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства. Отсюду разжается благословенное оное царство, владѣть собою могти: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютѣйшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ, ѣхать. Всѣхъ наукъ сѣмена внутрь человѣка сокрываются.« (Стр. 53.) Сіе есть высокопостепенное сумазбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце: отворился ключъ здоровыхъ водъ; изобрѣтена соль... Самонужность есть повсемѣственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грыбами родилось (Стр. 92 и 93.) Потеряли цѣну свою Пророки языческіе тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному, перенесли оное на князи, на сыны человѣческіе. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія.

(*) »*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*« Г. В. Сковороды. Москва. 1837 г.

намъ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году, сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она.

ПѢСНЬ X-я. »ВСЯКОМУ ГОРОДУ.«

Всякому городу нравъ и правá
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новой манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
*

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтá,
Сей иностранны заводитъ скотá.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Строитъ на свой тонъ юриста правá
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшнá, замашная косó!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кто жъ на ея плюстъ острую сталь?..
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Въ книгѣ Сковороды „*Дружескій разговоръ*„ (*) мы нашли еще одну характеристическую басню. Вотъ она:

(Стр. 10 и 11.) »Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.—Двѣ дороги, говорилъ имъ человѣколюбивый старикъ: вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ: а другая съ обинякомъ, Совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите:—и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — »Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ.«—И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожанной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое же судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: »не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте: по ту сторону бездны чернѣетъ что-то....« Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщеющему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: «боязливаго сына матери плакать нѣчево.« (Стр. 26 и 27.) »Любить мудрыхъ совѣты значитъ: самому себѣ зажигать факелъ, для безпреткновеннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ узнать самаго себе и слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства. Отсюду разжается благословенное оное царство, владѣть собою могти: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютѣйшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ, ѣхать. Всѣхъ наукъ сѣмена внутрь человѣка сокрываются.« (Стр. 53.) Сіе есть высокопостепенное сумазбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ взошло солнце: отворился ключъ здоровыхъ водъ; изобрѣтена соль... Самонужность есть повсемѣственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грыбами родилось (Стр. 92 и 93.) Потеряли цѣну свою Пророки языческіе тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному, перенесли оное на князи, на сыны человѣческіе. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія.

(*) »*Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ*« Г. В. Сковороды. Москва. 1837 г.

Изъ этихъ отрывковъ, надѣемся, достаточно видны собственно литературныя достоинства Сковороды. Намъ остается кончить нашъ очеркъ погоднымъ „*Перечнемъ печатныхъ сочиненій Сковороды*“ и по возможности полнымъ *Перечнемъ неизданныхъ сочиненій Сковороды и печатныхъ статей*“ о немъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ очеркомъ современнаго ему общества, съ жизнеописаніемъ Сковороды и этимъ библіографическимъ обзоромъ, читатель будетъ имѣть полный очеркъ жизни и трудовъ писателя, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ памяти и уваженія.

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

(Съ 1798 — 1854 годъ)

1798 годъ.

1) Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самаго сѣбя. Изд. М. Антоновскимъ, 3 части. С. Петербургъ, 1798 г. При Императорской Академіи Наукъ. (Цензоръ архимандритъ Антоній) Въ 12 д. л., 225 стр.

Посвященіе: ›Императору Павлу Первому.‹ Въ *Предисловіи* говориться отъ издателя: ›По начертанію, сдѣланному въ книжкѣ: *Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ*, которую я предъ симъ осмѣлился посвятить вашему Импер. Величеству, издавая во-первыхъ сію Библіотеку Духовную, для усерднаго содѣйствованія вводимому отъ Вашего Величества истинному просвѣщенію подданныхъ, полагаю оную къ Монаршимъ стопамъ — всеподданнѣйшій *Михаилъ Антоновскій.*‹ — Имени Сковороды въ книгѣ нигдѣ не упоминается, вѣроятно, съ понятною спекулятивною цѣлью. — На заголовкѣ книги картинка, съ надписью, ›*Познай себя.*‹

Книга эта упомянута впервые въ ›Опытѣ росс библіографіи‹ Сопикова, ч. 2, 1814 г., 53 стр., подъ № 2, 216. Здѣсь, передъ словомъ: *рѣдка*, стоитъ прямо приписка: *Соч. Г. Сковороды.* По сличеніи ея съ рукописями Сковороды, это несомнѣнно. У Сковороды книга называется: ‹*Асхань о познаніи себя.*› Въ библіотекѣ Преосвященнаго Иннокенія въ Одессѣ она прямо означена словами: ›Напечатана въ Петербургѣ въ 1798 году.‹ — По Смирдинскому каталогу она значится также съ именемъ Сковороды, подъ № 1239, съ припискою. 3 р. асс.

Мы видѣли эту книгу въ Имп. Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ она находится въ VI залѣ, въ VIII шкафѣ, подъ № 62.

1806 годъ.

2) Начальная дверь ко христіанскому добронравію Приписка; »*Написана въ 1766 году, для молодаго шляхетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Твореніе Г. Сковороды.*« Въ »Сіонскомъ Вѣстникѣ« 1806 года, изд. Ѳеопемптомъ Мисаиловымъ, ч. III. стр. 156—179.—О помѣщеніи статьи здѣсь нигдѣ не упомянуто.—Въ началѣ статьи предисловіе издателей »Вѣстника о жизни Сковороды.«

Краткое содержаніе статьи, по рукописи, приведено г. Срезневскимъ въ его »Запискахъ о Сковородѣ« въ »Утренней Звѣздѣ« 1834 г., стр. 73 — 74. Отрывокъ изъ нея, начало именно, въ 3 страницы, помѣщенъ имъ же, впослѣдствіи, въ »Москвитянинѣ« 1842 г., стр. 117—119, о чемъ говорится въ »Указателѣ Москвитянина« П. И. Бартенева, во »Временникѣ И. М. Общ. Ист. и Древ. Росс.« 1855 г., кн. XXI. стр. 62.

1831 годъ.

3) Три пѣсни Сконороды, стихотворенія, въ »*Телескопъ*« 1831 г., ч. VI, стр. 578—582. (Сообщены Д. Хиждеу). Изъ заглавія: I. »*Ой ты, птичко желтобока,*« II. »*Ой поля, поля зелены*« и III, »*Всякому городу нравъ и права.*«

Это взято изъ неизданнаго тогда рукописнаго сборника Сковороды: »*Садъ божественныхъ пѣсней*«, гдѣ всѣ три пѣсни приведены подъ цифрами XVIII, XIII *и* X. Такъ замѣчаетъ издатель. Между тѣмъ въ книгѣ »Сочиненія Сковороды«, изданной 1860 г. подъ №№ X, XIII и XVIII помѣщены въ »Садѣ божественныхъ пѣсень« пѣсни: »Нельзя бездны океана«—»Колика слава нынѣ« и »Ахъ ты тоска проклята«.

Послѣдняя пѣснь »*Всякому городу нравъ и права*« самая популярная изъ пѣсень Сковороды на Украинѣ, въ устахъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Впослѣдствіи она подверглась измѣненіямъ у самаго народа и любопытный варіянтъ ея съ подлинникомъ, приведенъ еще въ статьѣ г. Срезневскаго, въ »Утренней Звѣздѣ« 1835 г., стр. 82—88.

1836 годъ.

4) Отрывки изъ разныхъ сочиненій Сковороды приведены въ »*Московскомъ Наблюдателѣ*« 1836 г., ч. VI, стр. 205—736 въ повѣсти г. Срезневскаго »*Майоръ майоръ!*«—Здѣсь они приведены на страницахъ: 211-й »Не забросать горстью персти бездны океана«—443-й отрывокъ изъ »Думы о раѣ земномъ«—447 кантъ »О Боже живый глаголъ«. — Самая повѣсть можетъ быть принята за рядъ искусныхъ образцовъ устной рѣчи Сковороды.

1837 годъ

5) Убогій жайворонокъ. Причта Г. В. Сковороды. Издан-

ная И. Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ (*) Москва въ типографіи Рѣшетникова, 1837 г. (Цензоръ И. Снегиревъ, 21 февр. 1836 г.) 32 стр,, in 8.

Передъ книгой «Предисловіе» въ двѣ страницы, о жизни Сковороды, съ подписью: *М. Макаровъ* и *И. Рѣшетниковъ, члены Попечительнаго Комитета.*—Тутъ же въ началѣ помѣщено, приведенное нами въ статьѣ, письмо Сковороды къ Дискому, отъ 1787 г. Въ концѣ книги приложена: »Пѣснь Рождеству Христову« смѣсь прозы и стиховъ, и »Примѣчанія.«

Книга эта упомянута въ »Реестрѣ книгъ« Ольхина. IV отд., подъ № 998.

6) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ. Г. В. Сковороды. Москва. 1837 г. Въ тип. Рѣшетникова. 94 стр., in 8°. (Цензоръ архимандритъ Филаретъ).

Въ началѣ посвященіе и письмо къ Тевяшеву, приведенныя нами въ статьѣ о жизни Сковороды.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 237, VIII отд.

7) Бесѣда двое. Г. В. Сковороды. Москва, въ тип. Рѣшетникова. 1837 г. (Цензоръ Виѳанской семинаріи ректоръ Агапитъ, 15 сент. 1836 г. 50 стр., in 8°).

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, VIII отд., № 194.—Въ »Третьемъ продолженіи« Крашенинникова, отд. 1, упомянута подъ № 12,044.

8) Басни Харьковскія Г. В. Сковороды. Москва, въ т. Рѣшетникова. 1837 г. (Цензоръ архим. Агапитъ). 59 стр., in 8°.—Посвященіе *Панкову.* Письмо вначалѣ, приведенное нами въ своемъ мѣстѣ, выше отъ 1774 г. изъ села Бабаевъ.—Всѣхъ басень 30. (Смѣсь прозы и стиховъ; въ концѣ нѣкоторыхъ стоитъ *сила*, или выводъ).

Содержаніе басень: 1) Собаки.—2) Ворона и чижъ.—3) Орелъ.—4) Голова.—5) Чижъ и щеголъ.—6) Колеса часовыя.—7) Орелъ и сорока.—8) Голова и тулупъ.—9) Мурашка и свинья.—10) Двѣ курицы.—11) Вѣтеръ и философъ.—12) Оселка и ножъ.—13) Орелъ и черепаха.—14) Сова и дроздъ.—15) Змія и буффонъ.—16) Жабы.—17) Два цѣнные камушка.—18) Собака и кобыла.—19) Кротъ, нетопырь и два птенца. (При этомъ въ письмѣ приписка »крота изъ преисподней«, отъ 1774 г.)—20) Верблюдъ и олень.—21) Кукушка и дроздъ.—22) Навозъ и алмазъ —23) Собока и волкъ—24) Кротъ и линксъ.—25) Левъ и обезьяна.—26) Щука и ракъ.—27) Пчела и шершень.—28) Оленица и кабанъ.—29) Старуха и горшечникъ.—30) Соловей, жаворонокъ и дроздъ.

(*) Равно и слѣдующія остальныя сочиненія въ этомъ спискѣ, изданы тѣмъ же Комитетомъ.

Упомянута въ »Реестрѣ« Ольхина, подъ № 192, VIII отд.—У Крашенинникова въ »Третьемъ прибавленіи къ росписи книгамъ Смирдина« 1852 г., на стр. 173.

1839 годъ.

9) Брань Архистратига Михаила съ сатаною, о семъ: легко выть благимъ. Г. В. Сковороды. — Москва, въ тип. Рѣшетникова, 1839 г. 45 стр. текста и VII стр. примѣчаній—(Цензоръ, ректоръ, архимандритъ Филаретъ, 8 нояб. 1836 г.)

1854 годъ.

10 Пѣсня: »Ахъ счастье, счастье, бѣдное, злое!«, въ »Инвалидѣ« 1854 г., № 94, 28 апрѣля, въ статьѣ В. Аскоченскаго: »*Русскій композиторъ Веделевъ.*«

1860 годъ:

11) *Сочиненія въ стихахъ Григорія Савича Сковороды, съ его портретомъ и почеркомъ его руки. С. Петербургъ.* (Неизвѣстнаго издателя). 312 страницъ.

Содержаніе. I) XXXIII стихотворенія—Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ св. Писанія; II). Проза: 1) Разговоръ о томъ — знай себе; 2) Убогій жайворонокъ; 3) Борьба и пря о томъ—претрудно быть злымъ, легко быть благимъ: 4) Бесѣда двое; 5) Пря бѣса со Варсавою; 6) Начальная дверь къ христіанскому добронравію, и 7) Самопознаніе.

Изъ этой прозы новаго, впервые здѣсь въ книгѣ изданнаго, только »Пря бѣса со Варсавою«, изъ которой впрочемъ напечатаны выдержки въ »Исторіи философіи« архим. Гавріила, томъ VI, 69 стр. Казань. 1840 г.; и »Разговоръ о томъ — »знай себе«. — Эта безграмотная и неопрятная книга вообще издана очень странно; въ списокъ подписчиковъ на нее внесены имена людей, никогда на нее неподписывавшихся. Къ ней не приложено никакихъ поясненій, какъ составилась книга и откуда взяты нѣкоторыя ея указанія и самыя статьи. Она такимъ образомъ не можетъ служить даже слегка сноснымъ источникомъ къ объясненію сочиненій Сковороды и можетъ назваться спекулятивнымъ и постыднымъ явленіямъ русской литературы. — Приложенныя къ концу книги »письма Сковороды« составляютъ перепечатку изъ »Молодика.« Въ нее между прочимъ попало народное стихотвореніе о переведеніи Запорожцевъ на Тамань.

2.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

М. Ковалѣнскій, въ рукописномъ сочиненіи своемъ »Житіе Сковоро-

ды, описанное другомъ его«, въ концѣ приводитъ списокъ неизданныхъ еще въ его время, 1794 года, и упомянутыхъ самимъ авторомъ въ письмѣ къ нему, сочиненій Сковороды. Опуская изъ этого списка напечатанныя вещи, означенныя нами выше, приводимъ не напечатанныя:

1) Наркизъ, узнай себя.
2) Симфонія, рекъ: сохраню пути моя.
3) Симфонія, аще не увѣси.
4) Неграмотный Марко.
5) Алфавитъ міра, о природѣ.
6) Разговоръ—Кольцо.
7) Древній міръ.
8) Жена Лотова.
9) Икона Алкивіадская (*).
10) Бесѣда I. Сіонъ (**).
11) Бесѣда II. Сіонъ.
12) Діалогъ—душа и нетлѣнный духъ.
13) Благодарный Еродій.

ПЕРЕВОДЫ:

14) О старости Цицероновой.
15) О Божіемъ правосудіи.
16) О смерти.
17) О храненіи отъ долговъ.
18) О свойствіи душевномъ.
19) О уединеніи, Сидронія.

Ковалѣнскій прибавляетъ: »Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія *доставилъ онъ писанныя всѣ рукою своею другу своему*, и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу.—Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на россійскомъ и латинскомъ языкѣ находятся письма его, весьма поучительныя, писанныя другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, *которыхъ собраніе частію хранится у друга его.*«—Если со времени 1794 года уцѣлѣли въ семействѣ М. И. Ковалѣнскаго всѣ эти рукописи Сковороды, любопытно было бы издать ихъ въ свѣтъ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Въ »Молодикѣ« 1843 г., г. Срезневскій называетъ слѣдующія неизданныя и не упомянутыя Ковалѣнскимъ сочиненія Сковороды (стр. 239—240):

20) О древнемъ зміи или Библіи.

»Списокъ«, по его словамъ, »сдѣланный священникомъ Ѳ. Залѣсскимъ,

(*) Хранилась у Иннокентія.

(**) Хранится у Ѳ. И. Глинки.

въ 1763 г. декабря 10, хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета«.

21 Садъ божественныхъ пѣсней.

Кромѣ опубликованныхъ въ изданіи »сочиненій Сковороды« 1860 года, по словамъ г. Срезневскаго — »между 26 и 27 пѣснями, помѣщена мелодія, Carmen, по-русски и по латини, 1760 года. Въ спискѣ же профессора Е. М. Филомаѳитскаго еще прибавлены 29 и 30. Надъ 29—1788 годъ, сентября 17 ч., село Великій Бурлукъ.

22) Двѣ проповѣди: »Убуждшеся, видеша славу его« и »Да лобжетъ мя«.

23) Толкованія изъ Плутарха, о тишинѣ сердца.

А. Хиждеу, въ »Телескопѣ« 1835 г.' XXVI ч., стр. 12—157, упоминаетъ неизданныя сочиненія Сковороды.

24) Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Православная.

»По словамъ магистра Кіевской Духовной Академіи, Симеона Рудзинскаго«, говоритъ Хиждеу »это рецензія на другое сочиненіе самого Сковороды—Жена Лотова.«

25) Бесѣда ангельская о клеветѣ діавольской.

26) О внутреннемъ человѣкѣ. Разговоръ I. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

27) Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи.

Хиждеу прибавляетъ: »Такъ называется сочиненіе, которое есть родъ *автобіографической записки*. Оно писано по желанію Архіепископа Георгія Конискаго, въ видѣ письма къ нему изъ Бурлука, отъ 1789 г., 5 мая.«—Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Любопытно бы видѣть рѣшеніе этого вопроса въ пользу или не въ пользу г. Хиждеу. Мы не имѣемъ для этого пока данныхъ.

Кромѣ этихъ печатныхъ указаній на рукописныя сочиненія Сковороды, мы имѣли подъ рукою присланныя намъ отъ разныхъ лицъ списки сочиненій его, за которыя здѣсь приносимъ искреннѣйшую признательность.

Отъ покойнаго преосвященнаго Иннокентія, изъ Одессы черезъ посредство профессора Зеленецкаго, намъ были присланы слѣдующія неизданныя рукописи сочиненій Сковороды, кромѣ приведенныхъ выше въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ, которыми мы и пользовались для настоящаго труда.

28) Маленькій свиточокъ, изъ Плутарха Херонскаго, о добротѣ и злобѣ.

29) Трагедо-комедія (Въ силлабическихъ стихахъ).

30) О богослуженіи на небѣ.

31) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ

32) О первомъ состояніи человѣка послѣ смерти.

Отъ г. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ сочиненій Сковороды, намъ присланъ былъ списокъ не изданнаго разсужденія Сковороды:

33) Сфинксъ о древнемъ мудрецѣ Идипѣ.

Въ Имераторской Публичной Библіотекѣ мы нашли *собственноручную неизданную рукопись Сковороды:*

34) Книжечка Плутархова о спокойствіи души. 40 страницъ, въ четвертку листа.

Въ »отчетѣ И. Публичной Библіотеки« за 1852 г., стр. 53, подъ рубрикою: Матеріялы для новой русской исторіи и для исторіи нашей словесности,—говорится объ этой рукописи: »Поступило изъ собранія г. Погодина подлинное разсужденіе философа Сковороды, *о Спокойствіи души.*

35) Черезъ посредство А. М. Лазаревскаго, мы получили отъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ Черниговской губерніи, слѣдующую замѣтку о неизданныхъ еще пѣсняхъ Сковороды:

»Найденъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, при *Запискахъ моего дѣда*, хорунжаго нѣжинской полковой артиллеріи, Василія Осиповича Бѣлозерскаго, веденныхъ *съ 1772 по 1812 годъ*, въ г. Борзнѣ, Черниговской губерніи, переписанныя рукою моего дѣда, почеркомъ конца XVIII столѣтія, списокъ *пѣсни Сковороды*: Ахъ, ушли мои лѣта, якъ вѣтры съ круга свѣта. — Ажъ тутъ и смерть за мною, страшная собою. — Лютѣ, звѣрски рыкаетъ, въ путь скоро понуждаетъ. А що жъ то за дорога? То жъ на той свѣтъ до Бога. Съ чимъ же я тамъ явлюся и чимъ Богу поклонюся? Но дарма порицаю, на смерть вину складаю. Моя жъ то воля злая, жила лѣта драгая. Сотнѣ лѣтъ заклaдала, о смерти же не гадала. Якъ же по той дорозѣ, пройти душѣ моей небозѣ? О Троице преблагая, прости дѣла моя злая! и Стану добро творити, за дѣла моя злая слезити.«

36) Наконецъ, *А. Л. Метлинскій* писалъ намъ въ 1856 г., изъ Харькова, слѣдующее: »Я пересмотрѣлъ рукописи *Библіотеки, Харьковскаго Университета*. Ни по реестру ни на дѣлѣ, болѣе двухъ не оказалось, обѣ съ надписью: *Сочиненія Сковороды, собранныя протоіеремъ Θедоромъ Залѣсскимъ, 1763 года, декабря 10.* Первая заключаетъ въ себѣ: »*Письмо—басня, Пустынникъ и его другъ;*« вторая: »*Борьба и пря о томъ — претрудно быть злымъ, легко быть благимъ*«. Это все статьи мистическаго содержанія, писанныя прозою и стихами. Какъ мы знаемъ, »Борьба« напечатана въ 1860 году. Мы нашли надъ сборникомъ Залѣсскаго

надпись, по латинѣ: Sacra scriptura in nulla parti die cordat.

37) Въ Харьковской университетской библіотекѣ хранится еще рукопись, пожертвованная туда въ 1861 г. книгопродавцемъ И. Т. Лисенковымъ гдѣ приложено письмо подлинное Сковороды 1779 г. февраля 19, приведенное нами выше.

3.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СТАТЕЙ О СКОВОРОДѢ.

Печатныя статьи о Сковородѣ разбросаны въ разныхъ журналахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ полный перечень, въ хронологическомъ порядкѣ.

1) »Сіонскій Вѣстникъ«, на 1806 г., изд. Ѳеопемптомъ Мисаиловымъ, ч. III, августъ, С.П.бургъ, стр. 156—179. статья: »*Начальная дверь ко христіанскому добронравію*«, твореніе Г. Сковороды, съ нѣсколькими строками о жизни послѣдняго. Этотъ рѣдкій журналъ издавался въ *1806 году*. На III части тогда же онъ прекратился, и сталъ снова выходить въ *1817 и 1818 годахъ*. Въ послѣднемъ, на VIII части, прекратился, и болѣе уже не выходилъ.

2) »Украинскій Вѣстникъ« 1817 года, изд. Е. Филомаѳитскимъ и Р. Гонорскимъ, Харьковъ, апрѣль, ч. VI, въ смѣси, стр. 106—131, статья: »*Сковорода Украинскій философъ*«, за подписью: Уставъ Гессъ-де-Кальве и Ив. Вернетъ, съ присоединеніемъ двухъ писемъ Сковороды къ купцу Е. Е. Урюпину.

3) »Отечественныя Записки« 1823 года, изд. Павломъ Свиньинымъ, С. Петербургъ, ч. XVI, № 42 и 43, стр. 96—106 и 249—263, статья: »*Украинскій философъ, Григорій Савичъ Сковорода*« за подписью *И. Сн.*, т. е Ив. М. Снегиревъ. Въ выноскѣ сказано, что статья эта писана на основаніи вышеприведенной статьи »Украинскаго Вѣстника« и рукописной біографіи Сковороды, составленной его другомъ М. И. К—скимъ, т. е. М. И. Ковалѣнскимъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

4) Bulletin du Nord, journal scientifique et letteraire, publié à Moscou par G. le Comte de Laveau« въ 1828 году, въ смѣси, тетрадь 10 и 11 стр. 149—156 и 270 275, томъ 3, сентябрь, статья Снегирева, въ переводѣ:, Gregoire Savitsch Skovoroda, philosophe de l'Ukraine«, съ примѣчаніемъ: »Trad. par. Mr. M.** du russe de Mr. Sneguirow«, (Вѣроятно Hippolyte Masclet участвовавшій здѣсь.)

5) »Телескопъ«, журналъ современнаго просвѣщенія. изд. Н. Надеждинымъ, Москва, 1831 года, ч. VI, стр. 578—582, статья: »*Три пѣсни Сковороды*«, съ примѣчаніемъ сообщено: оть А. Хиждеу. Самыя пѣсни слѣдующія: »Ой ты птичко желтобока« — »Ой, поля, поля зелены« и »Всякому городу свой правъ и права«.

5) »Ученыя записки И. Москов. Университета« 1833 г., ч. I, смѣсь, въ статьѣ Снегирева: »*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*«, на стр. 695, нѣсколько строкъ о Сковородѣ, приводимыхъ нами цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ.

7) »Утреняя Звѣзда«, собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, Харьковъ, 1834 года, книжка I, стр. 67—92, статья: »*Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ*«, за подписью: *И. С.р.з.к.*, т. е. И. И. Срезневскій. Здѣсь приложенъ литографированный портретъ Сковороды и два варіянта пѣсни его: »Всякому городу нравъ и права«, Къ статьѣ присоединено примѣчаніе Квитки. Подъ статьею помѣтка: »Варваровка на Днѣпрѣ, 1833 г., фев. 11.«

8) »Телескопъ« 1835 г., ч. XXVI, № 5 и 6, стр. 3—42 и 151—178, статья: »*Григорій Варсава Сковорода, историко-критическій очеркъ*«, отрывокъ первый: »Общее основное понятіе о Сковородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія« — съ выноскою, что эта статья извлечена изъ рукописи: »Gregor Skoworoda's Lebenswandel unp Wirkungskreis, oder historisch—kritik Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görres, Professor an der Universität zu München«—безъ подписи. Статью эту г. Срезневскій, въ »Молодикѣ« 1843 г., порицая за нѣкоторыя неточности, приписываетъ А. Хиждеу. Къ статьѣ приложены примѣчанія: »Сковородинскій Идіотиконъ«.

9) »Московскій Наблюдатель« журналъ энциклопедическій, 1836 года, Москва, ч. VI стр. 205—238, 435—468 и 721—739, повѣсть: »*Майоръ, майоръ!*«, за подписью; Срезневскій. Это разсказъ объ одномъ событіи изъ жизни Сковороды, съ отрывками его изрѣченій и кантовъ.

10) »Картины Свѣта«, энциклопедическій живописный альманахъ, на 1836 годъ, съ политипажными рисунками, Москва, изданіе А Вельтмана; листъ 24, статья безъ подписи: »*Григорій Савичъ Сковорода*«, стр. 373—380. Въ заголовкѣ статьи приложенъ портретъ Сковороды, копія помѣщеннаго при »Утренней Звѣздѣ«: Самая статья есть перепечатка, въ сокращеніи, статьи Снегирева.

11) »Исторія русской философіи«, симбирской семинаріи ректора, Архимандрита Гавріила, Казань, 1840 года, ч. VI, стр. 53—70. § 154, статья: »*Григорій Савичъ Сковорода*«. Это сокращеніе статьи Снегирева и статьи Хиждеу о характерѣ ученія Сковороды, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ изъ рукописи Ковалѣнскаго, которою авторъ, очевидно, пользовался. Отсюда перепечатана въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, XXX ч., отд. VI, стр. 11—14, въ обозрѣніи журналовъ, такъ какъ книга А. Гавріила появилась сперва въ »Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета«.

12) »Москвитянинъ« 1842 года, ч. I, стр. 117—119, въ матеріялахъ, статья: »*Преддверіе Григорія Савича Сковороды*«, съ подписью: доставлено г. Срезневскимъ.

13) »Мододикъ«, украинскій литературный сборникъ, изд. И. Бецкимъ, 1843 г., Харьковъ, стр. 229—244, двѣ статьи: »*Письмо къ издателю*« Василія Каразина и »*Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сковороды*« И. И. Срезневскаго. Къ книгѣ »Молодика« приложенъ, подъ № 18, на 7 листѣ приложеній, литографическій списокъ автографа Сковороды, именно строки: »*Воля! о, небесный адъ! всѣ тебѣ ядь, всѣмъ ты ядъ!* »*Старчикъ Григ. Сковорода.*«

14 »Иллюстрація 1847 года. Здѣсь въ IV т., на стр. 24, съ подписью. *Григорій Савичъ Сковорода*, помѣщенъ довольно дурной списокъ портрета Сковороды, помѣщеннаго въ »Утренней Звѣсдѣ« и въ »Картинахъ Свѣта«, несхожій съ подлинникомъ, въ другой позѣ и съ добавленіемъ книги въ рукахъ Сковороды. Любопытно, что въ оглавленіи содержапія Иллюстраціи, за 1847 г., IV тома, подъ »Біографическими очерками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей« стоитъ строка: *Григорія Сав. Сковороды — стр. 30-я*« но этой біографіи ни здѣсь, ни при портретѣ не помѣщено.

15) »Москвитянинъ« 1849 г., ч. XXIV, стр. 68, III отд., нѣсколько строкъ, подъ именемъ: »*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ Епископомъ Тихономъ III, въ Острогожскѣ.*« Подпись; »Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа.«

16) »Кіевскія Губернскія вѣдомости« 1855 г.. въ неофиц. части (№ 42, 43 и 44, заоктябрь), статья: »Григорій Савичъ Сковорода« съ подписью: В. Аскоченскій и съ примѣчаніемъ: »Изъ втораго тома—Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академіею.« По другому примѣчанію и по выпискамъ автора видно, что любопытная статья его, по примѣру г. Снегирева, составлена по рукописи Коваленскаго; но къ сожалѣнію, г Аскоченскій вовсе упустилъ изъ виду другіе, печатные источники о Сковородѣ. Въ выноскѣ онъ прибавляетъ »*Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Погодину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.*« Рукописи этой г. Погодинъ не передавалъ въ Публичную Библіотеку и мы ее тамъ не нашли.

17) »Памятная книжка Кіевской губерніи«, составленная редакторомъ Кіевскихъ губернскихъ Вѣдомостей, Н. Чернышевымъ, на 1858 годъ. Кіевъ. Статья (стр. 105 — 122): »Григорій Савичъ Сковорода«—коротенькіе отрывки ихъ печатныхъ статей о Сковородѣ, безъ ссылки на источники.

18) Коротенькое »Свѣдѣніе о Сковородѣ« на двухъ страничкахъ

безъ ссылокъ и указаній источниковъ, при книгѣ:‹ Сочиненія Сковороды‹, 1860 года.

19) Полемическій отвѣтъ *И. И. Костомарова,* (по поводу статьи о Сковородѣ Вс. Крестовскаго въ ›Русскомъ Словѣ‹)—въ Основѣ, 1861 года.

20) *Отвѣтъ на рецензію* Вс. Крестовскаго — въ ›Петербургскихъ Вѣдомостяхъ‹ 1861 г., декабря 12.

21) ‹*Замѣтки о Сковородѣ*‹ въ ›Воронежскомъ литературномъ сборникѣ выпускъ I, Н. Гарденина и Н. Малыхина, 1861 г., ›Григорій Савичъ Сковорода‹, стр. 249—264 за подписью: А. К. Источникомъ имъ служили, повидимому, только печатныя свѣдѣнія о Сковородѣ.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

II.

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

(Съ 1773 по 1842 г.)

II.

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

(Съ 1773 по 1842 г.)

Предки.—Караджи.—Назаръ Каразинъ.—Дѣтство В. Н. Каразина.—Отъѣздъ въ Петербургъ и бѣгство за границу.—Резолюція Императора Павла.—Записка, поданная Императору Александру I-му.—Близость ко двору.—Отрывки изъ формуляра В. Н. Каразина.—Характеръ его.—Статья В. Анастасевича.—Отрывокъ изъ записокъ Державина.—Первые труды.—Открытіе университета въ Харьковѣ, какъ подвигъ В. Н. Каразина.—Попытки эманципаціи собственныхъ крестьянъ и изданный имъ опытъ уставовъ имѣній.—Открытіе филотехническаго общества въ Харьковѣ.—Заботы о домоводствѣ и хозяйствѣ Украины.—Остальная жизнь въ деревнѣ.—Пожаръ дома и библіотеки.—Общество вспоминаетъ его въ 1833 году.—Участіе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.—Отѣздъ въ Крымъ и смерть.—Списокъ сочиненій В. Н. Каразина.

I.

Василій Назарьевичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, первый эманципаторъ изъ украинскихъ помѣщиковъ и долгіе годы неутомимый, рѣдкій дѣятель въ молодомъ еще тогда, слободско-украинскомъ обществѣ, до сихъ поръ не имѣлъ у насъ біографіи. Въ литературѣ нашей вы тщетно стали бы искать даже списка его сочиненій, или хотя двадцати строкъ послѣдовательнаго, въ общепринятыхъ словахъ, перечня годовъ его жизни и служебнаго формуляра. Съ большимъ трудомъ, при помощи его семейныхъ бумагъ, благосклонно ввѣренныхъ мнѣ сыномъ его, Ф. В. Каразинымъ, и при нѣкоторыхъ любопытныхъ библіографическихъ указаніяхъ Г. Н. Геннади, удалось мнѣ наконецъ открыть цѣлый рядъ неизвѣстныхъ и разбросанныхъ въ кучѣ журналовъ нашихъ (съ 1807 по 1842 годъ), сочиненій В. Н. Каразина. Одна забытая статья покойнаго вызывала находку другой, и такимъ образомъ, впервые, составился, у меня по

годамъ, списокъ сочиненій В, Н. Каразина, съ подробнымъ указаніемъ ихъ появленія и, гдѣ нужно, краткаго ихъ содержанія, прилагаемый здѣсь въ концѣ статьи. По нимъ лучше всего опредѣляются черты этой замѣчательной личности. Затѣмъ, прося знающихъ дополнить то, что здѣсь могло быть пропущено, спѣшу оговорить, что въ семъ разсказѣ о жизни В. Н. Каразина я ограничивался, для первой попытки, подлинными выписками, собранными изъ разныхъ мѣстъ его печатныхъ статей, приводя вездѣ ссылки на страницы ихъ (по подробному списку этихъ статей въ концѣ моего очерка), прибавилъ къ этимъ выпискамъ отрывки изъ неизданнаго, письменнаго, подлиннаго разсказа о жизни отца, составленнаго для адмирала Лазарева сыномъ В. Н. Каразина, Ф. В. Каразинымъ, отрывки изъ сохраненнаго, въ семействѣ покойнаго, его послужнаго списка, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для соединенія разрозненныхъ чертъ, я позволилъ себѣ привести отзывы о немъ постороннихъ лицъ, съ ссылкою на послѣднихъ. Отъ души желаю, чтобы мой очеркъ вызвалъ наконецъ полные разсказы другихъ, особенно петербургскихъ современниковъ покойнаго, и съ радостью спѣшу прибавить, что вскорѣ можетъ осуществиться предпріятіе изданія подлинныхъ *„Записокъ и писемъ В. Н. Каразина“*, хранимыхъ въ его семьѣ. Повторяю: очеркъ мой есть сводъ указаній, основанныхъ на несомнѣнныхъ данныхъ для полной біографіи В. Н. Каразина, гдѣ долженъ наконецъ явиться судъ надъ этимъ общественнымъ украинскимъ дѣятелемъ, о которомъ, между тѣмъ, въ наше время носится столько разнорѣчивыхъ толковъ, какъ о лицѣ загадочномъ.

Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года. (*) Отецъ его былъ происхожденіемъ грекъ, изъ дворянскаго семейства *Караджи*. Въ собственноручныхъ замѣткахъ „Дневника“ В. Н. Каразина, сохраненнаго въ его бумагахъ, находится такое извѣстіе: „Я родился 1773 г., на разсвѣтѣ января 30-го, въ селѣ Кручикѣ, Слободско-Украинской губерніи, Краснокутскаго комисса-

(*) Весь этотъ начальный разсказъ заимствую изъ *«Записки о жизни отца»*, составленной Ф. В. Каразинымъ, кромѣ указаній найденныхъ мною самимъ въ другихъ мѣстахъ..

ріатства, въ послѣдствіи Богодуховскаго уѣзда, въ простой хатѣ крестьянина нашего, Минченка, по случаю того, что домъ отца моего еще не былъ конченъ, родился замертво и былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя замѣнено Василіемъ.“

Отецъ матери его, Як. Ив. Ковалевскій, былъ сотникъ харьковскаго полка, женатый на М. В. Магденко, по первому мужу своему бывшей Логачевой.

Родоначальникъ семейства Караджи, переселившагося въ Россію при Петрѣ I, Григорій Караджи, былъ софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. Сынъ его Александръ, былъ уже капитаномъ русской гвардіи, и умеръ въ 1753 г., въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы. Сынъ Александра и отецъ виновника этой статьи, Назаръ, былъ уже однако извѣстнымъ человѣкомъ. Говоря по-гречески и по-турецки, онъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціею. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенною бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ были четыре дна, между средними спрятаны были бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ, и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили, на разсвѣтѣ утра, за работою надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы, и привелъ еще съ собою 3,000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали начальникомъ ихъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ предъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными. — В. Н. Каразинъ, въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ печатныхъ статей, говоритъ: „Маіоръ, а въ послѣдствіи полковникъ Назаръ Каразинъ, былъ употребленъ, въ 1768 и слѣдующихъ годахъ, до открытія турецкой войны, въ секретныя посылки и негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостоивалъ своими письмами даже послѣ его отставки, а Ека-

терина II-я наградила недвижимымъ имѣніемъ." („Рѣчь о люб. къ от." стр. 196). Въ печатныхъ *„реляціяхъ"* о Екатерининскихъ войнахъ, объ этомъ человѣкѣ сохранено нѣсколько извѣстій. Такъ, подъ 1770 годомъ, говорится: „7,000 турковъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Букареста. Всѣ почти, предводимые Каразинымъ, пали..." Спасся самъ предводитель, съ немногими арнуатами.—За то, по словамъ реляціи 1768 года: „Подполковникъ Каразинъ, со ввѣренными ему арнуатами, приблизясь къ Букаресту, столицѣ Княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско, и взялъ въ полонъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ и привелъ въ городъ Яссы." — Въ отставкѣ онъ подвергался зависти и интригамъ: но Императрица Екатерина II-я наградила его помѣстьемъ (*) въ 500 душъ крестьянъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Харькова. О немъ также есть свѣдѣнія въ „Русской Исторіи" Глинки (т. IX, стр. 66-я). Этимъ ограничиваются наши источники о родѣ Каразиныхъ.

В. Н. Каразинъ, по словамъ сына его, Ф. В. Каразина („Записка о жизни отца"), начальное воспитаніе свое получилъ сперва въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Далѣе, въ отрывкахъ изъ статей В. Н. Каразина, („Рѣчь о любви къ от.", стр. 196,) я привожу найденный мною отзывъ его о содержателяхъ этихъ пансіоновъ. Теперь скажу, что имена этихъ замѣчательныхъ людей были: Хр. Ив. Фирлингъ и Ив. Пет. Шульцъ „Записка" сына его говоритъ, что на одиннадцатомъ году, В. Н. Каразинъ самъ, лично прійдя изъ пансіона, подалъ прошеніе графу Румянцову-Задунайскому, проѣзжавшему тогда черезъ Харьковъ, о желаніи своемъ поступить въ военную службу. Я уже сказалъ, что графъ жаловалъ его отца, умершаго между тѣмъ въ томъ самомъ, 1783 году.

Я упомянулъ уже, что въ числѣ моихъ источниковъ, находится *„Формулярный списокъ о службѣ Василія Назарьевича Ка-*

(*) Формуляръ В. Н. Каразина отъ 1830 года говоритъ; »Имѣніе Богодуховскаго уѣзда, село Кручикъ, 340 душъ крестьянъ мужеска пола, на 2,660 десятинахъ земли.«

разина отъ 1830 года" (когда онъ уже былъ пятидесяти шести лѣтъ отъ роду и въ чинѣ статскаго совѣтника), выданный ему, за подписью „губернскаго предводителя дворянства Слободско-Украинской губерніи, статскаго совѣтника Времева." Здѣсь говорится: „Бывъ записанъ, на одиннадцатомъ году, по собственному прошенію въ кирасирскій орденскій полкъ (шефомъ онаго, фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ) въ 1783 году, на дѣйствительную службу вступилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ, 1791 г. января 22-го" на осьмнадцатомъ году.

„Записка" сына его говоритъ: „Но между тѣмъ онъ продолжалъ учиться. Служба не помѣшала ему предаваться любимымъ его занятіямъ: теоретическому и практическому изученію человѣка и природы. Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ заведеній, былъ посѣщаемъ имъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и тутъ-то пріобрѣлъ онъ тѣ познанія въ точныхъ наукахъ, которыми въ послѣдствіи изумлялъ гораздо уже образованнѣйшее поколѣніе. Между прочимъ проф. Кнорре не хотѣлъ вѣрить, чтобы астрономія не была исключительнымъ предметомъ его занятій. Съ математикою, химіею, физикою, ботаникою, медициною и вообще естествословіемъ ознакомился онъ такъ, что могъ бы съ честію занять каѳедру каждой изъ сихъ наукъ въ любомъ заграничномъ университетѣ. Французскій, нѣмецкій и латинскій языки были имъ также изучены въ совершенствѣ. Съ этимъ-то запасомъ свѣдѣній, онъ, по внушенію своего сердца, началъ дѣйствовать на пользу отечества. Прежде всего онъ захотѣлъ ознакомиться въ подробности съ нуждами обширной Россіи. Для этого онъ, пользуясь свободою, которая предоставлялась тогда молодымъ гвардейцамъ отлучаться изъ столицы, объѣздилъ многія губерніи. Военное поприще представляло ему мало пищи. Онъ рѣшился перейти къ дѣламъ гражданскимъ. Но чуть было не испортилъ навсегда всей своей дороги. Какъ пылкій энтузіастъ, у котораго еще мало было почвы подъ ногами, онъ рѣшился прежде всего бѣжать изъ Россіи, чтобы воспитаться за границею. При трудности тогдашнихъ отлучекъ въ чужіе краи, онъ ушелъ тайно безъ паспорта, но былъ задержанъ объѣздомъ екатеринославскихъ гренадеръ въ Ковнѣ, почью, 3-го августа 1798 г., при переправѣ чрезъ Нѣманъ...." Я видѣлъ въ бу-

магахъ В. Н. Каразина, его собственноручное ветхое письмо его къ Императору Павлу, набросанное имъ въ послѣдствіи по памяти. Будучи арестованъ и видя свою гибель, этотъ бѣглецъ въ жертву науки, этотъ восторженный украинскій Ломоносовъ, какъ его тогда называли друзья, рѣшился все чистосердечно передать великодушію Императора, и послалъ изъ Ковна на имя его эстафету, чтобы предупредить донесеніе о немъ мѣстнаго, озадаченнаго начальства. Вотъ что онъ писалъ тогда (1698 г. 14-го августа): „Великій монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться!...“ Прочтя простосердечное покаяніе молодаго бѣглеца, Императоръ Павелъ, какъ приписываетъ въ концѣ этой копіи В. Н. Каразинъ, простилъ его.—„Слѣдствіемъ онаго была немедленная посылка за мною курьера, съ весьма милостивымъ принятіемъ на службу. Я былъ рекомендованъ, отъ имени Его Величества, начальнику, котораго позволено было мнѣ самому выбрать.“ Записка сына его прибавляетъ: „Вмѣсто того, чтобы строго наказать дерзскаго подданнаго, который признавался ему прямо, что намѣренъ былъ бѣжать изъ его имперіи, Императоръ сказалъ ему, при личномъ представленіи моего отца: „Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?“ Смущенный мой отецъ назвалъ наугадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому и былъ немедленно опредѣленъ секретаремъ.“ Формуляръ его говоритъ: „Произведенъ при опредѣленіи, по высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора (барона Васильева), коллежскимъ переводчикомъ, 1800 г. февраля 3-го.“ Въ слѣдующемъ, 1801 году, января 22-го; по словамъ „Формуляра“, онъ: „За собраніе матеріяловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и къ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора.“

Но вотъ взошелъ на престолъ Императоръ Александръ I. Это было 1801 года 12-го марта. Чрезъ десять дней уже, именно 22-го марта, того же 1801 года, В. Н. Каразинъ уже сталъ извѣстенъ молодому Императору и заставилъ говорить о себѣ цѣлый Петербургъ. О любопытномъ поступкѣ его знаютъ теперь многіе; всѣ собственные

устные разсказы В. Н. Каразина, при жизни его, были полны этимъ событіемъ, положившимъ яркій слѣдъ во всей его остальной жизни. Такъ объ этомъ замѣчательномъ случаѣ передаетъ „Записка" его сына: „Воспользовавшись" однимъ изъ дворцовыхъ церемоніяловъ, онъ нашелъ случай пробраться въ царскіе покои, и тамъ оставилъ на столѣ запечатанный пакетъ, съ подписью на имя Императора. Въ патекѣ томъ заключалась, безъ надписи автора, бумага, въ которой изложены были надежды русскаго на юнаго своего царя. Императоръ Александръ, прочтя эту бумагу, велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. Это пе трудно было исполнить: приказаніе отдано было случайно тому самому вельможѣ, при которомъ отецъ мой тогда служилъ, и которому слогъ и почеркъ его были очень знакомы. На другой же день отецъ мой былъ представленъ Императору. — „Ты написалъ эту бумагу" — „Я, Государь!" — „Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданыхъ!" — Внѣ себя отъ восторга, В. Н. Каразинъ бросился къ ногамъ Императора и, заливаясь слезами, долго не могъ вымолвить ни слова... Наконецъ вырвалась изъ стѣсненной груди его клятва — исполнять волю монарха..."

Эта любопытная бумага, отрывокъ изъ которой напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* 1843 г., (№ 1-й, стр. 29) съ помѣткою. „Мѣсто, взятое изъ бумаги автора, въ концѣ марта 1801 года, препровожденной къ одной великой особѣ, содержитъ собственно похвальное, горячее и полное страстной любви слово о Россіи, съ указаніями, что можетъ сдѣлать съ нею „юный монархъ, отдающій всего себя „въ жертву за ея благоденствіе". Эта записка входитъ въ „Собраніе писемъ и записокъ В. Н. Каразина" предпринятое къ изданію, и потому я не имѣю права помѣстить ее здѣсь цѣликомъ. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ: „Время теперь возвести Россію на верхъ славы, по обѣту Твоему! Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я размышлялъ, представлялъ себѣ картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, каковы будутъ пути Твои! — Я думалъ, говоритъ авторъ: Онъ доставитъ намъ непреложные законы! Клятвою мно-

гочисленныхъ племенъ своихъ Онъ утвердитъ ихъ въ роды родовъ! Въ семъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, ей уготованныхъ! Съ довѣренностью къ правительству, на одной степени поставитъ Онъ вѣру къ правосудію! Онъ презритъ новыхъ лже-политиковъ, утверждающихъ, будто для государства все ровно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки! Онъ представитъ весь судъ избраннымъ отъ народа; удалитъ ихъ отъ соблазна не законами, безгласными по необходимости, а доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, — напримѣръ, сборомъ съ отыскиваемыхъ дѣлъ въ одну кассу со всѣхъ губерній! На сей конецъ, подниметъ Онъ судій общественнымъ мнѣніемъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ; право тяжущимся публиковать опредѣленія! Онъ обезпечитъ право человѣчества помѣщичьимъ крестьянамъ; онъ введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости—постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ болѣе общественныя связи сословій!" (Въ примѣчаніи, подъ строкой: „Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давнаго времени, и, какъ хозяинъ, не имѣю причины раскаиваться!")—Въ концѣ записки онъ указываетъ молодому, его выслушавшему монарху: „Просвѣщеніе, заботы о мануфактурахъ, свободу торговли, миръ съ державами и улучшеніе путей сообщенія!" Онъ кончаетъ словами: „Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровляла ихъ ко всѣмъ царствованіямъ, увѣряя каждое, что оно лучше своихъ предшественниковъ! Я смѣлъ начертать сіи мысли; о, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его!"

Въ отыскиваніи автора и въ представленіи его Императору, помогли гр. Паленъ и Дм. Прок. Трощинскій („Записка" сына).

Нашъ исторіографъ, носившій созвучное имя съ В. Н. Каразинымъ, въ 1808 году вновь вспоминая съ Императоромъ объ этой запискѣ, назвалъ ее въ разговорѣ pia desideria".

Кстати: В. Н. Каразинъ былъ въ перепискѣ съ Н. М. Карамзинымъ (мы видѣли письма послѣдняго въ семействѣ В. Н. Каразина), любилъ его, и въ шутки иногда, отдавая, должную честь стойкости и благоразумію своего великаго сверстника, говаривалъ при случаѣ:

„Э! господа, вы, кажется, смѣшиваете меня съ Карамзинымъ?! Между нами одна маленькая разница въ буквѣ *мыслете!*“

„Записка“ сына его продолжаетъ; „Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстенъ Императору Александру, отецъ мой нѣкоторое время продолжалъ быть въ необыкновенныхъ для подданнаго сношеніяхъ съ Царемъ. Нерѣдко удостоивался частной съ Нимъ бесѣды въ Его кабинетѣ и собственноручныхъ Его, совершенно приватныхъ писемъ. Бесѣды эти имѣли всегда цѣлію какое нибудь новое, ко благу Россіи, учрежденіе. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе Императора на необходимость образованія народнаго. Онъ предлагалъ для этого: искоренить рабство, исподоволь, давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу; подать въ пользу помѣщика онъ полагалъ только за землю послѣднаго, по ежегодно собираемымъ справочнымъ цѣнамъ, гдѣ бы шелъ процентъ и на священника. И это не одна его идея. О необходимости присоединенія уніатовъ къ православной церкви хлопоталъ онъ съ 1804 по 1806, возбудивши на себя гоненія, какъ напримѣръ отъ кн. Чарторижскаго, — что и состоялось тридцать восемъ лѣтъ спустя. Онъ предполагалъ — умножить приходскія училища, основанныя Екатериною II, примѣнивъ ихъ къ потребностямъ поселянъ, и написалъ для этого катехизисы — религіозный и гражданскій (*). Считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія обработавши для этого и самый проектъ.—Министерство состоялось.—Положивши основаніе ему, онъ сталъ хлопотать о распространіи учебныхъ заведеній въ Россіи. Любимая его Малороссія пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Онъ отпросился въ отпускъ, и плодомъ этого отпуска былъ сборъ громадной суммы 618,000 руб. сер., которую онъ и представилъ Государю отъ дворянъ и купцовъ харьковскихъ, прося его о дозволеніи открыть въ Харьковѣ университетъ....“

На этомъ я остановлюсь. Слова „Записки“ его сына подтверждаются слѣдующими мѣстами формуляра В. Н. Каразина:

„За труды, кои были лично извѣстны блаженной памяти Государю

(*) Они, къ сожаленію, утрачены.

Императору Александру Благословенному пожалованъ *(черезъ чинъ)* въ коллежскіе совѣтники, 1801 года апрѣля 11-го" — „И въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ." — „За продолженіе оныхъ удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ Его Величества." — „Избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи 1801 г. 7-го мая." — „При образованіи министерства народнаго просвѣщенія Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, 1802 г. сентября 8-го." — „Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который Высочайше и утвержденъ въ 1803 году,) *послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618,000 руб. сер.* — Уклонился отъ Всемилостивѣйшей награды за оный подвигъ. — Но между тѣмъ, за особливые труды по *„комитету составленія ученымъ въ Россійской Имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ"* награжденъ орденомъ св. Владиміра четвертой степени, 1802 года сентября 22-го." — „Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежащаго къ упомянутому университету, по необходимости въ художникахъ въ г. Харьковѣ, доставилъ туда *тридцать два семейства иностранныхъ мастеровъ, на собственномъ иждивеніи*, хотя въ послѣдствіи, по особенной Высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма, 12,200 рублей была ему возвращена, въ 1803 году."

Такъ какъ весь, въ точности приведенный мною, любопытный формуляръ В. Н. Каразина оканчивается еще не многими только строками, то привожу и ихъ здѣсь цѣликомъ, для дальнѣйшаго разсказа о его жизни. Формуляръ говоритъ:

„Въ 1814 году былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго филотехническаго общества." — „Получилъ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ: *внутреннихъ дѣлъ*: — за учрежденіе и успѣшный ходъ филотехническаго общества, 1815 года апрѣля 15-го; *военныхъ силъ* — за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего, комитетомъ, и о умноженіи въ государ-

ствѣ селитры, 1815 г. августа 20-го; *полиціи* — за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ, 1818 года октября 3-го." — „Вторично былъ избранъ депутатомъ слободско-украинскаго дворянства, для всеподданнѣйшаго ходатайства о ненарушимости привилегій губерніи, 1819 года въ февралѣ." — „Пользовался Высочайше дарованнымъ ему въ 1801 году правомъ безпосредственной переписки съ Государемъ." — „Отставленъ, съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника, 27-го августа 1804 года" — „Имѣетъ дѣтей: дочь, Пелагею, и шестерыхъ сыновей: Василія, Егора, Фильдельфа, Александра, Николая и Валеріана." — „Подъ судомъ никогда не былъ".

Довольно любопытный очеркъ этого характера я нашелъ въ двухъ слѣдующихъ изданіяхъ.

Неизвѣстный авторъ статьи „*Иванъ Филиповичъ Вернетъ*" въ „Современникѣ" 1847, (т. I, стр. 172 и 173), за подписью Л., (*) говоритъ о В. Н. Каразинѣ слѣдующее: „Помню еще другую лѣтнюю поѣздку въ Богодуховскій уѣздъ, къ человѣку, во многихъ отношеніяхъ замѣчательному. В. Н. Каразинъ былъ происхожденія греческаго. Жизнь его была исполнена самыхъ разительныхъ превратностей; и чтобы о немъ ни говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію, рано или поздно Харьковъ, да и вся Украйна, отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда-то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ. Чрезъ его посредство призваны туда и нѣкоторые отличные европейскіе ученые. Каразинъ былъ человѣкомъ всемірнымъ: ни одна отрасль наукъ или искуствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи, до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ, теоретичести. Его *библіотека* обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности. Живя поочередно, то въ Херенѣ, то въ

(*) По мнѣнію С. И. Ковалько, подпись Л означаетъ Лесли, итальянскаго выходца, знавшаго хорошо Вернета и Каразина.

городѣ, онъ не смотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ, и, дѣятельно занимаясь самъ всѣмъ по-немногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду. Къ сожалѣнію, самъ онъ не всегда обнаруживалъ тотъ практическій смыслъ, какого требовалъ отъ другихъ. Его попытки, дорого ему стоившія, ввести въ свою деревню особенное, черезчуръ искуственное устройство, сельскую думу, судъ и расправу, — а вмѣстѣ съ тѣмъ сложную отчестность, иностранное земледѣліе и различныя ремесла, — немогли уже и потому увѣнчаться успѣхомъ, что они не сопровождались достаточнымъ практическимъ знаніемъ, и слишкомъ отражали на себѣ характеръ самого владѣльца.... *Нетерпѣливый и отвлеченно-теоретическій, Василій Назарычъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода — дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго.* Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни.... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь, съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества, и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности.“

Намъ попалось также любопытное письмо извѣстнаго въ Украйнѣ *А. А. Палицына* къ В. Н. Каразину, отъ 1799 года, 4-го іюля, изъ с. Поповки, („Молодикъ на 1844 г. стр. 204), гдѣ говорится о юности В. Н. Каразина: „Прелюбезный другъ мой, Василій Назарьевичь! Слѣдуйте всегда *вашимъ здравымъ правиламъ*: избирайте и любите людей по себѣ; знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ все доброе, но при томъ терпите и прощайте прочихъ, не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ; вы вѣрно также предохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какія бы несправедливости отъ нихъ ни испытали!“ Въ этихъ

словахъ къ будущему учредителю Харьковскаго Университета я вижу затаенную иронію холоднаго, практическаго старика. В. Н. Каразинъ самъ испортилъ свою блистательную, не бывалую дорогу. Онъ сталъ вскорѣ за первыми успѣхами, такъ заносчивъ, такъ далекъ отъ почвы, на которой стоялъ, что самой небольшой интриги враговъ его достаточно было, чтобы смять его и выставить, передъ довѣрчивымъ къ нему Государемъ, въ самомъ черномъ видѣ. Я не берусь ни защищать, ни особенно строго судить В. Н. Каразина. У меня нѣтъ на это права потому, что нѣтъ для этого достаточнаго числа источниковъ. Другимъ остается пополнить этотъ пробѣлъ. Я скажу одно, что подъ конецъ и самъ В. Н. Каразинъ смирился и, вполнѣ сознавши свое положеніе, съ грустною улыбкою подъ старость говаривалъ: „Да! я былъ неопытно-самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать!“

За приведеніе этой фразы на меня заявилъ претензію сынъ его, Фил. Вас. Каразинъ, но эту-же фразу читатель найдетъ въ статьѣ В. Анастасевича.

Въ „Въ Чтеніяхъ общества исторіи и древностей росс. при Моск. университетѣ“ 1861 г. стр. 192—199, напечатана въ высшей степени любопытная „Записка о В. Н. Каразинѣ“ В. Анастасевича. Вотъ она цѣликомъ; привожу ее въ надеждѣ, что живутъ еще на свѣтѣ люди знавшіе В. Н. Каразина, которые быть можетъ снабдятъ ее нужными разъясненіями. Въ нѣкоторыхъ данныхъ она расходится съ другими, приводимыми мною матеріялами, а нѣкоторые дополняетъ и подтверждаетъ.

„Каразинъ, Василій Назарьевичъ, отставной статскій совѣтникъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, богодуховскаго уѣзда, села Кручика, умеръ въ г. Николаевѣ, 4-го Ноября 1842 года. Первое мое личное съ нимъ знакомство началось въ концѣ Генваря, 1802 года, чрезъ покойнаго родственника моего (стат. сов., умершаго въ г. Кременчугѣ), Николая Николаевича Новицкаго, служившаго тогда въ канцеляріи Д. П. Трощинскаго, знакомаго съ Каразинымъ до того за нѣсколько времени и имѣвшаго съ нимъ дружескія сношенія въ бытность свою при Флигель-Адьютантѣ, Графѣ Иванѣ Петровичѣ

Салтыковѣ, въ Москвѣ. Василій Назарьевичъ, будучи тогда знакомъ съ княземъ А. А. Чарторыскимъ, искалъ чиновника, могущаго занять мѣсто старшаго письмоводителя при семъ князѣ, какъ попечителѣ виленскаго университета, и я, по Высочайшему повелѣнію, на докладъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Васильевича Заводовскаго, изъ бывшей военной коллегіи былъ опредѣленъ 14-го февраля, 1803 года, занимавшись уже до того нѣсколько времени вмѣсмѣ съ Василіемъ Назарьевичемъ и съ вывезеннымъ имъ тогда съ собою изъ Харьковскаго Коллегіума студентомъ, Александромъ Степановичемъ Бируковымъ, поступившимъ потомъ въ штатъ министерства народнаго просвѣшенія (о семъ указѣ было особое дѣло, конченное Сенатскимъ указомъ). Занятія мои тогда съ Василіемъ Назарьевичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденныхъ 24 генваря того же года, въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія харьковскаго университета и, въ особенности, по канцеляріи князя Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія виленскаго университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (едукаціонной) коллегіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства, съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, и когда образовалась сія часть виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назарьевичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, и по случаю основаннаго имъ изданія отъ того же правленія: „Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" также, во все время, пока В. Н. оставилъ сіе мѣсто и уволенъ вовсе отъ службы. Съ тѣхъ поръ началось уже частное мое съ нимъ дружеское сношеніе, когда онъ, послѣ неудачи въ женидьбѣ на Надаржинской, женился на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (падчерицѣ Г. М. Бланкенагеля) и пріѣзжалъ сюда по временамъ, а послѣ отъѣздовъ его, велъ я съ нимъ довольно частую переписку. Послѣднее мое личное съ нимъ свиданіе было въ тотъ день, когда онъ изъ квартиры, въ домѣ N, угольномъ отъ Литейной въ Бассейную, потребованъ къ военному генералъ-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, и отъ него отправленъ въ Шлиссельбургъ, о чемъ на другой день увѣдомили меня

жена его и просила сперва узнать, гдѣ ея мужъ, а потомъ найти средство доставить ея письмо Государю, бывшему тогда за границею, съ прошенiемъ о помилованiи, въ чемъ я и успѣлъ, чрезъ общаго нашего знакомаго въ главномъ штабѣ, покойнаго генерала Павла Осиповича Дейрiарда, въ слѣдствiе чего позволено было ему, по освобожденiи изъ Шлиссельбурга, жить въ его селѣ. Кручикѣ. О причинѣ прежней къ нему милости, а потомъ немилости Государя Александра I, разсказывали мнѣ различно разныя лица, знавшiя его, а отчасти я слышалъ отъ него самаго, но всегда сбивчиво. В. И. Языковъ говорилъ, что В. Н., въ Спб. Петропавловской крѣпости находился до вступленiя на престолъ Государя Александра I-го, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ, и въ званiи генералъ-губернатора столицы, часто посѣщая петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н., и, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбилъ его, оказывалъ ему, возможныя по тогдашнему времени, благоволенiе и пособiе. Согласно съ симъ окончанiемъ слышалъ я и отъ Д. Н. Б.—Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ В. Н., въ началѣ моего съ нимъ знакомства, а именно: что отецъ его, у коего былъ еще и другой сынъ, Иванъ (не извѣстно мнѣ, были ли у ихъ двухъ и другiе братья и сестры), въ одну турецкую войну, будучи изъ сербовъ, или Болгаръ, оказалъ Россiи важныя услуги и, переселясь въ Россiю, получилъ отъ Императрицы Екатерины II, въ Харьковской губернiи, 2 тысячи душъ крестьянъ, которые по смерти его и достались по поламъ симъ двумъ его сыновьямъ. Иванъ, получа увольненiе отъ военной службы, съ чиномъ поручика, занялся сельскимъ хозяйствомъ и долго велъ мирную жизнь, потомъ былъ училищнымъ смотрителемъ, имѣлъ непрiятности по сей части отъ письмоводителя при попечителѣ харьковскаго университета, Корниловѣ, о чемъ В. Н., будучи въ С.-Петербургѣ, не задолго предъ отосланiемъ его въ Шлиссельбургъ, жаловался тогдашнему министру народнаго просвѣщенiя, князю А. Н. Голицыну, но въ такихъ выраженiяхъ, что болѣе его разсердилъ, чѣмъ доставилъ справедливость обиженному своему брату, потомъ женившемуся несчастно и, послѣ разныхъ семейныхъ раздоровъ, умершему въ чаду (о чемъ мнѣ разсказывалъ Н. К. Мавроди, женившiйся на воспитанницѣ Василья Назарьевича) и, помнится, служившiй въ де-

партаментѣ внутреннихъ дѣлъ по медицинской части). Василій Назарьевичъ, заложивъ свое имѣніе, намѣренъ былъ тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего Государя. Александръ I-й, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи своемъ на престолъ, тотчасъ освободилъ его, приблизилъ къ себѣ такъ, что онъ могъ запросто входить въ кабинетъ Государя, безъ доклада, какъ самъ В. Н. мнѣ сказывалъ, получалъ часто отъ Государя своеручныя самыя дружескія записки: „Mon cher Kar..." etc. Такое благоволеніе къ нему Государя особенно обнаружилось въ бытность Александра I-го въ Москвѣ, для коронаціи, о чемъ также разсказывали разнообразно. Д. Н. Бантышъ-Каменскій: что Василій Назарьевичъ незванный явился на балъ къ главнокомандующему графу И. П. Салтыкову, когда ожидали Государя; хозяинъ замѣтивъ его и по особенно рѣзкимъ чертамъ лица и по поступи, не весьма свѣтской и ловкой, въ такомъ блистательномъ собраніи, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить, кто онъ и за чѣмъ? В. Н. отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ Его сіятельству и, подойдя, подалъ ему письмо, оно было отъ Государя, съ выраженіемъ принять его благосклонно. Едва лишь публика имѣла время изъявить удивленіе свое внезапно оказанному отъ графа сему гостю отличному пріему, какъ объявлено о прибытіи Государя. Всѣ бросились на встрѣчу. Государь, вошедши, замѣтилъ Василія Назарьевича, изъявилъ ему рукою знакъ благосклонности и тотчасъ самъ рекомендовалъ его графу; этимъ еще болѣе увеличилось удивленіе собранія. Но Д. И. Языковъ слышалъ отъ бывшаго тогда въ Москвѣ Оберъ-Полиціймейстера Каверина такъ: Императоръ Александръ I-й предварилъ графа И. П. Салтыкова, что будетъ къ нему на вечеръ, но чтобы не было постороннихъ, кромѣ близкихъ и родныхъ графу. Не успѣлъ графъ спросить Василія Назарьевича, какъ онъ тутъ явился къ нему, въ то самое время, когда сказано, что Государь прибылъ, и хозяинъ, съ гостьми своими, поспѣшилъ на встрѣчу высокому гостю, который, вошедши и увидѣвъ здѣсь Василія Назарьевича, сказалъ графу, чтобы онъ извинилъ его за непредвареніе о семъ гостѣ, коего ему рекомендуетъ, и всѣ не могли понять тогда сего отличія. Василій Назарьевичъ, поль-

зуясь тогда такою милостью Государя, нашелъ случай сказать ему, что онъ намѣренъ жениться на Надаржинской (не могшей получить значительнаго наслѣдства по причинѣ иска). Приготовя о семъ записку чрезъ оберъ-прокурора синодскаго, Пукалова, своего друга, онъ, единственно по сему уваженію, получилъ отъ Государя утвержденіе правъ законной послѣдницы, и какъ невѣстѣ своей, богатыя серги, или фермуаръ, а для протопопа харьковскаго, Прокоповича, орденъ Св. Анны. В. Н. прибывъ въ Харьковъ, публично самъ возложилъ этотъ орденъ на сего протопопа, для показанія, что онъ значитъ у Государя. Притомъ же, чтобъ еще болѣе угодить мнимой невѣстѣ своей, о коей не могъ и подумать, чтобъ она не оцѣнила по достоинству такихъ для нея благодѣяній, привезъ ей ея родственника, изъ пажескаго кадетскаго корпуса (не спрося дозволенія начальства). По прибытіи къ Надаржинской съ царскимъ подаркомъ и имѣя уже готоваго преданнаго себѣ Прокоповича, лишь только попросилъ руки ея, какъ она на отрѣзъ ему отказала, сказавъ, что уже отдала свое сердце другому (за котораго тогда же и вышла, т. е., Корсакову), а его вѣчно будетъ считать своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Говорятъ, что она тутъ же подала ему 50 тысячъ руб., или выкупленные ею векселя его на эту сумму, но онъ ихъ бросилъ ей и пѣшкомъ, не опомнясь, вышелъ изъ ея дому. Иные же говорятъ, что онъ принялъ тѣ деньги и Государь, узнавъ о томъ, положилъ на него свой гнѣвъ. Но вѣроятнѣе, что Государь, получа отъ начальства рапортъ объ увозѣ самоправно кадета, или пажа, прогнѣвался, и въ слѣдъ послалъ повелѣніе: лишь прибудетъ Василій Назарьевичъ въ Харьковъ, посадить его на гауптвахту, а кадета прислать въ корпусъ. Какъ бы то ни было, но такъ рушилось намѣреніе В. Н. жениться на богатой невѣстѣ, воспользовавшейся опрометчивостью, свойственною ему, и въ разныхъ другихъ случаяхъ его жизни обнаруженною, а враги В. Н. могли внушить Государю, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ казалось, по видимому, цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей, чрезъ него выигравшей свое дѣло, дѣвицѣ. Къ причинамъ гнѣва на В. Н. отъ Государя относятъ и то, что онъ выражался о своемъ министрѣ, графѣ Заводовскомъ, обидными словами, что онъ лишь возитъ Государю портофель, наполненный бумагами, обработанными имъ, В. Н.

Рѣчи сіи или подобныя, могли быть съ прибавленіемъ переданы графу Заводовскому, бывшимъ сперва домашнимъ учителемъ дѣтей у Заводовскаго, а тогда директоромъ его канцеляріи, Ив. Ив. Мартыновымъ, жалкимъ педантомъ, желавшимъ къ своему жалованью, 2500 р., (по сему званію) присоединить такую же сумму, какую получалъ тогда В. Н. по званію правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно, и чрезъ то избавился даже зависимости своей отъ сего, далеко превосходившаго его, сверстника. Къ сему должно присовокупить еще одно обстоятельство. По новомъ образованіи, вмѣсто бывшей коммисіи народныхъ училищъ главнаго правленія училищъ, коего, какъ мѣста, сохранившаго еще прежній коллегіальный видъ, всѣ попечители учебныхъ округовъ были членами и собирались подъ предсѣдательствомъ своего министра народнаго просвѣщенія (Заводовскаго), какъ президента, В. Н. все сохранялъ къ себѣ благорасположеніе, въ особенности князя Чарторыжскаго и его друга, графа Северина Осиповича Потоцкаго, назначеннаго попечителемъ новоучрежденнаго тогда харьковскаго университета, который обязанъ своимъ существованіемъ Василію Назарьевичу, склонившему дворянъ къ знатнымъ пожертвованіямъ для сего высшаго въ томъ краѣ училища. Но когда графъ С. О. Потоцкій, получа отпускъ за границу, оставилъ В. Н-чу нѣкоторыя суммы въ разпоряженіе, съ тѣмъ чтобы объ ихъ употребленіи относился онъ къ нему, графу Потоцкому, то В. Н. нѣкоторыми распорядился самъ, на выдачу нѣкоторымъ профессорамъ и т. п. издержки, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ графа Потоцкаго, и тѣмъ болѣе уже неблаговолившаго къ нему, по вышеупомянутымъ наговорамъ, министра графа Заводовскаго; а потому дѣло Надаржинской и увозъ ея родственника, кадета, могло представлено быть Государю въ гораздо худшемъ видѣ, нежели какъ оно было въ самой сущности. Здѣсь сбылась пославица: „на бѣднаго Макара и шишки валятся“ или, „гдѣ тонко, тутъ и рвется.“ Женидьба его на А. В. Мухиной(*) не только не вознаграждала ему потери Надаржинской, но въ слѣдъ за тѣмъ начинается длинная цѣпь его

(*) Скончавшейся только 24-го мая 1861 г., на 79-мъ году, и погребенной въ подмосковной. См. Московск. Вѣдомости № 114, стр. 914. О. Б.

горестей. Финансы его были довольно разстроены прежними неудачами. Въ селѣ своемъ, Кручикѣ, бросался онъ на разные опыты хозяйственные, по своимъ новымъ теоріямъ, коихъ впредь ему не было довольно времени и терпѣливости повѣрить съ должностнымъ вниманіемъ на самомъ дѣлѣ; издержки давно уже превосходили его состояніе. Требованія семейства возрастали и нужно было удобство жизни, къ коей изъ дѣтства привыкла жена его. Учрежденіе филотехническаго общества, кажется мнѣ, было мѣрою отчаянною, которая, судя по степени средствъ и понятій членовъ, вошедшихъ въ составъ онаго, едва ли могла быть удачною и при лучшихъ обстоятельствахъ, вещественныхъ и невещественныхъ, самаго учредителя. Возгласы его въ собраніяхъ были гласомъ вопіющаго въ пустыни, а Слободско-Украинскія степи дѣйствительно были слишкомъ обширны для сего полезнаго, даже самаго благонамѣреннаго, дѣла. Кому не извѣстно, что если нелюбъ дѣлатель, нелюбо и дѣло его? Выданныя имъ акціи, съ тайнымъ знакомъ, въ одной изъ клѣтокъ, написанныя химическимъ составомъ, съ условіемъ, что акція теряетъ свою данность, если сей знакъ обнаружится (который въ самомъ дѣлѣ самъ собою обнаружился зеленаго цвѣта отъ теплоты записной карманой книжки), еще болѣе умножили колебавшуюся къ нему довѣренность. Имѣніе его, коимъ онъ обезпечилъ акціи, подверглось тяжбѣ съ подписчиками, вѣрителями и прочими. Жалобы самаго зятя его, Н. К. Мавроди, долго неудовлетворяемаго по векселямъ (даннымъ ему по случаю женидьбы на дочери В. Н-га), опала отъ Двора, назначеніе за нимъ присмотра, запрещеніе переписки, литературныя его ссоры съ Карамзинымъ и съ нѣкоторыми другими, раздраженіе кн. А. Н. Голицына, сомнительное покровительство графа В. П. Кочубея, въ кабинетѣ коего онъ писалъ розныя смѣлыя бумаги, передаваемыя, безъ его вѣдома, Государю, потомъ, тяжебныя дѣла по имѣнію, умножившія число недруговъ, несчастіе, постигшее сына его Василія въ школѣ подпрапорщиковъ, откуда онъ пошелъ въ Свеаборгъ, вооруженіе противъ себя Общества соревнователей (рушившагося 14 декабря 1825 года), въ которомъ былъ почти общій на него заговоръ, за статью объ ученыхъ обществахъ (самой непріятной сцены я самъ былъ свидѣтелемъ въ бурномъ онаго же общества засѣданіи, изъ коего и я тогда вы-

шелъ съ Василіемъ Назарьевичемъ, давно замѣтивъ, что тамъ многіе члены таились отъ непричастныхъ съ чѣмъ-то недобрымъ): всѣ сіи обстоятельства и случаи, и, вѣроятно, многіе мнѣ неизвѣстные, или не приходящіе теперь на память, при бѣгломъ семъ воспоминаніи столь давнихъ событій, все это могло сильно потрясти пылкій духъ, горячую голову и раздражительное сердце Василія Назарьевича, какъ бы обреченнаго на борьбу съ самою непріязненною ему судьбою, сперва такъ злобно, такъ предательски ласкавшею и возводившею его выше и выше, чтобъ потомъ сдѣлать ему чувствительнѣе паденіе. Во всѣхъ отношеніяхъ, во всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, есть конечно, Наполеоны, шагающіе, какъ бы однимъ скачкомъ, изъ Бріеннской школы, чрезъ престолъ имперіи, за экваторъ, на островъ Св. Елены! И нашъ добрый, умный и даже глубокомысленный Василій Назарьевичъ, еслибы ограничилъ себя или на литературномъ, или на ученомъ, или даже на хозяйственномъ полѣ, могъ бы благополучно воздѣлать оное, пожать обильные плоды, и подѣлиться ими съ своими соотчичами и съ потомствомъ; но онъ какъ бабочка, слишкомъ приблизился къ пламени.... и опалилъ себѣ крылья, слишкомъ довѣрилъ двору и забылъ, что тамъ не все говорится, что на душѣ. Когда Александръ, воспитанный Лагарпомъ въ началѣ царствованія своего, за долго до событій 1812 и 1814, въ юной душѣ своей еще упивался идеями конца XVIII вѣка, Василій Назарьевичъ, самъ не будучи главнымъ, примѣрнымъ помѣщикомъ, вооружился противъ эманципаціи крестьянства и дразнилъ молодое поколѣніе, обожавшее въ своемъ Государѣ сочувствіе съ своими идеями, дразнилъ даже финансовую систему, которая возвращеніе въ казну дворянскихъ имѣній, за каждымъ послѣднимъ стукомъ молотка, не услышаннымъ помѣщиками, можетъ быть считала своимъ барышемъ. Говорятъ, что В. Н., будучи сначала близкимъ Государю, огорчилъ его своею алфою и омегою (родъ наставленія какъ царствовать), вѣроятно, на тѣхъ же правилахъ, какія В. Н. писалъ для себя и для своего села, Аношкина (если не ошибаюсь). Не хотѣлось бы мнѣ такъ заключать, но я зналъ въ Вас. Наз. много подобныхъ симъ абберацій. (*) Говорятъ что, Василій Назарьевичъ также что-то

(*) Д. И. Языковъ разсказывалъ мнѣ еще одну прежнюю нескромность В. Н.,

непріятное писалъ Государю за границу, по случаю безпокойствъ, вспыхнувшихъ, и тотчасъ потухшихъ, въ казармахъ гвардейскаго Семеновскаго полка, за полковника Шварца. Въ этомъ онъ мнѣ никогда не признавался, хотя часто любилъ спорить со мною, если я его хладнокровно убѣждалъ, и иногда заставлялъ соглашаться со мною въ такихъ предметахъ, которые непремѣнно требуютъ долговременной опытности, найпаче въ государственной администраціи, и которыхъ никакъ нельзя рѣшительно судить по одной теоріи, можетъ быть, не у насъ однихъ еще долго не могущей явно развиться, когда вся административная практика, не говоря о правительственной, заключена въ кабинетахъ, не только министровъ но даже въ ихъ департаментахъ. Моя переписка съ Василіемъ Назарьевичемъ, по мѣрѣ сжатія круга отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, также болѣе и болѣе сжималась и рѣдѣла. Сперва она вознаграждалась частыми нашими бесѣдами при свиданіяхъ, когда онъ, послѣ оставленной имъ службы, раза два пріѣзжалъ сюда, до послѣдняго отъѣзда въ Шлиссельбургъ, и потомъ въ Кручикъ. При посѣщеніи имъ Москвы, было еще нѣсколько его отзывовъ; но это уже не въ томъ духѣ и не съ прежними сердечными изліяніями. Сердце его могло, конечно, черствѣть и отъ того въ отношеніи ко мнѣ, что нечѣмъ было болѣе отогрѣвать оное; я также, оставивъ службу, отставалъ даже отъ здѣшнихъ многихъ прежнихъ сверстниковъ и знакомыхъ, оставшихся въ службѣ и далеко меня опередившихъ.

Пѣвецъ Фелицы оставилъ любопытныя сужденія и извѣстія о В. Н. Каразинѣ, въ изданныхъ въ минувшемъ 1859 году въ „Русской Бесѣдѣ" (ч. V, стр. 389 — 502), собственноручныхъ „Запискахъ Державина." Подъ отдѣленіемъ VII „Царствованіе Императора Александра" (стр. 443—455) Державинъ говоритъ, вездѣ называя себя

бывшаго также одною изъ главныхъ причинъ, навлекшихъ ему неблагосклонность Государя. Императоръ Александръ поручилъ ему написать статью, по части законодательства съ тѣмъ, чтобъ до времени не говорилъ объ оной; но В. Н. не утерпѣлъ, прочелъ ее бывшему министру юстиціи, Г. Р. Державину, не предваривъ его, однако о запрещеніи отъ Государя открыть ее. Державинъ былъ потомъ съ докладомъ у Государя, который завелъ рѣчь о семъ предметѣ и показалъ ему ту статью. Державинъ лишь взглянулъ то сказалъ, что онъ ее уже читалъ. Удивленный Государь спросилъ, когда и у кого? Державинъ отвѣчалъ »Каразинъ мнѣ прочелъ ее«. Нѣсколько примѣровъ мнѣ извѣстно, какъ строгъ былъ Государь сей за подобную нескромность.

въ третьемъ лицѣ. „Едва же пріѣхалъ изъ Москвы, а именно 23-го ноября (1801 г.) ввечеру, Державинъ былъ позванъ чрезъ ѣздоваго къ Государю. Онъ предложилъ ему множество извѣтовъ отъ разныхъ людей, къ нему дошедшихъ, о безпорядкахъ, происходящихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, чтобъ ѣхалъ въ Калугу и открылъ злоупотребленія сіи формально, какъ сенаторъ, сказывая, что нарочно посланными отъ него подъ рукою уже ощупаны всѣ слѣды. Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ знатныхъ особъ замѣшанными, просилъ Императора, чтобъ онъ избавилъ его отъ сей коммисіи, что изъ слѣдствія его ничего не выйдетъ и онъ только вновь прибавитъ враговъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: „Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?“ „Нѣтъ, Ваше Величество хотя бы мнѣ жизни стоило, правда предъ вами на столѣ семъ будетъ! Только благоволите умѣть ее защищать!“ „Я тебѣ клянусь поступать какъ должно! — Тогда отдалъ онъ ему извѣты и примолвилъ: *„Еще получишь въ Москвѣ, отъ коллежскаго совѣтника Каразина.* А между тѣмъ заготовь и принеси ко мнѣ завтра указъ къ себѣ и къ кому должно....“ — Державинъ безъ огласки сіе на другой день исполнилъ. 5-го января 1802 г. отправился онъ безъ огласки въ Калугу. Прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ отъ упомянутаго Каразина нарочито важныя бумаги, между прочимъ и подписку, секретно именемъ Государя истребованную отъ калужскаго помѣщика и фабриканта Гончарова, въ томъ, что губернаторъ Лопухинъ у него Гончарова выпросилъ сперва заимообразно 30,000 рублей на годъ, далъ ему вексель и послѣ поѣхавъ будто осматривать губернію, заѣхавъ къ нему въ деревню и придравшись къ слухамъ, что будто у него въ домѣ происходитъ запрещенная карточная игра, грозилъ ему ссылкою въ Сибирь, велѣлъ для допросовъ явиться къ себѣ въ Мосальскъ, а между тѣмъ, черезъ приверженнаго къ себѣ секретаря Гужова, велѣлъ ему сказать, что ежели онъ упомянутый вексель уничтожитъ, онъ слѣдствія производить не прикажетъ. Бѣдный Гончаровъ согласился и отослалъ вексель съ прикащикомъ своимъ въ Калугу... Гончаровъ все сіе, въ помянутой сектретной подпискѣ, писанной его собственною рукою, подъ присягой объявилъ Каразину; а сей отдалъ оную

въ Москвѣ Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора. Снабженный таковыми отъ Императора и Каразина, пріѣхавъ въ Калугу, остановился въ квартирѣ, Каразинымъ пріисканной, въ домѣ у купца Бородина градскаго головы.“— Началось сперва развѣдываніе городскихъ слуховъ, потомъ слѣдствіе. Открыто тридцать четыре важныхъ и двѣнадцать неважныхъ дѣлъ. Державинъ послалъ курьера къ Императору; губернаторъ къ друзьямъ-вельможамъ, жалуясь на Державина будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и въ ней мучитъ людей, въ томъ числѣ самаго Гончарова, который въ самомъ дѣлѣ, по непонятному случаю, скоропостижно отъ апоплескическаго удара, въ кабинетѣ Державина заболѣлъ и, едва вышелъ въ сѣни, умеръ. Онъ испугался, когда Державинъ, показавши ему „секретную его подписку, взятую отъ него Каразинымъ“ объявилъ, что желательно было бы „чтобъ подалъ ему формальное прошеніе съ доказательствами“ — „ибо подписка взята у него по секрету, то и непріятно ему такимъ инквизиціоннымъ средствомъ безславить кроткое царствованіе владѣющаго Государя.“ — Послѣ разныхъ столкновеній, черезъ 6 недѣль Державинъ оставилъ Калугу; пробылъ въ Москвѣ двѣ или три недѣли, и оставя тамъ доклады Государю, поѣхалъ въ Петербургъ.—Новыя огорченія встрѣтили его тамъ. Но наконецъ составленъ независимый комитетъ, и Лопухинъ, преданный суду, обвиненъ во всемъ. . .

Оставя извѣстіе о такой близости Каразина къ Императору, Державинъ,, коснувшись еще разъ этого человѣка, набрасываетъ на него тѣнь значительно-темную. По принятому мною способу передачи извѣстій о Каразинѣ, запошу въ точности и этотъ разсказъ Державина, не имѣя возможности ни подтвердить его, ни опровергнуть. Предоставляю это другимъ. (*) Суровый царедворецъ трехъ царствованій, жесткимъ и шероховатымъ слогомъ своимъ безпрестанно жалуясь въ „Запискахъ“ на враговъ своихъ и соперниковъ своихъ по службѣ, говоритъ: (стр. 451—454): „Державинъ получилъ довольно небезважное порученіе отъ Императора. Вышеупомянутый Каразинъ, буду-

(*) Сожалѣемъ очень, что возраженіе на это мѣсто въ первомъ нашемъ изданіи біографіи Каразина со стороны его сына Ф. В. Каразина, нисколько не разъяснило дѣла.

чи человѣкъ умный и расторопный, хотя впрочемъ не весьма завидной честности. (*) имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ, въ Москвѣ, къ нему писанные такіе благосклонные или, лучше сказать, дружескіе рескрипты, что могли привести всякаго въ удивленіе довѣренностію къ нему Монарха. Пріобрѣлъ онъ сіе, живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о московскихъ всякаго рода происшествіяхъ, какъ выше явствуетъ, по извѣту безъименныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ. Между тѣмъ, какъ производилъ Державинъ, по его развѣдываніямъ въ Калугѣ слѣдствіе, успѣлъ онъ изъ Москвы, прежде его, пріѣхать въ Петербургъ и тутъ узнать о тяжебномъ важномъ дѣлѣ, находящемся уже въ государственномъ совѣтѣ, между нѣкоторою госпожею *Надаржинскою и Кондратьевымъ*. Сей послѣдній опровергалъ ея бракъ и дочь, внѣ брака зачатую, чѣмъ онъ пріобрѣталъ, послѣ ея мужа, а своего дяди, великое недвижимое и движимое имѣніе, въ Малороссіи находящееся. Разныя были мнѣнія на той и на другой сторонѣ, а сильнѣйшая партія тогдашняго времени, то есть г. Зубова, была на сторонѣ Кондратьева. Каразинъ, свѣдавъ о семъ дѣлѣ, и хотя онъ прежде былъ на сторонѣ *племянника*, но узнавъ, что вдова имѣетъ дочь, лѣтъ тринадцати, которая, по утвержденіи законности ея рожденія, могла быть богатая невѣста, имѣющая въ приданное болѣе 5,000 душъ, то и вознамѣрился ходатайствовать за нее, съ тѣмъ, чтобъ получить ее себѣ въ замужество. (**) Онъ подольстился къ матери, и хотя черезъ переписку, весьма ласкательную, не получилъ точнаго обѣщанія о полученіи руки ея, но весьма великую надежду, съ тѣмъ, что ежели онъ дѣло ея исходатайствуетъ, — пріобрѣтетъ ея склонность... Въ такомъ намѣреніи успѣлъ онъ внушить Государю, чтобы, ежели дѣло Надаржинской,

(*) Слухъ, по которому Державинъ рѣзко такъ выразился о Каразинѣ »Русская Бесѣда« назвала, какъ увидимъ, »не основательнымъ.« Этотъ упрекъ и намъ непонятенъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣлахъ этихъ Державинъ самъ подалъ голосъ за Каразина,

(**) «Русская Бесѣда» къ этому мѣсту дѣлаетъ примѣчаніе (стр. 452). «Это предположеніе Державина не исполнилось, да и врядъ ли было основательно. Василій Назарьевичъ Каразинъ женатъ былъ на дѣвицѣ Бланкеннагель, родной внукѣ Голикова, собирателя извѣстій о Петрѣ Великомъ.» Почтенная супруга В. Н. Каразина жива и находится въ Москвѣ.

въ которой онъ, какъ (въ своей) сговоренной невѣстѣ, беретъ участіе, по запутанности и пристрастію членовъ совѣта, поручитъ разсмотрѣтію *г. Лагарпа*, учителя Государя, который былъ тогда въ Петербургѣ, и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію, то они ему удобнѣе представятъ наилучшее мнѣніе. Императоръ на сіе соизволилъ, и гр. В. А. Зубовъ, привезъ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло, при запискѣ Каразина, съ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе хотя одинъ, для того что Лагарпъ уже уѣхалъ во Францію. Державинъ далъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. — Гр. В. А. Зубовъ, котораго Государь очень любилъ и уважалъ, принес было къ нему заготовленный уже указъ въ пользу Кондратьева, что и хотѣлъ Государь подписать и взялъ уже перо; но сей молодой вельможа, хотя интересовался за Кондратьева, но столько былъ благороденъ и *честенъ*, (*) что остановя руку Его, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина письменнаго заключенія. По поднесенія Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу.“ ...

„Записка“ сына Каразина прибавляетъ, въ поясненіе важныхъ порученій, возлагавшихся въ первые годы царствованія Императора Александра, на В. Н. Каразина: „Разскажу одинъ примѣръ изъ множества слышанныхъ мною. Представлено было однажды на высочайшую конфирмацію одно уголовное дѣло. Братъ убилъ брата, оба были богатые владѣльцы; слѣдствіе длилось очень долго, наконецъ прошло всѣ инстанціи, и результатъ былъ тотъ, что братоубійцу оправдали. Государь, читавшій всегда со вниманіемъ подобнаго рода дѣла, замѣтилъ какое-то обстоятельство, которое показалось ему сомнительнымъ. Онъ призываетъ моего отца и говоритъ: „Поѣзжай на мѣсто и развѣдай все обстоятельно!“ — Отецъ мой ѣдетъ, и черезъ короткое время привозитъ неоспоримыя доказательства, что преступленіе было вопіющее и покрыто кучею денегъ. Между прочемъ губернатору дано было 100,000 рублей.... Повѣрили факты и все открылось ясно, какъ день....“

*) Явное противорѣчіе Державина своему мнѣнію о Каразинѣ.

Державинъ (*) почти въ полнѣ подтверждаетъ это извѣстіе, слышанное Ф. В. Каразинымъ отъ своего отца. Онъ прямо относитъ его къ событіямъ калужской поѣздки и говоритъ (стр. 447): „Открылись злоупотребленія губернатора въ покровительствѣ смертоубійства, за взятки, помѣщикомъ Хитровымъ, брата своего роднаго, за что онъ въ подарокъ давалъ губернатору на 75,000 ламбардныхъ билетовъ.“ — Губернуторъ Лопухинъ, какъ сказано выше, за все это осужденъ и наказанъ.

Заслуги Каразина на пользу Украины останутся на всегда памятными. И, если онъ послѣ навлекъ на себя опрометчивыми письмами и представленіями гнѣвъ правительства, это самое правительство всегда чтило его достойные труды.

Но возвратимся къ блистательной порѣ, когда тридцатилѣтній пылкій молодой человѣкъ, В. Н. Каразинъ, взялся за основаніе университета въ Харьковѣ.

„Записка“ его сына говоритъ. „Чего стоило ему собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія! За то надобно было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! 25 лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи, при мнѣ, и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ.... Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, все было имъ употреблено! Другой, на мѣстѣ его, поѣхалъ бы послѣ этого съ торжествомъ въ столицу, выставилъ бы себя, прокричалъ бы о подвигѣ своемъ во всѣхъ концахъ вселенной, и на него посыпались бы почести, награды! Но онъ скрылъ себя совершенно; выставилъ только другихъ.... А уча-

*) Въ Харьковѣ, у Н. О. Балясная хранится снимокъ, вѣроятно 1800—1801 г. съ поэмы Державина «переходъ въ Швейцаріи черезъ альпійскія горы россійскихъ войскъ» съ рисунками Чортова-моста и др., съ собственноручною подписью Державина и съ отмѣткою В. Н. Каразина: «Оригиналъ, который былъ назначенъ для поднесенія Имп. Павлу I, или и поднесенъ уже былъ, но возвращенъ автору яко-бы для напечатанія, точно не помню. Покойный Гаврило Романычъ, даря мнѣ его, сказывалъ смѣшенно и въ-полъ голоса, что-то подобное, я ужъ и не посмѣлъ болѣе распрашивать.»

стія съ его стороны было столько, что оно положило начало разоренію его имѣнія, которое теперь почти все распродано по частямъ за долги!..“

Литература наша сохранила вѣрныя данныя объ этомъ подвигѣ В. Н. Каразина.

Вотъ они:

Въ напечатанной, въ „*Молодикѣ на 1844 г.*“ любопытной „Копіи съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ Имп. харьковскаго университета, 1802 г. сентября 1-го“, за подписью губернскаго предводителя дворянства и слободскихъ-украинскихъ дворянъ и харьковскихъ купцовъ и гражданъ, говорится: „Дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ городѣ своемъ университетъ. Онъ долженъ имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ двѣ школы для людей низшихъ состояній: школу сельскаго домоводства, и ремеслъ и рукодѣлій. Для положенія основанія сему университету, *слободское украинское дворянство* полагаетъ взнести *отъ дворянскихъ имѣній* сей губерніи *400,000 рублей.* Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня, но тѣмъ не ограничатъ ревность свою. Слободское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію капитала губерніи: Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую, и къ сему же гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на все сіе позволеніе Всемилостивѣйшаго Государя Императора. *На сей конецъ* поручаетъ оно депутату своему, коллежскому совѣтнику Василію Назарьевичу Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени дворянъ, сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе.“—Въ отдѣльномъ протоколѣ отъ купечества харьковскаго, того же 1802 г. 1-го сентября, говорится: „Видя въ учрежденіи семъ явное благотвореніе городу, яко-то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, гражданство полагаетъ и съ своей стороны: 1) взносить въ пользу университета, въ теченіе десяти лѣтъ, съ капиталовъ по $1\frac{1}{4}\%$ ежегодно: 2) достаточнѣйшіе отъ купцовъ готовы на частные взносы; 3) проситъ Его Величество о соизволеніи, чтобъ полови-

на откупной суммы на все послѣдующее время (пожалованная 1783 года въ пользу горожанъ) предоставлена была въ пользу университета; для того и уполномочиваетъ г. коллежскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина...." и т. д. Всего же собрано 618,000 руб. сер.

Эти оба протокола были вызваны пылкою рѣчью В. Н. Каразина, отъ 11-го августа, того же 1802 г., въ собраніи харьковскаго дворянства (тамъ же стр. 245—250), которую Каразинъ начинаетъ словами: „Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце! — Таковы мои чувствованія бываютъ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нашего времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ.... *Мнѣ позволено сказать, Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему!* Что Онъ—ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ Ему, обѣтовъ... Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, въ первое собраніе, когда представилъ я вамъ *предначертаніе того учрежденія*, коимъ вы хотите украсить свою страну, отличить ее въ пространной Россіи... Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ! Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности! Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность дѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ! Такъ я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что древнія Аѳины для Греціи. Благотворенъ нашъ воздухъ; удобенъ прельстить иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ... Я полагалъ, что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы прійдутъ почерпать у насъ познанія; что отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы; что мы умножимъ число врачей... Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ... Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи

мысли обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ монархомъ! Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе! Неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?... Представлю ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи моемъ въ общество?... Отъ васъ зависитъ теперь — оправдать меня, или предать стыду и отчаянію! Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!"

„Записка" сына В. Н. Каразина говоритъ: „Дворянство и купечество поддержали отца моего. Дѣло было сдѣлано по его мыслямъ и мольбамъ. Щедро наградивши дворянъ и купцовъ, Государь захотѣлъ наградить и главнаго виновника всего дѣла. Находился тогда отецъ мой въ Харьковѣ, въ отпуску. Вдругъ его призываетъ губернаторъ, и спрашиваетъ: „Какой награды онъ желаетъ?" „Позвольте подумать!" отвѣчаетъ мой отецъ и вслѣдъ затѣмъ беретъ тройку, скачетъ въ Петербургъ, тамъ бросается къ ногамъ Государя, и умоляетъ—не давать ему ни какой награды; „да небудетъ сказано, что я дѣлалъ все изъ желанія получить награду!" Государь его обнялъ... „Ф. В. Каразинъ заключаетъ: „Подробности эти отецъ мнѣ передавалъ однажды самъ, тридцать пять лѣтъ спустя, въ минуту особенной откровенности... Лгать ему было не для чего, особливо передъ сыномъ и въ то время!"

В. Н. Каразинъ всегда стремился привить прочное, здравое и практическое воспитаніе къ обществу своей родины.

Мы нашли слѣдующую любопытную, позднѣйшую его замѣтку о воспитаніи:

Насмѣхаясь надъ французскими гувернерами и домашними учителями своего времени („*Чистая правда*" стр. 286—288) В. Н. Каразинъ говоритъ, 24-го сентября 1819 года: „Продолжая и здѣсь, въ С. Петербургѣ спорить съ женою о преимуществахъ общественнаго воспитанія надъ домашнимъ, я такъ же, какъ и въ деревнѣ принужденъ сдаться. Скрѣпя сердце, пріискалъ я дѣтямъ учителя фран-

за *изъ лучшихъ*, по часамъ. Является M-re Chevalier de **, и приноситъ son cahier d'Histiore. Вотъ ее начало „L'Histoire est le récit des événements, qui se sont passés dans le monde.“ (Парижанинъ живъ не хочетъ быть безъ происшествія!) Бѣдный мой Вася, который уже проходилъ г. Кайданова. долженъ былъ его оставить. Со вздохомъ и глубокимъ поклономъ заплатилъ я десять рублей за часъ, и отпустилъ M-re le Chevalier....“

Представивши, въ 1806 году, въ совѣтъ московскаго университета мысли о новомъ способѣ винокуренія, при которомъ болѣе „сберегалось дровъ“ („Описаніе снаряда для гонки вина“ стр. 73—74) В. Н. Каразинъ говоритъ: „Съ прошедшаго, 1805 года, основавъ постоянное мое жилище въ краю моего рожденія, Слободско-Украинской губерніи, должно мнѣ было начать съ того чтобы, *пріобрѣсть о ней познанія сколько нибудь полнѣе тѣхъ*, *которыя могли мнѣ доставить одни первые годы мои*, *въ ней проведенные*. При начальномъ взглядѣ на недвижимыя тамошнія имѣнія, мое собственное и другихъ помѣщиковъ, нельзя было не поразится опустошеніемъ лѣсовъ. Изъ вычисленія оказывается, что болѣе 200 квадратныхъ верстъ лѣса истребляется въ Россіи ежегодно на одно винокуреніе. Эта мысль, съ желаніемъ сберечь мою собственность, заставила меня вникнуть въ сей предметъ.“

Извѣстный украинскій писатель Основьяненко, сверстникъ В. Н Каразина, также свидѣтельствуетъ о его подвигѣ въ основаніи университета.

Въ статьѣ „*городъ Харьковъ*“ безъ подписи автора, въ „Современникѣ“ 1840 г., т. XX., стр. 123 — 124, говорится (статья эта напечатана также въ сокращеніи въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1838 г. съ подписью г. *Квитки*):

„Въ 1802 году, при общемъ собраніи всего дворянства Слободско-Украинской губерніи, по случаю принятія высочайшей грамоты, пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій сей губерніи, когда нельзя было не чувствовать общей готовности во всемъ сословіи на патріотическое пожертвованіе, бывшей въ собраніи статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, помѣщикъ сей губерніи, предложилъ на разсужденіе дворянства *мысль объ учрежденіи у-*

ниверситета. Мысль сія была всѣмъ собраніемъ единодушно принята и по соображеніи способовъ и надобностей при такомъ учрежденіи, положено: отъ имѣній каждаго помѣщика взнести назначаемую часть въ опредѣленный срокъ, что составляло всей суммы „четыреста тысячъ рублей“. Дворянство уполномочило Каразина повергнуть къ подножію престола назначеніе свое, и испросить утверженіе на учрежденіе въ Харьковѣ сего высшаго училища. Императоръ Александръ I, „въ уваженіе патріотическаго приношенія слободско-украинскаго дворянства“ повелѣлъ учредить въ Харьковѣ университетъ, который и открытъ 17-го января 1805 года. В. Н. Каразинъ изъ первыхъ признанъ почетнымъ членомъ университета.“

А между тѣмъ какое общество на своей родинѣ засталъ тогда В. Н. Каразинъ? Я опять могу привести по этому соображенію любопытную замѣтку его самаго.

Въ статьѣ своей „*Взглядъ на украинскою старину* (Молодикъ на 1844 г. стр. 43—45) В. Н. Каразинъ говоритъ: „Между учителями коллегіума замѣтимъ *Сковороду* и протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли бы занять мѣсто между германскими учеными, наиболѣе уважаемыми. *Палицинъ* имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частію началами европейскаго быта на Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1,000 душъ, были покрыты тростникомъ; что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами, что за столомъ служили дѣвки, въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ исподницахъ и червоныхъ черевичкахъ; что главные паны въ губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ, съ музыкой, надвесель... До открытія университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять аптекъ, четыре литографіи, двѣ типографіи, могли бъ существовать еще двѣ....“ Говоря здѣсь, какъ въ старые годы было на Украйнѣ изобиліе во всемъ,

онъ прибавляетъ: „Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ *Масалитиновъ.*"

Великая была радость В. Н. Каразина, когда, въ 1838 г. (см. его статью: „О цѣлебной водѣ надъ Орелью" стр. 337--338), онъ привѣтствовалъ практическіе труды университета, по изученію окрестнаго края. Онъ говорилъ такъ: „Grace á l'Université, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украйны, будемъ имѣть и Фавну и Флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній. Я долгомъ почитаю указать гг. ученымъ цѣлебную воду въ имѣніи Константина Константиновича Ковалевскаго. Какъ благодаренъ я приглашенію А. С. Лашкарева, сосѣда этой дачи, осмотрѣть вмѣстѣ любопытныя воды—8-го сентября 1838 г."

Въ самой мысли объ университетѣ онъ шелъ не вровень съ другими. По словамъ „Записки" его сына, сохранившаго всѣ его устные разсказы, „университетъ его былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроена, а всеобъемлющее училище. Съ нимъ соединена была его давнишняя, любимая мечта освобожденія Греціи; сюда послѣдняя, по его мнѣнію, должна была прислать своихъ сыновъ въ науку. И такимъ образомъ Россія воздала бы наконецъ Греціи за то, что получила отъ нея за 1.000 лѣтъ назадъ, свѣтъ христіанства и наукъ!" Заношу этотъ отрывокъ изъ разсказа сына, какъ намекъ на юношескія мысли по этому поводу самого В. Н. Каразина.

Вслѣдъ за основаніемъ университета въ родномъ городѣ, куда онъ тутъ же вызвалъ 23 семейства лучшихъ иностранныхъ мастеровыхъ, типографщиковъ, переплетчиковъ, часовщиковъ, столяровъ, рѣзчиковъ: слесарей, каретниковъ, кузнецовъ и пр. („Записка" сына) В. Н. Каразинъ увлекся другою блистательною мыслію. Онъ составилъ планъ постепеннаго освобожденія двухъ своихъ имѣній *села Кручика*, Харьковской, и *села Анашкина*, Московской губерніи, написалъ уставы эманципаціи обоихъ имѣній, подписалъ ихъ и ввелъ тутъ же лично въ дѣйствіе на мѣстѣ. Устава перваго имѣнія я нигдѣ не могъ найти, уставъ же втораго я нашелъ въ печати; привожу его здѣсь.

Издавая *временный уставъ сельца Анашкина*, съ деревнями (Опытъ сельскаго устава стр. 1-я и 16-я), В. Н. Каразинъ гово-

ритъ: „Беру смѣлость издать подобный опытъ, поелику я увѣренъ, что взаимное и публичное сообщеніе другъ другу, моей собратіи помѣщиковъ, таковыхъ идей, можетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ, слѣдовательно и помѣщиковъ самихъ. Сіе маленькое постановленіе исполняется, на самомъ дѣлѣ, Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ оно введенно для испытанія, прежде, нежели можетъ быть данъ поселянамъ уставъ постоянный и подробный, *существующій* съ пользою четырнадцать лѣтъ, (отъ 1805 года) въ другомъ моемъ имѣніи, которое находится въ Слободско-Украинской губерніи. Издаваемый теперь опытъ есть какъ бы первый шагъ, или вступленіе къ слободско-украинскому уставу, содержащему вполнѣ мои начала. На изданіе сего послѣдняго испрашиваю я особое позволеніе, и не умедлю представить его просвѣщенной публикѣ, когда сіи первоначальныя черты вниманія ея удостоины будутъ.“

Вотъ главныя чтрты этого оригинальнаго *устава сельца Анашкина*: Статья 1. „Съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и вѣрные подданные Царя своего, не по имени только, но самымъ дѣломъ, т. е. исполняли бы — законы Божій и Царскій, любили бы ближнихъ, почитали бы всякое установленное начальство и взносили исправно подати.“ Ст. 2 „По жительству господъ въ другой губерніи, учреждается въ с. Анашкинѣ начальникомъ сельскій *староста*. Для совѣта ему назначаются два *выборные*. Послѣдній будетъ завѣдывать все, что принадлежитъ до сельской полиціи, и по сей причинѣ назовется *полицейскимъ*. Всѣ трое вмѣстѣ составляютъ *сельскую думу*.“ Эти лица, какъ и видно, назначались самимъ владѣльцемъ. Въ примѣчаніи къ ст. 6-й устава говорится: „Предполагается, что со временемъ *выборъ* членовъ думы предоставится *самимъ поселянамъ*, отцамъ семействъ.“ Ст. 3: „На каждаго изъ выборныхъ поселяне могутъ жаловаться въ думѣ; но на старосту или на рѣшенія думы господамъ.“ Ст. 4: „Сельская анашкинская дума собирается каждую субботу, послѣ обѣда, для учрежденія общественныхъ дѣлъ; можетъ собирать мірскую сходку, подъ предсѣданіемъ приходскаго священника.“ Ст. 5: „Мірская сходка, безъ повѣщенія думы, не можетъ собираться. Она составляется изъ

отцовъ семействъ, не обезславленныхъ явно." Ст. 6: „Сельская дума вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла, ведетъ о нихъ самую краткую записку и посылаетъ донесеніе (ежемѣсячное) господамъ, кои священникъ мѣтитъ словомъ: вѣрно." Ст. 8: „Дума въ сборахъ дѣлаетъ раскладки." Ст. 9: „На содержаніе думы положено 800 руб." Ст. 11 „Дума должна заниматься исправленіемъ нравовъ поселянъ, т. е. чтобъ они были благочестивые и честные люди. Для чего она имѣетъ право наказывать, обращая къ исправленію: пьяницъ, непочтительныхъ къ родителямъ, нерадивыхъ о своемъ хозяйствѣ. Наказанія могутъ быть: денежныя пени, работа на общество и тѣлесныя." Ст. 12: *„Тѣлесныя наказанія имѣютъ производиться лозою а не палкою*. Онѣ даются только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ, отъ одного и до сорока ударовъ; разумѣется, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. На десять ударовъ дѣлается приговоръ думы." (Примѣчаніе: „Простой народъ—вездѣ народъ, и воображать руководить его чувствомъ одной чести или страхомъ наказаній, единственно на ней основанныхъ, есть жестоко заблуждаться. А въ тѣхъ земляхъ, гдѣ испытали отмѣнить отеческое наказаніе лозою, видятъ себя принужденными гораздо чаще наказывать лишеніемъ жизни, или продолжительнымъ заключеніемъ въ темницы и желѣзы.")* Ст. 13: Кража наказывается взысканіемъ цѣны украденной вещи вдесятеро. Пять долей изъ сего поступаютъ въ общественную сумму; три хозяину, а двѣ доносителю или открывшему кражу." Ст. 15: „Староста есть начальникъ, представляющій господъ." Ст. 18: „На мірской сходкѣ собираются голоса положеніемъ въ двѣ шапки маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ." Ст. 19: „Со стороны господъ отпускается ежегодно въ общественную сумму 500 руб., обязывая думу: учредить *оспопрививаніе* и содержать *надзирателя за больными*, также *училище для малолѣтнихъ поселянъ*, по данному ей наставленію." Ст. 20: „Остатки отъ общественной суммы поручается сельской думѣ раздавать взаемъ поселянамъ, на годъ, два, четыре, и восемь лѣтъ, съ надежными поруками и со взысканіемъ ежегодныхъ процен-

* Читатели простятъ этотъ парадоксъ времени, когда жилъ В. Н. Каразинъ. *Г. Д.*

товъ въ пользу сей суммы. Сиротскія деньги въ ней же должны быть хранимы и раздачею взаемъ умножаемы.“ Ст. 21: „*Поселянамъ сельца Анашкина съ деревнями дается слово на всегдашнія времена*: I. Предоставить во владѣніе ихъ всѣ угодья, каковыя, въ семъ имѣніи числятся по документамъ, исключая только господскую усадьбу и заповѣдные лѣса. II. За владѣніе сими угодьями взимать съ нихъ оброкъ не выше шести процентовъ съ истинной цѣны имѣнія ежегодно. III. Не продавать изъ нихъ, не отдавать въ рекруты и не брать въ дворовое услуженіе ни одного лица мужескаго или женскаго пола, также не смѣнять членовъ сельской думы, безъ особеннаго на то или другое приговора мірской сходки. IV. Почитать и заставлять почитать собственность всякаго поселянина неприкосновенною. V. Всякій поселянинъ мужескаго пола, желающій быть отъ господъ уволенъ въ казенное званіе, получаетъ отпускную немедленно, когда онъ взнесетъ за себя и за движимую свою собственность цѣну 2,000 дней замледѣльческой работы. А сіи деньги, равно, какъ получаемыя при продажѣ, по приговору мірской сходки, и плата за выводъ невѣстъ, поступаютъ не въ число господскихъ доходовъ, но въ общественную сумму сельца Анашкина съ деревнями.“ Примѣчаніе. „Подлинный подписали помѣщикъ и помѣщица, за себя и за малолѣтнихъ ихъ дѣтей.“ Еще примѣчаніе, подъ строкой: „Различеніе *собственности* помѣщика отъ *полицейской его власти*, безъ всякаго ослабленія сей послѣдней, и именно: въ намѣреніи охранить моральную ея чистоту, составляетъ главнѣйшее въ обоихъ моихъ уставахъ.“ *(В. Каразинъ.)*

Современные практики не разъ улыбнутся, читая эти сроки. Но вспомните, господа, что это писалъ человѣкъ молодой, безъ образцовъ и товарищей, по убѣжденію одной своей пылкой головы и любящаго сердца....

Не будучи никогда особенно склоненъ къ искуствамъ изящнымъ, В. Н. Каразинъ, съ 1805 г. сталъ болѣе и болѣе склоняться къ примѣненію естественныхъ наукъ и въ 1811 году приступилъ къ основанію *филотехническаго общества домоводства* въ Харьковѣ.

„Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ или Лондонъ! Сколько употреблено ихъ на вы-

возъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ или другихъ художественныхъ произведеній!" (Рѣчь въ Обществѣ „Испытателей природы." 1807 г., стр. 244) такъ онъ выражался, тоскуя о малопрактичности своихъ сосѣдей и сверстниковъ.

„Помѣщика я разумѣю, говорилъ онъ, наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому или предкамъ его, верховная власть давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила попеченіе о людяхъ-поселянахъ. Онъ есть природный покровитель, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, наставникъ во всемъ. Однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ *генералъ губернаторъ въ маломъ видѣ*." („О необходимости усилить домоводство" 1813 г., стр. 23—24-я)

Онъ продолжалъ свои сношенія съ дѣльными практиками всякаго рода.

„Авторъ съ удовольствіемъ признается, говорилъ онъ, что онъ большую часть познанія о мѣстныхъ обстоятельствахъ россійской торговли и промышленности почерпнулъ изъ прилежныхъ бесѣдъ съ умными доброжелателями своему отечеству. Особливо долгомъ поставляетъ упомянуть имя калужскаго гражданина *Дм. Ив. Подкованцева.*" (Тамъ же, стр. 31).

Въ деревнѣ онъ не оставлялъ своихъ опытовъ.

„Продолжая, въ 1809 году и далѣе, говоритъ онъ, мои испытанія средствъ облегчить произведеніе селитры, которой умноженіе въ государствѣ было тогда не послѣднимъ предметомъ, я уклонился отъ составленія селитряныхъ буртъ или стѣнъ, вздумалъ употребить пары отъ гнилой винокуренной барды, кои, отъ пропущенія электрическихъ искръ, обращались въ селитряную кислоту. — Я непосредственно за тѣмъ началъ метеорологическія наблюденія, по ночамъ одинъ, въ моей деревнѣ." („Выписка изъ письма къ В. Г. Муратову", стр. 217 и 225). — Эту страсть къ пользамъ отчизны онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ: „Да будетъ мнѣ позволено въ благодарномъ сердца изліяніи помѣстить имена Ивана Петровича Шульца и Христіана Ивановича Фирлинга, одного германца, другаго родомъ изъ Страсбурга, но прямаго римлянина по чувствамъ, которые оба не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно, и меня научили *прежде*

всего любить ее. Ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ...! Они были содержателями пансіоновъ: первый въ Харьковѣ, другой въ Кременчугѣ между 1780 — 1790 годами." („Рѣчь о любви къ отечеству" стр. 196).—Враги, между прочимъ, не покидали его и въ деревнѣ.

„Легко доказать", говоритъ В. Н. Каразинъ, при одномъ случаѣ, въ оправданіе себя отъ упрековъ, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ своихъ и онъ, по духу времени, употребляетъ тексты св. писанія; „что въ 1801, 1802 и 1811 годахъ я употреблялъ тексты, гораздо прежде многихъ, ибо я люблю прекрасный славянскій языкъ, и какъ литераторъ, и какъ добрый христіанинъ." („Рѣчь о любви къ отечеству", стр. 222).

Приводимъ письмо Каразина, писанное 1802-го г. мая 2-го, въ Харьковъ къ одному духовному лицу. (*) Оно въ высшей степени интересно, какъ отголосокъ той минуты, когда въ умахъ здѣшняго общества зарождалась первая мысль о созданіи того университета, которымъ харьковская губернія и ея общество теперь такъ сознательно гордятся:

Мая 2 д. 1802 г.

„Здравствуйте душевно-чтимый, любезнѣйшій отецъ Василій!

Совѣщуся, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно; въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ тоже время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ.

Прекращая оное съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорою и совѣтомъ: вы по самымъ свойствамъ вашимъ, которые на послѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ далѣе ни какихъ побужденій, вы другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.

Не знаю въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что значатъ на примѣръ по существу сво-

(*) По мнѣнію В. М. Черняева — извѣстный по одной исторіи священникъ Ѳотіевъ. Письмо это передано въ харьковскую университетскую библіотеку пр. И. Ф. Леваковскимъ.

ему казенныя училища и народное? соединены-ли они съ первымъ? и на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано-ли уже съ сей стороны представленіе куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какая предположена собраться сумма, и сколько ея собрано?—все это мнѣ несовершенно извѣстно. Но, бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ-бы образованъ лучше московскаго и достоинъ-бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благословеніемъ, и я принялся уже было за начертаніе плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меменя. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которые мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ.

„Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было Всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ, и академикомъ Фусомъ, разсудилъ Его И — е Величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ нашли мы, что еще въ 1786 году покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходной и сообразной мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія, и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украины проистекти имѣетъ. Вы далѣе моего все сіе видите, и можете другимъ представить съ тою убѣдительностію, которая вамъ свойственна. Ска-

жу только, что издержекъ — была-бъ на самое дѣло благая воля — бояться нѣчего. Онѣ будутъ весьма не примѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячь рублей, то есть по одному рублю съ души помѣщичей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю *положивъ* собрать, ибо скопливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ взносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительные-жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должные дворянству казною 70 тысячь рублей, а можетъ-быть и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, щастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ.

„Прежде нежели доставлю вамъ подробный планъ, скажу вамъ нѣкоторыя черты онаго, сколько позволяетъ короткое время, и мои нынѣшнія занятія сверхъ чаянія, собственными дѣлами умножившіеся на сихъ дняхъ.

„1) Народное училище полагаю я оставить совершенно на томъ основаніи, какое въ уставѣ 1786 года положено, прибавивъ только классъ латинскаго языка для тѣхъ, которые готовить себя будутъ въ университетъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Другой ненадобно гимназіи.

„2) Въ университетѣ должны быть четыре факультета: философскій, юридическій, медицинскій, и богословскій.

„3) Потребные профессоры дожлны быть выписаны, не жалѣе из-

держекъ изъ лучшихъ краевъ, чрезъ посредство одного извѣстнаго мнѣ профессора здѣшняго, который возьметъ на себя поѣзку въ Германію.

„4) Полное число студентовъ будемъ мы всегда имѣть изъ нашей и другихъ сосѣдственныхъ губернскихъ семинарій. Латинскій языкъ послужитъ способомъ преподаванія, и онъ самъ собою усовершится отъ чистаго употребленія и возвышенной словесности, которой классъ ввести надобно.

„5) Въ новыхъ и обширныхъ зданіяхъ ни малѣйшей нѣтъ нужды. Можно изобрѣсть средства размѣстить университетъ со всѣми къ нему принадлежащими людьми за двадцать или тридцать тысячь рублей.

„6) Иностранцевъ, полагаю я, приманитъ къ намъ сколько климатъ и изобиліе, подобіе представляющіе ихъ отечества, столько жизненныя выгоды и обезпечиваніе ихъ состоянія, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ и ихъ семействъ, по смерти ихъ посвятившихъ себя сему званію. Уваженіе доставитъ имъ чины, которые по новому уставу присвояются каждому члену университета и протчихъ училищъ, безъ всякаго посторонняго представленія.

„7) Въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ. Каждой студентъ будетъ равенъ другому, кто-бы ни-былъ его отецъ. Одни таланты и прилѣжаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатахъ обнаруженныя, доставятъ чинъ по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14 класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало неуважено (какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили). Однако вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство. Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное тому или другому классу людей, одинакія выгоды по мѣрѣ лишь услугъ оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнушаются принять на себя почтеннаго званія наставника, или прославлять край рожденія своего изящными художествами.

„Вотъ главныя черты сего плана, который я готовлю, и если увижу, что дворянство уполномочитъ меня сдѣлать формальное представленіе Монарху, постараюсь, чтобы онъ былъ Высочайше конфирмованъ, и пріѣду для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій въ теченіи настоящаго-же лѣта.

„Обнимите патріотическимъ вашимъ духомъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣгломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ. (*) Я буду писать къ нимъ съ первою почтою; а можетъ-быть еще и теперь успѣю.

„Ваши мысли сообщены моему Благотворителю, которой будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!) Благотворителемъ своего отечества; вы кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ.

„Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды; лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камергеръ Витовтовъ получилъ было порученіе отъ Г. (**) вызвать васъ для своей части, которая, чаю по газетамъ, вамъ извѣстна, но я удержалъ это до свиданія нашего.

„Простите! съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія обнимаетъ васъ вѣрно усердный слуга В. Каразинъ.“—Описаніе открытія Харьковского Университета найдено мною въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ особомъ Прибавленіи, № 13, 1805 года, во вторникъ, въ статьѣ: „Порядокъ, какимъ образомъ происходило открытіе Имп. Харьковскаго Университета, послѣдовавшее сего 1805 г. генваря 17 дня,“ стр. 128 — 130, 8 столбцевъ. Открытіе произошло при губернаторѣ Ив. Ив. Бахтинѣ; Преосвященный Христофоръ Сулима говорилъ слово, равно какъ и соборный протоіерей Андрей Прокоповичъ. Ихъ рѣчи и рѣчь латинская попечителя С. О. Потоцкаго приложены къ статьѣ этой, 1805 г. Объ открытіи университета важнѣйшихъ особъ въ городѣ повѣщали церемоніймейстеры изъ адъюнктовъ, а разныя части города особый чиновникъ отъ городской полиціи, съ пристойнымъ сопровожденіемъ.

(*) Вѣроятно Г. Р. Шидловскій.

(**) Т. е. Государя Александра 1.

Сѣтуя въ послѣдстіи на М. П. Погодина за непомѣщеніе одной статьи его объ углѣ, до того времени помѣщенной уже въ другомъ мѣстѣ, В. Н. Каразинъ, 24-го мая 1842 г., писалъ къ нему: „Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги, своею рукою, *объ отдѣльномъ министерствѣ народного просвѣщенія*, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало? Насилу проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. И только-то!! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогась возсоединенія уніатовъ, которое совершилось, спустя больше тридцати лѣтъ? — Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе, точь въ точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года 2-го апрѣля? Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболеинѣ, присвоенномъ другимъ въ 1839 или 40 годахъ? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубкахъ, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ?... Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ! Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ, хоть для потомства? Прощайте!“—Къ этому письму, посмертному, М. П. Погодинъ сдѣлалъ примѣчаніе: „Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріяломъ для его біографіи?“—(„Москвитянинъ“, 1843 г. № 2-й, стр. 628—629).—Съ 1811 года, какъ я сказалъ, онъ занялся новымъ дѣломъ.

Издавая „*Предначертаніе правилъ филотехническаго общества*“, В. Н. Каразинъ говоритъ о бѣдности домоводства и хозяйства нашихъ южныхъ губерній, гдѣ — „поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя же имъ селитроварни, суть единственныя наши фабрики“ — и прибавляетъ: „*Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, не-*

достаточны для удовлетворенія день ото дня возрастающихъ нашихъ издержекъ!" И далѣе: „Уже о сю-пору есть селенія (въ Украинѣ), имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахати на каждую душу мужескаго пола." Онъ заключаетъ: „Почтите меня вниманіемъ, такъ какъ вѣрнаго сочлена, который, *въ свое время*, ознаменовалъ себя приверженностью къ вашей славѣ и вашимъ пользамъ, не взирая на то, что самое событіе не во всѣхъ частяхъ согласовалось съ его предположеніями.„ — Самый уставъ новаго общества говоритъ такъ: Въ § 1: „Филотехническое общество будетъ имѣть предметомъ — распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперіи. Кругъ дѣйствія его составятъ губерніи: Екатеринославская, Харьковская, Таврическая, Полтавская, Черниговская, Слободско-Украинская и Воронежская. А средоточіе и мѣсто собраній общества—городъ Харьковъ." § 2: „Для вступленія въ (неопредѣленное) число членовъ не требуется ничего болѣе какъ помѣстье въ показанной выше окружности и отзывъ о желаніи." § 3: „Предметомъ его будутъ не умозрѣнія и разсужденія, *но дѣйствіе*: то оно можетъ обойтись безъ президента. Никто не будетъ носить сего имени. Однако, во время съѣзда членовъ, они изберутъ предсѣдающаго на то время." § 4: „Съѣздовъ можетъ быть два каждый годъ, именно въ крещенскую и успенскую армарки." § 5: „Общество будетъ стараться имѣть образцовыя заведенія." § 6: „Заведенія должны приносить очевидный доходъ." § 9: „Членъ, распоряжающійся образцовыми заведеніями, имѣетъ называться *правителемъ дѣлъ филотехническаго общества*." § 12: „Всякій изъ членовъ, прибывъ въ помѣстье правителя дѣлъ, имѣетъ право требовать отъ него сообщенія книгъ (для исторической записки происходящаго въ образцовыхъ заведеніяхъ и для веденія счетовъ, составленныхъ имъ)." § 14. „Общество, въ первые годы, не издаетъ ни какихъ журналовъ, такъ какъ цѣль его — не умствованіе о сихъ заведеніяхъ, но усовершіе ихъ." § 15: „Сумма для заведеній составится отъ взносовъ членовъ. Сей вопросъ, при вступленіи, не можетъ быть менѣе ста рублей ассигнаціями. Правитель дѣлъ, при полученіи ихъ, за своимъ подписаніемъ выдастъ росписку въ видѣ акціи." 16: „Каждая акція филотехническаго общества

приноситъ въ годъ шесть процентовъ *по крайней мѣрѣ*, которые и выдаются въ Харьковѣ, въ теченіе успенской ярмарки.“ § 19: „Въ обезпеченіе всей вступающей отъ членовъ суммы и платежа съ оной процентовъ, правитель дѣлъ общества обязанъ ему представить изъ имѣнія своего достаточный залогъ, на первый случай не менѣе 10.000 руб. асс. Залогъ сдѣлается офиціальною выдачею закладной въ слободско-украинской палатѣ гражданскихъ дѣлъ, на имя трехъ членовъ, по выбору первоначальныхъ членовъ.“ § 21: „Всякій членъ имѣетъ право избрать изъ заведеній то, которое наиболѣе прилично его имѣнію и ему угодно. Правитель дѣлъ обязанъ пещись, чтобы таковое заведеніе было устроено въ помѣстьѣ того члена.“ § 23: „Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить — обществу—всѣ акціи, съ приходящими на нихъ процентами.“ („Мысли объ учрежденіи филотехническаго общества.“ стр. 3—25).

Въ письмѣ Григор. Ром. Шидловскаго къ А. Ѳ. Квиткѣ, отъ 27-го ноября 1810 г., напечатанномъ при брошюрѣ В. Н. Каразина „Мысли о учрежд. филот. общества“ сказано: „Василій Назарьевичъ Каразинъ, конечно, говорилъ съ вами о намѣреніи своемъ—сообщить селитряннымъ заводчикамъ изъ слободско-украинскаго дворянства новый способъ готовить селитру. Желая въ семъ удостовѣриться, его превосходительство Осипъ Ив. Хорватъ и я просили Василія Назарьевича сдѣлать хотя маленькій опытъ въ нашихъ глазахъ, напримѣръ, у меня, *въ селѣ Мерчикѣ*, такъ какъ въ мѣстѣ, сосѣдственномъ съ его жилищемъ. Г. изобрѣтатель сначала находилъ свои затрудненія, говоря, что опытъ таковой немедленно откроетъ всю его тайну, съ которою сопряжены его выгоды, *но напослѣдокъ рѣшился, оставя въ сторонѣ предполагаемое имъ производство селитры*... Сего 1810 года, іюля 28-го дня, при селитрянныхъ моихъ буртахъ въ Мерчикѣ, въ присутствіи моемъ были сдѣланы опыты. — Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. „Лугъ“ (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ (Каразина), дабы оный тамъ выварить въ лабораторіи Василія Назарьевича, на его снарядѣ.“ — Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Г. Шид-

ловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія. (Стр. 26—32).

Во 1811 году, какъ видно изъ „Извѣстія о фил. общ.“ отъ 16-го августа, 1811 г., В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому, имъ придуманному способу „теплотою водяныхъ паровъ,“ сушенія „червца“ т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта (киршвасеръ), опытами надъ красильными травами („матерника“) и минералами. (Стр. 49-89).

Въ 1818 году, В. Н. Каразинъ, какъ говоритъ его „Отчетъ фил. общества за 1818 годъ“ — занимался: выращиваніемъ у себя иностранныхъ „житъ“ — „китайской пшеницы„ — “испанскаго ячменя“ —опытами унавоженія своихъ полей (небывалаго въ степяхъ), — причемъ, за свидѣтельствомъ богодуховскаго исправника, г. Ковальчинскаго, представилъ доказательства, что унавоженныя полосы степной земли дали пшеницы *двумя третями* болѣе противъ неунавоженныхъ. Также занимался проектами новыхъ „хлѣбныхъ хранилищъ“— „новаго изобрѣтеннаго имъ *украинскаго овина*, для сушки сноповъ“ — „клуни къ овину“ — „усовершеннаго имъ китайскаго молотильнаго катка“, и опытомъ, въ собраніи общества надъ приговленными въ Англіи, обошедшими вкругъ свѣта и свàренными въ Харьковѣ „*мясными консервами*“. В. Н. Каразинъ тогда же горячо взялся за дѣло, которому въ 1857 году суждено было осуществиться въ обществѣ „*Сельскій хозяинъ*“ въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Вотъ любопытный отчетъ Каразина объ этомъ опытѣ, помѣщенный подъ строкой, въ примѣчаніи, къ „Отчету фил. общ. за 1818 годъ“ на стр. 18-20-й:—„Оба ящики были открыты предъ собраніемъ, которое прежде ихъ осмотрѣло по наружности. Оба они сдѣланы изъ англійской жести, наподобіе прежнихъ пудряныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяна, но сверхъ того покрыты лакомъ. На меньшемъ была наклеена надпись по-англійски: 14 Febr. 1815, Boiled Beef, from Messer Donkin, Hall et Cambeefort Place, Bermondsey ane № 30 Lombard-Street, London.—Большій ящикъ, съ телятиною, черзвычайно пострадалъ на почтѣ; но къ счастію, и

въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось ни какихъ скважинъ: рѣшительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почталіоновъ! Признаюсь, что я сему еще болѣе удивлялся, нежели самому сохраненію мяса. Когда присутствующіе увѣрились, что ящики не въ Харьковѣ приготовлены,—жестяникъ Торшинскій (единственный въ здѣшнемъ краѣ) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо и, къ общему удивленію, найдена совершенно свѣжею! вареною, сытною, жирною и вкусною частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію *четырегодовалую говядину*, съ удовольствіемъ."—И въ самомъ дѣлѣ, куски говядины этой совершили два пути вокругъ земнаго шара т. е. изъ Кронштадтскаго въ Камчатскій Петропавловскій портъ и обратно; два раза пересѣкли экваторъ, прошли почти всѣ климаты, и побывавъ близь острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою, возвратились въ Европу, наконецъ изъ С. Петербурга, на перекладныхъ телѣгахъ, достигли Харькова и села Кручика."—Его мысли находили отголосокъ въ другихъ, и осуществлялись. Онъ считалъ себя ограбленнымъ и негодовалъ......

Говоря, что англичане въ 1842 г. 9-го апрѣля объявили, какъ о новомъ изобрѣтеніи, о движеніи, непосредственно, парами судна, безъ машинъ, и что онъ это зналъ уже въ 1809 г., В. Н. Каразинъ между прочимъ прибавлетъ: („О новомъ открытіи въ Англіи" стр. 387 — 389): — „Когда въ первые годы моей сельской жизни, *начиная съ 1805 года*, я занялся опытами пароваго винокуренія,—какъ первый воспитанникъ химіи и естественныхъ наукъ, попавшихъ въ нашу Украйну, по страсти къ нимъ изъ дѣтства, я былъ и остался весьма плохимъ хозяиномъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать опыты, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ; они бы отвлекли меня отъ науки. Мысль, что пары, при внезапномъ охлажденіи, могутъ служить движущею силою, занимали меня долго. Я велѣлъ строить лодку. Лодка не была еще кончена, какъ я по обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить сельскія занятія, ѣхать въ Москву и въ Петербургъ.

Мысль моя затмилась тысячею другихъ, и наконецъ изгладилась изъ памяти. —Я же столько лѣтъ указываю на воздушное электричество. Это было изложено въ 1817 г. въ Сынѣ Отечества, и предложено въ 1818 г. одному знаменитому ученому обществу. Оно осталось до сихъ поръ безъ всякаго отзыва."

Домоводство и сельское хозяйство въ обширномъ смыслѣ не оставляли его силъ и стремленій ни на минуту.

Говоря о необходимости лѣсоразведенія въ Украйнѣ, В. Н. Каразинъ упоминаетъ („О лѣсоводствѣ" стр. 415), что это не трудно: „Умершій зміевскій помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Д—скій оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески. и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Д—скій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ Св. Владиміра." Говоря объ англійской конторѣ Буза, изъ которой можно было выписывать всякія сѣмена черезъ харьковскую контору, онъ прибавляетъ: „Я лично берусь за труды выписки, если угодно, равно какъ и за доставку прутьевъ канадской тополи..."

Снова, затѣявши мысль о торгѣ съ чужими краями нашимъ спиртомъ, В. Н. Каразинъ объявляетъ („О торгѣ спиртомъ„ 425 стр.): „Большой тутъ премудрости не надо! скажу я съ Дмитріевымъ. Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціянтами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію во сто рублей асс. — Есть на лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору."

До послѣднихъ дней жизни онъ былъ вѣренъ своимъ мыслямъ первой молодости. Въ 1840 г. В. Н. Каразинъ предлагалъ устроить общество на двадцати акціяхъ, по 25 р. асс. каждая, для опытовъ въ харьковскихъ лабораторіяхъ надъ „превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя."

Тогда же въ 1840 г., въ статьѣ „О значеніи Харькова для полуденной Россіи" онъ предлагалъ (стр. 345) „возстановить филотехническое общество", закрывшееся съ 1818 года, и говорилъ: „Тогда пойдутъ изъ южныхъ губерній въ чужіе краи: крупичатая мука,

крахмалъ, солодило или діастазъ, алкоголь-спиртъ, сухіе буліоны, макароны, коровье масло, масло постное, свѣчи, эссенціи травъ, ягодъ, лекарственныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, мыла, кожи, красильныя вещества, цикорный кофе, нашатырь, сода, деготь, скипидаръ, и прочее"—„все въ концентратахъ."

Говоря о бальзамированіи „пирогономъ" животныхъ тѣлъ, В. Н. Каразинъ (въ статьѣ „О жженіи угля" стр. 95) въ 1841 г. говоритъ: „Я подарилъ знаменитому г. Гумбольдту, въ его проѣздъ чрезъ Москву, огромную жабу, приготовленную симъ образомъ, которую съ перваго взгляда можно было почесть за живую." И прибавляетъ: „Случилось мнѣ добыть вещество въ кристаллахъ, которое профессоръ Сухомлиновъ почелъ подходящимъ еще ближе къ алмазу. Я имѣю о семъ его собственноручную записку, представленную имъ г. попечителю Е. В. К. Это было въ январѣ или февралѣ 1823 года, слѣдовательно нѣсколькими годами ранѣе опытовъ алмазотворенія гг. Каніаръ-Латура и Ганналя („1829 г."). Надобно кончить благодарностью г. верховажскому купцу Александру Ивановичу Персикову, котораго любопытству и вывозу „Коммерческой Газеты" я обязанъ за поводъ написать эту статью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я публично принесу ему и просьбу о сдѣланіи хотя небольшаго опыта *дегтярнаго заведенія*."

Каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила самое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него, между тѣмъ, собственныя деньги, не видѣлъ этому сочувствія, огорчался и хандрилъ...

Очень часто В. Н. Каразинъ, какъ я уже и выше говорилъ, въ самыя первые годы своей дѣятельности, терпѣлъ замѣчательныя неудачи и, со всею простотою труженика, объявлялъ о нихъ печатно. Такъ, въ Отчетѣ за 1813 г. филотехническаго общества (стр. 4—5) онъ говоритъ: „Я въ январѣ, въ слѣдствіе отчета моего за 1812 годъ, избравъ коммиссіонеромъ общества помѣщика Полтавской губерніи, Зѣньковскаго повѣта г. воинскаго товарища *Жидька*, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки (родъ сухаго бульона), алькоголя (наикрѣпчайшій очищенный спиртъ) и другихъ

подобныхъ припасовъ, которыя бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія. Сколько поставки *въ натурѣ* затруднительны, доказываетъ, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 года изъ нѣкоторыхъ губерній до Вильны обошлась въ 200 рублей. Сей коммиссіонеръ былъ адресованъ къ его свѣтлости князю М. Л. Кутузову-Смоленскому. Безчисленныя затрудненія, встрѣченныя имъ на пути, и между тѣмъ побѣдоносное движеніе россійскихъ войскъ во внутренности Германіи, сдѣлали то, что онъ могъ представиться полководцу лишь въ первыхъ числахъ апрѣля. 16-го числа трудная болѣзнь пресѣкла его жизнь. Но и въ разслабленіи, сей истинный сынъ отечества обратилъ вниманіе на нашу посылку, удостоилъ нашего коммиссіонера приглашеніемъ къ столу штата своего, на все то время, которое нужно бъ было прожить ему до полученія рѣшительнаго отвѣта; и наконецъ, примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнію погасаютъ, препроводилъ г. Жадька къ начальнику генеральнаго штаба арміи, *кн. П. М. Волконскому*, при своемъ отношеніи. Между тѣмъ, достопочтенный нашъ сочленъ, графъ А. А. Аракчеевъ и П. П. Коновницынъ, сдѣлали все возможное для успѣха его порученія, послѣдній даже, не взирая на мучительную рану, которая удерживала его въ постели неподвижно..... *Но.... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіе шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею, по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба, — никакого отвѣта.* И напослѣдокъ единственно щедротами вышепоименованнаго нашего сочлена, одолженный способами къ возвращенію изъ столь дальнаго пути, привезъ мнѣ *обратно*... записки о предметѣ его посылки. — Въ сей запискѣ было представлено пособіе, къ продовольствію войскъ за границею, доставленіемъ имъ изъ Россіи, въ видѣ вытяжекъ, сухихъ экстрактовъ, не только хлѣба, мяса, вина, но даже и отечественныхъ *щей*, всего за такія цѣны, за которыя ихъ въ Германіи отнюдь не можно имѣть! Это былъ не проектъ, но рѣшительное предложеніе.... Мы увѣрены, что всякое сердце, любящее русскаго солдата, раздѣлитъ съ нимъ безмолвныя чувствованія о худомъ нашемъ успѣхѣ!“ — (Это онъ издалъ, бывши, по

его словамъ „довольно времени въ Москвѣ“ по дѣламъ своего семейства).

Почти безвыѣздно живя въ деревнѣ, с. Кручикѣ, близь Богодухова, В. Н. Каразинъ, продолжалъ заниматься химіею и опытами всякаго рода; много читалъ, выписывалъ кучу журналовъ и слѣдилъ за погодой, стараясь найти законы метеорологіи.

Онъ въ это время развелъ обширный садъ, пересадилъ въ свои поля, для тѣни на межахъ, множество дикихъ деревъ изъ лѣса, и продолжалъ улучшать свое хозяйство, которое впрочемъ отъ большихъ затратъ на опыты всякаго рода, не давало достаточныхъ доходовъ для его жизни.... Между прочимъ, онъ прочно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей, и самъ ихъ училъ. *Въ 1824 году* онъ былъ избранъ заочно въ совѣстные судьи въ Харьковъ, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, также, какъ въ *1828 г. 27-го сентября* — въ пресрѣдатели палаты уголовнаго суда, въ полномъ собраніи дворянства губерніи.

По словамъ „Записки“ сына, В. Н. Каразинъ удостоился счастія оставлять и особаго рода *журналъ* для Императрицы Маріи Өеодоровны, писанный весь его рукою, и не бывшій въ печати, „въ которомъ помѣщались, въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ, мысли его о воспитаніи дѣтей.“

Думая о воспитаніи другихъ, онъ заботился и о воспитиніи собственнаго своего семейства. Г. Н. Геннади передалъ мнѣ неизданное слѣдующее письмо его, отъ *1825 года 18-го мая*, изъ села Кручика, къ неизвѣстному намъ журналисту.

„Милостивый государь мой! Простительно отцу ходатайствовать въ пользу сына, даже и въ такомъ случаѣ и отношеніи, когда о самомъ себѣ ходатайство было неприлично. Любители просвѣщенія, кто бы они ни были, какъ бы ни раздѣляли ихъ мѣстное разстояніе и другія земныя обстоятельства, хотя бы они другъ другу совсѣмъ незнакомы были, должны быть готовы на взаимныя услуги. Имѣя одну цѣль и бывъ въ великой монархіи свѣта и истины сограждане, житель новой Голландіи можетъ относиться о содѣйствіи смѣло въ Москву или въ Парижъ... На сихъ основаніяхъ прошу я васъ, въ журналѣ нашемъ, обратить вниманіе публики на издаваемый теперь

трудъ моего старшаго и любезнѣйшаго сына, который слушаетъ лекціи въ харьковскомъ университетѣ. Дабы вы могли надлежащимъ образомъ судить о семъ сочиненіи, беру я смѣлость приложить первые отпечатанные уже листы и корректурный листъ таблицъ, за неимѣніемъ другаго, здѣсь въ деревнѣ. Вы можете сказать свои о „*Иліодометрѣ*“ мысли. Пишущій къ вамъ любилъ всегда святую истину, и за все никогда не сердился. Иліодометръ составитъ книжку въ 300—350 стр. Иные думали что это кіевскій календарчикъ...“

Здѣсь идетъ дѣло о книгѣ его сына Василія подъ именемъ: „*Илиодометръ, для повѣрки часовъ, или показатель времени восхожденія и захожденія солнца во всѣ дни года*, подъ 48 параллелями, отъ 40 до 69 степени сѣверной широты. *Издалъ Василій Каразинъ.* 2 части. Харьковъ, въ унив. типогр. 1825 г. въ 8 д. л.“—Въ смирдинскомъ каталогѣ, подъ № 4096, эта книга ошибочно приписана В. Н. Каразину. Этого же сына его въ „*Украинскомъ журналѣ*“ 1824 года, № 23 и 24, стр. 238—253, помѣщена статья „*О лунѣ*“. Въ примѣчаніи къ ней сказано: „Изъ Astronomie de l'amateur, par G. Hirzel, 1820 г. Переводъ студента физико-математическаго отдѣленія Василія Каразина.“

Въ 1836 году, В. Н. Каразинъ зимовалъ въ Харьковѣ. Зять его докторъ И. Севцилло, поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленнымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги, по словамъ Ф. В. Каразина, затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, воротился увидѣлъ домъ объятый пламенемъ, и такъ потерялся, что вмѣсто того, чтобы спасать его, велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ... (*)

Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, всѣ автографы и рѣдкія рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ разнаго званія. Потеря замѣчательная, которую онъ тщетно оплакивалъ остальную свою жизнь... (**)

(*) Село Кручикъ досталось теперь, по покупкѣ отца, по наслѣдству двумъ дочерямъ этого зятя В. Н Каразина, Ол. Ив. и П. Ив. Севцилло, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской. — Село Анашкино, близь Москвы, досталось сыну владѣльца Ник. В. Каразину, дочь котораго, внука В. Н. Каразина, Нат. Николаевна, находится въ Москвѣ, въ замужествѣ за княз. Назаровымъ.

(**) Въ это время мнѣ было шесть лѣтъ, и я помню, въ зимній бурный вечеръ,

Отъ пожара библіотеки и дома, уцѣлѣли однако семъ томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ *„Писемъ В. Н. Каразина“—съ 1821 по 1842 годъ.* Это число показываетъ, какъ обширны были мемуары за остальные годы жизни В. Н. Каразина!

Живя въ деревнѣ, онъ велъ громадную переписку, писалъ въ годъ до 1,200 писемъ. У него остались письма С. О. Потоцкаго, М. М. Сперанскаго, В. П. Кочубея и др. съ 1802 по 1825 г. И, что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный его слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ крѣпостной человѣкъ его *Ѳедоръ Манжеренко*, послѣ прикащикъ с. Кручика. (Съ словъ Ф. В. Каразина.)

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, хуже и хуже. Мы достали любопытныя копіи съ офиціальныхъ писемъ университетскаго и городскаго харьковскихъ обществъ, по случаю помощи, оказанной ими въ 1833 году В. Н. Каразину, когда послѣдняго готовили объявить несостоятельнымъ. Вотъ они:

1) Письмо *Вл. Филатьева*, попечителя харьковскаго учебнаго округа къ предсѣдателю гражданской палаты. *Я. И. Кашинцову*, отъ *1833 г. 12-го января.*

„Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Господа профессоры и преподаватели въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назарьевичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію въ назначенный срокъ представить не можетъ, не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ; но движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести у-

худаго сѣдаго старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ.... Это былъ В. Н. Каразинъ.

сердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнесть въ помощъ г. Каразину собранную ими сумму.

„Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя стремленіе душевной признательности гг. членовъ университета къ г. Каразину, я честь имѣю препроводить при семъ, чрезъ г. проректора, Кронеберга, 1,280 р. къ вамъ, какъ къ предсѣдателю палаты, для взнесенія оной, куда слѣдуетъ.—*Вл. Филатьевъ.*„

2) Письмо харьковскаго городскаго головы. *Антона Матузка, отъ 1833 года, 17-го января*, къ тому же лицу:

„М. г. Яковъ Ивановачъ! Увѣдомился я, — статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ слободско-украинской гражданской палатѣ дѣло; по окончанію онаго потребна сумма 1,200 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и граждапъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчнодостойной памяти покойнаго всеавгустнѣйшаго монарха Алексадра I, о учрежненіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе, сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, м. г., прошу оную сумму 1,200 р. асс. принять и употребить по дѣлу вышеприсанному.—*Антонъ Матузокъ.*“

Съ 1838 года основались въ Харьковѣ Губернскія Вѣдомости. В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ участіе и, съ 1838 по 1842 годъ, помѣстилъ въ нихъ рядъ статей о нуждахъ края и о любимыхъ своихъ занятіяхъ. Эти всѣ статьи я привожу ниже, въ полномъ спискѣ его сочиненій.

Въ 1842 году В. Н. Каразинъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ задумалъ указать нѣсколько улучшеній въ принятомъ тамъ, довольно грубомъ способѣ винодѣлія. Онъ ѣздилъ тамъ на перекладной, простудился въ туманную, дождливую погоду, и, пробывши на заводахъ въ никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ больной уже въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его, Ф. В. Каразинъ....

Въ концѣ ноября, какъ говорятъ приводимые ниже некрологи, въ

Одессѣ получено печальное извѣстіе изъ *Николаева*, что тамъ, 4-го ноября 1842 г., въ восемъ часовъ по полудни, въ домѣ генерала Кумани, отъ горячки, скончался *Василій Назарьевичъ Каразинъ*....

Вѣрный данному въ началѣ этого очерка слову, я не прибавляю къ этой статьѣ ни слова. Повторяю: сухія и сжатыя данныя изъ жизни В. Н. Каразина, впервые здѣсь соединенныя изъ многихъ разнородныхъ источниковъ, на первый разъ, кажется, должны быть предпочтены всякой голословной, хотя быть можетъ и болѣе занимательной критической статьѣ объ этомъ человѣкѣ. Мой очеркъ только указанія, наметки, добытые не безъ труда. Теперь, по этой канвѣ, всякому, кто бы пожелалъ, легко будетъ прослѣдить эту жизнь у самыхъ ея источниковъ, и сказать о ней положительное и по возможности окончательное мнѣніе. Говорю особенно о живыхъ еще сверстникахъ покойнаго В. Н. Каразина, которыхъ приглашаю сообщать свои матеріялы, въ пополненіе предлагаемыхъ собранныхъ мною свѣдѣній. Онъ стоитъ дѣльной, полной біографіи. И, кажется, харьковскому университету роль его біографа должна принадлежать прежде всѣхъ....

17-го января 1865 г. исполнилось 60-ти лѣтіе со времени открытія харьковскаго университета. На обѣдѣ у ректора университета В. А. Кочетова между присутствующими возникла рѣчь о постановкѣ помятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ, на площадкѣ университетской горки, на подобіе того, какъ Одесса имѣетъ у себя памятникъ Дюку-де-Ришелье, основателю ея лицея, и объ объявленіи преміи за біографію В. Н. Каразина, со стороны харьковскаго университета. Вѣроятно и то и другое осуществится въ непродолжительномъ времени.

Списокъ сочиненій В. Н. Каразина, съ 1807 по 1842 г.

(съ краткимъ содержаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ).

1) Рѣчь, говоренная въ собраніи харьковскаго дворянства депутатомъ его, кол. сов. Каразинымъ, испросившимъ Высочайшее соизволеніе на основаніе въ г. Харьковѣ университета въ «Вѣстникѣ Европы» 1801 г. № 16.

2) Рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи моск. общества испытателей природы, 18-го сентября сего (1807) года, членомъ общества, ст. сов. и кав., В. Н. Каразинымъ, по случаю представленія нѣсколькихъ окаменѣлостей, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Москвы.— Въ »Вѣстникѣ Европы« 1807 г. часть XXXV, октябрь, № 90, стр. 241—250.

(Описаніе 26-ти окаменѣлостей, найденныхъ близъ Звенигорода).

3) Описаніе снаряда для гонки вина, изобрѣтеннаго ст. с. Каразинымъ. Съ приложеніемъ статьи: «Въ совѣтъ имп. моск. университета отъ почетнаго члена, Василія Каразина, покорнѣйшее представленіе, отъ 21-го февраля 1809 года. (Подпись В. К.) Въ «Повременномъ изданіи о полезныхъ изобрѣтеніяхъ въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ и важнѣйшихъ предметахъ земледѣлія и торговли, издаваемой при московской губернской гимназіи.» № 12, 1807 г. стр. 72—78.

Предметъ статьи новое устройство винокуренныхъ заводовъ для сбереженія дровъ.

4) Mémoire lû à la Société Impériale des Naturalistes (de Moscou) dans la séance du 15 mars 1810, par le membre ordinaire B. N. Karasinn. Kharkov. 1812. 8° 10 p. (Переводъ этой статьи напечатанъ въ «Сынѣ Отечества» 1817 г № LII, ч. XLII, стр. 265 — 274, за подписью: Перев. П. Гвоздевъ, и называется: «Записка ординарнаго члена Имп. моск. общ. естествоиспытателей, В. Н. Каразина». Редакція «Сына Отечества» сдѣлала подъ переводомъ примѣчаніе, что записка написа была по-французски потому, что «акты общества испытателей природы издаются на семъ языкѣ».)

Мысль статьи о примѣненіи въ Россіи на опытѣ метеорологіи, какъ науки.

Эта брошюра, по-французски, есть въ публичной библіотекѣ.

5) Мысли о учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ россійской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго въ пользу домодвоства сихъ губерній. Харьковъ, въ универс. типографіи, 1811 г., 12°, 38 стр. (Имени Каразина на оберткѣ нѣтъ, но изъ его подлинныхъ бумагъ у сына, Ф. В. Каразина, видно, что онъ авторъ брошюры, что, впрочемъ, подтверждается и въ самой брошюрѣ, на стр. 26 и 32, гдѣ упоминается его имя въ текстѣ.)

Брошюра заключаетъ въ себѣ: 1) «Мысли о учрежденіи филотехническаго общества» (3—14 стр.). 2) «Предначертаніе правилъ филот. общества» (уставъ) (15 — 26 стр.), состоящій изъ 24 §§ и въ приложеніи: 3) «Письмо помѣщика Слободско-Украинской губерніи дѣйст. ст. сов. и кав., Григ. Ром. Шидловскаго, къ г. губернскому предво-

дителю, за скрѣпою самого губ. предводителя А. Ѳ. Квитки, (Брошюра эта есть въ публичной библіотекѣ.)

6) Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ, 17-го января, и высочайше утвержденномъ 10-го марта сего 1811 года. Въ Харьковѣ, въ унив. типогр. 12° 36 стр. (Безъ подписи автора. Есть въ Импер. публичной библіотекѣ).

Въ этой брошюрѣ помѣщены: «Предувѣдомленіе» (отъ Каразина) «Первоначальный актъ филотехническаго общества» (копія «Мыслей о учрежденіи филот. общ.» Каразина) уже отъ лица учредителей за подписью тридцати пяти членовъ—въ томъ числѣ мѣстныхъ помѣщиковъ: П. Хлопова, А. Квитки, Н. Стремоухова, Н. Савича, Н. Лосева, С. А. Левшина, П. Писемскаго, М. Куликовскаго, И. Гиржева, А. Двигубскаго. П. и Ф. Ковальскихъ; потомъ: «Правила филот. общества» (копія «устава», писаннаго Каразинымъ) и «Хозяйственныя распоряженія общества»—«Высочайшій указъ» объ утвержденіи общества на имя губернатора Бахтина и «Примѣчанія» Каразина.

7) Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, изданное въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца 1819 года продолженіе первое. Въ Харьковѣ въ универ. типогр., 1814 г. 12° 89 стр. (За подписью *Василій Каразинъ.)*

Въ брошюрѣ помѣщены: «Протоколъ засѣданія общества 10-го августа, 1811 г.» и приложенія: I) «Слѣдствіе опыта, учиненнаго надъ выпаривательнымъ снарядомъ селитры г. Каразина»: II) «Отчетъ за май, іюнь и іюль 1811 г.» Каразина; III) Продолженіе списка членовъ общества» всего 93 членовъ, и IV) еще замѣтка о собраніи 16-го августа.

8) *Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ*, говоренная въ Харьковѣ августа 18, 1811 г. въ публ. собраніи филотех. общ. Вас. Наз. Каразинымъ. Харьковъ 1811 г. 20 стр. — На стр. 18 — 20 помѣщенъ здѣсь отрывокъ изъ рукописи: «Практическое защищеніе противу иностранцевъ установленное въ Россіи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикомъ. «См. № 55 этого листка.»

Эта брошюра есть въ Импер. публичной библіотекѣ.

9) Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство (произнесена въ Харьковѣ 13-го января 1813 г., въ собраніи филотехнич. общ. В. Н. Каразинымъ). Въ «Вѣстникѣ Европы» 1813 г. № 1, январь. Ч. LXVII. Стр. 1 — 35. (Въ примѣчаніи: «200 экземпляровъ сей рѣчи напечатано въ пользу претерпѣвшихъ отъ непріятеля). Г. Геннади сообщилъ мнѣ, что видѣлъ перепечатку этой рѣчи, съ подписью Харьковъ, 1812 г. 4°, 20 стр.

10) Объявленіе филотехническаго общества № 2-й: филот. обществу, правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ за 1813 годъ, представленный 1-го января 1814 г., изъ столичнаго города Москвы. Въ примѣчаніи къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» 1814 г., № 8, стр. 180. Въ 4°, стр. 1 — 22. (Здѣсь кромѣ «Отчета за 1813 г.» помѣщены «Правила фил. общ. съ перемѣнами, по протоколу 17-го января 1812 г., на кои получено согласіе министра внутреннихъ дѣлъ, и «Высочайшій указъ,» утвердившій фил. общество).

Въ примѣчаніи сказано: «Прежніе отчеты были печатаемы отдѣльными тетрадками, которыя, по ходу нашей книжной торговли, остаются почти въ неизвѣстности для публики. Послѣднее засѣданіе фил. общ. было 12-го янв., 1813 г. Объясненіе же № 1-й издано въ Харьковѣ.»

Его я не нашелъ нигдѣ.

11) Филотехническому обществу правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ о происходившемъ послѣ успенскаго съѣзда прошлаго 1814 года. (Читано въ публичномъ собраніи въ Харьковѣ, въ крещенскій съѣздъ, 1-го января 1815 г.)—Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г. № XI—XII, ч. 20-я стр. 177—198 и 225—241. —

Технологическія замѣтки о маслахъ, салѣ, воскѣ, дровахъ, печахъ, уксусѣ, винодѣліи, селитровареніи, известкѣ и мысли оправданныя въ послѣдствіи—о животныхъ консервахъ, о сушеніи мяса, въ замѣну солонины, и сгущеніи наливокъ.

12) Письмо къ издателямъ—В. Каразина. — Съ приложеніемъ протокола комитета, учрежденнаго для разсмотренія предположеній филотехническаго общества касательно: «Облегченія продовольстія заграничныхъ войскъ и флота и объ умноженіи въ государствѣ селитры, посредствомъ новаго способа.» Самый протоколъ, за скрѣпою В. Н. Каразина, имѣетъ согласіе: «Управляющему военнымъ министерствомъ, г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру, князю Горчакову 1-му »—Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., ч. XXIII, стр. 221—241.

Подъ письмомъ В. Н. Каразина подпись: іюля 25-го, 1815 г. С. Петербургъ.

Въ статьѣ протокола предлагается постоянная мысль Каразина сушить мясо, капусту, водку сокращать въ алкоголь; замѣнить бульонъ въ форсированныхъ маршахъ войска и солонину въ моряхъ — мясными сухарями.

13) Письмо къ графу А. А. А. (Аракчееву), относительно одного россійскаго историческаго анекдота. — (Помѣтка въ концѣ: «В. К. — 12-го ноября, 1816 г. Село Кручикъ.»)—Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1815 г.—стр. 265—279.

Касательно жизни апостола Андрея Первозваннаго.

14) Харьковскія Записки Филотехническое общества, 1716 г. Августа 21-го числа («Протоколы общества за послѣдній съѣздъ не доставленные прежде — «по болѣзни правителя дѣлъ.») — Тамъ же, стр. 352—358. Подпись: Василій Каразинъ.

15) *Изъ Кручика. Выписка изъ метеорологическихъ наблюденій. Въ «Харьковскихъ извѣстіяхъ»* 1817 г. до 43.—подъ первою выпискою: *В. К.*—Рѣдкая газета, найденная С. И. Кованько и подаренная имъ въ библіотеку Харьк. университета, издатель Вербицкій, съ 1818 по 1823 г.

16) Протоколъ послѣдняго собранія филотехническаго общества. — 1817 г. января 16-го—(Скрѣпа послѣ другихъ: членовъ членъ и правитель дѣлъ Василій Каразинъ.)—Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ« 1817 г., стр. 122—127.—

Въ IV § говорится «Положено напечатать введеніе къ сочиненію правителя дѣлъ: «Защищеніе противу иностранцевъ» и т. д., обождавъ однако результата сдѣланнаго высшему начальству о семъ сочиненіи представленія.

17) Филотехническому обществу, правителя его дѣлъ, Каразина, отчетъ за первые восемъ мѣсяцевъ 1817 г., стр. 73 — 93. (Подпись Василій Каразинъ, сентября 23, село Кручикъ.)

Отчеты изслѣдованій: о травѣ серпухѣ, гусеницахъ, унавоженіи чернозема, винокуреніи и пр.

18) Объявленіе объ изданіи актовъ филотехническаго общества, В. Н. Каразина.—Въ «Сынѣ Отечества» 1817 г. ч. XLII, стр. 132.

Правитель дѣлъ общества здѣсь объявляетъ, что «ставши свободнѣе» онъ приступаетъ къ изданію названныхъ актовъ въ 3-хъ частяхъ, изъ цѣны которыхъ 25 р. асс., онъ 5 р. асс. назначаетъ отъ каждаго экземпляра въ пользу харьковскаго общества благотворенія.

(Тоже напечатано въ «Украин. Вѣстникѣ» на 1817 г., стр 256 и въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г. № 2-й.)

19) Рѣчь о важности лѣсоводства, наипаче для Россіи. Василія Каразина. — Въ «Духѣ журналовъ» 1817 года. ч. XVIII, С. Петербургъ, стр. 265—288.—(Въ примѣчаніи: «Была назначена для торжественнаго собранія филотехническаго общества, Сентября 18-го, въ Харьковѣ, въ высочайшемъ присутствіи: но собраніе не состоялось.»)

Также перепечатана: въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г., ч XCV, стр. 199—214, съ примѣчаніемъ редактора; «Сія рѣчь будетъ издана въ актахъ филотех. обшетсва со многими примѣчаніями, кои должны составить полную теорію лѣсоводства, приложеннаго особливо къ Россіи.» Съ тѣмъ же примѣчаніемъ, перепечатана она въ «Сынѣ Отечества»

1817 г., № XLIV, стр. 201—222, и наконецъ я отыскалъ перепечатку ея въ «Казанскихъ Извѣстіяхъ» 1817 г., ноябрь, № 89 и 90, стр. 386—389 и 390—393.

20 Выписка изъ письма къ г. слободско-украинскому гражданскому губернатору В. Г. Муратову, отъ 3-го ноября 1817 года.—(Съ приложеніемъ письма къ «Издателю Сына Отечества»), Подпись: Василій Каразинъ. — Въ «Сынѣ Отечества» 1817 г. № LI, стр. 215 — 227; ч. XLII.

Здѣсь излагаются мысли о возведеніи метеорологіи на степень науки точной, какъ астрономія, что въ послѣдствіи осуществлено по плану Гумбольдта.

21) *Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія въ Слободско-Украинской губерніи, на основаніи 10-лѣтней сл ожности*, (съ 1808 — 1817 г.) съ означеніемъ уѣздовъ, селъ, числа рожденій, смертности и браковъ.—Подъ именемъ с. *Кручика* примѣчаніе (К.): «Помѣстье издателя сихъ таблицъ, гдѣ оныя были и составляемые.—Я нашелъ у Н. О. Баляснаго въ Харьковѣ только листы II, III и IV; на эти таблицы указываетъ г. Бодянскій въ «Чтеніяхъ», 1861 г.—Всѣ же VII таблицъ помѣщены въ «*актахъ харьковскаго филотехническаго общества*«, хранящихся въ библіотекѣ харьковскаго университета, въ VI томѣ, (Москва, 1829 г.) съ «*Объясненіемъ*» (стр. 3—21) за подписью, С. Петербургъ, *26 Ноября 1820 г.* съ примѣчаніемъ подъ строкой (стр. 21): «Въ рукописи, которая была назначена для публичнаго чтенія въ тотъ самый день, столько достопамятный въ моей жизни, въ печати не переменилъ я ни одного слова; даже очевидныя ошибки слога (по быстрому изложенію въ то время) не исправлены. Марта 20, 1829 года. Москва. Василій Назарьевъ сынъ Каразинъ.» О. М. Бодянскій въ «Чтеніяхъ» 1861 г. приводитъ въ перепечаткѣ только 17—21 таблицы этого «Объясненія», полагая, что оно напечатано въ Петербургѣ, но при немъ однѣ таблицы вышли въ Пб. въ типографія Греча.

22) Одна глава изъ рукописи. — (Подъ заглавіемъ — Примѣчаніе: «Сей отрывокъ принадлежитъ къ сочиненію, которое въ концѣ истекшаго 1816 года поднесено В. Н. Каразинымъ слободско-украинскому дворянскому собранію. Титулъ его есть слѣдующій: — «Защищеніе противу иностранцевъ, существующей нынѣ въ Россіи, подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ.») — Въ «Вѣстникъ Европы» 1817 г. ч. XCI, № 2, стр. 104—134.

Статья начинается словами: «Большую часть познаній нашихъ о Россіи мы заимствуемъ отъ иностранцевъ. Знаютъ ли иностранцы Россію?» — Затѣмъ, приводятся географическія и статистическія ошибки

сказаній о Россіи англичанъ, французовъ и нѣмцевъ.—О крестьянахъ тутъ все опущено.

23) Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству. (Примѣчаніе редакціи: «Была произнесена 21-го августа сего 1818 года, въ Харьковѣ, въ публичномъ собраніи филотехническаго общества, В. Н. Каразинымъ). Въ «Сынѣ Отечества», 1818 г. № XLIII, стр. 192—221. Подпись: Василій Каразинъ.

Мысли статьи: «Привязанность къ своей отчизнѣ — не есть добродѣтель; любовь къ отечеству да начнется любовью къ истинѣ и къ добродѣтели.

(Эта рѣчь напечатана также въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1818 г. стр. 340—358 ч. XI и 40—53 стр. ч. XII.)

24) Отвѣтъ на сію рецензію В. Каразина. Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1818 г. стр. 20—35. (По поводу помѣщенной въ томъ же выпускѣ «Украинскаго Вѣстника» статьи, безъ подписи: «Письмо изъ С. Петербурга къ автору рѣчи о важности лѣсоводства наипаче для Россіи.»)

Полемическая статья.

25) Письмо помѣщика Богодуховскаго уѣзда В. Н. К. объ обсадкѣ дорогъ деревьями. (Мая 26-го 1818 г. Село Кручикъ). Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1818 г., стр. 353—362.

26) Чистая правда, безъ малѣйшаго украшенія и увеличенія. (Отрывокъ изъ дневной записки пріѣзжаго украинца, которая, можетъ быть, будетъ напечатана.) Въ «Сынѣ Отечества» изд. Н. Гречемъ, 1818 г., ч. LVI, стр. 286—288. Подпись В. К.

Коротенькая замѣтка о французскихъ учителяхъ того времени, о ихъ вѣтренности и невѣжествѣ.

27) Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ. С. Петербургъ, въ типогр. Н. Греча. 1819 г. (Подпись, подъ предисловіемъ: Василій Каразинъ. Октября 29-го, 1819 г. С. Петербургъ.) Отдѣльная брошюра, въ 8-ю д., 16 стр. Есть въ Императорской публичной библіотекѣ.

Въ брошюрѣ, кромѣ «предисловія» помѣщенъ: «Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями» Звенигородскаго уѣзда, въ пятидесяти шести верстахъ отъ Москвы, заключающій въ себѣ двадцать двѣ статьи.

(Эта же статья напечатана, подъ заглавіемъ: «Временный уставъ сельца Анашкина, съ деревнями», за подписью: В. К., въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1818 года, въ Смѣси, 234—241 стр.)

28) Филотехническому обществу — правителя дѣлъ его, Каразина,

отчетъ за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года, Харьковъ, ун. тип., 1818 г. въ 12-ю д., 40 стр. Подпись: Василій Каразинъ. (Есть въ Императорской публичной библіотекѣ.)

Въ брошюрѣ къ «отчету» присоединенны четыре «приложенія» и заключеніе» за подписью автора.

(Брошюра у Смирдина въ каталогѣ показана подъ № 2,286-мъ.)

Эта брошюра есть перепечатка изъ «Украинскаго Вѣстника» 1819 г. ч. XIV, стр. 3—38, гдѣ не помѣщено одно «заключеніе».

29) О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи. С. Петербургъ, марта 3-го, 1820 года. (Подпись: В. Каразинъ.) Въ 4-ю д., 10 стр.

Въ примѣчаніи сказано: «Написано, и въ собраніи с. петербургскаго общества любителей россійской словесности прочтено, марта 1-го 1820 г.»

Г. Геннади сообщалъ мнѣ, что онъ «видѣлъ экземпляръ этой брошюры въ библіотекѣ московкаго университета.» Я ее видѣлъ въ Императорской публичной библіотекѣ.

Брошюра говоритъ о пустословіи тогдашней литературы, питавшейся шарадами на горохъ, элегіями и альбомными стихами, и, прося, «не считать автора педантомъ, съ сѣдыми его волосами, охуждающимъ то, что его самого восхищало въ молодости» предлагаетъ преобразовать журналъ «Соревнователь просвѣщенія», въ комитетѣ котораго В. Н. Каразинъ, по его словамъ, для этого «работалъ два мѣсяца.» Еще въ другомъ примѣчаніи говорится здѣсь въ брошюрѣ: «Напечатано въ самомъ маломъ количествѣ единственно для сочленовъ моихъ (въ общ. люб. словес.), по причинѣ, что нѣкоторые изъ нихъ несправедливо изъяснили намѣреніе сего предложенія. Естественно ли, чтобы степенный отецъ семейства, пріѣхавшій въ столицу на время по дѣламъ, искалъ заводить здѣсь расчоты самолюбія съ людьми — знакомыми?

30) Нѣчто, относительное къ метеорологіи, Василія Каразина. Въ «Сынѣ Отечества» 1828 года ч. CXVIII, стр. 177—187. (Помѣтка: 1828 г., марта 7-го. Село Кручикъ.)

Статья по поводу наблюденій погоды. Въ примѣчаніи, употребя малорусскій оборотъ рѣчи, авторъ говоритъ, обращаясь къ г. Гречу: «Хохлизмъ! Прости, почтеннѣйшій авторъ Россійской грамматики: уже написано. Que voulez vous, c'est un bout d'oreille!»

31) О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры. (Подпись: В. Каразинъ. Мая 8-го, 1837 г. Богодуховскій уѣздъ.) Въ »Жур-

налѣ министерства народнаго просвѣщенія» 1837 г., ч. XVI, стр. 687—691.

Мысли о причинѣ исключительно-жестокой стужи зимою 1835 и 1836 годовъ, Харьковской губерніи и въ прочихъ мѣстахъ земнаго шара. Къ статьѣ приложено письмо П. Е. Осипова о морозахъ въ Сибири.

32) О заготовленіи дровъ Василія Каразина. 23-го января, 1838 г. Въ «Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ губернскимъ вѣдомостямъ.» 1838 г. № 6, стр. 55—57.

Фельетонная замѣтка о сушкѣ дровъ для топлива.

33) О посадкѣ картофеля въ поляхъ. В. К. (19-го февраля.) Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1838 г. № 9, стр. 81—82.

Авторъ говоритъ, между прочимъ: «Добрые украинцы. Испытайте насадить хоть по полоскѣ картофеля въ хлѣбныхъ поляхъ вашихъ! Увидите какъ это полезно!»

34) О приготовленіи дерева на столярную работу. В. К. Въ «Харьк. губ. вѣдомостяхъ» 1838 г. № 10, стр. 93—94.

Мысль статьи: выварка дерева въ водѣ для сушки на мебель.

35) Частныя извѣщенія: о продажѣ акклиматизированныхъ растеній у В. И. Кистера. В. К.—Въ «Хар. губ. вѣд. 1838 г. № 15, стр. 148.

36) О цѣлебной водѣ въ дачахъ надъ Орелью. Василія Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд» 1838 г. № 38

37) О лѣсоводствѣ или лѣсоразведеніи. Василія Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд. 1838 г., № 48 и 51, стр. 413—416 и 428—432.

38) О торгѣ за границу хлѣбными спиртами. В. Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд» 1838 г. № 50, стр. 421—425.

Мысль—облегчить отправку нашего хлѣба въ чужіе краи, уменьша его вѣсъ, въ пять разъ, перегонкою зерна въ спиртъ.

39) Переходъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ — въ новое жилище. В. Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1839 г., № 34 стр. 233—234.

40) Объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ, В. К. Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1839 г. № 1, стр. 1-я.

Объявленіе объ открытіи этой палаты заключаетъ ту мысль, что отнынѣ въ цѣлый бытъ 20-ти милліоновъ крѣпкихъ, могучихъ и способныхъ хотѣній вводится «духъ животворящъ....»

41) О предвѣстіяхъ погоды. Василія Каразина (марта 15-го.) Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1839 г., № 12, стр. 69—71.

Повтореніе мыслей 1817 г., (см «Сынъ Отечества» 1817.)

42) Нѣчто о кадастрѣ. В. Каразина. «Хар. губ. вѣд.» 1839 г., № 47 и 48, стр. 295—296 и 306—307.

Примѣры примѣненія кадастра къ Харьковской губерніи.

43 О химическихъ превращеніяхъ. В. Каразина. (Января 22-го.) Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1840 г., № 4, стр. 38.

Мысль статьи: «Не прійметса ли химія за преобразованіе древеснаго вещества въ питательное? И пытливый геній искуства не скажетъ ли, подобно другому искусителю: «Рцы хаврастію и сѣну сему да будетъ тебѣ снѣдь!»

44) О кончинѣ праведника. (Мелетія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго.) Василія Каразина. Въ «Хар. губ. вѣд.» 1840 г., № 9, стр. 99.

45) О содержаніи рѣкъ въ городахъ В. К. Въ «Харь. губ. вѣд.» 1840 г., № 12, стр. 113.

«Городъ моей отчизны, любезный Харьковъ!» говоритъ авторъ: «желаю возвышенія береговъ твоихъ рѣкъ.» Мысль автора исполнена теперь.

46) О университетскомъ музыкальномъ вечерѣ. В. К. Въ «Харьк. губ. вѣд.». 1840 г., № 15, стр. 140—141.

47) О значеніи Харькова для полуденной Россіи. В. Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1840 г., № 39, 40 и 41. стр.; 339—345, 351—355 и 363—365.

Мысль, что при возобновленіи «филотехническаго общества», прекратившаго свои занятія съ 1848 года, югъ Россіи можетъ значительно возвысить свою иностранную, отпускную торговлю.

48) О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ. Василія Каразина. Въ «Харьк. губ. вѣд.» 1841 г., № 3, стр. 21—13.

49 О сженіи угля съ разсчетомъ. В. Каразина. Въ «Харь. губ. вѣд.» 1841 г., № 8, (стр. 66—69) № 9 (стр., 74—77) № 10 (стр.; 82—84) и № 11 (стр. 93—96.)

50) Способъ выгоднѣйшаго и безопаснѣйшаго отопленія зданій. В. Каразина. Вв «Харьк. губ. вѣд.» 1841 г., № 20, стр. 187—189.

Повтореніе оспариванія у берлинскаго мѣдника Киперлинга изобрѣтенія отапливать комнаты парами воды.

51) О посадкѣ картофеля въ поляхъ. В. Каразина. Тамъ же 1841 г., № 23, стр. 214—215.

52) Взглядъ на украинскую старину. В. Каразина. Въ «Молодикѣ на 1844 годъ» украинскомъ литературномъ сборникѣ. Харьковъ, 1843 г., стр. 33—45 (Подъ статьей помѣтка: Харьковъ, 1842 г.).

Мастерская картина старинной жизни Харькова и его области, по воспоминаніямъ старожиловъ.

Къ этой статьѣ тамъ же (225—229 стр.) приложены сообщенныя въ редакцію В. Н. Каразинымъ: 1., Рапортъ отъ 14-го февраля, 1732 года, изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлгородскую канцелярію «цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году» и 2., «Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ» отъ 7-го октября, 1800 года (мною помѣщено въ статьѣ «біографія Основьяненка»). Въ этомъ же выпускѣ «Молодика» напечатана: «Подлинная бумага послѣдней половины XVII вѣка» о поставкѣ двухъ «шпиталень или богадѣлень» по указу Θеодора Алексѣевича,—сообщенная В. Н. Каразинымъ.

53) Письмо къ издателю съ приложеніемъ писемъ Г. С. Сковороды.—Василія Каразина.—«Въ Молодикѣ» на 1844 годъ.—Харьковъ, 1843 года, стр. 229—230. (Помѣтка въ концѣ: Харьковъ, мая 2-го 1842 г.)

Въ томъ же выпускѣ «Молодика» помѣщены: «Духовное завѣщаніе Ломѣковскаго» отъ 1711 г., сообщенное В. Н. Каразинымъ, и «Письмо А. А. Палицына къ В. Н. Каразину, отъ 1799 г. 4-го іюля изъ с. Поповки.

54) Рѣчь, говоренная, августа 31-го дня 1802 года, въ собраніи харьковскаго дворянства, депутатомъ его, коллежскимъ совѣтникомъ В. Н. Каразинымъ, испросившимъ высочайшее соизволеніе на основаніе въ городѣ Харьковѣ университета.—Въ «Молодикѣ» на 1844 годъ ст. 245—250.

Здѣсь же, при этомъ выпускѣ, приложена «Копія съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ Императорскаго харьковскаго университета, 1802 года, сентября 1-го», гдѣ давались полномочія В. Н. Каразину («Молодикъ» на 1849 г. стр. 251—256.)

55) Изъ Харькова.—О новомъ открытіи въ Англіи, которое однако есть повтореніе россійскаго изобрѣтенія 1809 года. (За подписью Василій Каразинъ. Харьковъ, 10-го апрѣля 1842 г.) Въ «Москвитянинѣ» 1842 г., № 6, ч. III, стр. 387—389.

Дѣло идетъ здѣсь о непосредственномъ приведеніи парами къ движеніе судна «примѣненномъ на Темзѣ, по словамъ смѣси гамбургскихъ газетъ отъ 9-го апрѣля, 1842 года. В. Н. Каразинъ доказываетъ, что это ему было извѣстно и имъ сообщено другимъ, еще между 1805 и 1809 годами.

56) Нѣсколько предложеній добраго гражданина.—Одесса, въ город. типогр., 1842 г. (Подпись: В. К. Посвященіе: «Благодѣтельному гражданину и умному любителю своего отечества, К. Н. Кузину, Одесса, въ концѣ августа 1842 года».) 8°, 20 стр.

Въ брошюрѣ помѣщены: 1. «Мысли объ отопленіи или нагрѣваніи

комнатъ парами» съ подписью: Василій Каразинъ. Января 5-го 1838 г., Харьковъ. 2. «О заготовленіи дровъ» его же, съ подписью: В. К. 23-го января 1838 г. Харьковъ (напечатано въ Харьковской газетѣ № 6;) и 3. «О приготовленіи дерева на столярную работу». (Изъ 11-го нумера Харьковскихъ вѣдомостей 1838 г.) Съ подписью: В. К.

Здѣсь собственно оспаривается несомнѣнными доказательствами у Кипферлинга честь изобрѣтенія нагрѣванія комнатъ парами. (Примѣчаніе къ статьѣ «Способъ выг. отопленія» въ «харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.» 1841 г. стр. 189 говоритъ: «Подлинное о парахъ послано было 5-го января 1838 г. въ коммиссію для перестройки зимняго дворца».)

57) Арбузы. В. К. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1842 года № 68-й. Фельетонъ «О сахарѣ арбузнаго сока».

58) Письмо В. Н. Каразина къ М. П. Погодину (Подъ рубрикой «Некрологъ» при извѣщеніи о смерти автора письма.) Въ «Москвитянинѣ« 1843 года, № 2-й, стр. 628—629. Подъ письмомъ: «Мая 23-го 1842».

Письмо сопровождало статью автора: «О сженіи угля съ расчетомъ» которой «Москвитянинъ» не напечаталъ. Наконецъ еще отъ 1808 г.

59) Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ В. Каразина, изданное по поводу объявленія, которое было напечатано при 44-мъ нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 1808 г.—Харьковъ въ унив. тип. 1808 г 8°. Эту брошюру, указанную мнѣ Г. Н. Геннади, я нигдѣ не могъ найти, даже и въ Императорской публичной библіотекѣ....

60) *Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ, или соглашеніе сей подчиненности съ всеобщими началами монархическаго правленія и государственной полиціи, также и съ истиннымъ благосостояніемъ человѣчества.* (Письмо одного помѣщика * * ской губерніи, къ своему губернатору). — Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и древности росс. при Имп. Моск. университетѣ 1861 г. кн. III стр 135—176. Каразинъ. Москва. 1810 г. Апрѣля 11.

61) *О причинахъ постепеннаго упадка курса въ Россіи и о средствахъ поднять оный.* (Списокъ съ бумаги которая между прочими подана была Государю въ іюнѣ 1801 г.) Въ «чтеніяхъ» 1861 г. стр. 176—191 по словамъ О. М. Бодянскаго рукопись, напечатанная имъ въ Чтеніяхъ, снабжена собственноручными примѣчаніями В. Н. Каразина.

P. S. Нѣсколько строкъ о жизни В. Н. Каразина помѣщено за подписью: Л. въ «Современникѣ» 1847, т. I стр. 172, въ статьѣ «И.Ф.

Вернетъ.» Въ харьковскихъ извѣстіяхъ 1817 г. помѣщено въ № 22 письмо Аракчеева къ Каразину.

Некрологъ В. Н. Каразина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1842 года, № 101-й, декабря 19-го, стр. 766 подъ рубрикой: «Одесса ноября 27-го н. ст.»

Некрологъ В. Н. Каразина.—Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1842 года, № 95-й, 28-го ноября, стр. 443. (Тоже самое.)

Замѣчательно что «Харьковскія губернскія вѣдомости» за 1842 г. и «Отчетъ харьковскаго университета» за 184²/з годы вовсе умолчали о смерти В. Н. Каразина.

Факсимиле В Н Каразина, заключающее слѣдующія строки его оригинальнаго длиннаго и узкаго почерка:

«Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница, подобно какъ Москва въ Посошковѣ своего Филанджіери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоустаго (по Карамзинъ запретилъ исторически говорить о живыхъ!) — Харьковъ, мая 2-го дня 1842 г. Василій Каразинъ.» Приложено на 6 листѣ, № 15, къ «Молодику» на 1844 года.

Портретовъ съ В. Н. Каразина существуютъ два у его сына Ф. В. Каразина: 1-й снятый артистомъ Маттесомъ, въ Харьковѣ, 1803 г., въ миніатюрѣ, на слоновой кости; 2-й плохой дагерротипъ. снятый въ Одессѣ, въ 1842 г. — Въ библіотекѣ харьк. университета виситъ копія съ перваго, масляными красками, въ большомъ видѣ, писанная въ 1847 г. въ Петербургѣ, академикомъ Шведе.

Въ 1860 г, № 92-мъ въ Сѣверной Пчелѣ помѣщено нѣсколько писемъ разныхъ лицъ В. Н. Каразину и нѣсколько замѣчаній на отзывъ о немъ Державина, выше здѣсь приведенный, за подписью сына В. Н., Фил. Вас. Каразина, гдѣ послѣдній объявляетъ, что надѣется издать хранящіяся у него «Дневныя записки» отца его и письма его, которыхъ у него выходило ежегодно до 1000 нумеровъ. На эту замѣтку я сдѣлалъ тогда-же и въ той-же «Пчелѣ» возраженіе, 30 мая 1860 г.

Послѣ того въ «*Чтеніяхъ Имп. общ. исторіи и древностей росс. при Моск. унив.*» 1861 г. (сентябрь Москва) стр. 192—210, явились двѣ любопытныхъ статьи. «*Записка о В. Н. Каразинѣ*» В. Анастасевича и «*Замѣчаніе къ запискѣ о В. Н. Каразинѣ*» О. М. Бодянскаго. Я выше привелъ цѣликомъ здѣсь статью В. Анастасевича.

Хотя въ этихъ новыхъ матеріалахъ для біографіи, о В. Н. Каразинѣ сказано не мало такого, что кладетъ тѣнь на его личность, возразившій мнѣ и Державину сынъ его, Ф. В. Каразинъ до-нынѣ противъ словъ Анастасевича не подалъ своего голоса.

О. М. Бодянскій, отдающій справедливость моему труду, говоритъ, что «Записка о В. Н. Каразинѣ» доставлена ему, какъ и предшествующія ей бумаги («Практическое защищеніе и пр.) Н. Е. Бецкимъ, получившимъ ихъ отъ самаго В. Н. Каразина, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, для 5 книжки его украинскаго сборника «Молодикъ.» Бецкій обратился къ Анастасевичу нѣкогда очень близкому къ В. Н. К. и тотъ составилъ на скоро особую записку о немъ. На первомъ листѣ рукописи «Практическое защищеніе и пр.» полученной Бецкимъ отъ автора въ 1842 г. въ Харьковѣ, рукою В. Н. Каразина написано: «Сей списокъ представляю его С—ву Кн. Адаму Адамовичу Черторыскому, въ доказательство моего глубочайшаго почтенія и полной довѣренности къ его просвѣщенію и его сердцу. Москва, іюня 23. 1810 г.»

«*Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23 мая 1816 и объ эстляндскихъ постановленіяхъ*» помѣщенное въ «Чтеніяхъ» 1860 г. 2 кн. (стр. 218—227) за подписью В. Н. Каразина, положительно послѣднему не принадлежитъ. Авторъ этого мнѣнія говоритъ, что въ 1816 г. ему исполнилась половина седьмаго десятка лѣтъ, тогда какъ Каразинъ родился въ 1773 г., а не 1763 г. какъ говоритъ О. М. Бодянскій, и въ 1816 г. ему было только 53 года. Наконецъ неизвѣстный авторъ говоритъ: «Я имѣлъ счастіе находиться въ Имп. Дворцѣ въ незабвенный Русскимъ вечеръ 1777 года. Положительно извѣстно, что въ 1777 году В. Н. Каразину было менѣе 5 лѣтъ и въ это время, онъ былъ въ богодуховскомъ имѣніи своихъ родителей, с. Кручикѣ. Также точно не принадлежитъ В. Н. Каразину «*послѣднее распоряженіе одного помѣщика своимъ имѣніемъ, предполагавшееся къ осуществленію*», такъ какъ въ одномъ мѣстѣ его неизвѣстный авторъ говоритъ: «Со вступленія моего въ службу Августѣйшихъ предшественниковъ Вашихъ въ 1763 г.» т. е. за 10 лѣтъ до рожденія В. Н. Каразина. По словамъ О. М Бодянскаго ходитъ по рукамъ еще одно сочиненіе съ надписью на немъ вмѣсто заглавія: *Бумага, представленная В. Н. Каразинымъ Имп. Александру I, 22 марта 1802 г.*» Это вѣроятно бумага, упомянутая мною въ этой статьѣ и названная исторіографомъ Карамзинымъ «pia desideria» Она напечатана въ одномъ заграничномъ сборникѣ, гдѣ разсказано между прочимъ и одно изъ тѣхъ событій, которыя охладили такъ быстро сердце Александра I къ В. Н. Каразину.—О. М. Бодянскій упоминаетъ еще, что въ бумагахъ Имп. общества исторіи и древностей Россійскихъ отыскался «*Каталогъ славяно-россійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. профессора Баузе. Составленный В. Н. Карази-*

нымъ» съ отмѣткою на немъ рукою К. Ѳ. Калайдовича, что «отъ стр. 17 по 64 онъ писанъ самимъ В. Н. Каразинымъ.»

Касательно еще одного труда В. Н. Каразина, доставленнаго Бецкимъ «*Статистическое обозрѣніе слободско-украинской губерніи*» О. М. Бодянскій говоритъ, что эта рукопись, на 9 листахъ синей бумаги, снабжена приписками: «Нач. 6 октября 1819, кончено 15 октября 1819, утромъ» и далѣе: «А вчера авторъ сказалъ мнѣ, что сія тетрадь была поднесена Государю (Александру) отъ губернатора харьковскаго, Муратова (родни его автора) офиціально, за подписомъ его и землемѣра; а съ пути Государь написалъ, что будетъ напечатана, если ничего не окажется не сходнаго съ общепринятыми правилами, но что авторъ, пріѣхавъ сюда въ семъ 1819 г. августа, едва отыскалъ ее у Лаврова (при Вязьмитеновѣ) и что, яко-бы за недостаточнымъ описаніемъ сей губерніи, не напечатана. Въ заключеніе, приложенъ Алфавитъ селеніямъ сей же губерніи, списанъ съ листочковъ, взятыхъ у В. Н. Каразина па 1817 г., каковыхъ у него находится 17 (съ 1801). «Подъ спискомъ еще приписано: «*Конч. 16 ноября 1819 г.*, и того же дня возвратилъ подл. В. Н. Каразину. «Это и есть тотъ самый приведенный мною выше сего трудъ В. Н. «Подробная таблица» и пр. напечатанная въ «актахъ филотехническаго общества» и помѣченная В. Н. Каразинымъ числомъ 26 ноября 1820 г»

P. S. Когда настоящее изданіе было уже въ типографіи, я получилъ слѣдующую замѣтку отъ Филадельфа Вас. Каразина изъ Москвы, отъ 10-го марта 1865 г. Печатаю по желанію писавшаго.

«*Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ, колежскій совѣтникъ 29 окт. 1819 г. Спб. вписалъ здѣсь свое имя для порученія себя всегдашней па-«мяти почтеннаго хозяина сей книжки, которому премного обязанъ съ «1803 года, а наипаче съ 24 Генваря того года, дня славнаго, но немно-«гимъ столько какъ мнѣ памятнаго въ отношеніи къ Василію Назарьевичу.*»

Есть много славныхъ дѣлъ отъ скромности забытыхъ.

Есть много малыхъ дѣлъ отъ шума знаменитыхъ.

Вотъ вамъ, буквальная выписка изъ сафьянной, зеленой книжки, которая была и у Васъ въ рукахъ: помните вы еще сдѣлали изъ нея нѣсколько замѣтокъ о рожденіи В. Н., которыя и занесли въ вашъ біографическій очеркъ 1860 года. Книжка эта предназначена была имъ собственно для записки адресовъ его знакомыхъ; но потомъ, на оставшихся, въ концѣ, пустыхъ страничкахъ записалъ онъ кой-что о себѣ и о своемъ семействѣ.

«Надѣюсь что эта выписка дастъ вамъ нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ въ какихъ былъ къ нему Анастасевичъ и вы разсудите сами

что это за человѣкъ, если онъ могъ, послѣ смерти В. Н. писать о немъ мерзости!... Много добра сдѣлалъ В. Н. этому своему тезкѣ; я имѣю на это письменныя доказательства, кромѣ вышеприведеннаго собственнаго признанія Василія Григорьевича, еще въ послѣднихъ своихъ письмахъ къ Государю (писанныхъ въ квартирѣ Ушинскаго, тайкомъ отъ жены и пересылавшихся по назначенію чрезъ графа Кочубея). В. Н. нашелъ случай упомянуть объ этомъ человѣкѣ и хорошо аттестовать его по поводу «Кронштадтской замѣтки, которую я Вамъ читалъ — помните?—въ Петербургѣ. Посудите же сами, какого названія достоинъ человѣкъ, платящій за столько добра гнусной, посмертной клеветой.... Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобъ напечатанная Бодянскимъ *записка* была подлинно Анастасевичева; мало ли чего въ нынѣшній вѣкъ отрицаній печатаютъ, лишь бы марать память людей, выходившихъ сколько нибудь изъ круга обыкновенныхъ! такая ужъ теперь у насъ манія и иначе не можетъ быть въ переходную эпоху, которую мы переживаемъ и удивляюсь только, какимъ образомъ вы обвиняете меня, что я до сихъ поръ молчу на вызовъ Бодянскаго!—Какъ будто я обязанъ знать все, что у насъ теперь печатается. (*) Такъ мнѣ и читать все что тиснутъ и отписываться отъ всѣхъ нападокъ на священную для меня память; полно-те! Вы, я увѣренъ, пошутили и угрозой и укоромъ. Не напишите вы мнѣ объ этомъ, я до сихъ поръ и не заподозрѣлъ бы существованія этой статьи; еслибъ, покрайней мѣрѣ, онъ его напечаталъ въ какомъ нибудь общечитаемомъ журналѣ, или газетѣ: можетъ статься онъ и не ускользнулъ бы отъ моихъ очей, а то упряталъ его въ какія то древнія чтенія да и хотѣлъ, чтобъ я отвѣчалъ! Да еслибъ я и прочелъ этотъ вздоръ, то все таки ничего не отвѣчалъ бы какъ и теперь буду молчать, не смотря на то, что я прочелъ записку Анастасевича, отыскавъ у Базунова« Чтенія общества любителей древностей за 1861 годъ. Глупѣе этой записки едва ли что можетъ быть: несообразности страшныя на каждомъ шагу: то онъ знакомъ съ В. Н. чуть-ли не съ дѣтства его, то не знаетъ самыхъ важныхъ событій въ его жизни и ссылается на разсказы людей совершенно незнавшихъ В. Н. А эта выдумка объ акціяхъ филотехническаго общества, на что она похожа? выдавать акціи за подписью всѣхъ тузовъ общества и тутъ же въ этихъ самыхъ акціяхъ, объявлять что онѣ ни куда не годятся, какъ скоро выскочитъ на нихъ какой то таинственный зеленый знакъ. Помню я этого Анастасевича, хотя я былъ тогда и очень еще не великъ, когда онъ безпрестанно вертѣлся у

(*) Напрасно Ф. В. Каразинъ такъ отзывается о г. Бодянскомъ и о достойномъ его изданіи. *Авторъ.*

насъ въ гостинной и въ столовой; помню, что мы, дѣти, промежъ собою, давали ему прозвище блюдолиза (у насъ былъ порядочный поваръ) и низкопоклонника, но дуракомъ мы его не считали, а тутъ ужъ надобно быть совершенно пустоголовымъ, чтобъ сочинить такую басню. Правда, отецъ, какъ химикъ, употребилъ въ пользу эту науку чтобъ устранить всякую поддѣлку акцій; на одномъ ихъ уголкѣ дѣлалъ онъ химическими чернилами знакъ, по которому, погрѣвъ акцію на свѣчкѣ можно было узнать настоящая ли она, или фальшивая; но какимъ образомъ ухитриться, чтобъ видѣть въ этой прекрасной предосторожности средство къ *наживѣ?* Но нѣтъ, я рѣшительно отвергаю, чтобъ онъ это писалъ: такихъ лицъ отецъ не могъ держать при себѣ, а онъ его употреблялъ по министерству *просвѣщенія* народнаго. Напишите пожалуйста Бодянскому, если вы съ нимъ въ перепискѣ, что надувать такъ народъ Божій грѣшно.»

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ СТАТЬѢ О КАРАЗИНѢ.

Въ кучѣ старыхъ брошюръ о Харьковѣ, пріобрѣтенныхъ мною недавно по случаю и съ 1801 г. изданныхъ въ столицахъ нашихъ и въ самомъ Харьковѣ, я нашелъ «*Слово на заложеніе храма Вознесенія Господня въ Харьковѣ, говоренное протоіереемъ Василіемъ Ѳотіевымъ*» (Москва, 1801 г. въ унив. типогр. у Христофора Клаудія). Это тотъ Ѳотіевъ, къ которому Каразинъ въ 1802 г. писалъ первое письмо объ университетѣ.

Тамъ же я нашелъ нѣсколько номеровъ особой газетки, родъ справочнаго листка, подъ заглавіемъ: «*Объявленія публикѣ отъ филотехническаго общества. 1812 года.*» Вотъ отрывки изъ № 1-го отъ 15 января 1812 г. (Издателемъ ихъ названъ въ текстѣ, въ 4 таблицѣ, В. Н. Каразинъ): «Подъ симъ заглавіемъ имѣетъ издаваться каждый мѣсяцъ два листа, подобные сему первому. Въ нихъ же и члены общества, каждой въ особенности, могутъ извѣстить о продажѣ своихъ произведеній, вызывать потребныхъ для нихъ людей и пр. Дабы сіи листы сдѣлать для всероссійской публики болѣе занимательными, положено вносить въ нихъ и общія извѣстія, какъ напр. цѣны товаровъ. Сей первый годъ на полученіе объявленій ф. об. не откроется никакой подписки. Они въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ находится будутъ въ Харьковской кн. лавкѣ Глазунова, откуда всякой членъ Россійскаго дворянства и купечества имѣетъ право требовать ихъ по листамъ, или единожды объявить желаніе на полученіе оныхъ по порядку въ продолженіе цѣлаго года. И сіе безъ платы. Даже и вѣсовыя деньги, черезъ почту, будутъ заплачены изъ особой сум-

мы. Но на 1813 годъ сдѣлается о изданіи сихъ «Объявленій» другое положеніе.»

Другой отрывокъ: «Число выданныхъ отъ ф. общества акцій по нынѣ семьдесятъ. Пріобрѣтатели да благоволятъ ихъ предъявить въ контору Общества, на Екатеринославской улицѣ, въ д. Буксгевдена, для полученія за 1811 г. процентовъ.—За долгъ поставляется просить тѣхъ особъ дворянства и купечества, которые имѣютъ акціи, чтобы они не пропускали, предъявлять ихъ въ назначенные строки. *Химическія чернила*, коими написаны секретные на нихъ знаки, относительно къ срокамъ процентовъ, по прошествіи мѣсяца послѣ срока, сами собою начинаютъ обнаруживаться и слѣдовательно подвергаютъ акцію *сомнѣнію*. Впрочемъ сіе обстоятельво теперь, при началѣ общества нашего, по малому еще числу акцій и по *извѣстности особъ*, у которыхъ онѣ большею частію находятся, конечно имѣть мѣста не можетъ. Само собою разумѣется, что мѣра сія изобрѣтена не для нынѣшняго первоначальнаго времени. Всѣ акціи теперь признаются имѣющими свое достоинство.» — Это объявленіе, говорятъ, и вызвало разныя сплетни.

Я пріобрѣлъ также нѣсколько брошюръ «Рѣчей» говоренныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ харьковскаго университета и говоренныхъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа этого университета (*). Въ брошюрѣ «Рѣчей» за 1812 годъ, я нашелъ: «*Рѣчь, произнесенную въ печальномъ собраніи Хар. университета послѣ погребенія экстр. профессора Авраама Яковл. Калкау, ст. сов. В. Н. Каразинымъ.*

Въ книгѣ «*Труды Общества наукъ, состоящаго при Имп. Харьковскомъ университетѣ*» томъ I, 1817 г. «въ спискѣ членовъ этого общества, въ отдѣленіи внѣшнихъ членовъ, подъ № 4, упомянутъ В. Н. Каразинъ. На стр. XXII этой книги говорится: «членъ общества, В. Н. Каразинъ обѣщался доставить обществу собраніе растеній, въ его деревнѣ Кручикѣ растущихъ.»

(*) Въ 1817 г. издавались еще въ Харьковѣ «сочиненія студентовъ и вольнослушающихъ Харьк. университета.«

III.

ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

(Съ 1778 по 1843 г.)

III.

ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

(Съ 1778 по 1843 г.)

I.

Предки — Дѣтство и потеря зрѣнія. — Состояніе Харьковскаго Общества въ началѣ этого вѣка. — Неизданное письмо къ П. А. Плетневу. — Поступленіе въ монахи. — Физіономія монастыря. — Анекдотъ. — Возвращеніе и первая жизнь въ свѣтѣ.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка родился въ 1778 или 1779 году 18-го ноября (*)

Мѣсторожденіе его подгородное харьковское село *Основа,* принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1834 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненка.* Читатель увидитъ изъ нашей статьи, что Григорій Ѳедоровичъ Квитка имѣлъ еще другіе псевдонимы, но мы удержимъ вездѣ имя „Основьяненка", такъ-какъ большинству читателей онъ болѣе извѣстенъ подъ этимъ именемъ.

(1) По словамъ И. И. Срезневскаго, въ его *письмѣ къ редактору* »Москвитянина« (1843 года, ч. IV, стр. 501 — 504), также въ его статьѣ: *о кончинѣ Г. Ѳ. Квитки,* въ 33 № за 1843 г. »Прибавленій къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», Квитка родился 1779 году. К. М. Сементовскій, въ статьѣ: *Г. Ѳ. Квитка* въ «Москвитянинѣ« 1843 г. часть V, стр. 411—426, говоритъ, что Квитка родился *въ 1778 году;* то же говоритъ и надпись на могильномъ памятникѣ. Объ Основьяненкѣ печатныхъ извѣстій мы нашли, вообще, очень мало. Кромѣ названныхъ здѣсь небольшихъ очерковъ его жизни, вышедшихъ въ видѣ некрологовъ по его смерти, мы можемъ еще указать статью о немъ въ «Иллюстраціи» 1846 года, часть III, № 46, стр. 725, въ

Родъ Квитокъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ статьѣ своей о Харьковѣ и его исторіи (2), выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка* послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ. Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые въ 1666 году. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго Полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія (3), помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою императрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободской Полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ, Иванъ Григорьевичъ Квитка скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Θедоръ Ивановичъ Квитка*, отецъ нашего автора, упоминается И. Вернетомъ (4) какъ радушный хозяинъ. „Я (говоритъ Вернетъ) не видалъ старика, ему подобнаго любезностью характера, рѣдкою простотою нравовъ и искуствомъ, шутя, сказать полезныя истины и отмѣннымъ даромъ принаровливаться ко всякому возрасту“. Эти наивныя слова довольно-ясно изображаютъ отца

большой статьѣ Н. М. Сементовскаго: *Харьковъ*, причемъ (на стр. 227) приложенъ его *портретъ:* наконецъ въ »Литературной Газетѣ« 1843 года, № 35, нѣсколько словъ о немъ въ *некрологѣ*, и прекрасная статья о дѣтствѣ Квитки, въ томъ же году, въ »Литературной Газетѣ«, № 37: *Воспоминанія о Г. Θ. Квиткѣ*, А. А. Корсуна.

(2) Въ «Молодикѣ» альманахѣ И. Бецкаго, за 1843 годъ, ч. I, стр. 7, въ статьѣ подъ именемъ: *Основаніе Харькова, старинное преданіе.*

(3) Со словъ *Н. Ю. Квитки*, бывшаго съ Основьяненкомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Н. Ю. Квитка бывалъ часто въ домѣ Основьяненка, и ему мы обязаны многими извѣстіями въ нашей статьѣ.

(4) »Украинскій Вѣстникъ 1817 г., ч. VIII, стр. 184, въ статьѣ: *Мысли о Харьковѣ.* Эта статья сопровождается подписью: *Основа, Иванъ Вернетъ*, и надписью: *посвящаю другу моему, Григорію Θедоровичу Квиткѣ.*

Основьяненка. Такой человѣкъ не могъ не имѣть вліянія на первые годы жизни сына. Кромѣ нашего автора, у Ѳедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, по словамъ Н. Ю. Квитки, очень-образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, о которой мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ. Около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ его иначе не называли, какъ „Андрей Ѳедоровичъ" и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ, по словамъ М. А. Коростовцевой, имѣлъ счастіе принимать въ Основѣ покойнаго императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* (5). Три сестры Квитки по замужествѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской Улицѣ, противъ Дмитріевской Церкви, впослѣдствіи жилъ онъ; *Елизавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти нашего автора (послѣ 1843 года). Авторъ нашъ, съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ (6). Исцѣленіе его, по сло-

(5) Садъ Основа, гдѣ теперь бѣгаютъ сѣрые кролики, гдѣ устроены гимнастическіе аппараты, дорожки, усыпаныя оранжевымъ пескомъ, лугъ передъ домомъ, и собраніе оранжерейныхъ растеній и деревьевъ, растущихъ на воздухѣ, не найдетъ себѣ соперниковъ во всемъ околодкѣ, какъ дѣйствительно рѣдкое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ вообще игнорируютъ роскошною украинскою флорою. Въ двухъ мѣстахъ съ балкона, чрезъ просвѣты деревьевъ, видѣнъ Харьковъ. Побывши на Основѣ, мы поняли любовь нашего автора къ своему родному уголку.

(6) Г. Корсунъ въ статьѣ *Воспоминанія о Г. Ѳ. Квиткѣ*, (на стр. 767) говоритъ «На рукахъ еще кормилицы, сдѣлался у него на глазу ячмень: кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, но не исцѣлили слѣпоты.»

вамъ одного изъ названныхъ нами некрологовъ, произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣднiй Озерянскiй Монастырь на богомолье (7). Этотъ случай оставилъ глубокiе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствiи, вмѣстѣ съ другими событiями, въ-особенности же, вслѣдствiе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно-замѣчательное событiе въ жизни Основьяненка, именно: поступленiе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь. Чтобы объяснить эту рѣшимость въ молодомъ человѣкѣ того времени, бросимъ взглядъ на состоянiе въ тѣ дни харьковскаго общества. Нашъ расказъ частью основанъ на печатныхъ свидѣтельствахъ и частью на словесныхъ преданiяхъ; послѣднiя вносимъ въ надеждѣ, что болѣе-вѣрные источники могутъ подтвердить или отвергнутъ ихъ, и поэтому не ручаемся за ихъ достовѣрность.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патрiархальное; въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданiй. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень прiѣзжали въ губернскiй городъ на торги и на ярмарки, запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другiе ѣздили по дѣламъ службы, или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ „Духовный Коллегiумъ", имѣвшiй очень-ограниченный кругъ дѣйствiя. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденiя нашего автора, появилось лицо, которому суждено было оставить глубокiй слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый философъ, которому мы посвятили отдѣльную статью. По его духовнымъ наставленiямъ, многiе возлагали на себя обѣтъ монастырскiй.

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Онъ бывалъ, между-прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Нашъ авторъ могъ ви-

(7) Г. Корсунъ разсказываетъ это такъ: «Дитятью еще онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ и, со слезами, бывало, просился въ церковь. Няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, несмотря на продолжительность ея, и плачетъ если не застанетъ начала». И далѣе: «Когда внесли его въ озерянскую церковь, малютка вдругъ спросилъ: Какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь?—Мнѣ свѣтло! отвѣтилъ онъ, и такъ излечился.»

дѣть его, будучи мальчикомъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, послѣ того, какъ онъ неожиданно избавился отъ слѣпоты. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже, какъ увидимъ ниже, онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для стѣнъ монастырскихъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й) сдѣлана выписка изъ „Фамильной лѣтописи Квитокъ", гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленкова*, бѣлгородскаго епископа, въ прошломъ вѣкѣ, была замужомъ за дѣдомъ нашего автора, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой же выписки, между-прочимъ, видно, какъ горячо любилъ этотъ высокочтимый окрестными жителями епископъ своихъ родственниковъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ*, съ іюня по августъ 1751 года. „Въ 1754 году съ *Иваномъ Ивановичемъ Квиткою*, отправившимся ходатайствовать въ Москвѣ о *возвращеніи Квиткамъ* имѣнія Артемовки, отнятаго княземъ Трубецкимъ, преосвященный послалъ просительныя письма къ преосвященному Платону". Наконецъ, на мысли нашего автора имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ; посвященіе въ санъ монашескій друга отца его, артиллеріи поручика *Бѣлевцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго Монастыря (8). Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго дяди его, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго Монастыря, куда поступилъ и нашъ авторъ (9).

Такія преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился (10). Объ этотъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 г

(8) К. М. Сементовскій, «Москвитянинъ» 1843 года, статья *Г. Ѳ. Квитка.*

(9) »Ист. Стат. Опис. Хар. Епархіи« стр. 71.

(10) По словамъ г. Сементовскаго, въ статьѣ *Харьковъ*, его училъ на Основѣ мо-

Родъ Квитокъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ статьѣ своей о Харьковѣ и его исторіи (2), выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка* послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ. Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые въ 1666 году. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго Полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія (3), помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою императрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободской Полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ, Иванъ Григорьевичъ Квитка скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Θедоръ Ивановичъ Квитка*, отецъ нашего автора, упоминается И. Вернетомъ (4) какъ радушный хозяинъ. „Я (говоритъ Вернетъ) не видалъ старика, ему подобнаго любезностью характера, рѣдкою простотою нравовъ и искуствомъ, шутя, сказать полезныя истины и отмѣннымъ даромъ принаровливаться ко всякому возрасту". Эти наивныя слова довольно-ясно изображаютъ отца

большой статьѣ Н. М. Сементовскаго: *Харьковъ*, причемъ (на стр. 227) приложенъ его *портретъ:* наконецъ въ »Литературной Газетѣ« 1843 года, № 35, нѣсколько словъ о немъ въ *некрологѣ*, и прекрасная статья о дѣтствѣ Квитки, въ томъ же году, въ »Литературной Газетѣ«, № 37: *Воспоминанія о Г. Θ. Квиткѣ*, А. А. Корсуна.

(2) Въ «Молодикѣ» альманахѣ И. Бецкаго, за 1843 годъ, ч. I, стр. 7, въ статьѣ подъ именемъ: *Основаніе Харькова, старинное преданіе.*

(3) Со словъ *Н. Ю. Квитки*, бывшаго съ Основьяненкомъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Н. Ю. Квитка бывалъ часто въ домѣ Основьяненка, и ему мы обязаны многими извѣстіями въ нашей статьѣ.

(4) »Украинскій Вѣстникъ 1817 г., ч VIII, стр. 184, въ статьѣ: *Мысли о Харьковѣ*. Эта статья сопровождается подписью: *Основа, Иванъ Вернетъ*, и надписью: *посвящаю другу моему, Григорію Θедоровичу Квиткѣ.*

Основьяненка. Такой человѣкъ не могъ не имѣть вліянія на первые годы жизни сына. Кромѣ нашего автора, у Ѳедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, по словамъ Н. Ю. Квитки, очень-образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, о которой мы болѣе не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ. Около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ его иначе не называли, какъ „Андрей Ѳедоровичъ" и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ, по словамъ М. А. Коростовцевой, имѣлъ счастіе принимать въ Основѣ покойнаго императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* (5). Три сестры Квитки по замужествѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской Улицѣ, противъ Дмитріевской Церкви, впослѣдствіи жилъ онъ; *Елизавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти нашего автора (послѣ 1843 года). Авторъ нашъ, съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ (6). Исцѣленіе его, по сло-

(5) Садъ Основа, гдѣ теперь бѣгаютъ сѣрые кролики, гдѣ устроены гимнастическіе аппараты, дорожки, усыпаныя оранжевымъ пескомъ, лугъ передъ домомъ, и собраніе оранжерейныхъ растеній и деревьевъ, растущихъ на воздухѣ, не найдетъ себѣ соперниковъ во всемъ околодкѣ, какъ дѣйствительно рѣдкое явленіе въ нашихъ мѣстахъ, гдѣ вообще неглижируютъ роскошною украинскою флорою. Въ двухъ мѣстахъ съ балкона, чрезъ просвѣты деревьевъ, видѣнъ Харьковъ. Побывши на Основѣ, мы поняли любовь нашего автора къ своему родному уголку.

(6) Г. Корсунъ въ статьѣ *Воспоминанія о Г. Ѳ. Квиткѣ*, (на стр. 767) говоритъ «На рукахъ еще кормилицы, сдѣлался у него на глазу ячмень: кормилица сорвала прыщикъ, золотуха бросилась въ оба глаза и совершенно ослѣпила бѣдное дитя. Пособія медиковъ, знахарей и знахарокъ принесли одну пользу: оставили цѣлыми глаза, но не исцѣлили слѣпоты.»

вамъ одного изъ названныхъ нами некрологовъ, произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій Монастырь на богомолье (7). Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими событіями, въ-особенности же, вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно-замѣчательное событіе въ жизни Основьяненка, именно: поступленіе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь. Чтобы объяснить эту рѣшимость въ молодомъ человѣкѣ того времени, бросимъ взглядъ на состояніе въ тѣ дни харьковскаго общества. Нашъ расказъ частью основанъ на печатныхъ свидѣтельствахъ и частью на словесныхъ преданіяхъ; послѣднія вносимъ въ надеждѣ, что болѣе-вѣрные источники могутъ подтвердить или отвергнутъ ихъ, и поэтому не ручаемся за ихъ достовѣрность.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патріархальное; въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки, запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы, или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ „Духовный Коллегіумъ", имѣвшій очень-ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія нашего автора, появилось лицо, которому суждено было оставить глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый философъ, которому мы посвятили отдѣльную статью. По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя обѣтъ монастырскій.

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Онъ бывалъ, между-прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Нашъ авторъ могъ ви-

(7) Г. Корсунъ разсказываетъ это такъ: «Дитятью еще онъ пробуждался при утреннемъ звонѣ и, со слезами, бывало, просился въ церковь. Няня понесетъ его туда, и онъ выстоитъ всю службу, несмотря на продолжительность ея, и плачетъ если не застанетъ начала». И далѣе: «Когда внесли его въ озерянскую церковь, малютка вдругъ спросилъ: Какой это образъ, маменька?—Развѣ ты видишь?—Мнѣ свѣтло! отвѣтилъ онъ, и такъ излечился.»

дѣть его, будучи мальчикомъ пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, послѣ того, какъ онъ неожиданно избавился отъ слѣпоты. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже, какъ увидимъ ниже, онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для стѣнъ монастырскихъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й) сдѣлана выписка изъ „Фамильной лѣтописи Квитокъ", гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленкова*, бѣлгородскаго епископа, въ прошломъ вѣкѣ, была замужомъ за дѣдомъ нашего автора, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой же выписки, между-прочимъ, видно, какъ горячо любилъ этотъ высокочтимый окрестными жителями епископъ своихъ родственниковъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ*, съ іюня по августъ 1751 года. „Въ 1754 году съ *Иваномъ Ивановичемъ Квиткою*, отправившимся ходатайствовать въ Москвѣ о *возвращеніи Квиткамъ* имѣнія Артемовки, отнятаго княземъ Трубецкимъ, преосвященный послалъ просительныя письма къ преосвященному Платону". Наконецъ, на мысли нашего автора имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ; посвященіе въ санъ монашескій друга отца его, артиллеріи поручика *Бѣлевцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго Монастыря (8). Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго дяди его, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго Монастыря, куда поступилъ и нашъ авторъ (9).

Такія преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился (10). Объ этотъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 г

(8) К. М. Сементовскій, «Москвитянинъ» 1843 года, статья *Г. Ѳ. Квитка.*

(9) »Ист. Стат. Опис. Хар. Епархіи« стр. 71.

(10) По словамъ г. Сементовскаго, въ статьѣ *Харьковъ*, его училъ на Основѣ мо-

изъ Основы, слѣдующее: „Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а, быть-можетъ, и безпечность и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту— все это было причиною, что я нерадѣлъ о будущемъ и уклонился даже отъ того, что было подъ-рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что, умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался, и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междомѣтіяхъ, не могъ слышать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писатели „не бываютъ". Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!...*"

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожь, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1794 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ Лейб-Гвардіи Конный Полкъ (11); но черезъ годъ уже, 1794 года, по слабости здоровья (а, можетъ-быть, и по особымъ соображеніямъ родныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ кровомъ родительскимъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года: *не у дѣлъ*, при Департаментѣ Герольдіи. Надъ этимъ онъ впослѣдствіи самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный*,

нахъ Куряжскаго Преображенскаго Монастыря, подъ руководствомъ самого архимандрита. «Наркизъ Квитка» замѣчаетъ г. Сементовскій, «самъ старался развить въ ребенкѣ желаніе поступить въ монастырь, такъ какъ самая школа, гдѣ онъ учился, была при монастырѣ, и, по окончаніи уроковъ, всѣ дѣти должны присутствовать при богослуженіи».

(11) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 3-го мая 1794 г., найденномъ нами, сказано: »Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы *Григорія Квитка*, который Намъ въ Лейбъ-Гвардіи вахмистромъ служилъ, для его, оказанной въ службѣ нашей ревности и прилежности въ Наши отъ арміи въ капитаны пожаловали и учредили« —Замѣтимъ, что Квитка никогда не былъ въ Петербургѣ.

состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ (12). Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ Сѣверскій Карабинерный Полкъ(13). Указомъ Императора Павла I, отъ 5 января 1797 года, онъ опредѣленъ въ Харьковскій Кирассирскій Полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явится въ этотъ полкъ къ сроку (14). Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возъимѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и на двадцатьтретьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Куряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ (15).

Посмотримъ теперь на мѣсто, куда перешелъ нашъ авторъ.

Куряжскій преображенскій монастырь находится въ восьми верстахъ отъ Харькова, по дорогѣ въ Полтаву и Кіевъ. Мѣстность его очень-живописна (16). На возвышенности, окрушенной съ трехъ сторонъ садами и одинокими купами деревьевъ, изъ станціи Ольшаной, онъ виденъ за восемь верстъ. Обрывы горы на западной и сѣверозападной сторонахъ его, покрытые зеленью, дики и картинны. Самую же лучшую особенность его мѣстности составляютъ ключи, бьющіе изъ кремнистыхъ реберъ горы, водою холодною, чистою, легкою и здоровою. Встарину, вплоть отъ Харькова до Куряжа, былъ глухой, не-

(12) «Вѣстникъ Европы», изд. Михайломъ Каченовскимъ, Москва, 1820 г., статьи: *Письма къ Лужницкому старцу*.

(13) Въ Указѣ Императрицы Екатерины II, отъ 18-го октября 1706 г., предписывается: »Капитану Сѣверскаго Карабинернаго Полка Григорею Квитка слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ«. Найденный нами указъ выданъ изъ Государственной Военной Коллегіи.

(14) Съ этими офиціальными свѣдѣніями совершенно несогласны показанія г. Сементовскаго, въ его статьѣ (на стр 397. 2-й столбецъ), вѣроятно, взятыя изъ невѣрныхъ источниковъ.

(15) По словамъ г. Сементовскаго, *семь лѣтъ*; но это не вѣрно, по прямому вычисленію.

(16) Подробно описанъ въ »Очеркахъ Россіи« *Пассека*. часть IV, стр. 148—158.

проходимый лѣсъ. Разнообразили эту мѣстность одни сѣнные покосы по берегамъ сосѣднихъ рѣчекъ. Пасѣка, надъ рѣчкою Куряжью тамъ, гдѣ теперь монастырь, была единственнымъ жильемъ въ окружности. Она послужила къ выбору мѣста для постройки монастыря, который и возникъ въ концѣ XVII вѣка (17).

Въ годъ поступленія нашего автора въ число монастырской братіи, харьковская епархія изъята была изъ вѣдомства бѣлгородскаго духовнаго правленія, и назначенъ былъ особый епископъ, въ санъ котораго вскорѣ избранъ *Христофоръ Сулима*, бывшій на этомъ мѣстѣ съ 1799 года по свою кончину, до 1813 года. Близость монастыря къ Харькову была всегда причиною, что тамошніе епископы избирали его любимымъ мѣстомъ для своихъ поѣздокъ въ окрестности. Епископъ Сулима тотчасъ замѣтилъ молодаго послушника и часто бралъ его съ собою изъ монастыря въ городъ. Старожилы харьковскіе досихъ-поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго (18). Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволяло ему принять постриженія, и онъ возвратился въ домъ родителей. По словамъ г. Корсуна, Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отростившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его, началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя убѣжденіямъ его, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы. Разсказываютъ о немъ анекдотъ. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между-прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. (19) Силы постоянно измѣняли ему. Од-

(17) »Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи« стр. 53–80, статья: *Куряжскій Монастырь*.

(18) Со словъ Н. К. Мавроди

(19) По словамъ г. Корсуна, онъ »со всею строгостью исполнялъ монастырскій уставъ«. По словамъ же Н. Ю. Квитки, въ комнатѣ молодаго послушника стояло привезенное имъ туда фортепьяно, висѣла на стѣнѣ флейта, и будущій писатель сочинялъ духовные концерты для пѣнія.

нажды повезъ онъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ, сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ, бочки. Была осень и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодаго человѣка и стали кричать: „Квитка, Квитка!..“ Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. (20) Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, въ прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка, и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относится большая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью, каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся*, *Божіи дѣти*, *Сердечная Оксана и Ганнуся.* Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историческаго содержанія, каковы: *Краткое содерніе жизни преосвященнаго Іосафа Бѣлгородскаго*: *Кіевъ 1836 года*, и разсказъ: *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ*(21). Мы разбираемъ все это, потому что до-сихъ-поръ надъ этимъ не останавливался еще ни одинъ изъ некрологовъ Основьяненка. А событіе, изложенное нами, одно изъ интереснѣйшихъ въ многообразной жизни нашего автора.

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять приглядѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника: ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣдни по праздникамъ и, по словамъ Н. Ю. Квитки, большую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и, хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь, съ

(20) Со словъ Д. С. Левшина.

(21) Напечатана въ »Звѣздочкѣ« 1843 г., часть VI, стр. 2—14.

синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ (22), началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, просиживалъ онъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная землякамъ его веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи вызвала окончательно его изъ бездѣйствія. По словамъ Квитки, онъ подвергся тогда уже сатирѣ одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшаго его за непостоянство характера довольно-злою эпиграмою. Въ 1806 году онъ снова, и послѣдній уже разъ, опредѣлился въ военную службу, по Провіантной Коммиссіи, въ милицію Харьковской Губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Основаніе Университета. — Договоръ помѣщика съ учителемъ-нѣмцемъ за 50 лѣтъ назадъ. — Первые студенты. — Первый театръ. — Женитьба. — Анна Григорьевна. —

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ Университетъ. Были въ Харьковѣ еще частные пансіоны. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами, и только доставляли способъ наживаться учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ,

(22) Вообще Основьяненко имѣлъ какую-то особенную страсть къ огню. Въ письмѣ къ намъ изъ Таганрога, отъ 10-го апрѣля 1854 г., г. Корсунъ пишетъ: »Еще слово. Квитка любилъ зажигать самъ свѣчи. Зажжетъ, бывало, спичку да и пойдетъ съ нею по свѣчамъ». Онъ говорилъ: »Пусть мой біографъ не забудетъ этой странности . . . «

стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало по малу харьковскія аудиторіи. Мундиры, какъ студенты, такъ и профессора, надѣвали только въ большіе праздники. На лекціи являлись, въ чемъ попало. Желтые фраки и синіе брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ — все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ Университетъ обогатился замѣчательными профессорами. По ходатайству Каразина, изъ-за границы приглашены были, между прочимъ, знаменитые *Лапласъ* и *Фихте;* они совсѣмъ готовы были перелиться въ Россію; дѣло несостоялось по небольшимъ средствамъ Университета. Славный европейскій біографъ *Брюнне* также соглашался переѣхать на югъ Россіи, что мы недавно узнали изъ письма перваго харьковскаго попечителя, *Северина Осиповича Потоцкаго,* къ Каразину, которое хранится въ числѣ автографовъ въ Публичной Библіотекѣ (23). Попечитель, о которомъ до сихъ поръ съ восторгомъ говорятъ тѣ, которымъ памятна старина харьковская, горячо любилъ прекрасное молодое общество студентовъ. Опредѣленные имъ профессора оправдывали его вниманіе (24). Представляемъ здѣсь ихъ краткую характеристику, для полноты нашего очерка, тѣмъ болѣе, что только при пособіи ихъ явилось литературное движеніе въ Харьковѣ, въ степной глуши. Любимѣйшимъ изъ профессоровъ былъ *Иванъ Степановичъ Рижскій,* профессоръ русской словесности. Онъ написалъ „Риторику“ и „Введеніе въ кругъ изящной словесности.“ Частная жизнь этого суроваго педагога и оратора подавала по-

(23) См. «Отчетъ Публичной Библіотеки за 1852 годъ» въ описаніи новыхъ пріобрѣтеній, по части автографовъ и рукописей, стр. 40.

(24) Въ Жур. Мин Н. Просвѣщенія», 1855 г. іюль. V Отд. — напечатана статья профессора Харьковскаго Университета г. Рославскаго — Петровскаго: *Объ ученой дѣятельности Харьковскаго Университета въ первое десятилѣтіе его существованія.* Здѣсь онъ говоритъ о празднествѣ открытія этого Университета 17-го января 1805 года: «Трехдневная иллюминація, роскошное угощеніе публики, великолѣпная ораторія, сопровождавшая это торжество, составляли необыкновенное событіе въ лѣтописяхъ скромной жизни тогдашняго Харькова; и многіе изъ украинскихъ старожиловъ доселѣ живо вспоминаютъ, какъ о внѣшнемъ блескѣ праздника, такъ и о произнесенныхъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, между прочимъ, о рѣчи ученаго попечителя, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и въ особенности о прекрасно придуманной эмблематической апотозѣ императора Александра I, въ которой соединены были воспоминанія классическія съ дѣйствительностію. Въ храмѣ славы, воздвигнутомъ въ іони-

водъ острымъ языкамъ издѣваться надъ нимъ; и однажды, когда онъ, съ поэтическимъ жаромъ, своею цвѣтистою фразеологіею, объяснялъ ученикамъ красоты поэмы *Модная жена* Дмитріева и, сказалъ о *ревнивомъ мужѣ*, что онъ сѣлъ въ экипажъ, запыхтѣлъ и двинулся въ путь — громкій хохотъ аудиторіи покрылъ его рѣчь, потому что добрый старый профессоръ здѣсь разсказывалъ собственную жизнь. Одинъ изъ учениковъ его говорилъ намъ, что, не смотря на это, однако, Рижскаго всѣ почитали, и когда онъ умеръ, въ 1810 году, то въ университетской залѣ, въ торжественномъ собраніи, ему сказано было самое теплое надгробное слово. Другимъ любимцемъ студентовъ былъ *Шадъ*, по 1817 годъ профессоръ философіи, выписанный изъ Марбурга. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ, страстно любилъ музыку и малороссійскія наливки, и любимой дочери своей, ученой красавицѣ, далъ имя дочери Цицерона, Тулліи. Красавицу Туллію студенты воспѣвали въ стихахъ и прозѣ; печальную судьбу ея въ гувер-

ческомъ стилѣ, возвышалась прозрачная картина, изображавшая императора въ марсовомъ одѣяніи, подающимъ руку Аполлону.» Изъ профессоровъ Университета авторъ называетъ: профессора *россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи*, занимавшаго эту каѳедру съ учрежденія университета по 1811 годъ. Рижскій читалъ лекціи по Блеру, Батте и Эшенбургу, употребляя въ первый годъ по четыре, а потомъ по шести часовъ въ недѣлю на чтеніе риторики, причемъ занималъ слушателей разборами эстетическими лучшихъ отечественныхъ писателей. По словамъ автора, молодые люди выходили изъ Университета съ многостороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ. Любопытно, между прочимъ, что тѣсная связь всеобщей исторіи съ естественными науками, недавно нашедшая между нашими соотечественниками ревностнаго поборника въ покойномъ нынѣ, московскомъ профессорѣ Грановскомъ, понята была Харьковскимъ Университетомъ въ то время, когда и на западѣ Европы еще мало обращали на нее вниманія. Въ 1808 году, по случаю перваго выпуска студентовъ, лучшіе воспитанники уже читали свои сочиненія передъ публикою. Сколько видно по спискамъ рѣчей и сочиненій, приведенныхъ авторомъ, харьковскіе профессоры уже тогда давали литературный оттѣнокъ обществу университета. *Рижскій* писалъ о изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о славянскомъ языкѣ въ древности и наконецъ о томъ, что «внимательное упражненіе въ Россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ Отечеству». За нимъ слѣдомъ шли: *Успенскій*, Стойковичъ, Шадъ, Балленъ де Балю, Умлауфъ, Шумлянскій, Гизе, *Осиповскій* (профессоръ философіи), Делавинь, Тимковскій, Паки де Савиньи, Борзенковъ, Дюгуровъ и *Ив. Срезневскій*, авторъ сочиненія «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ». Въ 1806 г. Рижскій издалъ уже «Введеніе въ кругъ словесности» и «Опытъ риторики». Кромѣ трудовъ кабинетныхъ, профессоры ѣздили по окрестнымъ степямъ и селамъ, изслѣдуя рѣки, озера, аэролиты, флору и бытъ общественный мѣстнаго края. Въ концѣ 1810 г. харьковское общество уже носило задатки зрѣлаго учено-литературнаго міра..

нанткахъ, чѣмъ она была впослѣдствіи, по выѣздѣ отца ея, въ 1817 году, за границу, до сихъ поръ помнятъ многіе. Шадъ оставилъ по смерти любопытное и рѣдкое сочиненіе „Selbstbiographie“ въ трехъ томахъ. Каѳедру словесности, по смерти Рижскаго, занялъ Иванъ Евсѣвьевичъ Срезневскій, отецъ нынѣшняго академика и профессора въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Трудолюбіемъ и добросовѣстностію онъ снискалъ у слушателей ту же любовь, какою пользовался его предшественникъ, Рижскій, и вмѣстѣ съ Разумникомъ Тимоѳеевичемъ Гонорскимъ (воспитанникомъ 1-го Педагогическаго Института, заброшеннымъ въ уѣздное училище и неожиданно призваннымъ въ адъюнкты Харьковскаго Университета, когда его замѣтила инспекція харьковскихъ училищъ) вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ (25), Евграфомъ Филомаѳитскимъ и Петромъ Петровичемъ Гулакомъ-Артемовскимъ (26), положилъ основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ. Эта дѣятельность развернулась въ изданіи разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ пишущіе тогда профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки. Множество стихотвореній И. Е. Срезневскаго, его переводы псалмовъ и стансы разбросаны также по этимъ журналамъ. Когда онъ умеръ, въ 1819 году, одинъ изъ студентовъ, учениковъ его, Райдаровскій, подошелъ ко гробу, съ прощальнымъ стихотвореніемъ, и сказавъ:

Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ,
Я приближаюсь къ гробу твоему!

хотѣлъ прочесть еще нѣсколько строфъ изъ прощальнаго слова, и залился горькими слезами, въ присутствіи множества свидѣтелей печальной церемоніи. Упомянемъ еще одну извѣстность Харьковскаго Университета. Это былъ профессоръ греческой и французской словесности,

(25) Скончался въ 1831 г., отъ холеры, въ Петербургѣ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ.

(26) Приглашенъ, около 1812 года, въ Университетъ читать польскую словесность и всеобщую исторію; впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ стихотвореніями на малороссійскомъ языкѣ.

Баленъ де-Балю, „membre de l'Académie des Inscriptions de Paris," у котораго была хорошенькая дочь — также предметъ элегій и нѣжныхъ стансовъ молодыхъ его слушателей, именемъ Аспазія. Но увы! дочь постоянно болѣе привлекала вниманіе сердецъ университетскаго юношества, чѣмъ лекціи славнаго membre de l'Académie des Inscriptions de Paris. У Баленъ де-Балю иногда бывали только.... три слушателя. Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго Университета. Число слушателей скоро возрасло до 200. Дешевизна жизни студентовъ, которымъ домосѣды-родители присылали мало денегъ, была въ то время замѣчательна. Квартира со столомъ и прислугою, не далеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 руб. ассигнаціями въ годъ. Эта дешевая жизнь студентовъ имѣла тѣ послѣдствія, что, напримѣръ, въ Университетѣ считался въ числѣ слушателей, впродолженіе чуть не пятнадцати лѣтъ, нѣкто Сила Абрамычъ Цыцуринъ, который долженъ былъ, незадолго до нашихъ дней, оставить Университетъ, не конча курса, потому только, что вышелъ законъ, предписывавшій студентамъ оставаться въ одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Начальство харьковское старалось исподволь доставить городу развлеченія. Заведенъ былъ „дворянскій клубъ" въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Содержатель его, бывшій фехтовальный учитель при Университетѣ, Ле-дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изо всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экосезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей, а наконецъ *директоромъ танцовальнаго клуба.* Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *Институтъ для дѣвицъ,* а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ Институтѣ сталъ издавать первый харьковскій журналъ. Скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи

до 1812 года. Въ Харьковѣ, въ началѣ 1812 года, возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго Дворянскаго Собранія. Директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко и сохранялъ это званіе до 1812 года. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году, онъ напечаталъ любопытную „Исторію харьковскаго театра, отъ старинныхъ временъ"(27). Заимствуемъ изъ этой статьи главныя черты. Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансеромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то „маляривна"(28) и „Лизка". Новый правитель губерніи съ 1789 года, Кишенскій, все оживилъ и возродилъ. Театръ также былъ устроенъ и открытъ въ особомъ зданіи. Любопытны цѣны тогдашнихъ спектаклей. Самъ театръ былъ открытъ въ мѣсяцъ, на сумму 100 руб. асс., собранную по подпискѣ. Потомъ учредили родъ абонемента. Ложа, въ этомъ абонементѣ, на годъ стоила 50 руб. асс., кресло въ годъ 10 руб. асс. Театръ открытъ пьесою Княжнина „Безъ обѣду, домой ѣду." Все шло хорошо. Скоро афиши объявили, что будетъ играть *нѣкто* господинъ Москвичевъ. Публика повалила въ театръ. Новый дебютантъ долженъ былъ явиться въ пьесѣ „Трубочистъ князь, князь трубочистъ." Первый выходъ его состоялъ въ томъ, что трубочистъ проваливается на сцену, въ трубу камина, и поетъ веселый куплетъ. Москвичевъ провалился, открылъ ротъ и замолчалъ... Онъ хотѣлъ въ ту минуту провалиться сквозь землю! Передъ нимъ, въ креслахъ партера, какъ разъ въ первомъ ряду, сидѣлъ заѣзжій орловскій губернаторъ, который на то время былъ приглашенъ въ театръ; а Москвичевъ былъ ни кто иной, какъ бѣглый орловскій сержантъ, покинувшій мѣсто службы „изъ любви къ искуству!" Губернаторъ зналъ его лично еще въ Орлѣ, гдѣ онъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ въ

(27) «Лит. Газ. 1841 г., № 114 и 115.

(28) Дочь маляра.

водъ острымъ языкамъ издѣваться надъ нимъ; и однажды, когда онъ, съ поэтическимъ жаромъ, своею цвѣтистою фразеологіею, объяснялъ ученикамъ красоты поэмы *Модная жена* Дмитріева и, сказалъ о *ревнивомъ мужѣ*, что онъ сѣлъ въ экипажъ, запыхтѣлъ и двинулся въ путь — громкій хохотъ аудиторіи покрылъ его рѣчь, потому что добрый старый профессоръ здѣсь разсказывалъ собственную жизнь. Одинъ изъ учениковъ его говорилъ намъ, что, не смотря на это, однако, Рижскаго всѣ почитали, и когда онъ умеръ, въ 1810 году, то въ университетской залѣ, въ торжественномъ собраніи, ему сказано было самое теплое надгробное слово. Другимъ любимцемъ студентовъ былъ *Шадъ*, по 1817 годъ профессоръ философіи, выписанный изъ Марбурга. Онъ былъ женатъ на трехъ женахъ, страстно любилъ музыку и малороссійскія наливки, и любимой дочери своей, ученой красавицѣ, далъ имя дочери Цицерона, Тулліи. Красавицу Туллію студенты воспѣвали въ стихахъ и прозѣ; печальную судьбу ея въ гувер-

ческомъ стилѣ, возвышалась прозрачная картина, изображавшая императора въ марсовомъ одѣяніи, подающимъ руку Аполлону.» Изъ профессоровъ Университета авторъ называетъ: профессора *россійской словесности, краснорѣчія и поэзіи*, занимавшаго эту каѳедру съ учрежденія университета по 1811 годъ. Рижскій читалъ лекціи по Блеру, Батте и Эшенбургу, употребляя въ первый годъ по четыре, а потомъ по шести часовъ въ недѣлю на чтеніе риторики, причемъ занималъ слушателей разборами эстетическими лучшихъ отечественныхъ писателей. По словамъ автора, молодые люди выходили изъ Университета съ многостороннимъ и вмѣстѣ основательнымъ образованіемъ. Любопытно, между прочимъ, что тѣсная связь всеобщей исторіи съ естественными науками, недавно нашедшая между нашими соотечественниками ревностнаго поборника въ покойномъ нынѣ, московскомъ профессорѣ Грановскомъ, понята была Харьковскимъ Университетомъ въ то время, когда и на западѣ Европы еще мало обращали на нее вниманія. Въ 1808 году, по случаю перваго выпуска студентовъ, лучшіе воспитанники уже читали свои сочиненія передъ публикою. Сколько видно по спискамъ рѣчей и сочиненій, приведенныхъ авторомъ, харьковскіе профессоры уже тогда давали литературный оттѣнокъ обществу университета. *Рижскій* писалъ о изящныхъ наукахъ, о познаніи, свойственномъ воображенію, о славянскомъ языкѣ въ древности и наконецъ о томъ, что «внимательное упражненіе въ Россійскомъ словѣ внушаетъ любовь къ Отечеству». За нимъ слѣдомъ шли: *Успенскій*, Стойковичъ, Шадъ, Балленъ де Балю, Умлауфъ, Шумлянскій, Гизе, *Осиповскій* (профессоръ философіи), Делавинь, Тимковскій, Паки де Савиньи, Борзенковъ, Дюгуровъ и *Ив. Срезневскій*, авторъ сочиненія «О происхожденіи и причинахъ различія дарованій въ людяхъ». Въ 1806 г. Рижскій издалъ уже «Введеніе въ кругъ словесности» и «Опытъ риторики». Кромѣ трудовъ кабинетныхъ, профессоры ѣздили по окрестнымъ степямъ и селамъ, изслѣдуя рѣки, озера, аэролиты, флору и бытъ общественный мѣстнаго края. Въ концѣ 1810 г. харьковское общество уже носило задатки зрѣлаго учено-литературнаго міра..

нанткахъ, чѣмъ она была впослѣдствіи, по выѣздѣ отца ея, въ 1817 году, за границу, до сихъ поръ помнятъ многіе. Шадъ оставилъ по смерти любопытное и рѣдкое сочиненіе „Selbstbiographie“ въ трехъ томахъ. Каѳедру словесности, по смерти Рижскаго, занялъ Иванъ Евсѣвьевичъ Срезневскій, отецъ нынѣшняго академика и профессора въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Трудолюбіемъ и добросовѣстностію онъ снискалъ у слушателей ту же любовь, какою пользовался его предшественникъ, Рижскій, и вмѣстѣ съ Разумникомъ Тимоѳеевичемъ Гонорскимъ (воспитанникомъ 1-го Педагогическаго Института, заброшеннымъ въ уѣздное училище и неожиданно призваннымъ въ адъюнкты Харьковскаго Университета, когда его замѣтила инспекція харьковскихъ училищъ) вмѣстѣ съ Александромъ Васильевичемъ Склабовскимъ (25), Евграфомъ Филомаѳитскимъ и Петромъ Петровичемъ Гулакомъ-Артемовскимъ (26), положилъ основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ. Эта дѣятельность развернулась въ изданіи разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ пишущіе тогда профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки. Множество стихотвореній И. Е. Срезневскаго, его переводы псалмовъ и стансы разбросаны также по этимъ журналамъ. Когда онъ умеръ, въ 1819 году, одинъ изъ студентовъ, учениковъ его, Райдаровскій, подошелъ ко гробу, съ прощальнымъ стихотвореніемъ, и сказавъ:

> Съ благоговѣніемъ и ужасомъ сердечнымъ,
> Я приближаюсь къ гробу твоему!

хотѣлъ прочесть еще нѣсколько строфъ изъ прощальнаго слова, и залился горькими слезами, въ присутствіи множества свидѣтелей печальной церемоніи. Упомянемъ еще одну извѣстность Харьковскаго Университета. Это былъ профессоръ греческой и французской словесности,

(25) Скончался въ 1831 г., отъ холеры, въ Петербургѣ, гдѣ былъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ.

(26) Приглашенъ, около 1812 года, въ Университетъ читать польскую словесность и всеобщую исторію; впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ стихотвореніями на малороссійскомъ языкѣ.

Баленъ де-Балю, „membre de l'Académie des Inscriptions de Paris," у котораго была хорошенькая дочь — также предметъ элегій и нѣжныхъ стансовъ молодыхъ его слушателей, именемъ Аспазія. Но увы! дочь постоянно болѣе привлекала вниманіе сердецъ университетскаго юношества, чѣмъ лекціи славнаго membre de l'Académie des Inscriptions de Paris. У Баленъ де-Балю иногда бывали только.... три слушателя. Таковъ былъ въ первое время кругъ преподавателей новаго Университета. Число слушателей скоро возрасло до 200. Дешевизна жизни студентовъ, которымъ домосѣды-родители присылали мало денегъ, была въ то время замѣчательна. Квартира со столомъ и прислугою, не далеко отъ центра города, стоила не болѣе 200 руб. ассигнаціями въ годъ. Эта дешевая жизнь студентовъ имѣла тѣ послѣдствія, что, напримѣръ, въ Университетѣ считался въ числѣ слушателей, впродолженіе чуть не пятнадцати лѣтъ, нѣкто Сила Абрамычъ Цыцуринъ, который долженъ былъ, незадолго до нашихъ дней, оставить Университетъ, не конча курса, потому только, что вышелъ законъ, предписывавшій студентамъ оставаться въ одномъ курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ.

Начальство харьковское старалось исподволь доставить городу развлеченія. Заведенъ былъ „дворянскій клубъ" въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Содержатель его, бывшій фехтовальный учитель при Университетѣ, Ле-дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изо всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экосезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей, а наконецъ *директоромъ танцовальнаго клуба*. Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *Институтъ для дѣвицъ*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ Институтѣ сталъ издавать первый харьковскій журналъ. Скажемъ обо всемъ этомъ подробнѣе.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи

до 1812 года. Въ Харьковѣ, въ началѣ 1812 года, возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго Дворянскаго Собранія. Директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко и сохранялъ это званіе до 1812 года. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году, онъ напечаталъ любопытную „Исторію харьковскаго театра, отъ старинныхъ временъ“ (27). Заимствуемъ изъ этой статьи главныя черты. Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансеромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то „маляривна“ (28) и „Лизка“. Новый правитель губерніи съ 1789 года, Кишенскій, все оживилъ и возродилъ. Театръ также былъ устроенъ и открытъ въ особомъ зданіи. Любопытны цѣны тогдашнихъ спектаклей. Самъ театръ былъ открытъ въ мѣсяцъ, на сумму 100 руб. асс., собранную по подпискѣ. Потомъ учредили родъ абонемента. Ложа, въ этомъ абонементѣ, на годъ стоила 50 руб. асс., кресло въ годъ 10 руб. асс. Театръ открытъ пьесою Княжнина „Безъ обѣду, домой ѣду.“ Все шло хорошо. Скоро афиши объявили, что будетъ играть *нѣкто* господинъ Москвичевъ. Публика повалила въ театръ. Новый дебютантъ долженъ былъ явиться въ пьесѣ „Трубочистъ князь, князь трубочистъ.“ Первый выходъ его состоялъ въ томъ, что трубочистъ проваливается на сцену, въ трубу камина, и поетъ веселый куплетъ. Москвичевъ провалился, открылъ ротъ и замолчалъ... Онъ хотѣлъ въ ту минуту провалиться сквозь землю! Передъ нимъ, въ креслахъ партера, какъ разъ въ первомъ ряду, сидѣлъ заѣзжій орловскій губернаторъ, который на то время былъ приглашенъ въ театръ; а Москвичевъ былъ ни кто иной, какъ бѣглый орловскій сержантъ, покинувшій мѣсто службы „изъ любви къ искуству!“ Губернаторъ зналъ его лично еще въ Орлѣ, гдѣ онъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ въ

(27) «Лит. Газ. 1841 г., № 114 и 115.
(28) Дочь маляра.

казармахъ, и захотѣлъ поддержать своего знакомца. „Не робѣй, Дмитрій! не робѣй!“ сказалъ онъ изъ креселъ громко, и Москвичевъ искусно доигралъ свою роль. Послѣ театра старый и новый начальники Москвичева условились, и онъ тутъ же былъ зачисленъ въ харьковскую труппу актеровъ. Между-прочимъ, Основьяненко разсказываетъ, что этотъ Москвичевъ позволялъ себѣ на сценѣ любопытныя вольности, вызывавшія обыкновенно громкія одобренія. Иногда неожиданно онъ вклеивалъ въ роль разныя имена, à propos. Напримѣръ, онъ пѣлъ:

Я вамъ, дѣтушки, помога —
У Карпова денегъ многа!

Или:

Я вамъ, дѣтушки, помога —
У Манухина денегъ многа!

Названные по имени сидѣли въ театрѣ, отмалчивались, причемъ Москвичевъ переходилъ къ другимъ, или развязывали кошельки, вынимали ассигнаціи, а иногда и цѣликомъ бросали на сцену кошельки, полные цѣлковыхъ. Москвичевъ принималъ бросаемое, какъ теперь принимаютъ букеты, низко раскланивался и начиналъ опять играть. Любопытныя воспоминанія нашего автора кончаются свѣдѣніями объ учителѣ танцованія Штейнѣ, который содержалъ театръ съ 1816 года. У этого Штейна явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской Губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкинъ... По словамъ Н. Ю. Квитки, его появленію въ Харьковѣ предшествовала афера Штейна, который сформировалъ труппу изъ пятнадцати крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, показалъ ихъ въ Коренной Ярмаркѣ и уступилъ извѣстному богачу Каменскому, за 30,000 р. асс. Щепкинъ, по его же словамъ, появлялся въ драмахъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: „Эхъ, братъ Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!“ Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ намъ замѣтилъ, между прочимъ, что въ драмѣ „Жел-

ная Маска„ онъ исподоволь въ Харьковѣ съигралъ всѣ роли, отъ часоваго, лакея, офицера и до герцоговъ. Не игралъ только самой Маски... Любопытенъ одинъ случай во время его жизни у Штейна. Щепкина отпустили въ Москву посмотрѣть тамошній театръ. Онъ прожилъ въ Москвѣ день, побывалъ въ театрѣ, взглянулъ на тогдашнюю игру и тогдашнихъ актеровъ, и явился къ человѣку, который привезъ его въ Москву. "Отпустите меня уже домой!„— "Какъ, такъ скоро? Что за причина?„—"Да надо ѣхать домой: прожился совсѣмъ; дорого въ Москвѣ!„ И онъ, по словамъ Основьяненко, уѣхалъ въ Харьковъ, не сочтя долгомъ болѣе всматриваться въ игру московскихъ актеровъ.—М. С. Щепкинъ говорилъ намъ, что это нѣсколько неточно, если ему не измѣняетъ память; потому-что въ Москвѣ тогда были люди, отъ которыхъ онъ много пріобрѣлъ въ своемъ сценическомъ развитіи. Самъ М. С. Щепкинъ занялъ въ труппѣ Штейна мѣсто послѣ комика Угарова, о которомъ онъ отзывается съ большою похвалою и который тогда уѣхалъ въ Екатеринославъ. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка своею изворотливостью способствовалъ тому, что опера Котляревскаго "Наталка-Полтавка„ поставлена впервые въ Харьковѣ. Она, безъ церзуры, сперва дана была въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Рѣпнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: "Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актера и просите официально дать, за поспѣшностью, Наталку Полтавку, пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы„. Пьеса была дана...

Званіе директора театра Основьяненко бросилъ, по случаю занятій по Институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и высказалась впослѣдствіи не одинъ разъ въ его литературныхъ трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренеровъ.

Въ это время, съ легкой руки Каразина, вошло въ моду заводить разныя общества съ благотворительною цѣлью. Въ 1811 году Каразинъ учредилъ, Высочайше потомъ одобренное, "Филотехническое Общество„. Что жъ это было за общество? Въ брошюркѣ, изданной въ

1811 году ([32]), разсматриваетъ Каразинъ незавидное, грубое, первобытное направленіе южнаго хозяйства и предлагаетъ землякамъ завести центральное учрежденіе для „распространенія разумныхъ познаній о лучшихъ сторонахъ сельской промышленности“ и „для заведенія и распространенія образцовыхъ хозяйственныхъ фермъ и фабрикъ“. Онъ написалъ „Уставъ Общества“, дворяне его подписали, а учредителю предложили мѣсто правителя дѣлъ. Общество начало дѣйствія съ успѣхомъ, подъ руководствомъ Каразина, который не переставалъ подавать проектъ за проектомъ, и всѣхъ поднималъ на ноги.

Успѣхъ „Филотехническаго Общества“ вызвалъ у дворянъ мысль основать „Благотворительное Общество“, нѣчто въ родѣ Петербургскаго Общества Посѣщенія Бѣдныхъ ([33]). Какъ успѣшны были занятія этого Общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основать и основало на свой счетъ „Институтъ для образованія бѣднейшихъ благородныхъ дѣвицъ“. Первая мысль объ учрежденіи этого Института принадлежала, по словамъ г. Срезневскаго ([34]), Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ Благотворительнаго Общества, и даже литературное, или печатное поприще свое началъ статьею, въ

(32) *Мысли объ учрежденіи, въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи Общества, подъ названіемъ Филотехническаго, въ пользу домоводства сихъ губерній. Харьковъ. Въ универс. типографіи.* 1811 г., 32 стр. Также двѣ брошюры читанныхъ Каразинымъ рѣчей, въ 1811 и 1813 г.: *О пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ и о необходимости усилить домоводство*, гдѣ высказано много и теперь любопытныхъ мыслей.

(33) По словамъ Н. Ю. Квитки, это общество помѣщалось тогда въ домѣ Ѳотіева, за рѣкою Харьковомъ, противъ нынѣшняго дома Задонскаго, въ зданіи низенькомъ, въ два окна. Члены вносили по 25 р. асс. въ годъ. Набирались въ классы этого Общества дѣвочки съ моекъ и просто съ улицы. Иные вмѣсто денегъ вносили хлѣбъ, муку, холстъ, На десять дѣвочекъ всѣхъ классовъ былъ сперва гимназическій учитель, безъ жалованья. Скоро стали сюда поступать просьбы и отъ бѣдныхъ дворянъ о помѣщеніи ихъ дѣтей. Заведеніе разрослось и было переведено въ домъ нынѣшней Палаты Государственныхъ Имуществъ, съ куполомъ, украсившись надписью: «Харьковскій Институтъ благородныхъ дѣвицъ *Общества Благотворенія*». Когда Институтъ перешелъ подъ вѣдѣніе Императрицы Маріи Ѳедоровны, два послѣднія слова на вывѣскѣ были стерты. Наконецъ, былъ купленъ на пожертвованныя Демидовымъ 20.000 р. асс., у полковницы Шараповой, домъ на Екатеринославской Улицѣ.

(34) По словамъ И. И. Срезневскаго, въ »Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ, 1843 г., № 33, въ статьѣ *О кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, стр. 299.

"Украинскомъ Вѣстникѣ„ 1816 года, объ этомъ Институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненко, собрало значительную сумму общихъ приношеній, и Институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 году, черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Университета и черезъ годъ по открытіи Филотехтическаго Общества. Актъ на открытіе Института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 года. На Квитку возложено было открыть Институтъ 10-го сентября, что онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ ввѣрено было главное управленіе дѣлами Института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, „принесъ въ жертву почти все достояніе свое". Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, блаженной памяти императрица Марія Өеодоровна приняла Харьковскій Институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 (35).

Вотъ что говоритъ К. М. Сементовскій объ участіи Основьяненка въ этомъ дѣлѣ:

„Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ө. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій Общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

„Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были, на иждивенія общества, въ пансіонъ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ, ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ, не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ Институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской Губерніи, по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и

(35) Подробности объ этомъ находятся въ статьѣ *Великова*, напечатанной въ «Рускомъ Инвалидѣ» за 1840 г., № 159, и «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» того же года, № 26.

учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и насчетъ казны Императрицы Маріи Ѳедоровны". (36)

Когда Институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 году предводителемъ дворянства Харьковскаго Уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить "Совѣтъ" для управленія Институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, утвержденъ членомъ Институтскаго Совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Н. Ю. Квитка говоритъ, что въ 1816 году Основьяненко сочинилъ "Кадриль" для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ. Здѣсь, между-прочимъ, былъ хоръ, гдѣ дѣвицы пѣли:

Милости просимъ, гости желанны,
Лавры пожавши, къ намъ отдохнуть!

Позже, его же стараніями, открыты въ Харьковѣ: Кадетскій Корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и Публичная Библіотека при Университетѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ неизданныхъ писемъ своихъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ торжествѣ своемъ. Харьковскій Институтъ имѣлъ еще особенно-благое значеніе для нашего автора. Черезъ отношенія къ нему, онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь, которой, по словамъ М. С. Щепкина, отвѣчали неменѣе-нѣжно и пылко (37). Супруга имѣла такое важное значеніе

(36) Первою ученицей, кончившей курсъ въ Институтѣ, была *Евг. Ив. Пчелкина*, учившая автора этой статьи грамотѣ. Она жива еще, и съ восторгомъ вспоминаетъ Квитку.

(37) Около 1814—1815 г., по словамъ Н. Ю. Квитки, Основьяненко ѣздилъ въ Москву, по семейному дѣлу А. М. Зарудной съ А. Г. Хитровою, ея внучкою, которую она обошла какъ-то въ дѣлежѣ имѣнія, Поѣздка обошлась нашему автору что то очень-дорого, говорятъ не менѣе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и была очень-мало вознаграждена домомъ въ 3,000 руб. сер. Эта поѣздка явно отразилась въ «Письмахъ Повинухина» два года спустя

въ литературной жизни Основьяненка, что мы постараемся подробнѣе, словами его же собственной корреспонденцiи, обрисовать ее. Около 1818 года, изъ Петербурга прiѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ Екатерининскаго Института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ-сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по прiѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, классная дама вышла за Основьяненка замужъ и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь ([38]). Это была знаменитая и почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ "посвященiяхъ повѣстей„ ея мужа, которая принимала участiе во всѣхъ заботахъ и трудахъ нашего автора, лелѣяла жизнь его, выслушивала и поправляла его сочиненiя, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненiя, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтѣ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и "съ нетерпѣнiемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойдти въ могилу„.

Вотъ какъ о ней говоритъ самъ Основьяненко, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 8-го февраля 1839 года: "Мой собственный цензоръ и критикъ мой безпристрастный, Анна Григорьевна, находитъ, что "Щирая любовь„ интереснѣе "Маруси„ ([39]). Не знаю, какъ въ свое время посудите; но я ей вѣрю; что было бы безъ ея руководства? Если занесусь, она меня притянетъ; если опускаюсь низко, она велитъ вылазить, или оставить и приподняться; она-то въ пору меня останавливаетъ въ разговорахъ, въ описанiи дѣйствiй... Она судьбой дана мнѣ въ награду, не знаю, за что; но только изъ того Итститу-

(38) Намъ неизвѣстно съ точностью время женитьбы Квитки; свѣдѣнiя наши основаны на приводимыхъ здѣсь письмахъ жены его и на слѣдующемъ письмѣ *г. Вилламова*, изъ Гатчины, отъ 27-го сентября 1820 года, къ нашему автору: «Я имѣлъ счастiе докладывать Государынѣ Императрицѣ, по доставленному отъ 11-го сего мѣсяца всеподданнѣйшему прошенiю, о желанiи вашемъ сочетаться бракомъ съ классною дамою, дѣвицею Вульфъ; и Е. И. Величество изъявить изволила на то Высочайшее согласiе, со всемилостивѣйшимъ желанiемъ вамъ на сей союзъ благословенiя Всевышняго и всякаго благополучiя.«

(39) Извѣстныя повѣсти Основьяненка, которыя тогда переводились имъ самимъ съ малороссiйскаго для «Современника».

та, который здѣсь учрежденъ! Она первая прибыла сюда классная дама и наградила меня собою за всѣ заботы мои объ Институтѣ! Жизнь моя коловратна; когда-нибудь передамъ, хоть въ отрывкахъ, для любопытства„. При этомъ письмѣ приложено письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ 1-го февраля 1839 года, въ которомъ, между-прочимъ, она пишетъ: "Я — Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 году, и на другой же годъ изъ пепиньерокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Өеодоровны, въ Харьковскій Институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу!" Другое письмо Анны Григорьевны къ П. А. Плетневу, отъ того же февраля 1839 года, еще любопытнѣе; въ немъ сохранены свѣдѣнія о жизни Основьяненка въ первые годы его женитьбы. Вотъ оно: "Вы пишете, что я напомнила вамъ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ вашей жизни; эти слова воскресили и въ моей душѣ пріятнѣйшія воспоминанія юности моей, когда я, безпечная, веселая, думала, что весь свѣтъ заключается въ стѣнахъ институтскихъ и что быть пепиньеркой есть такое счастье, съ которымъ ничто сравниться не можетъ, а вступить въ классныя дамы, чего я только тогда не ожидала, значило уже устроить свою судьбу навѣкъ. Но вотъ какъ судьба разрушила всѣ мои планы; мнѣ дали чинъ классной дамы, но съ какимъ пожертвованіемъ? Чтобъ я ѣхала въ Харьковъ! И до-сихъ-поръ живо помню, какъ поразило меня это извѣстіе; и когда я уже увидала, что это неизбѣжно, что я должна разстаться съ Институтомъ и съ моими милыми подругами, я думала, что умру съ отчаянія! Остальное вамъ извѣстно; однакожь, вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найдти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался! Такъ прошли годъ за годомъ; и вотъ я ужь восьмнадцать лѣтъ постоянная жительница Малороссіи... нѣтъ, двадцать, потому что два года была классною дамою. Первыя десять

лѣтъ жили мы въ самомъ городѣ, гдѣ и тогда я рѣдко бывала въ свѣтѣ; а вотъ восемь лѣтъ, какъ я веду жизнь совершенно-отшельническую, живя на Основѣ, которая тогда оживляется, когда кто изъ родныхъ пріѣдетъ, какъ прошедшее лѣто я провела съ милой и любезной m-me Башуцкой" (40). Хлопоты по устройству Института невсегда приносили однѣ розы нашему автору; въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1839 года онъ говоритъ: "Вотъ мое чистосердечное сознаніе; никогда я не думалъ писать что-либо! Читаемое не нравилось; а если встрѣчалось что-либо, сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени... Я устроивалъ Институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; произвелъ, и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ! Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то, посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденныя, принялся писать!„

Институтъ былъ, какъ читатель видѣлъ, причиною женитьбы нашего автора. Въ это время, по словамъ М. А. Коростовцевой, родственницы Основьяненка, нашъ авторъ жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, невдалекѣ отъ Холодной горы, противъ Дмитріевской Церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку иститутскаго сада. По словамъ Е. И. С—ой, бывшей тогда тоже сосѣдкою по квартирѣ Квитки, помѣщеніе нашего автора заключалось въ двухъ комнатахъ: большой, въ три окна во дворъ, и маленькой спальнѣ, въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему посили, между-прочимъ, отъ матери, жившей по сосѣдству, въ домѣ дочери своей, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Прибавимъ, что мать наше-

(40) Марія Андреевна, дочь Андрея Ѳедоровича Квитки, роднаго брата Основьяненка.

го автора была въ числѣ директриссъ Института. М. А. Ко - цева воспитывалась тогда въ домѣ матери Основьяненка, съ его сестрами. Она помнитъ, какъ Основьяненко постоянно обѣдалъ съ ними, шутилъ, разсказывалъ объ Институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; помнитъ его въ тогдашнемъ темномъ сюртукѣ, съ многочисленными, мелкими складками на тальи, въ *чунаркѣ*, какъ ее называли; помнитъ его умные, черные глаза, изъ которыхъ одинъ былъ полузакрытъ, и его доброе, кроткое лицо (41).

Судя по приведеннымъ письмамъ Анны Григорьевны, онъ женился около 1821 года, слѣдовательно сорока лѣтъ отъ-роду. Въ это почти время начинается и его литературная карьера.

III

Первые литературные вечера въ Харьковѣ.—Начало журналистики.—Украинская литература до Квитки.—Первые журналы.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую досихъ-поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда студенты харьковскіе, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые „литературные вечера„ собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ диллетантовъ, словомъ, все мыслящее общество маленкаго городка, гдѣ тогда было не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малоросійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и будущій Основьяненко.

Вслѣдъ за вечерами Любовниковой, открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, названнаго нами выше молодаго адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позволялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 года

(41) При особомъ моемъ изданіи біографіи Основьяненка я приложилъ пріобрѣтенный нами отъ В. А. Квитки фотографическій снимокъ съ портрета, писаннаго съ автора масляными красками въ эту счастливую пору. Этотъ портретъ впервые мною публикованъ при «Пантеонѣ», въ 1852 году. На портретѣ Основьяненко изображенъ съ уставомъ Института въ рукѣ, въ легкихъ бакенбардахъ и съ густыми волосами, что отличается отъ единственнаго его портрета, изданнаго при «Молодикѣ» г. Башиловымъ и перепечатаннаго въ Иллюстраціи, при статьѣ Сементовскаго.

московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Помѣщики запасались букварями для дѣтей, кое-чѣмъ новымъ для себя, изъ фаланги "Псовыхъ охотниковъ", "Ружейныхъ егерей", „Домашнихъ аптекарей" и "Домашнихъ кухарокъ" и затѣмъ временныя книжныя лавки опять скрывались изъ Харькова (42) Тамъ, гдѣ теперь въ гостинномъ дворѣ извѣстная книжная лавка П. И. Апарина, возникла скоро постоянная, маленькая кладовая книгъ отъ московскаго магзина М. П. Глазунова (43). Тогда болѣе шелъ въ продажу "Анахарзисъ". Однажды, это было около 1814 года, въ лавку вошолъ робкій молодой студентъ, Н. К. М—и, отъ котораго мы это слышали, и принесъ подъ—мышкою книгопродавцу толстую тетрадь, предлагая ее купить. Тетрадь была переводъ романа Кубуадоръ, подъ именемъ "Ужасы судьбы или четыре несчастливца", романа сантиментальнаго и нѣжнаго, несмотря на заглавіе. Владѣтель магазина повернулъ въ рукахъ увѣсистую кипу листовъ, взглянулъ на молодаго автора и предложилъ ему за всѣ три тома. двадцать пять рублей ассигнаціями. Таковы были тогдашнія харьковскія средства въ-отношеніи литературныхъ изданій! Одинъ шагъ уже оставался къ изданію журнала.

Украинская летература начинается народной *пѣсней* и *сказкой*. Гоголь говорилъ: „Пѣсня для малороссіянина все —и поэзія, и отцовская могила. Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему событію". Пѣсня—дневникъ украинца, лирическая лѣтопись, куда онъ вносилъ въ былые годы все, что чувствовалъ, мыслилъ и дѣлалъ. Украинская сказка—это украинская эпопея. Здѣсь все туземное, обыденное, едва-подернутое оттѣнкомъ фантастическимъ. Иногда залетаютъ сюда и краски чуждой странѣ жизни, вымыслы иныхъ народовъ. Сказка степная говоритъ только о тѣхъ картинахъ и событіяхъ, которыя проходятъ передъ глазами простолюдина, которыя затрогиваютъ его творческую маслительность

(42) Со словъ И. Т. Лисенкова, бывшаго прикащикомъ въ одной изъ книжныхъ лавокъ того времени.

(43) Брата петербургскаго книгопродавца И. П. Глазунова.

почти не отрывая его отъ домашняго порога, огорода, его вишневаго сада, степи плуга и воловъ. Пѣсня и сказка украинскія составляли степную ходячую лирику и эпосъ, задолго до появленія книжной дѣятельности въ степяхъ. Печатная же украинская литература начинается, какъ и вездѣ лѣтописцами. Центромъ ея сперва явился Кіевъ — колыбель русской жизни; потомъ, съ началомъ XIX-го вѣка, ея средоточіе перешло, въ Харьковъ, гдѣ былъ открытъ первый южно-русскій университетъ. Въ послѣдніе годы Кіевъ и Харьковъ нераздѣльно идутъ впереди литературной дѣятельности Украйны, которая заключилась недавно произведеніями Марко, Вовчка, Кулиша, Олексы, Стороженка и изданіемъ превосходнаго, къ сожалѣнію прекращеннаго журнала, носящаго имя близкое нашему герою, Основа. Эта литература, впрочемъ, оставалась долго совершенно-чуждою народу и немогла имѣть никакого вліянія на появленіе послѣдующихъ украинскихъ поэтовъ и литераторовъ. Со времени Петра-Великаго украинское нарѣчіе начинаетъ вырабатываться подъ рукою ученыхъ. Проповѣдники начала XVIII-го вѣка были почти всѣ малороссы, переселившіеся съ юга въ наши столицы. Мелетій Смотрицкій, коренной украинецъ, былъ первый русскій грамматикъ. Другой грамматикъ Павловскій, въ 1818 году, издалъ: „Грамматику малороссійскаго нарѣчія“, гдѣ (на стр. 90—93) помѣстилъ, цѣлый разсказъ поукраински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки собственно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ „Энеиды, вывороченной на изнанку“. Котляревскій. Въ „перелицованной Энеидѣ“. писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 году, хотя для насъ заключается порядочная частица снотворности и воды, господствуетъ, тѣмъ неменѣе, чистый малороссійскій языкъ „puritatis legitimae“, какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за „Энеидою“ Котляревскій написалъ двѣ оперетки „Наталка-Полтавка“ и „Москаль-Чаривникъ“, обѣ изданныя только въ 1838-1841 годахъ, въ „Украинскомъ Сборникѣ“ г. Срезневскаго. Между Котляресkимъ и собирателями украинской старины, рядъ которыхъ открылъ въ 1819 году князь Н. А. Цертелевъ, является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: „Твардовскій“,

„Тюхтій та Чванько“, „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози“, „Панъ та собака“, „Батько та сынъ“, и переводъ изъ Гёте: „Рыбакъ“ и одъ Горація, названнаго имъ „Гараською“... О Квиткѣ скажется подробно въ нашей статьѣ. Здѣсь назовемъ его современниковъ и преемниковъ, чтобъ вполнѣ очертить нашу рамку украинской литературы, въ средѣ которой онъ появился въ 1816 году. Князь Цертелевъ издалъ въ 1819 году „Старинныя малороссійскія пѣсьни“. За нимъ М. А. Максимовичъ, въ 1824 году, издалъ также “Малороссійскія пѣсни“, которыхъ продолженіемъ служили впослѣдствіи другіе его сборники пѣсень и нѣсколько томовъ его сборника „Кіевлянинъ“ Вслѣдъ за Максимовичемъ выступилъ другой ученый, И. И. Срезневскій, съ „Украинскимъ Сборникомъ“ „Украинскими Былями “ и любопытнѣйшимъ изданіемъ своимъ, составляющимъ теперь рѣдкость: „Малороссійская и Запорожская Старина“. Въ послѣднее время, въ числѣ собирателей украинской старины, стоитъ имя А. Л. Метлинскаго, извѣстнаго болѣе по псевдониму *Амвросія Могилы*, которой издалъ свои „Думки та Пѣсни“, „Южно-Русскій Зборникъ“ и не давно прекрасный и обширнѣйшій сборникъ „Народныхъ южно-русскихъ пѣсенъ“. Наконецъ, къ числу собирателей степной народности мы должны отнести г. Аѳанасьева, издавшаго въ „Извѣстіяхъ Акадміи Наукъ“ нѣсколько варіантовъ южно-русскихъ думъ (*) г. Лукашевича, К. Сементовскаго и Н. Ив. Костомарова, писавшаго прежде подъ именемъ Іереміи Галки. Послѣ этихъ именъ мы должны назвать украинскихъ писателей собственно-литературнаго характера, повѣствователей и драматурговъ. Но читатель напрасно бы искалъ ихъ въ памяти лицъ, слѣдившихъ за степною поэзіей. Украинская литература будетъ помнить имя Василія Нѣрежнаго, писавшаго о Малороссіи, хотя его героини носятъ имена греческія. Ореста Сомова, писавшаго, въ тридцатыхъ годахъ подъ именемъ *Порфирія Байскаго*, автора повѣстей: „Юродивый“, „Гайдамакъ“, „Русалка“, „Оборотень“, „Ночлегъ Гайдамаковъ“, „Сватовство“, „Живой въ обители блаженства вѣчнаго“, „Кіевскія Вѣдьмы“, „Недосозданіе“ и „Недобрый Глазъ“. Это все невинная и давно-забытая старина. Въ одно время съ Со-

(*) Тамъ же печатался но неконченъ его опытъ «*Словаря Малороссійскаго нарѣчія*».

мовымъ явился другой украинскій романистъ Петръ Голота, написавшій, съ 1832 года, романы: „Иванъ Мазепа", „Наливайко" и „Хмельницкіе", и вслѣдъ за нимъ г. Александръ Кузьмичъ и позднѣйшіе повѣствователи и стихотворцы: Корсунъ, Петренко, Писаревскій, Корепицкій, Шереперя, Забѣлла и Боровиковскій. Болѣе замѣтно выдался изъ среды послѣдней эпохи харьковско-полтавской литературы Евгеній Гребенка. Мы должны указать еще на Маркевича, автора „Украинскихъ Мелодій", на Бодянскаго, который, подъ псевдонимомъ *Запорожца Иськи Матерынки*, въ 1833 году, издалъ первый опытъ пересказыванія, по малорессійски, степныхъ сказокъ; на г. Кирилла Тополи, который, послѣ автора „Думъ", рано сошедшаго съ литературнаго поприща, едва-ли не болѣе многихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу, и наконецъ на нашего незабвеннаго Тараса Шевченку....

Но при страстномъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе журнала долго не осуществлялось. Наконецъ журналъ — гордость маленькаго городка — въ началѣ 1816 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же поръ, является прямо *однимъ изъ издателей*. Остановимся нѣсколько долѣе надъ этимъ временемъ и его лицами, имѣвшими сильное вліяніе на послѣдующую дѣятельность Основьяненка.

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи назывался „Украинскій Вѣстникъ". Онъ выходилъ, въ шестнадцатую долю листа, въ 1816 ,1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самихъ библіомановъ *библіографическую рѣдкость*. Редакторами его были Евграфъ Филомаѳитскій и Разумникъ Тимоѳеевичъ Гонорскій. Въ концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, въ главѣ двухъ этихъ издателей, подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка*.

Подъ редакціею Основьяненка и двухъ другихъ издателей „Украинскій Вѣстникъ" тотчасъ сталъ на твердую ногу. Мы пересмотрѣли его. Здѣсь, кромѣ общихъ тогдашнему времени произведеній въ родѣ „Осенней прогулки въ день моего ангела", печатались и дѣльныя статьи ученаго содержанія: „Введеніе въ исторію Малороссіи" (1818

г., VIIч., 260 стр. и VIII 73 стр.) „О Малой Россіи“. соч. М. Грибовскаго (1816 г. I ч.), „Гетманъ Хмельницкій“, „Сковорода“ (1817 г. VI ч., 106 стр.) и статьи критическія: Живописная проза“ и „О гармоніи слова“, одного изъ издателей его Р. Т. Гонорскаго. Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки*, отчеты о Благотворительномъ Обществѣ и объ Институтѣ, и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Өалалея Повинухина*. Въ отчетахъ объ Институтѣ Основьяненко вдохновляется дѣломъ рукъ своихъ и безпрестанно приводитъ громкія слова: „Россіянки, прекрасныя дщери отчизны, кѣмъ Россы рождены, кѣмъ Россы плѣнны!“ Въ письмахъ Өалалея Повинухина, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, начиная ихъ словами: „пардонъ, мессіе; миль пардонъ!“ и прибавляя: „же ву мерси!“ авторъ жалуется на свою жену, которая будто-бы только рядится, да разъѣзжаетъ по театрамъ; жалуется на сосѣдей, которые будто-бы узнали его роковое имя и хотятъ его поколотить; проситъ чрезъ журналъ выслать ему француза-учителя; становится, по желанію учителя, изъ Өалалея, *Өалурденомъ Повинухинымъ*; объявляетъ, что учитель, вмѣстѣ съ ящиками, привезъ изъ Харькова и *мадамъ*: что учитель съ мадамою везутъ его въ Москву; что въ Тулѣ его хватаютъ за долги, что онъ угощаетъ квартальнаго за неоплаченный счетъ завтрака, попадаетъ въ маркёры и, наконецъ, въ нахлѣбники къ одному помѣщику, гдѣ ему, впрочемъ, хорошо, потому-что тамъ его встрѣтило все готовое: столъ, вино и баня. Въ 1817 г. въ V-й части „Вѣстника“ Основьяненко напечаталъ письмо къ редакторамъ, гдѣ говоритъ: „Почтенные сотрудники! я получилъ на выборахъ должность прдводителя дворянтва, поэтому отказываюсь отъ участія въ журналѣ; самимъ издателемъ убѣдило меня быть *только горячайшее желаніе пользы краю*, тогда-какъ я несъ лишь званіе издтеля и не имѣлъ способностей не только писать, но и быть полезнымъ въ вашихъ совѣщаніяхъ! Прошу передѣлывать дальнѣйшія мои статьи объ Институтѣ, о чемъ просить побуждаетъ меня также не слава *прослыть мастеромъ слова!*“ Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ—совершенная противоположность „Украинскому Вѣстнику“, журналъ, подъ названіемъ „Харьковскій Демо-

критъ, тысяча первый журналъ", издаваемый Василіемъ Масловичемъ. Въ эпиграфѣ его стоитъ:

Журналовъ тысяча, а книги ни одной...

На сколько первый журналъ былъ строгъ и ученъ, на столько второй былъ веселъ и шутливъ, смѣялся надъ ученостью, и на всякую важную и строгую вещь писалъ пародіи. Самые мѣсяцы, въ которые онъ издавался (а такихъ было всего шесть, потому-что уже въ концѣ шестаго, на послѣдней страничкѣ, стояла меланхолическая строчка: *кончина Демокрита*), самые мѣсяцы на заглавныхъ листахъ его носили особыя имена, напримѣръ *Ай, ай. ай! мѣсяцъ май-тепелъ, да холоденъ!* Здѣсь печатались плохія описанія города Харькова въ стихахъ. Издатели „Украинскаго Вѣстника", преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго „Демокрита" и его редактора, который, впрочемъ, былъ старѣе ихъ всѣхъ, носилъ парикъ и очки. Между-прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка*. Эти стихотворенія „Воззваніе къ женщинамъ" и искусные „Двойные акростихи" любопытны тѣмъ-болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

Вотъ отрывки напечатанныхъ и неупоминаемыхъ ни однимъ изъ его біографовъ стихотвореній Основьяненка:

Воззваніе къ женщинамъ.

Волосы сѣдѣютъ,
Зубы ужь падутъ;
Душеньки, прощайте,
Не могу любить!
Обожалъ я Машу,
Катѣ строилъ *куръ*,
Чуть не застрѣлился—
Надю, какъ узналъ! (Январь, 1816 годъ, стр. 50—61).

Не хочу.

Люди добрые, винюся!
Вѣрьте, право, не шучу!
Передъ всѣми признаюся,
Что жениться я хочу!
Женщинъ много въ бѣломъ свѣтѣ,
Я тотчасъ жену сыщу;
Маша, ты одна въ предметѣ,
Согласишься ль? Не хочу! (Стр. 112—114).

Много именъ отвѣчаетъ ему на вопросы словомъ *не хочу*! пока, наконецъ, онъ самъ догадывается и заключаетъ:

Коль никто идти не хочетъ—
Такъ и я ужъ не хочу!

Въ марiовской книгѣ „Демокрита" напечатано стихотворенiе его „Мнѣ". Но любопытнѣе всего его двойные акростихи. Вотъ образчикъ одного изъ нихъ (118 стр.) гдѣ имя акростиха составляется и въ началѣ и въ концѣ.

Надя.

*Н*а толь тебя узналъ, чтобы отдаться въ плѣ*Н*ъ?
*А*хъ! страстiю горю часа ужъ дв*А*
*Д*ругихъ оставилъ я, исполнить чтобъ обря*Д*ъ!
Я долженъ же спросить, любимъ ли *Я*?

Въ числѣ рукописныхъ, оставшихся послѣ его смерти, стихотворенiй, назовемъ „Мой разговоръ съ Ванькою, въ день моего рожденiя" и басню „Оселъ и Звѣри", гдѣ мы нашли, между-прочимъ, такой звукоподражательный стихъ:

Рогами быкъ бока бодалъ...

Н. Ю. Квитка доставилъ намъ, въ числѣ другихъ бумагъ покойнаго, еще два неизданныя стихотворенія Основьяненка: „Посвященіе альбома“, будто бы переводъ изъ Горація, подъ которымъ стоитъ подпись *5 января 1816 года, Кяхта*; и „Прибавленіе къ посвященію альбома“. Вотъ начало этой сантиментальной старины:

Посвященіе альбома.

(Переводъ изъ Горація).

„Твой кумъ
Привыкъ всегда безъ дальнихъ думъ,
Что въ сердцѣ зародится,
Тотчасъ и изъясниться,
И правду рѣжетъ завсегда.
Примѣромъ—скажемъ съ позволенья,
Прекрасна ты, ей-Богу, безъ сравненья!
Ну правда вить!... а правда не бѣда!
И если бы случилось—
Не онъ... О! нѣтъ, не онъ, а какъ бы такъ сказать,
Что сердце бы его въ тебя влюбилось;
Не будетъ онъ молчать!
Хотя не скажетъ, такъ напишетъ,
Что сердце все его тобою дышетъ.
Ну! вотъ твой кумъ таковъ! и т. д.

Но любопытнѣе всего этого доставленный намъ Н. Ю. Квиткою „Маршъ“, сочиненный Основьяненкомъ и подаренный въ 1817 г.

Натальѣ Гавриловнѣ Раевской, въ которую онъ былъ влюбленъ (43). Музыка „Марша“, по отзыву знатоковъ въ этомъ дѣлѣ, обличаетъ также и музыкальное дарованіе Основьяненка. Объяснительный же текстъ къ печальному маршу напоминаетъ Ѳалалея Повинухина. Вотъ его подстрочныя поясненія, которыя надобно пѣть:

„Получается жестокое повелѣніе гусарамъ ѣхать; у прекрасныхъ сердцѝ трепещутъ; вздохи, увѣренія, клятвы, и прочее, какъ водится; прощайте, не забудьте насъ, а мы васъ никогда! Колокольчикъ; уѣхали; стенанія, плачь, грусть вѣчная, до перваго собранія, какъ обыкновенно бываетъ у женщинъ, не прогнѣвайтесь!“

Внизу нотъ, на рукописи „Марша“, сдѣлана приписка рукою женщины: „Чаще это случается съ мужчинами!“ По словамъ Н. Ю. Квитки, авторъ нашъ сочинилъ тогда еще „Пѣсню“, съ музыкой для двѣнадцати охотниковъ своего брата, которымъ придумалъ и особаго устройства двѣнадцать же роговъ, съ клапанами, въ родѣ кларнета. Онъ въ это время уже подтрунивалъ надъ своимъ прошлымъ и домашніе пѣвчіе его знатнаго брата распѣвали комическую пѣсню, также его сочиненія, въ которой читатель узнаетъ его самого:

Прійшовъ Грицъ, зажурывсь,
Та и въ ченци постригсь.
Грицю, Грицю, до Маруси;
Заразъ, заразъ приберуся!

(43) Эта привязанность высказалась впослѣдствіи довольно-оригинально. Нашъ авторъ, будучи въ слободѣ Липцахъ, гдѣ ныньче станція подъ Харьковомъ и гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти: «Солдатскій портретъ», услышалъ въ Сельской Расправѣ устный процесъ поселянина съ поселянкою. Первый, между-прочимъ, воскликнулъ послѣдней: «Нѣтъ уже, *Наталко*, воля твоя, а ты неправа, что завладѣла моимъ огородомъ въ Липцахъ!» Довольно было Основьяненкѣ имени Наталки, чтобъ своимъ авторитетомъ въ Сельской Расправѣ повернуть дѣло въ пользу поселянки.— *(Со словъ Н. Ю. Квитки).*

Грицю, Грицю, до работы;
Въ Грица порваны чоботы!
Грицю, Грицю, роби хлибъ;
Акхи, акхи—щось охрипъ (44)!

„Харьковскій Демокритъ" прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 году); „Украинскій Вѣстникъ" пересталъ выходить въ началѣ 1820 года. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1823 г.): „Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ". Это было родъ газеты, гдѣ помѣщались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Этой газеты долго не было возможности нигдѣ достать; ея нѣтъ даже въ „Публичной Библіотекѣ", въ Петербургѣ. Намъ однажды случайно было попался разрозненный ея экземпляръ, гдѣ были статьи объ Институтѣ, о которомъ постоянно въ то время, надо замѣтить, писалъ одинъ только Основьяненко. Издатель этой газеты былъ учитель гимназіи Вербицкій. С. И. Кованько наконецъ нашелъ эти извѣстія и принесъ ихъ въ 1864 г., черезъ Н. О. Баляснаго, въ даръ Харьковской университетской библіотекѣ, гдѣ мы пользовались теперь этою газетою. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при Университетѣ: „Украинскій Журналъ", изданіе А. Склабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Переходъ въ «Вѣстникъ Европы». — Новые псевдонимы. — Комедія —Заимствованъ ли изъ нея «Ревизоръ» Гоголя?—Первыя повѣсти.

Женившись, авторъ нашъ, по прекращеніи „Украинскаго Вѣстника", перенесъ свои труды въ „Вѣстникъ Европы", журналъ, издавав-

(44) Любопытно, что эта пѣсня стала теперь народною и г. Метлинскій внесъ ее, по ошибкѣ, въ новое изданіе свое: «Южно-русскія пѣсни» 1854 г.

шійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина*, и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*, псевдонимъ, нынѣ разгаданный.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1818 года напечатана статья „Записки Лужницкаго Старца“, съ подписью *Малые Лужники*. Тутъ же, въ другой статьѣ, въ письмѣ, *Къ господамъ издателямъ Украинскаго Вѣстника*, Лужницкій Старецъ оспариваетъ мнѣніе этого журнала, будто-бы ходившая тогда по Москвѣ рукопись „Записка о достопамятностяхъ Москвы“ принадлежала исторіографу Карамзину, потому только, что доставлена въ печать Карамзинымъ. Авторъ называетъ себя здѣсь братомъ *Московскаго бродяги*. Такимъ-образомъ Лужницкій Старецъ самъ обратилъ на себя вниманіе „Украинскаго Вѣстника“. Г. Гаевскій въ статьѣ „Дельвигъ“ ([45]), говоритъ: „Дельвигъ жилъ ([46]) на одной квартирѣ съ покойнымъ П. Л. Яковлевымъ, братомъ лицейскаго товарища Дельвига М. Л. Яковлева, писавшимъ подъ псевдонимомъ *Лужницкаго Старца* ([47]). П. Л. Яковлевъ, старше Дельвига только двумя годами, былъ очень-друженъ съ его лицейскими товарищами и пріятелями, которые собирались у нихъ довольно-часто; а эти пріятели, какъ читатель знаетъ, были: Пушкинъ, Баратынскій и другія, дорогія нашей литературѣ имена“. Въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1820 г. (стр. 157) мы нашли письмо къ редактору, за подписью *П. Як....* 23 ноября 1820 года. Здѣсь Лужницкій Старецъ нѣсколько выглянулъ изъ-за своего псевдонима. Въ этомъ же году въ „Вѣстникѣ Европы“ появился и Основьяненко. Нѣкоторое сочувствіе между „Вѣстникомъ Европы“ и „Украинскимъ Вѣстникомъ“, надо замѣтить, выразилось уже тотчасъ по прекращеніи послѣдняго, въ 1819 году. Доказательствомъ этому служитъ, между-прочимъ, напечатанное въ „Вѣстникѣ

(45) «Современникъ», 1854 г., № 1 Критика, стр. 5.

(46) Около 1818 г.

(47) Н. С. Тихонравовъ показывалъ намъ цѣлую книжку, изданную въ тѣ времена *Лужницкимъ Старцемъ*, замѣтивъ, что подъ именемъ этого старца писали многіе, въ томъ числѣ гг. Каченовскій и Погодинъ.

Европы" въ 1820 году, съ примѣчаніемъ редактора: „Письмо въ Украинскій Вѣстникъ", уже прекратившійся, куда оно собственно и назначалось, изъ Камчатки, за подписью *Людмилла Рикордъ* (48). Это было начало любопытнѣйшей корреспонденціи о нравахъ и обычаяхъ неизвѣстнаго далекаго края (49). „Украинскій Вѣстникъ" получался въ тогдашней Камчаткѣ. Имя Вернета, въ немъ участвовавшаго, первое обратило на себя вниманіе П. И. Рикорда и его супруги. Пріѣхавъ въ скоромъ времени изъ Камчатки въ Харьковъ, по освобожденіи Головина изъ плѣна японскаго, знаменитый морякъ прежде всего пустился отъискивать квартиру харьковскаго литиратора. Онъ нашелъ желанную квартиру и отворилъ дверь. Былъ вечеръ, и Иванъ Филипповичъ Вернетъ сидѣлъ въ потемкахъ. Заслышавъ гостя, хозяинъ бросился зажигать свѣчу, но П. И. Рикордъ послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ, что при свѣчѣ гость и хозяинъ могутъ разочароваться другъ въ другѣ, что лучше всего бесѣдовать въ потемкахъ. Это понравилось Вернету; онъ проговорилъ около часу съ камчатскимъ гостемъ и разстался съ нимъ, не видавъ его въ лицо, потому-что П. И. Рикордъ, на другой же день, оставилъ уже Харьковъ (50).

Приведемъ кстати другой анектодъ о Вернетѣ. Одинъ изъ знавшихъ Вернета, между-прочимъ, разсказывалъ намъ, что послѣдній постоянно, не только въ своихъ печатныхъ статьяхъ, что мы отчасти знаемъ, но и въ разговорѣ, употреблялъ высокопарныя фразы и цитаты изъ древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ. И что жь? Однажды подглядѣли за нимъ и нашли, что на донышкѣ фуражки Вернета выписаны были мелкимъ почеркомъ всѣ до одной фразы, которыми онъ забрасывалъ удивленныхъ слушателей...

Въ 5-мъ № „Вѣстника Европы" за мартъ, явился Основьяненко съ статьею „Письма къ Лужницкому Старцу", за подписью „Аверьянъ Лыбопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ,

(48) Супруга покойнаго адмирала.

(49) «Вѣстникъ Европы», 1820 г. Іюля, (стр. 248—265).

(50) Этотъ анекдотъ разсказанъ нѣсколько-иначе, нежели мы слышали отъ самаго Рикорда, и въ статьѣ «Современника»: *И. В. Вернетъ* (1847 № 1).

имѣющій хожденіе по тяжбенымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ". А ниже: „Марта 1-го дня. Сыромятники". Псевдонимъ напоминаетъ первую службу Основьяненко, его состояніе не у дѣлъ при Департаментѣ Герольдіи, а самое письмо напоминаетъ письма Ѳалалея Повинухина. Письмо начинается словами: „Уже пять мѣсяцевъ были мы въ тѣхъ мысляхъ, что вы, мужъ почтеннѣйшій, посылаете свои статьи къ Миносу. Жена моя, бывъ увѣрена, что вы скончались, подовала милостыню бѣднымъ за упокой души вашей; сынъ мой ѣздилъ даже на Ваганьково Кладбище отъискать могилу вашу, а досужій нашъ піита г. Пустяковскій, читалъ намъ надгробіе Лужницкому Старцу!" Далѣе Аверьянъ Любопытный проситъ писать и не унывать духомъ, если Старца одолѣли Ничтовичи и Тараторины, и заключаетъ: „Вспомните, что вытерпѣлъ другъ вашъ отъ *бродягъ*, преслѣдовавшихъ его въ Лужникахъ, за Москвою-рѣкою." На это Лужницкій Старецъ сдѣлалъ подъ статьею примѣчаніе, гдѣ говоритъ, что, вѣроятно, Аверьянъ Любопытный писалъ къ нему или „въ день имянинъ жены своей, или выигравъ тяжебное дѣло, или взыскавъ по ненадежному обязательству" и обѣщаетъ ему отвѣчать. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ апрѣля того же года, Лужницкій Старецъ началъ снова свою корреспонденцію и письма адресовалъ *Аверьяну Любопытному*. Съ мая Основьяненко писалъ къ нему подъ псевдонимами: *1—19* и *А**. Шестериковъ, городъ Т.* (51). Въ 1821 г. въ „Вѣстникѣ Европы", въ 5-мъ №, подъ „Письмами къ Лужницкому Старцу" стоитъ уже имя *Юноша Бѣлаго Города*. Эти письма мы считаемъ также письмами Основьяненко: ихъ тонъ рѣшительно одинъ съ письмами Ѳалалея Повинухина, а новый псевдонимъ, вѣроятно, придуманъ авторомъ по случаю поѣздки въ ближній къ Харькову Бѣлгородъ, гдѣ находится могила упомянутаго нами выше родственника фамиліи Квитокъ, епископа Іосафа Горленко. Въ 1822 г. въ „Вѣстникѣ Европы" „Письма къ Лужницкому Старцу" наконецъ являются прямо уже съ подписью Ѳалалея Повинухина. Здѣсь, между-прочимъ,

(51) Объ этихъ псевдонимахъ мы слышали отъ г. В. К. Предположеніе наше о вѣроятности такого показанія подтверждается словами: *городъ Т.*, то-есть Тула, гдѣ нашъ авторъ былъ около этого времени по дѣламъ.

болтливый авторъ описываетъ свою судьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать супруги автора, Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ: *Хар*.. .. Наконецъ, въ томъ же году, въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены пять „Малороссійскихъ анекдотовъ“, перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи, но которые смѣло можно отнести къ перу Основьяненко. Кромѣ автора „Писемъ Ѳалалея Повинухина“ и „Юноши Бѣлаго Города“ въ то время никто не могъ дать этимъ извѣстнѣйшимъ украинскимъ анекдотомъ такой редакціи; да притомъ они прямо относятся къ *Слободской Украйнѣ*, то-есть, къ Харькову и его области, что видно изъ перваго разсказа, и при жизни Основьяненко были конькомъ въ его оригинальныхъ импровизаціяхъ, въ маленькомъ домашнемъ кругу, среди веселыхъ, невзыскательныхъ знакомыхъ (52).

Съ этой поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года, и потому мы остановимся на ней нѣсколько долѣе. Въ этотъ періодъ, именно съ 1827 года, нашъ авторъ является уже съ явными требованіями литературнаго мѣста, достигаетъ его и становится извѣстенъ, хотя немного поздно, именно почти на *пятьдесятъ-пятомъ году своей жизни*. Замѣтимъ, что злые языки, однако, не сразу дали ходъ извѣстности нашего автора; пасквили и эпиграммы изрѣдка пускали въ него свои жала, и даже самъ Каразинъ не удержался, чтобъ не пустить въ ходъ о немъ довольно-ѣдкаго куплета, который, по словамъ г. К., начинался такъ:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

(52) Можно было бы думать, что авторомъ этихъ анекдотовъ былъ П. П. Гулакъ-Артемовскій; но послѣдній намъ сказалъ, что эти анекдоты ему не принадлежатъ. Наконецъ наши соображенія подтверждаетъ Снегиревъ въ неизданномъ письмѣ своемъ къ нему, отъ 10 октября 1831 г., гдѣ прямо говоритъ: «Анекдоты ваши изъ Малороссійскихъ пословицъ (въ «Вѣстникѣ Европы») я читалъ.. » и т. д.

Позже, другое четверостишіе обошло далеко околотокъ. Вотъ оно:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Замѣтимъ, что эти эпиграммы очень дѣйствовали на мирную и робкую природу нашего автора.

До 1827 года, когда Основьяненко написалъ комедію „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ", напечатанную только въ 1840 году, и до появленія его повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, впервые, съ псевдонимомъ *Основьяненко*, первая его повѣсть „Харьковская Ганнуся" напечатана въ 1832 году въ „Телескопѣ" г. Надеждина (53), безъ всякаго намека на имя Основьяненка и съ подписью переводчика, г. Погодина (54).

Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій въ молодости военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ; четыре года монахъ, затворникъ, въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни; дѣятельный членъ Благотворительнаго Общества и директоръ странствующей труппы актёровъ; основатель Института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала; директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ, подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ—и въ то

(53) Вслѣдъ за нею, съ именемъ *Основьяненко,* явился *Солдатскій Портретъ* въ 1833 г. въ «Утренней Звѣздѣ». Замѣчательно, «что мѣщанка-бублейница», *Піючиха*, выведенная въ Ганнусѣ, жива донынѣ. Она обитаетъ близь Воскресенской Церкви, въ Харьковѣ, ужь въ званіи купчихи. въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ, съ деревяннымъ верьхомъ и обижается при одномъ имени Основьяненка.

(54) Издатель «Телескопа» въ примѣчаніи къ повѣсти этой, говоритъ: *повѣсть доставлена при слѣдующей запискѣ*: «Я получилъ отъ почтеннаго русскаго писателя, живущаго въ Малороссіи, двѣ повѣсти съ лестнымъ для меня правомъ: пересказать ихъ по-своему. Я долженъ былъ сократить ихъ слишкомъ втрое! Слѣдовательно автора должно благодарить за изобрѣтеніе и расположеніе; а за разсказъ отвѣтственность падаетъ на меня.—*М. Погодинъ*». По послѣдующему изданію *Ганнуси*, оказалось, что г. Погодинъ былъ въ этомъ дѣлѣ только переводчикомъ, сократившимъ повѣсть во многомъ напрасно.

же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ Институтѣ, авторъ сладенькихъ и плохихъ стихотворенiй, гдѣ воспѣвались Маши, Лизы, Нади и Кати, наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства— сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!

Изъ приведенныхъ выше писемъ мы видѣли, что первые десять лѣтъ супружеской жизни Основьяненка протекли въ городѣ, откуда онъ мало выѣзжалъ (55). Анна Григорьевна звала не разъ въ Петербургъ, но онъ, любя свою родину и родныхъ, никакъ не рѣшался. Бывшая мечтательная, кроткая, нѣжная институтка, посланная въ подруги нашему автору, первая возбудила въ немъ охоту стать вполнѣ „литературною личностью“. Основьяненко видѣлъ въ себѣ всѣ залоги для достиженія этой цѣли; но много лѣтъ прошло, пока онъ рѣшился и получилъ возможность ее достигнуть. Главною помѣхою были, какъ онъ самъ говорилъ, „отдаленность отъ дѣйствователей и пребыванiе въ здѣшней пустынѣ, которая не лелѣяла дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждала охоты писать“. Бездѣтность до конца жизни еще болѣе набрасывала печальный оттѣнокъ на домашнюю жизнь супруговъ.

Любопытно остановиться на упомянутой выше комедіи: „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“. На заглавномъ листѣ, въ „Репертуарѣ“, гдѣ она была напечатана въ 1840 году, сказано: *писано въ 1827 году*. Что это такое? Не-уже-ли худо-

(55) Въ письмѣ къ *Н. Ю. Квиткѣ*, отъ 26 мая 1829 г., изъ Основы онъ пишетъ: «Намъ деньги нужны—о! нужны! зѣло нужны!» Въ другомъ отъ 22 ноября, говоритъ: «Анна Григорьевна все еще не оправилась и ходитъ завязавши глаза; у нея была, не вамъ кажучи «бешиха»—да бабуся отшептала. А чи нема писенекъ, заунывныхъ или смѣшныхъ? Еслибъ можно съ нотами, очень бы одолжили!» Мы имѣемъ въ рукахъ черновую бумагу, писанную рукою нашего автора, сдѣлку покойнаго Основьяненка и его брата съ *Г-номъ 7-го класса чиновникомъ, Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ*, отъ 1 мая 1829 г, о продажѣ послѣднему ихъ имѣнія въ Зміевскомъ Уѣздѣ, въ селѣ Гуляйполѣ, заключающагося въ 50-ти наличныхъ крестьянскихъ душахъ мужскаго пола, земли 372-хъ десятинахъ, лѣсу 112 десятинахъ съ садомъ, селитряныхъ бургахъ, съ посудою, вѣтряною мѣльницею и постоялымъ дворомъ» За это имѣніе г. Байковъ долженъ былъ заплатить 40,000 р. асс. г Квиткѣ (Григорію), тысячу при подписаніи условія, 10,000 не далѣе 1-го сентября того же года, еще 10,000 не позже 1-го іюля 1830 г., и наконецъ остальные 20,000 р. въ особо-установленный срокъ. Это было съ-тѣхъ-поръ единственное достояніе нашего автора.

скрытое, или, еще хуже-обнаруженное соперничество автора съ Гоголемъ, который въ самомъ отрочествѣ своего дарованія былъ выше всего, написаннаго въ послѣдствіи Квиткою? Насъ, да и не насъ однихъ, занялъ этотъ вопросъ и мы его, по-возможности, прослѣдили. Мы сличали эту комедію съ „Ревизоромъ“ Гоголя и нашли точно нѣкоторое внѣшнее сходство между обѣими комедіями. Ниже будетъ, въ своемъ мѣстѣ, приведено объ этой пьесѣ письмо Основьяненко; здѣсь скажемъ наши соображенія, тѣмъ болѣе необходимыя, что около 1840 года не мало толковали о ней въ-отношеніи къ „Ревизору“. Основьяненко написалъ свою комедію около 1827—1828 годовъ. Въ архивѣ Московскаго Ценсурнаго Комитета она записана подъ № 602-мъ. Въ редакціи „Репертуара“ сохранился отъ рукописи ея, затерянной въ типографіи, заглавный листокъ на синей бумагѣ, въ четвертку, съ печатью Комитета и слѣдующею подписью: *Печатать позволяется. Москва, 1828 года, октября 18-го дня. Въ должности предсѣдателя Московскаго Ценсурнаго Комитета, Сергѣй Аксаковъ, № 602.* Рукопись тогда же была послана на сцену въ Петербургъ, ходила тамъ по рукамъ, ходила по Москвѣ и возвратилась, въ тридцатыхъ годахъ, въ Харьковъ. Напечатана она въ 1840 году; но еще въ 1836 г. вызвала слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ по слухамъ о содержаніи „Ревизора“, Основьяненко пришолъ въ негодованіе, съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать его появленія въ печати, и когда первый экземпляръ комедіи Гоголя былъ полученъ въ Харьковѣ, онъ созвалъ пріятелей въ домъ свой, прочелъ сперва свою комедію, по процензированной тетрадкѣ, а потомъ и „Ревизора“. Гости ахнули и сказали въ одинъ голосъ, что комедія Гоголя цѣликомъ взята изъ его сюжета, и по плану, и по характерамъ, и даже по частной обстановкѣ. Мы прочли обѣ комедіи. Дѣйствительно, сходства нельзя отрицать; съ нѣкоторой стороны, даже можно, пожалуй, полагать, что Гоголь читалъ въ рукописи комедію Основьяненка до написанія своего „Ревизора. Но это сходство только мнимое. Комедія Основьяненка скучна, растянута, написана вялымъ языкомъ, а по художественности характеровъ и мастерскому языку пьесы Гоголя не можетъ быть даже упомянута при имени „Ревизора“. Эта, однакожь, встрѣча двухъ авторовъ на

одномъ сюжетѣ, и даже почти на одной формѣ сюжета, во всякомъ случаѣ вещь любопытная. Гоголь въ своей „Авторской Исповѣди", говоритъ прямо, что сюжеты „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" ему переданы Пушкинымъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Гоголя, въ 1851 году, въ одномъ извѣстномъ семействѣ, въ Москвѣ у А**, произошолъ такой разговоръ. Одинъ изъ гостей спросилъ у Гоголя бывшаго здѣсь, получилъ ли онъ посланное ему въ Остенде собраніе провинціальныхъ анекдотовъ о балагурахъ-солдатахъ и о солдатской медицинѣ? Гоголь отвѣтилъ, что получилъ и при этомъ прибавилъ: „Въ послѣднее время мною, на вызовъ, получено не мало подобныхъ посылокъ; между-прочимъ, я пріобрѣлъ изъ Петербурга довольно-любопытную характеристику тамошнихъ меломановъ"! Тутъ разговоръ зашелъ о сюжетахъ вообще, и Гоголь чистосердечно объявилъ, что мысль „Ревизора" передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго же событія во время его поѣздки, за матеріалами для исторіи Пугачева, въ Оренбургъ ([56]). Пушкинъ прибавилъ Гоголю, что подобная исторія случилась и съ Свиньинымъ, редакторомъ первыхъ „Отечественныхъ Записокъ". Разсказъ Гоголя о Свиньинѣ дополнилъ при этомъ г. Бо—ій, прибавивши, что Свиньинъ, въ свою поѣздку въ Бессарабію, гдѣ, съ карандашомъ въ рукахъ и записною книгою, останавливался передъ каждымъ камешкомъ и говорилъ съ каждою торговкою, былъ также принятъ за ревизора и послужилъ причиною любопытнѣйшей мистификаціи, которая увлекла его до-того, что онъ самъ забылся, вообразилъ себя дѣйствительнымъ ревизоромъ и кончилъ тѣмъ, что сталъ принимать просьбы. Все это едва не кончилось для него очень и очень-печально. Изъ всего этого можно заключить одно, именно: что Основьяненко и Гоголь задумали планъ комедіи по сюжету, *который былъ передъ тѣмъ вызванъ не однимъ подобнымъ событіемъ* въ Россіи и даже въ ея

(56) Именно, услужливый знакомый, въ одномъ изъ городовъ, куда долженъ былъ заѣхать Пушкинъ, опередилъ поэта письмомъ къ градоначальнику, гдѣ было сказано: «Пушкинъ ѣдетъ къ вамъ за матеріалами, но вы на это не смотрите; онъ скрывается, а навѣрно ѣдетъ васъ ревизовать!» Можно вообразить, какой пріемъ Пушкину сдѣлали вслѣдствіе такого письма.

литературномъ кругу ([57]). Самое примѣненіе сюжета къ сценѣ у каждаго также не могло и вылиться, кажется, въ другой формѣ, какъ они написали. Совѣтуемъ читателю пробѣжать пьесу Основьяненка, несмотря на тяжелый слогъ и растянутость, она въ этомъ случаѣ довольно-любопытна. Здѣсь также дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, неокончившій ученія и ненадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь также: и судья (Спальникъ, отъ слова *спать*) и почтовый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу; и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ), и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго, Трусилкина, и племянница его, которыя также влюбляются въ „милашку ревизора“. Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ полученнаго городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., значительнаго куша, взятаго у городничаго. Здѣсь также, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества* и о томъ, *какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ, по словамъ Основьяненка, *нѣмая сцена*, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно ревизорѣ: *Вотъ бумаги отъ губернатора съ жандармомъ присланныя!* Въ заключеніе представляемъ, какъ образчикъ лучшихъ мѣстъ въ скучной и растянутой комедіи, любопытную выписку изъ „Пріѣзжаго изъ столицы“, письмо къ городничему отъ губернскаго чиновника. Вотъ оно:

(57) *Г. Сушковъ* въ III томѣ «Раута» на 1854 г., (стр. 321), говоритъ: «А многіе ли изъ читателей слышали о *Пріѣзжемъ*, какъ о предшественникѣ, если ужь не родоначальникѣ «Ревизора»?—и далѣе на (стр. 383 й): «Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтилъ до Ревизора и донесъ ему о разныхъ безпорядкахъ въ губерніи къ свѣдѣнію». Въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. (№ 35) въ Некрологѣ (на стр. 650) также замѣчено сродство «Ревизора» съ этою пьесою и сказано: «Пріѣзжій» до 1840 г., ходилъ по Малороссіи въ рукописи, хотя представленъ вовсе не былъ.

„Почтенный благодѣтель, Ѳома Ѳомичъ! Имѣю честь поздравить васъ съ наступленіемъ теплой погоды и пріятныхъ дней, и чрезъ сіе напомнить, что скоро близится время третному отъ васъ окладу. При семъ прошу, вмѣсто положенной мнѣ по штату провизіи, доставлять деньгами, по справочнымъ цѣнамъ... Это будетъ круглѣе и, по нынѣшнимъ непріятнымъ временамъ, осторожнѣе! При семъ извѣщаю васъ, что его превосходительство получилъ кое-какія бумаги изъ Петербурга; но еще онѣ къ намъ не переданы, и потому мнѣ неизвѣстно ихъ содержаніе; а когда узнаю—сообщу! При семъ спѣшу васъ увѣдомить: держите ухо востро! Черезъ вашъ городъ поѣдетъ важная и знатная особа; но кто? неизвѣстно! Губернаторъ съ нимъ съ аттенціею... Онъ—яко бы въ Крымъ; но имѣйте предосторожность! Выѣзжаетъ завтра и, по разсчету, будетъ вмѣстѣ съ симъ письмомъ!“

Развязка пьесы у Основьяненка отличается отъ гоголевой; ревизоръ, увезши прекрасную даму, самъ ловится на собственномъ приказаніи: не выпускать никого изъ города, и попадаетъ въ тюрьму. Предлагаемъ, въ заключеніе, письмо къ намъ *С. Т. Аксакова*, процензировавшаго, какъ мы сказали, эту пьесу Квиткѣ—въ 1827 году ([58])

„Очень охотно отвѣчаю на вашъ вопросъ, относительно комедіи *Г-на Квитки*: *„Пріѣзжій изъ столицы“*. Она точно была одобрена мною къ напечатанью, 26 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ другими комедіями того же автора, а именно: „Дворянскіе выборы“, „Вторые дворянскіе выборы“, „Турецкая шаль“, „Шельме́нко“ и „Странница или Саннамбулка“ ([59]). Я даже не зналъ, что „Пріѣзжій изъ Столицы“ былъ напечатанъ, и теперь не помню въ подробности его содержанія; но могу васъ смѣло увѣрить, что „Ревизоръ“ не могъ быть писанъ подъ вліяніемъ этой пьесы, потому что „Ревизоръ“ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существованіи комедіи

(58) Письмо Загоскина къ Основьяненкѣ о томъ же почти предметѣ приводится ниже, въ общей корреспонденціи. Это письмо смутило и спутало болѣе всего Квитку, тѣмъ болѣе, что при этомъ Загоскинъ, какъ директоръ московскаго театра, отказалъ ему въ 1836 г. въ постановкѣ «Пріѣзжаго» единственно за сходство съ «Ревизоромъ».

(59) Участь пьесы: «Турецкая Шаль» и «Соннамбулка» намъ неизвѣстны; онѣ не были ни въ печати, ни на сценѣ. Изъ послѣдней только взятъ, кажется, сюжетъ, въ повѣсти Основьяненка: *Маргарита Прокофьевна*.

г. Квитки. Я спрашивалъ Гоголя (около 1840 года): знаетъ ли онъ эту комедію? И онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ о ней, но не читалъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ. Я не былъ знакомъ лично съ Григоріемъ Өедоровичемъ Квиткою, но мы нѣсколько лѣтъ переписывались по поводу его комедій. Я слышалъ, что жизнь этого человѣка богата разными интересными происшествіями и любопытными переходами въ противоположныя обстоятельства и положенія".

Въ-заключеніе, не можемъ не пожалѣть, что самый нелѣпый слухъ, самое ничтожное обстоятельство даетъ поводъ иногда къ грубѣйшимъ сплетнямъ...

Служба поглощала грустныя сѣтованія нашего автора на уединенную жизнь въ провинціи и давала ему средства разсѣяться, среди хлопотъ и постоянныхъ неизмѣнныхъ занятій. Съ 1817 года онъ былъ избранъ въ дворянскіе предводители Харьковскаго Уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ концѣ этого срока дворянство поднесло ему торжественную благодарность, въ видѣ форменнаго акта, написаннаго въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Въ промежуткахъ, между служебными занятіями, Основьяненко устроивалъ въ знакомыхъ семействахъ домашніе спектакли, иногда самъ игралъ на этихъ театрахъ, писалъ для нихъ ноты, игралъ на фортепьяно и флейтѣ, и подъ-конецъ игралъ на ней, какъ говорятъ, очень-недурно. Вскорѣ принялся онъ писать другую комедію, которая какъ ближайшая къ его тогдашнему служебному поприщу, избѣгла участи долго-ненапечатаной своей предшественницы и вышла въ свѣтъ подъ именемъ: „Дворянскіе выборы". За нею слѣдовалъ „Шельмѣнко-деньщикъ", имѣвшій большой успѣхъ. Въ 1832 году, именно въ годъ выхода въ свѣтъ, съ именемъ г. Погодина, первой малороссійской повѣсти Основьяненка, онъ былъ избранъ совѣстнымъ судьею Харькова, и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года. Успѣхъ первой попытки ободрилъ его и вслѣдъ за нею, съ 1834 года, появились два тома его извѣстныхъ „Малороссійскихъ повѣстей, раз-

сказанныхъ Грицькомъ Основьяненкомъ". Въ статьѣ о сочиненіяхъ своихъ („Москвитянинъ" 1849 г. № 20) онъ говоритъ:

„Написавъ нѣсколько повѣстей на малороссійскомъ языкѣ, я, по обычаю добрыхъ земляковъ моихъ, кромѣ своего настоящаго прозвища, принимать другое, или по имени отца, напримѣръ, Петрѐнко, Василѐнко, или по мѣсту жительства — напримѣръ, Зайчѐнко, Боровѐнко (такая ужь у нихъ натура!) взялъ себѣ прозвище по мѣсту жительства; живу въ *Основѣ*, и такъ да буду *Основьяненко*, и пошелъ такъ писаться!" (60).

Успѣхъ этихъ первыхъ повѣстей былъ рѣдкій. Вслѣдъ за тѣмъ Основьяненко напечаталъ отдѣльно нѣсколько брошюрокъ, изъ которыхъ замѣчательны: оперетка „Сватанье на Гончаровкѣ" и „Листы до любезныхъ земляковъ„ — родъ поучительныхъ посланій, на малороссійскомъ языкѣ, къ простонародію. За послѣднее произведеніе авторъ удостоился благодарности отъ правительства. Извѣстность украинскаго разскащика вскорѣ дошла до Петербурга. Журналы, черезъ книгопродавцевъ, стали наперерывъ просить его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ свой черезъ Харьковъ, замѣтилъ Основьяненка, ободрилъ его совѣтомъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей его жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ „Современнику", издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка переписка съ г. Плетневымъ и постоянное сотрудничество въ „Современникѣ". Съ 1838 по 1843 годъ (годъ своей смерти), Основьяненко напечаталъ въ „Современникѣ" цѣлый рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романа, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и собственные и чужіе переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года, онъ является сотрудникомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", гдѣ напечаталъ половину романа „Панъ Халявскій„ и историческую монографію „Головатый", которая пополняетъ другія подобныя же статьи автора: „Преданія о Гаркушѣ",

(60) Псевдонимъ *Грицько Основьяненко* появился впервые въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» въ Харьковѣ, въ 1833 г., подъ повѣстью «Солдатскій портретъ» и двумя легкими очерками: «Украинское утро» и «Суплика до пана издателя».

извѣстномъ украинскомъ разбойникѣ, и „Татарскіе набѣги на Харьковъ„. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ напечатана еще въ 1843 году повѣсть Основьяненка „Двѣнадцатый годъ въ провинціи“.

V.

Домашняя жизнь.—Анна Григорьевна уже старушка.—Высшій тонъ въ сочиненіяхъ.—Встрѣча съ Гребенкой —Другія знакомства.

Въ 1840 г. нашъ авторъ былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской Палаты Уголовнаго Суда. Это была его *послѣдняя должность*; на третьемъ году исправленія ея онъ умеръ.

Жизнь его въ это время текла тихо, въ семейномъ счастьи, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала Анна Григорьевна, и въ литературныхъ, почти непрерывныхъ трудахъ. Названный нами выше внучатный братъ покойнаго, Н. Ю. Квитка, въ это время обыкновенно пріѣзжалъ къ нему читать, и читалъ въ постороннихъ домахъ его лучшія сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Болѣе всего тогда читалась и донынѣ уважается поклонниками Основьяненка его повѣсть „Маруся“. Недавно еще мы застали двухъ старичковъ, мужа и жену прошлаго времени, въ слезахъ надъ любимою повѣстью покойнаго Квитки. Шестидесятилѣтній старикъ, болтливый и оживленный въ кругу знакомыхъ, которые стекались къ нему въ Основу (тогда еще постоянное мѣсто жительства его, что видно изъ подписей во всѣхъ его письмахъ того времени), былъ по прежнему наблюдателемъ и изумлялъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопытнѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ, впрочемъ, на

свѣтъ очень-зорко, и съ большою„ прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое-то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо его, прибавляютъ, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная толко кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные до-сихъ-поръ въ городѣ подъ именемъ *квиткинскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основьяненко.

Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ письма къ намъ племянника Основьяненка, Валерьяна Андреевича Квитки, котораго, за дорогія свѣдѣнія этого письма, вѣроятно поблагодаритъ каждый читатель ([61]).

„Дядя мой женился уже не въ молодыхъ лѣтахъ, около 1820 года, на одной изъ классныхъ дамъ, присланныхъ и рекомендованныхъ въ Харьковскій Институтъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною, на *А. Г. Вульфъ*. Онъ былъ тогда дѣятельнымъ членомъ Совѣта Института, и сблизился съ будущею своею женою, хотя, при нѣкоторой сантиментальности, онъ былъ вообще очень робокъ съ женщинами. Здѣсь нашелъ онъ совершенно однородный съ нимъ характеръ и легко остановилъ свой выборъ; послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны родителей, онъ женился. Болѣе симпатической подруги онъ не могъ найдти. Жена его была умная, образованная, но не красивая женщина, воспитанная въ правилахъ строгой нравственности, совершенная пуританка, характера твердаго и малосообщительнаго. Вся жизнь ея подъ старость заключалась въ стѣнахъ домика *Основы*, гдѣ она, поутру, отправивъ мужа на службу, всегда чопорно и даже прихотливо одѣвалась, и въ уединеніи ожидала его возвращенія къ обѣду. За обѣдомъ изъ гостей у нихъ никого небывало. Основьяненко любилъ покушать, особенно національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, блиновъ, варениковъ; но вообще обѣдъ

(61) Мы провели большую часть минувшаго лѣта въ окрестностяхъ Основы и въ ней самой, причемъ В. А. Квитка, ея нынѣшній обладатель, снабдилъ насъ окончательными свѣдѣніями для предлагаемой біографіи его дяди. На Основѣ въ это время жилъ съ семействомъ, покинувши разоренный Крымъ, *И. К. Айвазовскій*, гдѣ украинскія степи дали ему мысль его превосходной картины «Чумаки».

его былъ скромный, какъ и вся его жизнь, непохожая на такъ-называемую жизнь зажиточныхъ украинскихъ помѣщиковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ и довольствовался самой необходимой прислугой. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали лучшіе часы въ его жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ (62), и только подъ вечеръ приходилъ прочитывать женѣ или свои свѣжія произведенія, или статьи изъ столичныхъ журналовъ. Съ женою онъ совѣтывался, слѣпо довѣрялъ ея мнѣніямъ; а когда дѣло шло въ его сочиненіяхъ *о высшемъ свѣтѣ, французскомъ языкѣ и образованности*, то онъ рѣшительно подчинялся ея приговорамъ. Кромѣ рѣдкихъ посѣщеній родныхъ, къ нему заѣзжали гости, большею-частію проѣзжіе, знакомые съ нимъ по печати (63). Ихъ, равно какъ и молодыхъ людей изъ университета, которые ухаживали за его извѣстностью, онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ и видимо избѣгалъ всякаго общества, ему не по-сердцу. Чтеніе замѣняло ему живыхъ людей. Трудный на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу, онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, замѣчательнымъ лицомъ, отъ котораго онъ постоянно заимствовалъ матеріалы для своихъ разсказовъ. Лысый Лукьянъ, какъ его вообще у насъ звали, пользовался, въ качествѣ стараго и преданнаго служителя, какіе нынче весьма-рѣдко встрѣчаются въ Малороссіи, правами свободнаго обращенія съ господами и, какъ говорятъ, имѣлъ свой „franc-parler" привѣтствовалъ всегда, не иначе, какъ пофранцузски: *Бонжуръ мосье; коменъ ву порте ву; се тре бьенъ ;же ву при де лодеви!* и проч. Откуда онъ почерпнулъ эти лингвистическія познанія—я не припомню; они предшествовали моей юности; вѣроятно, отъ какого-

(62) По словамъ видѣвшихъ его въ это время, въ кабинетѣ нашего автора обыкновенно было разомъ нѣсколько чернильницъ, въ видѣ чашекъ, глобусовъ, съ сидящими на нихъ Юпитерами и Аполлонами, и т. д. Это была его роскошь, чтобъ, гдѣ присѣсть, тамъ и писать. Между прочимъ была чернильница, въ видѣ пустынника, несущаго съ полей снопъ, изъ котораго выглядываютъ ноги поселянки.

(63) Изъ числа ихъ онъ однажды принялъ, какъ увидимъ ниже, *Гребенку*. Столичные актеры: Щепкинъ, Григорьевъ и другіе, также не миновали его дома.

нибудь француза, жившаго или прїѣзжавшаго на Основу. Принимая участіе во всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и даже служебныхъ, онъ говорилъ свое мнѣніе и судилъ благоразумно о вещахъ и людяхъ, подавалъ совѣты съ какимъ-то таинственнымъ видомъ и вообще былъ смышленный, тонкій, веселый и честный мужикъ. Въ деревнѣ онъ имѣлъ голосъ и уважаемъ былъ всѣми. Когда я утвердилъ свое житье въ деревнѣ, тому назадъ семь лѣтъ, онъ былъ еще крѣпокъ и здоровъ, ничѣмъ не занимался, то-есть, жилъ на отдыхѣ, а при всякихъ случаяхъ поздравительныхъ являлся съ своимъ таинственнымъ и вмѣстѣ сметливымъ видомъ; начиналъ рѣчь французскимъ діалектомъ, а потомъ начиналъ на ухо нашептывать (вѣроятно отъ глухоты подъ старость) свои мысли, замѣчанія и воспоминанія прошедшаго. Въ послѣднее время, по его желанію, онъ былъ опредѣленъ къ церкви и караулилъ кружку, на углу церковной ограды, на большой дорогѣ, гдѣ толкается всегда множество проходящихъ, а также не мало пьяницъ; это было его развлеченіемъ. Зимою и лѣтомъ, несмотря ни на какія непогоды, онъ просиживалъ съ открытой, лысой головой, не боясь простуды. Въ прошедшемъ 1853 году, весною онъ умеръ внезапно, хотя еще не былъ старъ. Настоящихъ его годовъ не знаю.“

Въ другомъ письмѣ В. А. Квитка пишетъ намъ:

„Юность и свѣжесть характера моего дяди, что онъ сохранилъ до старости, дѣлали его способнымъ приноравливаться также и къ дѣтскому обществу. Онъ любилъ страстно дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ склонность къ молитвѣ, знаніе церковныхъ книгъ, словомъ, духовная ученость, вслѣдствіе чего онъ любилъ бывать въ обществѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ стихиры и псалмы, и руководилъ хоромъ. Дѣтей у него никогда не было. Это набрасывало грустный оттѣнокъ на тихую супружескую чету, на этихъ кроткихъ и уединенныхъ „Ѳилемона и Баквиду“. Анна Григорьевна скончалась черезъ десять лѣтъ послѣ смерти мужа, въ 1852 г. 31-го января. Въ эти послѣдніе годы она такъ была вѣрна памяти милаго покойника, что свѣтъ для нея буквально не существовалъ; она будто со дня на день ожидала минуты встрѣчи

съ покойникомъ. Не могу умолчать объ одной чертѣ рѣдкаго самоотверженія моего дяди, котораго смиреніе, кротость, привязанность ко всему родному, скромность, доходившая до боязливости, и стойкость въ мысляхъ составляли явленіе рѣдкое. Состояніе моего дѣда, отца его, хотя довольно-значительное, не было достаточно для поддержанія требованій по мѣсту, занимаемому моимъ отцомъ (мѣсто губернскаго предводителя дворянства, впродолженіи девяти курсовъ), если бы оно раздѣлилось между двумя братьями, поровну. Дядя мой, безъ принужденія и малѣйшаго колебанія, отказался отъ своей части, и уже во всю жизнь только довольствовался небольшимъ, въ сравненіи съ имѣніемъ моего отца, капиталомъ въ 40,000 руб. ассиг. Эта жертва, съ одной стороны, удовлетворяла его семейное честолюбіе, а съ другой его любовъ и преданность къ брату. Старшій братъ былъ верховнымъ существомъ въ его глазахъ. Замѣчательно, что онъ во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ молодости, кажется, его возили въ Москву; но это было такъ рано, что не оставило въ немъ никакихъ слѣдовъ (64). Болѣе всего любилъ онъ Основу. Это одно изъ первыхъ поселеній въ этой части слобожанщины; на земляхъ, принадлежавшихъ когда-то Основѣ, лежитъ теперь цѣлый южный кварталъ города. Три рѣки города, соединившись здѣсь, протекаютъ возлѣ и отдѣляютъ усадьбу Основы отъ городскаго, оконечнаго поселенія. Усадьбу же составляетъ сосновая роща, рѣдкая въ этомъ краю, и замѣчательный батаническій садъ, съ оранжереями, которыхъ слава поддерживается донынѣ. Домъ въ Основѣ ознаменованъ посѣщеніемъ покойнаго государя императора *Александра І-го*, и служилъ поприщемъ многихъ и многихъ торжествъ и увеселеній, памятныхъ дворянамъ нѣсколькихъ поколѣній. Основа, кромѣ того, единственное въ окрестностяхъ Харькова мѣсто для гулянья, гдѣ въ знойное лѣто можно дышать свѣжимъ воздухомъ. Съ весны многіе переѣзжаютъ сюда изъ города и поселяются въ свободныхъ домикахъ и избахъ крестьянъ, гдѣ переживаютъ и грязную, хотя превосходную, украинскую осень...“

(64) Въ этомъ небольшая неточность: онъ былъ еще въ Кіевѣ; и въ Москвѣ онъ былъ не въ слишкомъ ранней молодости, а какимъ мы видѣли, въ 1814—1815 году, то-есть почти тридцати-пяти лѣтъ.

Около этого времени Основьяненко пріобрѣлъ знакомство покойнаго Гребенки. Родственникъ его, Н. Ю. Квитка, намъ разсказывалъ сцену первой встрѣчи Основьяненка съ Гребенкой. Гребенка давно собирался навѣстить ветерана харьковской литературы и переписывался съ нимъ. Проѣздомъ черезъ Украйну, онъ завернулъ на Основу и съ извощикомъ проговорилъ объ Основьяненкѣ всю дорогу. Его радовала эта извѣстность. Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка спросилъ у старика, читавшаго книгу: „А чи дома панъ Основьяненко?“ и вслѣдъ за тѣмъ вскрикнулъ, вглядѣвшись въ него: „Здоровъ, батьку Грицьку?“ Основьяненко (это былъ онъ) медленно оставилъ книгу, переклонился изъ окна и спросилъ прерывающимся отъ радости голосомъ: „А чи не Гребиночка?“ Молодой литераторъ встрѣтилъ полное радушіе у гостепріимнаго своего „учителя“ по литературѣ, прогостилъ у него нѣсколько дней и былъ потомъ самымъ ревностнымъ ходатаемъ по литературнымъ дѣламъ Основьяненка въ Петербургѣ, и поддерживалъ съ нимъ потомъ долго переписку. Кромѣ Гребенки, Основьяненко былъ знакомъ почти со всѣми украинскими литераторами. П. П. Гулакъ-Артемовскій, И. И. Срезневскій, А. Л. Метлинскій и вся молодежь, которая въ послѣднее время издавала въ Харьковѣ литературные сборники до г. Корсуна, всѣ они окружали Основьяненко, бывали въ его домѣ и, уѣзжая изъ Харькова, вели съ нимъ переписку (67). Представляемъ здѣсь письмо къ намъ одного изъ тогдашнихъ знакомыхъ Квитки, г. *Аѳанасьева-Чужбинскаго*. Это письмо, въ которомъ разсказывается событіе, въ нѣкоторомъ родѣ схожее съ тѣмъ, которое намъ сообщили о Гребенкѣ, для читателей дополнитъ нашъ очеркъ нѣсколь-

(67) Почтеннѣйшій П. П. Гулакъ-Артемовскій, сообщившій намъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о Квиткѣ, особенно былъ близокъ, въ 1817 году. литературнымъ его начинаніямъ. Два будущіе писателя бесѣдовали очень-часто и переписывались стихами. Въ рукописяхъ г. Артемовскаго есть неизданное посланіе къ Квиткѣ, подъ именемъ «Добристъ», на которое послѣдній ему отвѣчалъ также стихами. Перелагатель Горація или, какъ онъ самъ выражается, *Гараськи*, написалъ двѣ знаменитыя пьесы въ подражаніе римскому поэту (XIV ода «Heu fugaces» и XXXIV ода «Cornus deorum vultor») именно по своимъ отношеніямъ къ Квиткѣ, къ его грѣхамъ юности и зрѣлому раскаянію...

кими живыми чертами. Г. Аѳанасьѣвъ, съ того времени знакомый съ Квиткою только по перепискѣ, воспользовавшись первою возможностью, отправился къ нему начать личное знакомство.

„Я постучался. Человѣкъ вышелъ.

„— Дома Григорій Ѳедорычъ?

„— Дома. А кто вы?

„— Скажи, что пріѣхалъ старый знакомый.

„— Пожалуйте.

„Сбрасываю шинель, вхожу. Меня приняли въ кабинетѣ. Не успѣлъ я войдти въ комнату, какъ старикъ приподнялся съ креселъ и сказалъ мнѣ:

„— Се Чужбинскій?—обнялъ меня дружески и мы разговорились, какъ люди, которые Богъ-знаетъ сколько времени знакомы. Говорили и писали мы другъ къ другу всегда по малорусски; развѣ уже бывали посторонніе, непонимавшіе этого нарѣчія. Мы сошлись съ старикомъ скоро и тѣсно. Вырвавъ свободную минуту, я спѣшу, бывало, въ Харьковъ, ѣду на Основу и остаюсь ночевать у старика, а утромъ отправляюсь съ нимъ въ городъ. Анна Григорьевна всегда присутствовала при нашихъ бесѣдахъ. Я былъ потомъ въ Москвѣ и написалъ для „Москвитянина“ разборъ его повѣстей. Я говорилъ, что малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя пишетъ онъ порусски. Это, какъ узналъ я, огорчило старика. Хотя, по возвращеніи изъ Москвы, я бывалъ у него снова, но замѣчалъ уже нѣкоторую холодность въ нашихъ изъясненіяхъ; самыя письма его были уже безъ теплоты, нѣкогда ихъ согрѣвавшей, а пріязнь наша постепенно остывала, хотя я, съ моей стороны, нисколько не перемѣнялся. Въ остальное время пребыванія моего вблизи Харькова, я посѣщалъ старика, выйдя изъ военной службы въ отставку; я съ нимъ иногда переписывался; но, повторяю, неосторожно-высказанное мною мнѣніе въ „Москвитянинѣ“ охладило привязанность ко мнѣ Основьяненка. Хоть онъ всегда откровенно разсказывалъ мнѣ о своихъ литературныхъ дѣлахъ, о предпринимаемыхъ сочиненіяхъ, однако, не смотря на молодость, я понималъ, что статья моя невыгодно подѣйствовала на его самолюбіе. Разстались мы пріятельски, то-есть, съ обоюдной просьбой хранить другъ друга въ памяти. Такъ груст-

но кончилась наша пріязнь, начавшаяся подъ вліяніемъ искренняго, дружескаго расположенія. Впрочемъ, онъ никогда не намекнулъ мнѣ о моемъ отзывѣ; его я слышалъ уже послѣ, стороною.“

VI.

Участіе въ столичныхъ журналахъ и сборникахъ. — Письмо В. И. Даля. — Чтеніе Квитки при Дворѣ, въ Венеціи —Продажа кожи съ неубитаго медвѣдя.—Огорченія.— Хлопоты о женѣ.—Отношеніе Квитки къ дѣлу о Харьковской дворянской публичной библіотетѣ.—

Вслѣдъ за „Современникомъ“ и „Отечественными Записками“, нашъ авторъ, черезъ тогдашняго цензора, г. Корсакова, которому присылалъ свои рукописи и который скоро сдѣлался однимъ изъ издателей „Маяка“, былъ приглашенъ въ число сотрудниковъ этого журнала, гдѣ напечаталъ степное преданіе „Перекатиполе“. Въ это же время въ „Репертуарѣ“ напечатана его комедія „Пріѣзжій“, разобранная нами выше. Редакторъ Репертуара, Ѳ. А. Кони, вступившій въ переписку съ Основьяненкомъ, пригласилъ его участвовать въ „Литературной Газетѣ“, которую онъ тоже издавалъ, и Основьяненко напачателъ здѣсь нѣсколько разсказовъ и очерковъ. Редакторъ „Москвитянина“, бывшій въ перепискѣ съ нашимъ авторомъ еще во времена „Телескопа“, обратился теперь къ нему съ просьбою быть сотрудникомъ его собственнаго журнала, гдѣ Основьяненко напечаталъ тутъ же повѣсть „Ясновидящая“. Кромѣ-того, издатели альманаховъ наперерывъ просили у него „малороссійскихъ разсказовъ“; и Основьяненко дарилъ каждый тогда выходившій сборникъ. „Утренняя Заря“ г. Владиславлева, „Новогодникъ“ „Ластовка“ Гребенки; „Наши“ альманахъ, изданный книгопродавцемъ Исаковымъ „Русская бесѣда“ альманахъ Смирдина, „Молодикъ“ г. Бецкаго;

„Утренняя Звѣзда“, изданная въ Харьковѣ; „Южно-русскій сборникъ“ г. Метлинскаго; „Кіевлянинъ“ г. Максимовича, и „Сказка за сказкой„ г. Кукольника—всѣ эти сборники украшались статьями Основьяненка. Послѣднее его сотрудничество въ жизни было сотрудничество въ журналѣ для дѣтей „Звѣздочка“ г-жи Ишимовой, и послѣдняя статья его, напечатанная при жизни, была статья въ этомъ журналѣ, посвященная воспитанницамъ дорогаго ему Харьковскаго Института.

Анна Григорьевна принимала дѣятельное участіе въ судьбахъ всѣхъ этихъ трудовъ нашего автора. Вообще Основьяненко работалъ трудно. Почеркъ его, хотя очень четкій, изобличаетъ природу усидчивую, тяжелую. Въ письмѣ, отъ 26-го апрѣля 1839 года, къ П. А. Плетневу, онъ говоритъ:

„Я началъ переводить одну изъ повѣстей моихъ... Она еще не выходила изъ-подъ домашняго крова, никѣмъ не читана и въ отрывки не изорвана. Признаюсь вамъ, иногда бываетъ мнѣ въ этой работѣ тяжело выразить мысль свою, авторскую, или описаніе дѣйствія; я подбираю слово къ слову, такъ и сякъ переиначиваю; все мнѣ кажется несоотвѣтствующимъ разсказу дѣйствующихъ лицъ избраннаго мною рода, характерамъ ихъ, мѣстности и языку... Сякъ такъ излагаю и иду далѣе!“

Въ названой нами выше статьѣ о своихъ сочиненіяхъ, Основьяненко говоритъ (Москвитянинъ, 1849 года, № 20-й, стр. 333-я):

„Заграничныхъ людей въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единобразіе, утонченность, благоприличіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ, въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои „Маруси“, „Оксаны“, „Наумы“, „Мироны“ и „Сотниковны!“

Вслѣдъ за этимъ Основьяненко затѣялъ большой романъ „Пустолобовъ“, который потомъ, въ 1841 году, вышелъ подъ именемъ „Похожденій Столбикова“. Этотъ романъ, вообще невинный, дѣтски-

утрированный и еще болѣе отсталый по своей сатирѣ, не на шутку его безпокоилъ. Онъ боялся его печатать и нѣсколько разъ просилъ издателей остановить его изданіе. Въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ *28-го апрѣля 1839 года*, которое въ своемъ мѣстѣ мы приводимъ вполнѣ, онъ говоритъ:

„Я не боюсь шмелей! Я и уши заткну; я и уѣду, чтобъ не слыхать; но близь насъ находящіяся блохи, клопы и прочія насѣкомыя, тѣ кусаютъ или болѣе безпокоятъ, до того, что мѣста не найдешь!"

Мы думаемъ, что читателямъ интересны будутъ при этомъ слѣдующія строки изъ письма къ намъ В. И. Даля, отъ 31-го мая 1854 года, изъ Нижняго Новгорода. Въ письмѣ его читатели найдутъ лучшій приговоръ нашему автору одного изъ достойнѣйшихъ его собратій. Вотъ эти строки.

„Съ *Квиткой* познакомился около 1836 года. Онъ посвятилъ или надписалъ мнѣ одну изъ сказокъ своихъ, какъ вамъ извѣстно. Это было первымъ поводомъ; затѣмъ онъ же прислалъ мнѣ тетрадку съ тремя сказочками. Онѣ были имъ написаны наскоро, неотдѣланы, и не для печати. Я думаю, что *Квитка* одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разскащиковъ на родномъ нарѣчіи своемъ. Многословная болтовня его на природномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же нерѣдко пошловата. Какъ быть! Доколѣ писатели во французскихъ крысьихъ перчаткахъ и въ раздушенныхъ завиткахъ, чопорно охорашиваясь, будутъ старательно изъясняться подборомъ французскихъ словъ и оборотовъ, придавая имъ только по наружности русскій видъ, дотолѣ русское слово не будетъ облагорожено. По мнѣ, уже пусть бы лучше припахивало сырьемъ да квасомъ, лишь бы въ носъ пошибало!"

Въ то время, какъ Основьяненко чувствовалъ свое одиночество въ литературѣ, Анна Григорьевна старалась утѣшить его и излечить его раны. Въ сентябрѣ 1839 года, въ письмѣ къ П. А. Плетневу, она защищала повѣсть „Галочку", которую редакторъ „Современника" назвалъ существомъ нѣсколько-идеальнымъ. Она писала:

„Почему вы находите, что Галочка существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобъ въ простомъ быту не было

благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я васъ могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперъ есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила, люди, которые разсказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините что я такъ горячо вступилась за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ давно просила мужа описать его" (68).

Въ письмѣ, отъ 18 мая 1840 года, къ П. А. Плетневу, Анна Григорьева точно такъ же защищаетъ *Панну Сотниковну*, стараясь оправдать ея возвышенный, полный самоотверженія и любви женскій характеръ. Въ 1840 году явилась у Основьяненка мысль ѣхать въ Петербургъ, но уже въ февралѣ 28 числа онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

„Не правда ли, моя мысль сбыточнѣе, нежели ваша, чтобъ пріѣхать въ Петербургъ? Средствъ и возможностей никакихъ. Племянницы опредѣлены въ Харьковской Институтъ. Итакъ ни по чему не выходитъ намъ ѣхать въ Петербургъ."

Вскорѣ г. Фишеръ объявилъ въ Петербургѣ, что приступаетъ въ своей типографіи къ изданію *Полнаго собранія сочиненій Основьяненка*. Письма этого времени нашего автора къ разнымъ знакомымъ полны хлопотъ по этому изданію. Изданіе остановилось и, кромѣ непріятностей, самыхъ чувствительныхъ, ничего не принесло огорченному старику, который, вдали отъ Петербурга, не могъ съ успѣхомъ стоять за свое дѣло. Въ письмѣ своемъ, отъ 23 марта 1849 года, къ Н. И. Шредеру, списанномъ для насъ Г. Н. Геннади и Н. С. Тихонравовымъ изъ собранія писемъ С. Д. Полторацкаго онъ говоритъ:

„Простите авторскому самолюбію, заботливому о своихъ писаніяхъ! *Дворянскіе Выборы* сорвались у меня съ языка; въ брульйонѣ схвачено было и почти противъ воли въ такомъ видѣ и напечатано, до того безобразно, неприбрано, что я отрекся и отрекаюсь отъ нихъ. Малороссійскія повѣсти помѣщаю въ переводѣ въ „Современникѣ". Первая *Маруся* была читана ихъ И. Высочествамъ, В. К. Маріѣ и Ольгѣ Николаевнамъ. Государыня императрица изволила присутствовать при чтеніи и удостоила его особеннаго вниманія. Государь

(68) Увы! почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи, и разсказать его все—таки сантиментально и вяло...

цесаревичъ, читая присланное ему въ Венецію, изволилъ читать съ насллажденіемъ. Такъ писали ко мнѣ ([69])... Всѣ повѣсти—разныхъ родовъ и большею частію малороссійскія, съ сохраненіемъ всѣхъ оборотовъ и манеръ въ изъясненіи! Кромѣ стариковской слабости, съ примѣсью свойственнаго авторамъ тщеславія, моя цѣль еще и та, что, когда Елизавета Дмитріевна все это прочтетъ, *она будетъ имѣть понятіе обо мнѣ*... Старый же другъ, прочитавъ, разсмѣется и скажетъ: „Вотъ, отшельникъ! А четки? а Куряжскій Монастырь?" Чего-то я не прошолъ и не испыталъ!.. Въ гремящемъ повсюду альманахѣ „Утренняя Заря" есть моя повѣсть... Мои герои и героини все въ квиткахъ и запаскахъ, все здѣшнихъ мѣстъ".

Въ письмѣ, отъ 26 октября, онъ замѣчаетъ, съ наивною радостью, объ успѣхѣ *Халявскаго* въ „Отечественныхъ Запискахъ":

„Родственница наша, госпожа Башуцкая, бывъ лѣтомъ у насъ, разсказывала объ энтузіазмѣ, съ какимъ хватали „Холявскаго" при появленіи его въ журналѣ, и желали видѣть скорѣе окончаніе. Мы не ведемъ разсѣянной, шумной жизни; кругъ знакомства нашего весьма-ограниченъ; хотя и близь города, но живемъ въ деревнѣ, по-деревенски, соблюдая все приличіе при явкѣ въ свѣтъ, чуждаясь оба всякаго вѣтреннаго шума и суеты. Новая должность потребуетъ жизни въ городѣ, ближайшихъ отношеній къ домамъ или семействамъ начальствующихъ; для этого нужно необходимое приличіе. У насъ нѣтъ экипажа... Покорнѣйшая наша просьба, когда начнется выручка уже въ нашу пользу, изъ изданія г. Фишера, то денегъ не высылать къ намъ, а собирать ихъ у васъ. Когда соберется ихъ столько, что можно что нибудь предпринять, тогда будемъ безпокоить васъ о *покупкѣ кареты*. Деньги намъ ни на что болѣе не нужны, какъ на снабженіе себя необходимымъ. При собственности, по мѣсту, буду получать 4000 р. асс. жалованья, слѣдовательно, городская, неблестящая, а свойственная намъ жизнь обезпечена".

Передъ новымъ, 1841 годомъ, Основьяненко задумалъ сдѣлать Аннѣ Григорьевнѣ сюрпризъ: купить ей шубу на деньги, которыя

(69) Объ этомъ писалъ къ Основьяненкѣ его защитникъ и литературный покровитель, П. А. Плетневъ, со словъ Жуковскаго.

выручатся въ Петербургѣ за сочиненія. Это задумано такъ оригинально и имѣло такой трогательный и грустный конецъ, что мы, въ своемъ мѣстѣ, приводимъ цѣликомъ подлинныя письма объ этомъ самого Квитки. Задуманный сюрпризъ остался неисполненнымъ. Затѣянное изданіе г. Фишера не принесло автору желаемой пользы. И въ письмѣ 1841 года, отъ 8 января, Основьяненко, съ горечью труня надъ своею несбывшеюся мечтою, извиняется въ своей просьбѣ и говоритъ, что онъ былъ похожъ *на охотника, продающаго кожу, не убивши медвѣдя...*

Приводимъ здѣсь любопытное письмо къ намъ Н. И. Ка—рова (за которое приносимъ ему искреннюю благодарность) о жизни Основьяненка въ это время. Вотъ оно:

„Съ Г. Ѳ. Квиткою я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 г. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, однимъ глазомъ (другой, въ лѣта юности, онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ, принимавшій посѣтителей, въ гостинной въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ, съ каменною оградою, на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень-простая; тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ-что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень-религіозенъ и почти наизустъ зналъ не только обыкновенное Богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя у себя другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался послѣ, что у него „зачитывали“. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно, съ

юношескимъ пыломъ, слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства, не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ", никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самыхъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ, и только за нѣсколько мѣсяцовъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень-добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикою, причемъ отличалась особымъ сочувствіемъ къ династіи Бурбоновъ. Говорю это потому, что ее постоянно можно было застать за чтеніемъ легитимистскаго журнала: „La mode", хотя, мимоходомъ замѣтить, вовсе не была „femme à la mode!" Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературною славою и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти!"

Огорченія скоплялись въ душѣ старика. Окружающіе мало или вовсе не сочувствовали ему; критика шутила надъ нимъ и не знала, какъ вдалекѣ отзывались въ сердцѣ „провинціала-разскащика" ея насмѣшки. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ и не могъ. Въ письмѣ, отъ 5 августа 1839 года, онъ писалъ:

„Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ, старанія достигать цѣли своей! А любопытно было бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, послѣднее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что на душѣ, наслушался бы васъ, да и назадъ ѣхать! Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду!"

Небольшое вознагражденіе, которое получалъ Основьяненко за участіе въ журналахъ, состояло въ присылкѣ для Анны Григорьевны газетъ и лучшихъ журналовъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ бо́льшаго не желалъ и не домогался, лишь бы она имѣла на его труды что почитать и чѣмъ поразвлечься. Но и это не обходи-

лось безъ своей доли непріятностей. Два журнала стали систематически его преслѣдовать. Чтобъ представить образецъ этихъ мнимо-шуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ „Библіотеки для Чтенія“ за 1841 годъ, январь, отрывокъ изъ „Литературной Лѣтописи“:

„Есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернскій ядъ, котораго небоятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся на земь, въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества на лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ: все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой-нибудь ярмаркѣ, какому-нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи; но и не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе.“ (Слѣдуетъ выписка изъ „Холявскаго“; далѣе эта же статья говоритъ о самомъ авторѣ:) „Это долженъ быть ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій, посредствомъ печати, читателей для своихъ отсталыхъ остротъ! Я назвалъ его писателемъ, и тутъ же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло оттого, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненка, иные уже говорятъ просто *Основаненка*, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... На меня эти пошлости наводятъ скуку и уныніе!“

Съ грустью встрѣчалъ такіе отзывы Основьяненко.

Онъ отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все, посланное въ журналы и сборники, и огорченію его не было предѣловъ. Съ большимъ трудомъ друзья успѣвали утѣшить его, вслѣдъ за каждою подобною статьею.

А между-тѣмъ, какъ критика шутила и подсмѣивалась, Основьяненко не переставалъ работать. Вслѣдъ за брошюркою *Листы до любезныхъ земляковъ* (гдѣ, въ предисловіи и четырехъ листахъ посланій къ поселянамъ, онъ разбираетъ хорошія и дурныя стороны ихъ жизни), поддержанный одобреніемъ мѣстнаго начальства, онъ задумалъ продолженіе *Листовъ* въ болѣе обширномъ видѣ. Въ началѣ 1842 года, по словамъ К. М. Сементовскаго, онъ написалъ на малороссійскомъ языкѣ *Краткую священную исторію*, которую тогда же передалъ преосвященному Инокентію. Рукопись по смерти автора осталась неизданною... Послѣднею завѣтною мыслью его, также неисполненною, было составленіе для простонародія *Краткаго свода уголовныхъ законовъ*, съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горкія ошибки невѣжества.

Огорченія отъ окружающаго и отъ выходокъ критики ложились тяжелѣе и тяжелѣе на душу Основьяненка. Онъ заболѣлъ. Отъ 3-го февраля 1841 года, онъ писалъ къ П. А. Плетневу:

„Удушаемый своею хандрою или ипохондріей, что все одно и то же, въ первыхъ письмахъ къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, я излагалъ свои возраженія на убѣжденія, какія вы можете сказать мнѣ, опровергая мое упрямство въ прекращеніи дальнѣйшаго изданія. Теперь буду отвѣчать на то, что вы уже сказали мнѣ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ: *любить и дѣлать добро для него самого*! Богъ видитъ мое сердце, какъ я люблю его самъ по себѣ и видя втораго меня, руководящаго меня къ тому; и чѣмъ бы я не пожертвовалъ, о чемъ бы пожалѣлъ, еслибы могъ дѣлать другимъ добро! Но если, чтобы доставить другимъ удовольствіе и даже пользу, долженъ я подвергаться безпрестанному уязвленію, тогда утѣшитъ ли меня сдѣланное для другихъ добро? Утѣшитъ, безъ сомнѣнія, когда я одинокъ! Но когда съ моею жизнію соединена жизнь другаго, невиннаго ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ, при возрѣніи на мои страданія, страдающаго отъ одного участія, болѣе, нежели я терплю

существенно, въ моемъ спокойствіи полагающаго все благо, живущаго только жизнію моею—тогда позволительно ли накликать на себя хотя часть бѣдствія? А ихъ ежечасно переношу тьму! Слабость, непростительное малодушіе, подходящее къ ребячеству: ну, просто, глупость! Но что же мнѣ дѣлать? Чѣмъ побѣдить себя? Чѣмъ утолить боль душевную, раждающуюся отъ безпрестанно-грызущей меня мысли: я огорчилъ всѣхъ, выводя дѣянія людскія; я ожесточилъ ихъ противъ себя! Я не буду видѣть отъ нихъ ни сожалѣнья, ни участія въ скорби моей!"

Въ письмѣ, отъ 1-го марта 1841 года, онъ пишетъ:

„Бѣдная моя Анна Григорьевна, истощивъ всѣ увѣщанія, всѣ убѣжденія, видя меня глубоко-страдающаго и не находя никакихъ средствъ успокоить и вразумить меня, рѣшилась согласиться со мною... Мои страданія усиливались отъ воображенія.., Наконецъ положеніе мое стало невыносимо! Анна Григорьевна открыла все брату моему, здѣсь же, на Основѣ, живущему. Тотъ испугался моего состоянія и потребовалъ, чтобъ я прибѣгнулъ къ леченію. Я самъ видѣлъ слабость, глупость свою; но волненіе было во мнѣ непроизвольное; ничто не могло меня образумить, и даже самъ я сознался, что душа моя въ необыкновенномъ состояніи. Докторъ нашелъ положеніе мое очень-серьёзнымъ и находилъ необходимымъ кинуть мнѣ кровь, но остановился на сильныхъ лекарствахъ... Однимъ словомъ, въ то время, еслибъ имѣлъ возможность, я бѣжалъ бы на край свѣта, чтобъ даже не слышать о людяхъ! Самое напоминаніе объ *Основьяненкѣ* потрясало меня!"

И всѣ эти страданія испытывалъ нашъ авторъ въ то время, какъ произведенія его читались на-расхватъ. Въ его бумагахъ находится письмо его издателя, г. Фишера, отъ 10-го февраля 1841 года, изъ Петербурга, гдѣ послѣдній говоритъ, что его „Халявскаго" по 1-е февраля, то-есть въ два мѣсяца „куплено изъ конторы 500 экземпляровъ на чистыя деньги".

Въ письмѣ отъ 15-го марта 1841 г. Основьяненко замѣчаетъ:

„Одно только въ письмѣ вашемъ не больно было, но насмѣшило насъ, что вы отсылаете меня къ постороннимъ лицамъ. Кому повѣрилъ бы я? Около меня ежеминутно была Анна Григорьевна,

увѣрявшая меня настоятельно, что я не такъ дѣйствую—вы не одобрите меня. Это самое утверждалъ и братъ мой, принимавшій въ положеніи моемъ искреннее участіе,.. Я слушалъ ихъ. В. А. Жуковскій такъ давно видѣлъ меня, такъ мало знаетъ меня, что, я думаю, съ трудомъ припомнитъ обо мнѣ; и тогда, что ему за нужда поддерживать меня? Гг. Погодинъ и Максимовичъ знакомы по письмамъ; но имъ не открыты душа моя, чувства! Нѣтъ, почтеннѣйшій другъ, ни къ кому и никогда не отнесусь я за руководствомъ.“

Скоро Основьяненко принужденъ былъ изъ тихой Основы переѣхать въ городъ. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29-го октября, онъ пишетъ:

„Представленіе меня къ должности пошло отсюда, вмѣстѣ съ другими предсѣдателями, на утвержденіе; но, какъ оно разсматривается во многихъ инстанціяхъ, проходитъ чрезъ Сенатъ, то медленность необходима. Мы платимъ за приготовленную квартиру, и живемъ у себя; топимъ здѣсь, топимъ и тамъ, въ ожиданіи, что нужно будетъ переѣхать немедленно!“

Одинъ случай особенно рисуетъ честность и доброту души нашего автора. Онъ былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ г. Сумцовымъ, жителемъ Харькова, и задолжалъ ему нѣсколько тысячъ. Заимодавецъ умеръ, вексель былъ какъ-то порванъ. Но въ одно утро явился къ нему на село Москалёвку, гдѣ отъ тогда жилъ, сынъ г. Сумцова, бѣдный студентъ, и объявляетъ, что ему нѣчего ѣсть, а что, помнится, г. Квитка былъ долженъ его отцу около 3000 руб. асс. Основьяненко усадилъ молодаго человѣка, разговорился съ нимъ, порылся въ своей памяти и объявилъ, что точно онъ долженъ его отцу и готовъ ему уплатить. . Это намъ пѣредалъ самъ г. Сумцовъ.

Приводимъ исторію учрежденія въ Харьковѣ городской публичной библіотеки, прослѣженную нами по документамъ, такъ какъ въ ея судьбѣ принималъ участіе Основьяненко и высказался при этомъ довольно ясно.

Обратимся нѣсколько назадъ.

Въ 1859 году, во время засѣданія перваго комитета по крестьянскимъ дѣламъ, въ Харьковѣ стали поговаривать о какой-то библіотекѣ, сваленной частью въ конюшняхъ, а частію на чердакѣ дома,

принадлежащаго харьковскому дворянскому собранію. Тогда же заявлено было объ этомъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, а кто-то объ этомъ тиснулъ даже статью въ одномъ изъ тогдашнихъ первоначальныхъ сатирическихъ изданій. Писали и говорили по слухамъ. Взглянуть же на эти самыя книги и ихъ судьбу никто, какъ водится, особенно тогда не постарался. Что же, однако, это за библіотека? Ни болѣе, ни менѣе, какъ харьковская „публичная городская библіотека“, основанная еще въ 1830 году. Мнѣ удалось, при пособіи ближайшаго начальства библіотеки, осмотрѣть ее въ подробности и прочесть самое дѣло о ней. Вотъ выдержки изъ этого подлиннаго дѣла.

Слободско-украинскій, т. е. харьковскій губернскій предводитель дворянства, Андрей Квитка, 18-го августа 1830 г., получилъ отношеніе тогдашняго мѣстнаго губернатора, Каховскаго, за № 12,576, съ приложеніемъ печатнаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 5-го іюля 1830 г. за № 777, „о заведеніи въ губерніяхъ публичныхъ библіотекъ для чтенія“. Министръ Закревскій, по предложенію президента императорскаго вольнаго экономическаго общества, адмирала Мордвинова, объявлялъ (или, какъ выразился губернаторъ Каховскій, „изъ препровождаемаго при семъ въ спискѣ *предписанія* г. министра внутреннихъ дѣлъ, за № 777, изволите усмотрѣть весьма полезное предположеніе верховнаго правительства и пр.)“: „что кромѣ чтенія выходящихъ на россійскомъ языкѣ книгъ, учрежденіе подобныхъ билiотекъ возродитъ духъ общественности, откроетъ большой сбытъ для хорошихъ сочиненій и будетъ эпохою народныхъ улучшеній, во всѣхъ родахъ. Въ предложеніи министра предлагалось или, какъ толковалъ Каховскій, *предписывалось*, немедленно составить комитетъ изъ губернскаго предводителя дворянства, директора гимназіи и прочихъ любителей просвѣщенія, и, вопервыхъ *опредѣлить* приличное зданіе для губернской публичной библіотеки, а вовторыхъ, *распорядиться* насчетъ посѣщенія оной“. Составилось собраніе изъ губернскаго предводителя А. Ф. Квитки (брата писателя Основьяненка), губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя палаты уголовнаго суда, совѣстнаго судьи, губернскаго прокурора, уѣздныхъ предводителей, ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ университе-

та, директора гимназіи, городскаго головы и „почтеннѣйшихъ“ купцовъ. Опредѣлено: приличнаго дома нѣтъ, денегъ на наемъ его и покупку книгъ также нѣтъ, а посему—библіотеку составить изъ доброхотныхъ даяній, помѣстить ее временно въ комнатахъ дворянскаго собранія, а завѣдывать ею профессору Матвѣю Байкову (впослѣдствіи директору удѣльной фермы близъ Петербурга) и городскому головѣ. Изъ отношенія исправлявшаго должность слободско-украинскаго губернатора, Безкорованнаго, отъ 30-го іюня 1832 года, № 9,834, на имя А. Ф. Квитки, видно, что къ тому году записалось добровольныхъ жертвъ на сумму 1,465 р., „но въ число оной суммы денегъ нисколько еще не поступило“. Началась переписка о взысканіи денегъ по подпискѣ. Для послѣдней цѣли комитетъ попечителей библіотеки, отъ 4-го іюля 1832 года, за подписями А. Ф. Квитки, М. А. Байкова и городскаго головы Антона Мотузкова, положилъ избрать по уѣздамъ кореспондентовъ, которые собирали бы пожертвованія на библіотеку. Были избраны: гг. Соляниковъ, Римскій-Корсаковъ, Криворотовъ, Ковалевскій, Бразель-Зарудный, Ив. А. Алферовъ, Ак. Ф. Гороховъ, Вороновъ, Каплуновскій, Романовъ, Павловъ, Ґерсевановъ, Хорватъ и Анисимовъ. Начались, сверхъ того, еженедѣльныя засѣданія попечителей библіотеки. Долго переписывались о бывшемъ лебединскокъ предводителѣ А. А. Галкинѣ, который подписался на 100 р., а денегъ не платилъ. Попечители циркулярно извѣщали неплатившихъ подписчиковъ, что „всѣ пожертвованія вносятся въ заведенную для сего въ библіотекѣ книгу, для преданія потомству именъ благородныхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія“. Подписчики, однако, расплачивались туго. Сдѣланъ письменный вызовъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ богачамъ. Такъ, А. Ф. Квитка, отъ 16-го іюля 1832 г., за № 317, писалъ къ бывшему Курскому губернатору Пав. Ник. Демидову: „Особа ваша обращаетъ къ себѣ справедливое предпочтеніе и полную довѣренность. Вы вписали уже имя свое неизгладимо въ исторіи россійскаго просвѣщенія. Вамъ неотвергаемо принадлежитъ благороднѣйшее титло ободрителя и споспѣшествователя отечественнаго образованія, и потомство признаетъ, что достойный наслѣдникъ имени предковъ въ семъ подвигѣ даровалъ одному (имени) новый блескъ“. Напечатано, на-

конецъ, и разослано къ 470 лицамъ изъ высшаго сословія въ губерніи циркулярное письмо отъ А. Ф. Квитки, съ просьбой жертвовать деньги, книги и рукописи на харьковскую публичную библіотеку. Здѣсь, между прочимъ, говорилось (отъ 22-го іюля 1832 г.): „Всякій просвѣщенный россіянинъ почувствуетъ пользу таковаго заведенія. Здѣсь чиновникъ, въ свободные отъ службы часы, гражданинъ, въ досужее время отъ занятій своихъ, найдутъ пріятное развлеченіе и, имѣя предъ глазами все, что вѣковыми опытами и усиліями ума найдено полезнѣйшаго для общественности, будутъ имѣть средства извлекать изъ оныхъ пользу для себя. Естественнымъ слѣдствіемъ сего будетъ: достиженіе высокой государственной цѣли— благосостояніе всѣхъ и каждаго.“ Къ виновнику этой новой затѣи въ городѣ, къ самому почтенному изобрѣтателю русскихъ публичныхъ библіотекъ, адмиралу Мордвинову, губернскій предводитель А. Ф. Квитка писалъ еще торжественнѣе: „Дерзаю умолять ваше высокопревосходительство даровать намъ по одному экземпляру нашихъ сочиненій, надписавъ оныя собственною рукою вашею. Даръ сей будетъ драгоцѣннымъ памятникомъ милостей вашихъ къ харьковской публичной библіотекѣ и дастъ ей желаемый нами блескъ.“ Къ 1833 году собралась ожидаемая сумма. Отъ 13-го декабря 1832 г., за № 1412, А. Ф. Квитка извѣстилъ Каховскаго, что отъ разныхъ лицъ, по прилагаемому списку, доставлено для открытія библіотеки до 400 книгъ и 7,000 р. денегъ. Въ числѣ жертвователей нельзя не упомянуть: графа Дм. Ник. Шереметева, представившаго изъ своего харьковскаго имѣнія на библіотеку 1,000 р.; отъ зміевскаго жителей Горохова поступило 1,130 р., отъ помѣщика Мих. Ст. Веселовскаго 200 р., отъ П. Н. Демидова 500 р.; многіе жертвали по 100, 75 и 50 р.

1833 г. іюля 18-го, предписаніемъ министра врутреннихъ дѣлъ, за № 1,033, харьковскую публичную библіотеку разрѣшено открыть и 6-го декабря того же года она Каховскимъ открыта, причемъ ее подчинили вѣдѣнію губернатора.

7-го іюля 1834 г., вице-губернаторъ Пестель объявилъ А. Ф. Квиткѣ, что, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, съ той поры всѣ публичныя библіотеки по городамъ велѣно подчинить конт-

ролю министра народнаго просвѣщенія, куда и велѣно ежегодно для просмотра посылать каталоги этихъ библіотекъ.

Библіотека была открыта. Въ 1833 г., по протоколу ея попечителей (А. Ф. Квитки, его брата Грицька Основьяненка, Кашинцева и Знобишина), было положено купить для нея въ лавкѣ Глазунова книгъ на сумму 935 р. 60 к., что и исполнено. Входъ въ библіотеку дозволенъ всякому, исключая лицъ „въ неприличномъ видѣ и одѣяніи, безъ затрудненія и безъ предварительной выдачи на сіе билетовъ". Библіотекаремъ первымъ избранъ секретарь дворянства, нѣкто Техоцкій. Харьковское купечество, видя, что мѣстные дворяне были почти исключительными учредителями этой библіотеки, назначило библіотекарю ея 300 р. жаловья. Попечители библіотеки устроили шесть отличныхъ, краснаго дерева, шкафовъ для книгъ, сдѣланныхъ столяромъ Бетлеромъ, по 200 р. каждый. Для клейменія книгъ сдѣланъ штемпель, 27-го октября 1833 г. комитетъ попечителей, послѣ перевода Тихоцкаго на службу въ Одессу, опредѣлилъ библіотекаремъ колежскаго секретаря Изм. Ив. Срезневскаго (нынѣ академика и профессора петербургскаго университета). Извѣстный мѣстный общественный дѣятель того времени Вас. Наз. Каразинъ подарилъ библіотекѣ много книгъ, картъ и рукописей. Г. Срезневскому въ помощники назначенъ коллежскій регистраторъ Королевъ. Библіотеку объявили открытою для публики ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 12 часовъ утра и отъ 3 до 5 зимою отъ 3 до 8 часовъ вечера лѣтомъ.

Съ 1833 по 1836 годъ въ письменномъ дѣлѣ библіотеки существуетъ пробѣлъ. За три года не оказывается ни одной бумаги. Составилъ ли библіотекарь и его помощникъ, за эти три года, каталогъ библіотеки? приращалась ли ея касса новыми жертвами? какія и гдѣ покупались для нея книги?—ничего этого не видно.

Старожилы говорятъ, что эта библіотека пошла плохо. Первые мѣсяцы, какъ городская новинка, она кое-кого изрѣдка къ себѣ заманивала. Заходили въ нее иногда студенты. Писатель Квитка-Основьяненко заглядывалъ въ нее повременамъ, да библіотекарь съ помощникомъ. Другіе же приходили на первыхъ порахъ посмотрѣть на одно, именно: какъ это и кто именно заходитъ читать туда? Скоро

библіотека опустѣла, не оправдавши ни горячихъ надеждъ безсмертнаго государсвеннаго дѣятеля Мордвинова, ни пышныхъ писемъ А. Ф. Квитки.

Въ 1836 г., протоколомъ отъ 7-го марта комитетъ попечителей библіотеки, за подписями новаго губернатора, князя Петра Трубецкаго исправлявшаго должность губернскаго предводителя М. Ковалевскаго и гг. Кашинцова и Квитки-Основьяненка, рѣшилъ: „Такъ-какъ до сего времени библіотека рѣдко посѣщаема была весьма ограниченнымъ числомъ читателей, то сдать ее въ учреждаемую *справочную городскую контору*, но причемъ *роспись книгамъ* должна быть непремѣнно подписана какъ *библіотекаремъ*, сдавшимъ книги, такъ и всѣми гг. *учредителями* справочной конторы, съ показаніемъ цѣнъ книгъ по каталогу Смирдина отъ 1828 года“. Расходы по пополненію библіотеки контора приняла на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобъ чистый доходъ отъ билетовъ за чтеніе книгъ дѣлился пополамъ между конторою и комитетомъ попечителей библіотеки, т. е. библіотекою. Къ дѣлу вслѣдъ за этимъ подписано „положеніе о передачѣ библіотеки въ вѣдѣніе справочной конторы“, гдѣ первымъ условіемъ поставлена передача по каталогу, подписанному всѣми, оговорены случаи пожара и пр. Положеніе подписано названными попечителями и основателями конторы: гг. Колокольцовымъ, Пассекомъ, Кузинымъ и Ковалевымъ.

Въ 1837 г., марта 21-го, попечители передали право библіотеки майору фон-Метлеркамфу, директору училищъ губерніи, къ которому тогда перешла справочная контора.

Въ концѣ дѣла библіотеки подшита помѣченная 5-мъ іюля 1838 г. копія отношенія секретаря харьковскаго дворянства, Өедора Савенкова, къ бывшему библіотекарю Изм. Ив. Срезневскому. Въ этомъ отношеніи говорится, что въ дѣлахъ дворянскаго депутатскаго собранія не оказалось слѣдовъ *каталога*, по которому сдана въ справочную контору харьковская публичная библіотека. Авторъ этого отношенія, между прочимъ, излагая затрудненія по этому случаю, писалъ къ г. Срезневскому; „Вы были опредѣлены библіотекаремъ этой библіотеки и имѣли оную въ своемъ завѣдываніи до самаго поступленія ея въ справочную контору. Но когда именно, кто оную отъ васъ

тамъ принялъ, сколько и какихъ именно заключалось въ ней тогда книгъ и гдѣ находится имъ *сдаточный каталогъ*, о томъ никакого свѣдѣнія въ дѣлахъ депутатскаго собранія не имѣется. Посему имѣю честь, просить васъ не отказаться доставить дѣламъ публичной библіотеки подробный, за вашимъ подписомъ, каталогъ, поступившимъ въ упомянутую контору библіотечнымъ книгамъ".

Отвѣта со стороны г. Срезневскаго на это не послѣдовало. Надо полагать, что виновникомъ въ такой небрежной сдачѣ книгъ конторѣ, безъ каталога, опредѣленнаго комитетомъ попечителей въ „Положеніи" о передачѣ библіотеки, былъ кто-нибудь другой, а не почтенный Изм. Ив. Срезневскій. Врочемъ, онъ одинъ теперь можетъ пояснить это недоразумѣніе и, вѣроятно, оговоритъ это.

Есть основаніе, по слухамъ, полагать, что библіотеку сдавалъ извѣстный лѣностью Основьяненко.

Послѣдствія такой небрежности вскорѣ оказались...

Теперъ начинается изустная фабула объ этой библіотекѣ, со словъ нынѣшняго ея блюстителя, чиновника харьковскаго депутатскаго собранія г. Антонова.

Въ харьковской публичной библіотекѣ было къ 1841 году до 3,000 томовъ книгъ. Второй содержатель справочной корторы (бывшей на Николаевской Улицѣ), директоръ училищъ Харьковской Губерніи, майоръ фон-Метлеркамфъ, также не выдержалъ и передалъ контору, а вмѣстѣ съ ней и библіотеку — нѣкоему г. Быковскому. Послѣдній въ началѣ 1841 года опомнился, что библіотека у него находится безъ каталога и не приноситъ ни ему, ни харьковскому обществу никакой пользы. Жители заходили въ справочную контору по необходимости, по своимъ дѣламъ, видѣли въ ней хорошіе шкафы, въ шкафахъ книги, но никто и не помышлялъ узнать, что это за книги, и взять на ихъ чтеніе билетъ.

Быковскій явился въ канцелярію депутатскаго собранія, гдѣ тогда уже служилъ г. Антоновъ писцомъ, и рѣшился сдать библіотеку обратно.

— Господа! когда же вы примете отъ меня вашу библіотеку?

— Сдайте ее по каталогу, какъ принимали.

— Да каталога нѣтъ и не было. Держать же ее не буду.

— А мы безъ каталога не имѣемъ права принять. Мало ли какія у васъ были книги! А вы намъ сдадите, что захотите.

— Да говорятъ же вамъ, что она сдана безъ всякой описи книгами. Принимайте, что даю, а иначе я выброшу библіотеку вашу на улицу: контору я закрываю; не нанимать же мнѣ для нея на свой счетъ квартиру! Я принималъ контору, а чортъ же зналъ, что при ней еще есть и какая-то ваша тамъ публичная библіотека...

— Какъ угодно; безъ сдаточнаго каталога, подписаннаго попечителями библіотеки и учредителями прежней нашей конторы, мы книгъ не примемъ.

— Не примете?

— Не примемъ.

— Это послѣднее ваше слово?

— Послѣднее.

— Ну, такъ я же васъ угощу!

Не прошло недѣли, какъ во дворъ дворянскаго собранія, рано утромъ, чуть не досвѣта, въ осенній свѣтлый денекъ, въѣхало паръ двѣнадцать воловъ, везя тяжело-нагруженные книгами возы.

— Сваливай, братцы, среди двора! крикнулъ Быковскій.

Мужики стали брать каждый возъ за колеса, приподнимать и сваливать съ него книги въ общую кучу, какъ сваливаютъ глину или песокъ; не успѣли сойтись на службу чиновники, какъ возы и Быковскій исчезли.

Засуетились чиновники. Что тутъ дѣлать? Собрались вкругъ громадной кучи книгъ, потолковали и пошли въ канцелярію. А тутъ налетѣли тучи. Въ полдень пошелъ сильный дождь. Думали было сперва чиновники писать протестъ, жаловаться не Быковскаго, а книгъ все-таки не принимать. Но когда дождь къ вечеру усилился, они изъ сожалѣнія, не дожидаясь разрѣшенія начальства, созвали сторожей и кинулись въ полахъ сюртуковъ и охабками носить мокрыя книги въ конюшню, а потомъ растилать ихъ здѣсь и на чердакѣ для просушки...

Такимъ-то образомъ въ 1859 году, когда всѣ наши провинціальные города почувствовали въ своихъ училищахъ и закоулкахъ вѣяніе моднаго слова „прогресъ“, Харьковъ заговорилъ о какомъ-то о-

громномъ количествѣ книгъ, сваленномъ въ конюшнѣ, и даже напечаталъ объ этомъ, во вкусѣ того времени, въ одномъ сатирическомъ журналѣ, какую-то иносказательную запутанную легенду, въ обличительномъ духѣ.

Въ 1859 г., однако, бывшій тогда харьковскій губернскій предводитель дворянства А. Н. Бахметевъ обратилъ на это собраніе книгъ серьезное вниманіе. Для библіотеки назначена особая, просторная комната въ помѣщеніи депутатскаго собранія. Туда внесли шесть прежнихъ и два впослѣдствіи купленные шкафа. Библіотекарь этой библіотеки съ 1841 года считался писецъ, нынѣ столоначальникъ депутатскаго собранія, Н. Ф. Антоновъ. Въ 1859 году ему положено 60 руб. сер. въ годъ жалованья, въ прибавку къ его жалованью въ качествѣ столоначальника. Найти другаго библіотекаря трудно. Средства депутатскаго собранія очень ограничены. И вотъ съ 1859 по 1865 годъ въ городѣ стали говорить, что бывшая харьковская публичная библіотека, наконецъ, вынимается изъ-подъ пепла временъ и похожденій, какъ древніе Геркуланумъ и Помпея, сортируется и уставляется въ систематическомъ порядкѣ по полкамъ, и что г. Антоновъ кончаетъ ея каталогъ. Секретарь дворянства, г. Яворскій, много способствовалъ къ тому, что эта библіотека извлечена изъ забвенія и получила хоть какой нибудь видъ.

Къ осени 1864 года г. Антоновъ дѣйствительно кончилъ каталогъ, Разрозненные томы книгъ подобраны по сортамъ. Каталогъ переписанъ въ чистую тетрадь набѣло. Взыскательный судья, разумѣется, останется недоволенъ этимъ каталогомъ. Но что дѣлать? Съ каждаго можно требовать то, что онъ можетъ дать.

Грустно становится при мысли о подобной судьбѣ нашихъ общественныхъ предпріятій и учрежденій. Оттого ли не привилась эта библіотека къ городу, что министерское предложеніе о ней въ 1832 году сочли за предписаніе? оттого ли, что большинство членовъ нашихъ провинціальныхъ обществъ живетъ еще вполнѣ дикою жизнью, заботится о насущномъ хлѣбѣ, еще не заботясь о наукѣ и литературѣ?

Библіотека, между тѣмъ, возникла почти единственно изъ пожертвованій харьковскаго дворянства. Въ теченіе двухъ лѣтъ въ нее бы-

ло внесено до 500 книгъ и до 7,000 р. Рукописи и карты ея исчезли. Книгъ находится и теперь свыше 3,000 томовъ. Дѣло о ней кончается запросомъ въ 1859 году, отъ 2-го марта, изъ канцеляріи харьковскаго губернатора: сколько въ ней считается книгъ? что нужно было внести во всеподданнѣйшій отчетъ о губерніи за 1858 годъ. На оборотѣ запроса надписано: „Секретарь дворянства, на запросъ и пр., имѣетъ честь извѣстить, что въ харьковской публичной библіотекѣ къ 1859 году состоитъ книгъ 3,144 тома; рукописей нѣтъ".

Въ настоящую минуту, къ 1-му января 1862 года, въ этой библіотекѣ состоитъ; *названій книгъ—950,* книгъ и брошюръ—*3 196 томовъ.*

Съ 9-го іюня 1834 года всѣ губернскія публичныя библіотеки состоятъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Харьковской публичной библіотеки, попрежнему, никто не посѣщаетъ, никто не знаетъ и изъ 75,000 городскаго населенія врядъ ли ее видѣли 5 человѣкъ даже наглядно, то-есть, я имѣю крайнее сомнѣніе, входили ль съ 1859 года въ комнату этой библіотеки 5 человѣкъ, хотя бы съ цѣлью открыть ея шкафы и взглянуть на ея книги.

Для чего же существуетъ, послѣ этого, въ теченіи 33 лѣтъ, съ 1832 по 1865 г., харьковская *публичная* библіотека? Для чего гг. Шереметевъ, Демидовъ, Гороховъ, Донецъ-Захаржевскій, Стремоуховы П. Ив. Данилевскій, купцы Матузковъ и Ковалевъ, полковникъ Ив. В. Малиновскій, М. С. Веселовскій и многіе другіе жертвовали десятки, сотни и тысячи рублей, а нѣкоторые какъ Вас. Н. Каразинъ, даже книги и рукописи?

Библіотека эта, въ 3,196 томовъ, состоитъ изъ весьма хорошихъ книгъ по части географіи, исторіи, статистики, этнографіи, путешествій, журналовъ XVIII и XIX вѣка; изъ журналовъ есть нѣкоторые, составляющіе библіографическую рѣдкость, какъ нѣкоторые журналы прошлаго вѣка. Остальное — переводные романы, позднѣйшіе журналы (съ 20-хъ годовъ по 1865 годъ) и учебники по разнымъ частямъ элементарныхъ знаній.

VII.

Новыя огорченія. — Смерть и похороны. — Дипломъ общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Новый 1842 годъ начался для нашего автора еще печальнѣе 1841 года. Вотъ что онъ писалъ отъ 7-го февраля 1842 года, къ П. А. Плетневу:

„Насчетъ здоровья вашего я былъ успокоенъ коротинькимъ письмецомъ вашимъ черезъ г. Вильсона, писаннымъ въ самый новый годъ. Въ тѣ часы вами писаннымъ, *когда я здѣсь близокъ былъ къ смерти*. Болѣзнь схватила меня въ первые часы новаго года, и теперь еще я не подкрѣпился".

1843 годъ былъ послѣднимъ въ жизни нашего автора. Переписка его стала менѣе-говорлива и прилежна. Усталость отражалась въ каждомъ его словѣ, въ каждой мысли.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 1-го февраля, 1841 г.) Основьяненко говоритъ:

„Вы не знаете провинціаловъ, мнѣній, сужденій ихъ и удобности настраивать ихъ къ общему понятію! Я говорю объ особенной массѣ; но она, масса, и кричитъ больше понимающихъ дѣло! Съ моею раздражительностію, съ моею наклоностью къ мрачнымъ мыслямъ, не имѣя возможности укрыться отъ людей (да и гдѣ отъ нихъ укрыться? они вездѣ одинаковы!) предчувствую, что они собьютъ меня съ ногъ, если не сдѣлаютъ болѣе. „Малодушіе!" вы скажите; очень согласенъ и признаю въ себѣ этотъ порокъ; но не знаю, кто бы пошелъ чрезъ опасный ледъ, не взявъ предосторожностей? Съ Анною Григорьевною увѣряю, что я былъ равнодушенъ, какъ и теперь, къ журнальнымъ замѣчаніямъ. Но вы не знаете провинціаловъ. Для нихъ печатный листокъ—неопровержимая истина; напечатано!" (70).

Въ письмѣ, отъ 13-го, іюня, 1843, онъ говоритъ:

(70) Въ этомъ письмѣ, прося оставить печатаніе »Столбикова« за котораго особенно боялся онъ толковъ ближнихъ, онъ замѣтилъ, что: *не печатая его, ему прибавятъ десять лѣтъ жизни противъ обыкновеннаго*. Онъ не жилъ и трехъ лѣтъ послѣ этого.

„Г. Григорьевъ(71), гостившій, по занятіямъ своимъ, у насъ въ Харьковѣ, обѣщалъ лично доставить мое письмо къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и объяснить вамъ о нашемъ положеніи, въ нѣкоторой части ему извѣстномъ (72). Здоровье мое все попрежнему, и подъ-часъ, урывками пишу, что случается. Духомъ страдаю очень, но силюсь, чтобъ силы души и тѣла сохранить. Не вижу конца своимъ непріятностямъ... Будьте здоровы. Не оставляйте насъ въ своей памяти и вѣрьте и искренней любви и уваженію преданнѣйшаго—*Григорія Квитки*“.

Мы достали письмо г. Григорьева къ нашему автору, въ отвѣтъ на его порученія. отъ 19-го іюля, того же года. Вотъ оно:

„У г. И—ва сидѣлъ я съ часъ и, разумѣется, высказалъ прямо все, что вы и я думаемъ о ***. И вотъ слова его превосходительства:

„—Ахъ, Боже мой! какъ я и самъ страдаю отъ плутней этого негодяя. Надо же быть моему несчастью, что я свелъ Гр. Өедоровича съ нимъ именно въ ту эпоху, когда считалъ его честнѣйшимъ человѣкомъ! А теперь мнѣ и жалко и досадно, но... какъ быть! Я рѣшительно не могу тутъ ничего сдѣлать; я даже бранился съ нимъ, повѣрьте мнѣ, однако, ничто не подѣйствовало. Это какой-то хладнокровный и смѣлый плутъ, который умѣетъ дать отвѣтъ всякому! и т. д.

„Г. Краевскій получилъ ваше письмо и благодаритъ меня; распрашивалъ о Харьковѣ, о Харьковскомъ театрѣ; потомъ сказалъ, что писалъ вамъ въ письмѣ, какъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ думаетъ о „Молодикѣ“ Бецкаго. Только прошу васъ не показывать этого письма молодому человѣку: оно можетъ разочаровать и отбить охоту дѣйствовать въ пользу дѣтскаго пріюта. Теперь вопросъ; что дѣлается съ моими „Вояжёрами“? Мой бенефисъ въ началѣ сентября. Ради Бога высылайте; въ это время я буду строчить куплеты; а иначе боюсь, чтобъ не опоздать. Только умоляю о главномъ: больше хохотни! больше больше курьезныхъ положеній! Это вѣрнѣйшая порука за успѣхъ“.

(71) П. И. Григорьевъ, извѣстный артистъ петербургскаго русскаго театра.

(72) Здѣсь далѣе описывается одинъ *домашній случай*, особенно-огорчившій больнаго, и безъ того, старика. Упомянутый случай окончательно разстроилъ здоровье нашего автора.

Послѣдняя, напечатанная при жизни, статья Основьяненка была: *О святой мученицѣ Александрѣ Царицѣ* въ „Звѣздочкѣ" 1843 г. (за іюль) съ подписью: *Посвящается воспитанницамъ Харьковскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ*, 21-го апрѣля 1843 г. *Первая въ жизни*, напечатанная нашимъ авторомъ статья, также была посвящена любимому Институту...

По смерти Основьяненка явилось въ печати еще нѣсколько его произведеній. Мы исчисляемъ ихъ въ прилагаемомъ къ статьѣ нашей перечнѣ его сочиненій.

21-го августа, въ „Приложеніи" къ 33-му № „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", появилась статья П. И. Срезневскаго, подъ именемъ: *О кончинѣ Г. Ѳ. Квитки*, съ подписью; „10-го августа. 1843 года". Вотъ отривки изъ этой статьи:

„8-го августа, въ пять часовъ пополудни, скончался въ Харьковѣ предсѣдатель Палаты Уголовнаго Суда, надворный совѣтникъ и кавалеръ ординовъ св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 4-й степени, Григорій Ѳедоровичъ Квитка. Потеря—которую глубоко почувствуетъ всякій, кто зналъ покойника, его искреннюю любовь къ отечеству, его примѣрную ревность къ служенію, его правдивый, благородный характеръ и образъ мыслей, его заслуги краю! ([37])

„Вчера вечеромъ былъ выносъ тѣла покойнаго *Г. Ѳ. Квитки* въ церковь Благовѣщенія. Кто видѣлъ этотъ выносъ, не могъ не замѣтить, что весь городъ глубоко чувствовалъ, кого онъ терялъ, что онъ весь чтилъ покойника, какъ одного изъ своихъ лучшихъ согражданъ, одного изъ избраннѣйшихъ людей края! Всѣ сословія, отъ самаго высшаго до самаго простаго, тысячи стеклись поклониться праху своего любимца. Площадь отъ дома, гдѣ жилъ покойникъ, до вратъ хра-

(73) По словамъ О. Р Быковскаго, Основьяненко умеръ въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ. противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней Гимназіи, въ исходѣ 4-го часа пополудни. Когда раздался на колосальной колокольнѣ Харьковскаго Собора (14-ю аршинами выше Ивана Великаго) печальный благовѣстъ большаго колокола, г. Быковскій стоялъ за спинкою креселъ другаго знаменитаго мужа Украйны, *Козьмы Никитича Кузина*, вскорѣ также умершаго, слово котораго въ краѣ нашемъ соблюдалось болѣе всякихъ форменныхъ обязательствъ По словамъ же г. Сумцова, Квитка умеръ не на базарѣ, но въ домѣ Котлярова, нынѣ нѣжинскаго грека Сканды.

ма, была полна народомъ, и слезы были видны на глазахъ многихъ... Предсѣдатели и члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ несли гробъ, чиновники всѣхъ вѣдомствъ провожали его. Сегодня, въ присутствіи генералъ губернатора, князя Н. А. Долгорукова, гражданскаго губернатора, С. Н. Муханова и чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, совершена была литургія преосвященнымъ Иннокентіемъ. Несравненный пастырь нашъ, прежде отпѣванія покойнаго, произнесъ слово краснорѣчиво поучавшее слушателей и напоминавшее о жизни покойнаго. Въ половинѣ втораго пополудни, началось погребальное шествіе, по Екатеринославкой Улицѣ, на Холодногорское Кладбище. Вся эта широкая и длинная улица была полна народа. На печальную процесію сошлись не только граждане со всѣхъ концовъ города, но и поселяне изъ ближнихъ селеній!“

Воспаленіе, сведшее въ могилу нашего автора, продолжалось одинадцать дней. Онъ спокойно приготовился къ смерти и тихо скончался на рукахъ жены, нѣкоторыхъ изъ родныхъ и близкихъ, какъ напримѣръ, Н. Ю. Квитки и П. П. Гулака-Артемовскаго.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ и десяти дней. Черезъ девять лѣтъ послѣ него, 31-го января 1852 г., умерла Анна Григорьевна. Какъ мы сказали прежде, дѣтей у покойныхъ супруговъ не было.

Мы посѣтили могилу супруговъ нынѣшнимъ лѣтомъ, на Холодногорскомъ Кладбищѣ, съ вышины котораго открывается у ногъ весь Харьковъ, какъ на картинѣ, съ его свѣтленькими новенькими домами, улицами и извилистыми рѣчками. Могила находится почти на краю горы, надъ обрывомъ. Памятникъ надъ нею — бѣлый мраморный, съ чугунною оградою и надписью:

Здѣсь покоится прахъ
Григорія Ѳедоровича
Квитки.
(Основьяненка).
Родился 18 ноября, 1778.
Скончался 8 августа 1843.

И другая надпись на немъ же:

Анна Григорьевна Квитка,
урожденная Вульфъ.
Родилась 1800 года, мая 17-го дня
Скончалась 13-го генваря 1852 года.

Грустное впечатлѣніе произвелъ на насъ, при разработкѣ бумагъ покойнаго, дипломъ Копенгагенскаго Общества Антикваріевъ, присланный ему въ Харьковъ изъ Копенгагена, отъ 27-го августа 1845 года. значитъ—ровно черезъ два года послѣ его смерти...

Вотъ этотъ дипломъ. Подъ красною виньеткою, изображающею древности Сѣвера и ихъ собирателей, въ античномъ вкусѣ за подписью знаменитаго Магнусена и секретаря Общества, немѣнѣе знаменитаго Рафна, съ печатью, украшенною рунами, слѣдуетъ самый дипломъ: „Le Conseil d'Administration de la Société Royale des Antiquaires du Nord, sur la proposition du Comité pour l'ancienne histoire de Russie, a, dans sa Séance de ce jour, nommè Associé de la Section Russe, Son Excellence, monsieur Grigoire Kvitka, conseiller d'etat actuel, à Kharkov, qu'elle estime doué de la volonté et de la faculté de contribuer à atteindre le but que se propose la Section, et tous les droits en Associé lui seront réservés conformement au Reglement de la Section".

Квитка по ошибкѣ названъ здѣсь дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, какъ по ошибкѣ же сочтенъ дипломомъ въ числѣ живыхъ...

VIII.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ОСНОВЬЯНЕНКА.

Письма Квитки къ П. А. Плетневу. — Письма къ Квиткѣ Загоскина, Гребенки и Даля-Луганскаго.

По плану нашего труда, мы должны теперь представить читателю отрывки изъ литературной корреспонденціи Квитки. Мы думаемъ, что, за отсутсвіемъ мемуаровъ и автобіографій нашихъ литераторовъ, это единственное средство пополнить, въ библіографическомъ опытѣ о какомъ-нибудь писателѣ, пробѣлъ его литературныхъ откровеній и призна-

ній. Не можемъ не принести здѣсь искреннѣйшей благодарности тѣмъ, кто ихъ намъ доставилъ изъ разныхъ рукъ, и въ особенности П. А. Плетневу, снабдившему насъ болѣе, чѣмъ пятидесятью письмами къ нему Квитки. Въ письмахъ друзей Квитки видна вся добрая и искренная любовь ихъ къ доброму украинскому разскащику; въ письмахъ же Квитки цѣликомъ вылился этотъ робкій, застѣнчивый, скрытный, подъ-часъ лукавый и подъ-часъ отсталый писатель.

Изъ находящихся у насъ въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ писемъ отъ Основьяненка къ разнымъ литераторамъ и отъ нихъ къ Основьяненку, прилагаемъ здѣсь интереснѣйшіе, цѣликомъ и въ отрывкахъ, на сколько позволяютъ намъ литературныя приличія...

Письма Основьяненка къ П. А. Плетневу.

I.

7-го января 1839. Основа.

„Принося искреннѣйшую благодарность вашему превосходительству за удостоеніе моей „Маруси“ помѣщеніемъ въ журналѣ, издаваемомъ вами, *въ переводѣ моемъ же*, и за всѣ ваши ободрившіе меня отзывы, я рѣшился васъ безпокоить продолженіемъ: не угодно ли будетъ вамъ имѣть и еще изъ моихъ малороссійскихъ повѣстей, переложенныхъ на русскій? Въ такомъ случаѣ, получивъ отъ васъ извѣщеніе, я вышлю къ вамъ: „Конотопскую Вѣдьму“. и „Кладъ“. Одобрить ее къ помѣщенію въ журналѣ вашемъ или отринуть—совершенно зависѣть будетъ отъ васъ: я узнаю тогда цѣну имъ.

„Поручивъ Василію Андреевичу Жуковскому, въ бытность его въ Харьковѣ, „Марусю“, вами помѣщенную, я вручилъ еще „*Мертвецкій великъ-день*“ и „*Добре роби — добре буде*“, также переложенныя по русски. Если они не заслуживаютъ чести быть извѣстными, то я равнодушенъ: но если вы ихъ не изволите видѣть еще и если можно ихъ отыскать, то предаю также въ волю вашу. „*Солдатскій портретъ*“, помѣщенный въ Современникѣ же, прекрасно переданъ уважаемымъ мною В. И. Далемъ: но, съ позволенія его, есть выраженія, не такъ изъясняющія мысль и измѣняющія понятіе о дѣйствіи. Все это отъ неизвѣстности мѣстности и обычаевъ.

„*Козырь-Дивка* переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

„Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возмости, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!“

II.

8-го февраля 1839 года.

„Не умѣю выразить той благодарности, какою преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостовѣрился, что я *нѣчто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожннее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или вь самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами. изобрѣтаютъ отрасли, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украйнѣ. пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что писаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ; а списалъ только. Слѣдовательно, все, что вы сказали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что и есть, то по счастливой находкѣ или улученію въ мету, по счастію.

„Слѣдуя одобренію вашему, пишу и буду писать. Буду переводить что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналѣ вашемъ, помѣщайте, нѣтъ—безъ всякаго снисхожденія отриньте, личныя отношенія

и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благорасположенность вашу, прилагаю „Конотопскую Вѣдьму“, нелѣпую по содержанію своему; но все это основано на *разсказѣ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: „*Вотъ тебѣ и кладъ*“; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы „Козырь дивка“, но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, па какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *щирая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Но явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю“.

III.

15-го марта 1839 года.

„По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьёзное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

„Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а

„*Козырь-Дивка* переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

„Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возмости, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!“

II.

8-го февраля 1839 года.

„Не умѣю выразить той благодарности, какою преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостовѣрился, что я *нѣчто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожнее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или вь самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами. изобрѣтаютъ отрасли, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украйнѣ. пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что писаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ; а списалъ только. Слѣдовательно, все, что вы сказали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что и есть, то по счастливой находкѣ или улученію въ мету, по счастію.

„Слѣдуя одобренію вашему. пишу и буду писать. Буду переводить что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналѣ вашемъ, помѣщайте, нѣтъ—безъ всякаго снисхожденія отриньте, личныя отношенія

и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благорасположенность вашу, прилагаю „Конотопскую Вѣдьму", нелѣпую по содержанію своему; но все это основано на *разсказѣ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: „*Вотъ тебѣ и кладъ*"; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы „Козырь дивка", но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, па какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *щирая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Но явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю".

III.

15-го марта 1839 года.

„По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьёзное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

„Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а

„*Козырь-Дивка* переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

„Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возмости, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!“

II.

8-го февраля 1839 года.

„Не умѣю выразить той благодарности, какою преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостовѣрился, что я *нѣчто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожнее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или въ самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами. изобрѣтаютъ отрасли, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украйнѣ. пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что писаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ; а списалъ только. Слѣдовательно, все, что вы сказали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что и есть, то по счастливой находкѣ или улученію въ мету, по счастію.

„Слѣдуя одобренію вашему. пишу и буду писать. Буду переводить что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналѣ вашемъ, помѣщайте, нѣтъ—безъ всякаго снисхожденія отриньте, личныя отношенія

и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благорасположенность вашу, прилагаю „Конотопскую Вѣдьму“, нелѣпую по содержанію своему; но все это основано на *разсказѣ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: „*Вотъ тебѣ и кладъ*“; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы „Козырь дивка“, но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, на какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *щирая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Но явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю“.

III.

15-го марта 1839 года.

„По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьёзное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

„Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а

„*Козырь-Дивка* переводится, кажется, въ Петербургѣ, и будетъ тамъ издана, какъ писалъ ко мнѣ П. А. Корсаковъ. Переводятъ ее и здѣсь; не читалъ еще, но, кажется, располагаютъ особо издать.

„Всѣмъ, чѣмъ только въ силахъ и возмости, готовъ служить вамъ, преисполненный благодарности за лестное вниманіе и за полезные труды ваши, въ чемъ да подкрѣпитъ васъ Богъ!“

II.

8-го февраля 1839 года.

„Не умѣю выразить той благодарности, какою преисполненъ за одушевившее меня, наставительное письмо ваше. Изъ него я удостовѣрился, что я *нѣчто* дѣлаю, а не, какъ давали мнѣ замѣтить холодностію и даже молчаніемъ, что я изъ пустаго переливаю въ порожнее. Я думалъ, что или меня не понимаютъ, или вь самомъ дѣлѣ: къ чему быть сказочникомъ? Къ чему идти за толпою, въ коей всѣ глушатъ одинъ другаго. Мнѣ было досадно, что всѣ летаютъ подъ небесами. изобрѣтаютъ отрасли, созидаютъ характеры; почему бы не обратиться направо, налѣво, и не писать того, что попадется на глаза? Живя въ Украйнѣ. пріучася къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина вниманію, коимъ удостоена „Маруся“ и другія, потому что писаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушовки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю“, „Галочку“ и проч., не могу не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собою непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробности, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе, слышу отъ васъ и, подобно вамъ, знающихъ дѣло, что оно хорошо; не я его произвелъ; а списалъ только. Слѣдовательно, все, что вы сказали обо мнѣ, не заслужено мною; а ежели что и есть, то по счастливой находкѣ или улученію въ мету, по счастію.

„Слѣдуя одобренію вашему, пишу и буду писать. Буду переводить что сложится по здѣшнему; буду пересылать вамъ, но съ условіемъ: если будетъ удостоено чести помѣщенія въ журналѣ вашемъ, помѣщайте, нѣтъ—безъ всякаго снисхожденія отриньте, личныя отношенія

и отношенія къ публикѣ, вещи различныя. И я буду утѣшенъ, найдя судъ, а не безусловное снисхожденіе. Съ такою надеждою на благорасположенность вашу, прилагаю „Конотопскую Вѣдьму“, нелѣпую по содержанію своему; но все это основано на *разсказѣ старожиловъ*. Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи. Вслѣдъ за этимъ будетъ: „*Вотъ тебѣ и кладъ*“; въ маѣ вышлю. Потомъ слѣдовала бы „Козырь дивка“, но я не получилъ ея ни одного экземпляра; даже особѣ, кому посвятилъ ее, не имѣю что дать. Кто ее напечаталъ, на какомъ положеніи, отъ кого и отъ чего она продавалась и гдѣ остальные экземпляры — рѣшительно ни отъ кого не имѣю ни полсловечка въ свѣдѣніе. Перевелъ бы и ее, но не имѣю ни одной книжки! Одна *Сердечная Оксана* у васъ въ Петербургѣ, кажется, явится весною въ малороссійскомъ альманахѣ, составляемомъ г. Гребенкою. Еще одна *щирая любовь* поступила въ цензуру къ П. А. Корсакову. Но явится ли она у меня особнякомъ — еще не знаю“.

III.

15-го марта 1839 года.

„По случаю, былъ у меня споръ съ писателемъ на малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать что серьёзное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ неудобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, я написалъ *Марусю*, и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться. Здѣшніе предлагали мнѣ напечатать, и я, предохраняя себя отъ насмѣшекъ русскихъ журналистовъ, написалъ *Солдатскій портретъ*. Книгопродавецъ просилъ, составить цѣлую часть; я написалъ *Мертвецкій великъ-день*. И такъ пошло далѣе, именно для одной забавы себѣ, веселаго чтенія съ женою и видя, что землякамъ это нравится. Хотя и подумывалъ о какомъ нибудь пріобрѣтеніи, но не извлекъ его ни даже отъ двухъ частей повѣстей.

„Извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ порусски, и совершенно порусски, точно какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи: и что же? Малороссы, не узнаемъ своихъ земляковъ, а

русскіе... зѣваютъ и находятъ маскерадомъ; выраженія, несвойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по своему, и брошено, хотя правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ (ну, право), красотъ малорусскихъ оборотовъ. Такой переводъ „Маруси" и проч. дошелъ къ вамъ отъ Василія Андреевича? Вотъ, начавъ отъ потопа, дошелъ я до настоящей цѣли отвѣта. Вы теперь видите, что я не произвольно, нечаянно, неумышленно попалъ въ писаки, и хотя, точно, обстоятельства мои требовали поддержки и я заботился пріобрѣсть что-либо, но все ускользало изъ рукъ, и ничто, до сихъ поръ, не ободрило.

„Все, посланное въ Петербургъ, тамъ и осталось; или напечатаютъ, а мнѣ не только книжки, и спасибо не скажутъ, или затеряется тамъ, или замолчатъ; и я уже отложилъ всѣ заботы, чтобы получить что-либо, и не хлопочу, а все продолжаю писать, то отъ нечего дѣлать, то, чтобъ изложить мысль, какая намъ, съ женою, придется; хоть посмѣемся или погрустимъ вмѣстѣ—и то наше; потомъ и пустимъ печатать, кому отдамъ, или такъ пойдетъ по рукамъ и затеряется. Также точно вы видите, что я не могу, по нынѣшнему, писать очищеннымъ слогомъ, подобранными выраженіями, и всегда буду сбиваться на свой тонъ, малороссійскій. Слѣдовательно, не беруся исполнить, по совѣту вашему, внушенному добрымъ вашимъ ко мнѣ расположеніемъ. При всемъ усиліи, при всемъ стараніи, буду взлѣзать на ходули и, отъ неумѣнія управлять, зашатаюсь и упаду. Зачѣмъ же приниматься за то, что выше силъ? Притомъ, почтеннѣйшій Петръ Александровичъ, потрудитесь вникнуть въ видимую разницу нашихъ—ну именно, языковъ русскаго и малороссійскаго, что на одномъ будетъ сильно, звучно, гладко, то, на другомъ, не произведетъ никакого дѣйствія, холодно, сухо. Въ примѣръ „Маруся": происшествіе трогательно, положеніе лицъ привлекаетъ участіе, а разсказъ, ни то, ни сё, я говорю о русской; какъ напротивъ малороссійская беретъ разсказомъ, игрою словъ, оборотами, краткостью выраженій, имѣющихъ силу! Малороссійская „Маруся" не смертію интересуетъ, но жизнію своею. „Ни, мамо!"—„а тожъ—алè*!—у мѣста сказанное, въ русское этого не одѣнешь.

Примѣръ вамъ: *Праздникъ мертвецовъ*. Это легенда, мѣстный разсказъ, ежегодное напоминаніе въ семьѣ, на заговѣны, о „Терёшкѣ, попавшемся къ мертвецамъ съ вареникомъ!“ Разсказанное по нашему, какъ всѣ передаютъ это преданіе, нравилось; перечитывали, затверживали. Перешло въ русское и вышло ни то, ни сё; поводъ журналисту трупить, чего я и ожидалъ, при прочтеніи ее въ вашемъ журналѣ“.

IV.

26-го апрѣля 1839 года.

„Что же мнѣ дѣлать, если я себя не понимаю! (Это будетъ объясненіемъ на вторую часть послѣдняго письма вашего). Вотъ мое чистосердечное сознаніе. Никогда недумалъ я писать что-либо. Читаемое не нравилось; и если встрѣчалось что-либо сходствовавшее съ моимъ разумѣніемъ, я находилъ, что не съ той точки писавшій смотрѣлъ, не то замѣтилъ. Отдаленность отъ дѣйствователей и пребываніе въ здѣшней пустынѣ не лелѣяли дальнѣйшихъ разсужденій и никакъ не возбуждали во мнѣ охоты писать. Притомъ же занятія, пріятныя для души и сердца моего, обладали тогда мною въ высшей степени. Я устроивалъ институтъ — самая мысль, такъ новая для здѣшняго края; боролся съ мнѣніями, предразсудками, понятіями; привелъ дѣло къ концу... и въ награду увидѣлъ зависть, дѣйствующую противъ меня со всѣмъ ожесточеніемъ. Бросилъ всѣ мои труды и тутъ-то посланною мнѣ Богомъ Анною Григорьевною побужденъ приняться писать. По обстоятельствамъ, я написалъ первую, комедію... охъ... „Дворянскіе выборы!“ Родъ людей, которыхъ вы такъ вѣрно изобразили, принялись меня катать съ бока на бокъ. Всѣ эти господа начали перещитывать сколько мною написано „ибо, поелику, дабы“—а слона-то и непримѣтили; цѣль, намѣреніе остались вовсе безъ разсмотрѣнія, и было ли то все въ пьесѣ, никто не сказалъ, выключая г. Ушакова, въ Телеграфѣ. Это меня огорчило, охладило. Защищая какъ-то достоинство языка малороссійскаго, я вызвался заставить разсказомъ своимъ плакать — не повѣрили, я написалъ „Марусю“; и когда убѣждали меня напечать, то я, боясь опять цеховыхъ скалозубовъ, написалъ для нихъ „Солдатскій портретъ“, чтобъ оградить себя отъ на-

смѣшекъ ихъ и чтобъ они поняли, что сапожнику не можно разумѣть портнаго дѣла. Для составленія части, писалъ простонародное преданіе, изъ рода въ родъ передаваемое: „Мертвецкій Великъ-день". Писавъ „Марусю", я узналъ себя, что могу такъ писать; но порусски, послѣ уроковъ за „Дворянскіе выборы", я боялся приниматься. И что жь? Когда вышла первая часть повѣстей, отовсюдубыли отзывы, что они плакали, какъ „Марусю" погребали, и я готовъ былъ плакать о нихъ. Были и такіе, что благодарили меня, что я доставилъ лакеямъ ихъ чтеніе понимаемое ими; натурально, что я смѣялся надъ такими. Не многіе замѣтили, какъ Маруся съ Василіемъ пересыпалась песочкомъ, когда говорила съ нимъ о чувствахъ своихъ, и сказали, что мнѣ не нужно другой эпитафіи: „Онъ написалъ Марусю". Для нихъ, а болѣе для Анны Григорьевны, я продолжалъ писать и составилось двѣ части повѣстей. Здѣшніе, хваля мое писаніе, принимались переводить на русскій, но все было неудачно; я не перевелъ, а переписалъ слово-въ-слово, безъ малѣйшей перестановки словъ или пересказа другимъ образомъ. Въ ту пору-проѣзжалъ В. А. Жуковскій. Наговорилъ много лестнаго и желалъ читать ихъ въ переводѣ. Какой былъ у меня подъ рукою, я такой и вручилъ ему. Просили меня написать для театра оперу; я собралъ главныхъ здѣшнихъ характеровъ нѣсколько, наполнилъ пѣснями, обрядами, и пошло дѣло въ-ладъ. Изъ этого вы видите, что я таки нахожу себя способнымъ писать, и хотя знаю, что немногіе видятъ, что и для чего я пишу, но для понимающихъ пишу. И еслибъ не язвительныя выходки самозванцевъ - цѣпителей, то я писалъ бы и порусски, какъ бы смогъ; но не желая дать поводу трунить надъ собою, не смѣлъ бы за русское взяться, еслибъ не вы; и еще принялся писать на особый ладъ, о чемъ изъясню ниже. При первой встрѣтившейся идеи, я тотъ часъ пишу и тогда у меня все въ сторону, пока не окончу. Не черню никогда ничего, а прежде всего въ мысляхъ сложу планъ, характеры лицъ, ходъ дѣйствій одного за другимъ; разговоры же и прочее приходятъ во время писанія. В. А. Жуковскій, говоря со мною о „Дворянскихъ выборахъ". совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ и съ тою цѣлью. Когда же я изъяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и

наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ. Тутъ я уцѣпился за прежнюю мою мысль: добродѣтельныхъ людей, честныхъ чиновниковъ и вообще исполняющихъ свое дѣло, къ чему описывать? Въ порядкѣ идущія времена года, постепенное ихъ измѣненіе, польза, ими приносимая, какъ бы ни было все это описано, не займетъ насъ, потому-что мы сами все видимъ. Но ураганы, вырывки изъ порядка и всѣ необыкновенности: это должно описывать. Давно уже я приступилъ къ описанію жизни „Пустолобова“, имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ. Онъ простачокъ, неполучившій образованія, чудно мыслитъ, будто понимаетъ дѣло, но превратно отъ общихъ разумѣній. Въ малолѣтствѣ остался сиротою. Его имѣніе разоряютъ судьи, опекуны; его развращаютъ, поручаютъ въ пансіонъ мадамъ Филу; пансіонъ и потомъ дальнѣйшія его похожденія, участіе въ выборахъ и много-много... Сей сказки написалъ я первую часть и послалъ въ Москву. Тамъ на меня сильно напали; но когда Василій Андреевичъ обнадежилъ меня, что они говорятъ пустяки, то я принялся писать и нагородилъ (при всемъ желаніи укромить себя) шесть частей. Но при первой мысли я тотчасъ сообразилъ, что, по выходѣ этой книги, всѣ опекуны, судьи, содержатели пансіоновъ, предводители и всѣ описанныя мною, по именованіямъ лица, всѣ возстанутъ на меня. Здѣсь пречудный народъ! Вышла „Козырь-дивка“ и судья сердится на меня, что онъ никогда бубликовъ не принимаетъ отъ просителей; за „Выборы“ и теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ. Въ „Новогодникѣ“ вышла статья „Скупецъ“ и всѣ додумываются, кого я это описалъ? Чтò же будетъ когда выйдетъ сатира на всѣ злоупотребленія, дѣлаемыя людьми во всѣхъ знаніяхъ? Я до-того испугался, что повторяю мои убѣжденія къ П. А. Корсакову, чтобъ отложилъ печатаніе вовсе. Вы видите и знаете, какъ я изъясняюсь и пишу; такъ изложена, безъ дальнѣйшаго старанія, вся повѣсть. Какое богатое поле ругателямъ-журналистамъ!

„Насмѣшки во всеуслышаніе, домашніе упреки (если не болѣе) — это будетъ моею наградою! А мнѣ бы хотѣлось умереть покойно, чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо. Самоувѣренность не въ состояніи разогнать всѣхъ мрачныхъ мыслей.

„За разметаніе моихъ писаній не пѣняйте на меня. Все это вотъ какъ произошло. Графъ Бенкендорфъ отнесся ко мнѣ, прося статьи въ Альманахъ В. А. Владиславлева, на 1840 годъ, издававшійся съ благотворительною цѣлью. Я выслалъ. Вотъ отдѣльная статья. Другая оторвалась отъ цѣлаго, это отрывокъ отъ Пустолобова, который П. А. Корсаковъ разсудилъ помѣстить для свѣдѣнія, что будетъ цѣлое. Каковъ отрывокъ? Незнаю, не читалъ, за неимѣніемъ здѣсь и даже у меня альманаха. При приступѣ къ ***, безъ моего вѣдома, вписали меня въ сотрудники и потомъ уже спросили, чѣмъ я могу содѣйствовать? Чтò дѣлать, у меня было въ мысли описать малороссійскую жизнь, и воспитаніе, и обряды, и проч. и проч. старинное, чего уже теперь и слѣдовъ нѣтъ. Я имъ объявилъ, что будетъ "Халявскій„. Они ухватились обѣими руками, просили выслать и предложили о вознагражденіи, что мнѣ получить? Я просилъ всѣхъ журналовъ русскихъ и для Анны Григорьены Revue etrangère. Они поспѣшили меня удовлетворить. Я выслалъ имъ начало „Халявскаго“. И самъ не знаю, помѣстятъ ли еще его и кстати ли онъ будетъ въ журналѣ; но дѣло сдѣлано. „Козырь-дивка“ по обстоятельствамъ, въ отношеніи посвященія, нужно было издать вовремя; но все осталось въ тунѣ, и я не знаю, кому и благодарить за изданіе! Явится надняхъ „Геннуся“ по русски; это спекуляція не моя, а книгопродавца здѣшняго, на что я и рукою махнулъ. Вотъ всѣ мои бродящіе, исключая театральныхъ: „Шельмѐнка“ и „Сватанья“. Двѣ части повѣстей сами по себѣ. Вотъ и полный мой отчетъ; изъ него видно, что мало раскидано, и то по необходимости.“

V.

28-го апрѣля 1839 г.

— „О „Пустолобовѣ“ рѣчь. Знаете ли, кромѣ огорченія отъ непріятности вамъ, чрезъ банкрутство П***, я обрадовался тому, что „Пустолобовъ“ не будетъ печататься. И если возможно меня болѣе, нежели успокоить и одолжить — отложите печатаніе его вовсе. Я не боюсь шмелей; я и уши заткну, я и уйду, чтобъ не слыхать; но близь насъ находящіяся блохи, клопы и прочая гадость, тѣ кусаютъ, или болѣе

безпокоятъ до того, что мѣста не найдешь! Журналистовъ не боюсь они измѣнились, и каждый имѣетъ своихъ вѣрующихъ въ него. Но здѣшніе, домашніе, ежечастно встрѣчающіеся, опекуны, дворяне, судьи, предводители, полицейскіе, совѣтники, казначеи, содержатели пансіоновъ и всѣ поименованные характеры, коихъ лица, носящія званія сіи, примутъ на себя, и я отъ нихъ нигдѣ покоя не найду. Если вы коротко знаете разнокалиберный кругъ губернскій и толки по деревнямъ и въ уѣздныхъ сборищахъ, то вы согласитесь, что мои опасенія справедливы. Я писалъ, что, еще не читавъ и не видѣвъ статьи въ альманахѣ, а только изъ Сѣверной пчелы узнавъ, что помѣщенъ „Скупецъ", всѣ спрашиваютъ меня: „На кого я мѣтилъ? не на того ли, не на другаго ли?" Сообразивъ все это и повѣривъ моему опасенію, полагаю, что и вы согласитесь отложить и не вооружить... чтобъ не ввели въ такой храмъ славы, что и все бросишь! Тутъ же не безъ того, въ журналахъ встрѣчаются замѣчанія, насмѣшки, порицанія, колкости— все это моимъ умствующимъ здѣшнимъ подаетъ оружіе къ отмщенію, и я, вмѣсто удовольствія, увижу послѣдніе дни мои отравленными; въ каждомъ встрѣчающемся просто человѣкѣ, буду встрѣчать врага себѣ и преслѣдователя. Гдѣ же искомое во всю жизнь спокойствіе?.. Много имѣю представить вамъ справедливыхъ опасеній отъ дѣйствій благоразумно мыслящихъ; но остальное все постигнете и согласитесь со мною, что надобно отложить. Если же, по какимъ-либо обстоятельствамъ, уже отмѣнить печатанія невозможно, что дѣло пошло гораздо впередъ и сопряжено съ убыткомъ кому-либо значительнымъ; въ такомъ случаѣ, я просилъ бы и прошу убѣдительнѣйше, сколько можно, отвратить отъ меня гласно составленіе этой книги. Нельзя-ли въ заглавіи сказать; „издано, или составлено „Х. Б. Ч. К. М." и тому подобными буквами, какъ лучше придумаете; или просто: „издано обществомъ" или что угодно — что угодно, только бы не мое, или Основьяненка, имя было! Уже и альманачная статья покажетъ на меня; но *отбрешуся,* если въ полномъ изданіи закрыто будетъ! Еще бы я просилъ, разумѣется, когда уже невозможно пріостановить печатанія, чтобъ, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ,* а какъ-нибудь иначе перекре-

стите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барыни, которая умничала и безпутно вела себя, сказано: что она *не имѣла волосъ и носила парикъ;* выключите эту примѣту. По справкѣ оказалось, что у одной барыни, вовсе не такой, какъ моя, не имѣется волосъ на головѣ и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя, чортъ ее знаетъ, есть ли у нее волосы.... И вообще все это похожденіе съ этою барынею такъ какъ-то сухо и незанимательно. Или бы и выкинуть его вовсе, или обработать и украсить чѣмъ интереснѣе. А что касается до губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда! Куда ни оборотись, всѣ будутъ ворчать. Вмѣсто *губернскаго прокурора* о экипажѣ, нельзя ли перемѣнить, стряпчій верхняго земскаго суда; совѣтника, къ которому явился Пустолобовъ для полученія мѣста, нельзя ли перемѣнить на секретаря намѣстническаго правленія. и проч. и проч., всего и не припомню. А полиція что скажетъ? А мелкое дворянство? Ужасъ, ужасъ и ужасъ! Однимъ-словомъ, доставите мнѣ больше, нежели одолженіе и успокоеніе, когда отклоните и возвратите мнѣ рукопись. Изъ нея можно будетъ выпускать отрывки для альманаховъ и въ журналы; но все это по выбору и обдѣланное. А все изданіе пусть бы шло послѣ смерти моей, чтобы я покойно дожилъ вѣкъ въ кругу своемъ. Благоразумію вашему и лестной дружбѣ вашей, такъ слѣпо доказанной, поручаю этотъ процесъ. Я изложилъ, хотя вкратцѣ, но намекнулъ на все, на всѣ опасенія отъ послѣдствій. Рѣшите дѣло, и я не буду апеллевать. Съ нетерпѣніемъ жду вашего заключенія, чѣмъ не отлагайте успокоить меня. Еще прибавлю: меньше бы я безпокоился, еслибъ какое-нибудь послѣдовало одобреніе свыше; тогда, видѣвъ вниманіе, можетъ-быть, прикусили бы языки; но кто же можетъ навѣрное знать? Еслибъ былъ здѣсь В. А. Жуковскій, онъ задалъ мнѣ эту тэму. Что бы онъ сказалъ? Взялся ли бы поддержать тамъ, гдѣ надобно? И такъ, съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего мнѣнія; не замедлите къ успокоенію моему".

VI.

13-го мая 1839 года.

„Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ явится скоро „Панъ Халявскій“. Это начало и отдано еще до поступленія моего въ покровительство ваше. Онъ начатъ по препорученію Василія Андреевича, переданнаго мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника графа Панина, чтобъ описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго. Я понялъ, что это высшаго сословія, и сдѣлалъ начало. Что вы о немъ скажете? Если онъ заслужитъ ваше одобреніе, то его можно расплодить, въ томъ же тонѣ, отъ двухъ и до четырехъ частей. Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процесы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч. На что и буду ожидать рѣшенія вашего. И такъ понаберется частей восемь или и болѣе, кромѣ „Пустолобова“, которому рѣшенія ожидаю отъ васъ.

„Ко всему этому я приступаю единственно по требованію вашему. Теперь же скажу съ всегдашнею моею откровенностію о главнѣйшемъ предметѣ. Я получаю отъ брата опредѣленную пенсію; разсчитанной мною, отъ числа до числа, отъ срока до срока, стаетъ; но лишняго не бываетъ и ни откуда не приходитъ, слѣдовательно приступить къ печатанію я не имѣю никакой возможности. Занять для того денегъ, не смѣя и думать о вѣрномъ пріобрѣтеніи, неприлично; а потому и должно отложить всякое попеченіе. Не полагаю возможнымъ, чтобъ нашелся совѣстный книгопродавецъ (гдѣ они?) взять изданіе на себя. Обѣщанныя выгоды едва-ли онъ исполнитъ, едва-ли устоитъ въ словѣ. И со мною были подобные примѣры. И такъ, это обстоятельство положитъ преграду всему, что вы, по доброму расположенію и участію точно дружескому, хотѣли сдѣлать для меня. Это одно стѣсненіе заставляетъ меня отказаться отъ предложенія вашего и потому еще, что, по вашему предусмотрѣнію, первоначальная подписка въ наше время невозможна“.

VII.

21-го іюня 1839 года.

„Со всею откровенностію отвѣчаю на послѣднее письмо ваше отъ 5-го іюня. Упражненія въ дѣлахъ, незатѣйливость, ограниченность въ жизни обратили на меня вниманіе дворянства. Я былъ постоянно избираемъ въ почетныя должности, когда нѣкоторыя изъ первѣйшихъ особъ не были удостоиваемы къ тому. Весьма-натурально, что это произвело зависть и желаніе повредить мнѣ; клеветали на меня, разсѣвали обо мнѣ разныя нелѣпости — ничто не помогало; я былъ избранъ въ Предсѣдатели Палаты. Здѣшніе завистники употребили все, чтобъ помѣшать мнѣ, и успѣли. Утвержденъ былъ не я, а младшій мой кандидатъ. Тутъ-то усилили слухи, что Г*** не благоволитъ ко мнѣ, а Б*** употребитъ все, чтобъ меня не допустить служить нигдѣ. Но дворянство, вопреки молвѣ, не имѣя прямаго на счетъ мой запрещенія, избрало меня въ подобную первой почетную должность совѣстнаго судьи. Въ семъ званіи я имѣлъ счастіе быть, вмѣстѣ съ прочими членами, представленъ въ Харьковѣ Государю Императору и удостоенъ, изъ-за другихъ, всемилостивѣйшимъ вопросомъ. Графъ видѣлъ меня и я не замѣтилъ отъ него нерасположенія, какъ бы должно ожидать къ человѣку, замѣченному въ чемъ бы то ни было. Больше: чрезъ него шли представленія о наградахъ тогда же, и я не исключенъ имъ и представленъ и получилъ награду. На зло завистникамъ и клеветникамъ здѣшнимъ, избрали меня вторично въ совѣстные судьи. Шумѣли, спорили, препятствовали явно; но меня все избрали. Если выйдетъ „Пустолобовъ", не будутъ ли они, имѣя средства, перетолковывать каждое въ немъ слово, а особливо въ главахъ о ходѣ выборовъ? Тутъ найдутъ и намеки и указанія на того, на другаго; и чего они не сплетутъ! А между-тѣмъ, въ слѣдующемъ году, наступаютъ выборы, и мнѣ бы желалось еще послужить, пока есть здоровье и силы. Давши всему превратный толкъ, могутъ сдѣлать свои внушенія. Вотъ причины, для коихъ не желалъ бы я, чтобъ „Пустолобовъ", при жизни моей являлся въ свѣтъ, чтобъ не нанесъ мнѣ непріятностей отъ собратій, увлеченныхъ мнѣніями и толками не-

расположенныхъ людей! Конечно, одобреніе Г***, хотя бы словомъ, много бы меня ободрило и пріостановило бы дальнѣйшіе здѣшніе толки; но этого ожидать не смѣю. И такъ, изволите видѣть, что ни явнаго врага, ни тайно дѣйствующаго ко вреду моему, не имѣю между важными и сильными; а безпокоятъ домашнія шавки, или, лучше, клопы, тараканы, блохи и прочая домашняя гадость. А потому выпускъ „Пустолобова“ въ свѣтъ или сокрытіе его подъ-спудъ совершенно зависитъ отъ васъ и въ этомъ отношеніи я заранѣе соглашаюсь съ намѣреніемъ и дѣйствіемъ вашимъ.

„Если вы нашли „Пустолобова“, долженствующаго значить болѣе чего-либо, то прилично ли будетъ посвятить его Василію Андреевичу Жуковскому? Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и пре[illegible]оручилъ мнѣ написать подобное. Если вы одобрите мое пламенное желаніе и не найдете обстоятельствъ, препятствующихъ тому, то извольте располагать такъ же неограниченно, какъ и во всемъ, къ моей восторженной благодарности“.

VIII.

5-го августа 1839. Основа.

„О „Халявскомъ“. Гг. основатели „Отечественныхъ Записокъ“, объявляя о сотрудникахъ, включили меня и потомъ отнеслись, предлагая вознагражденіе. Я послалъ имъ „Халявскаго“ первую половину, располагая изъ него сдѣлать что-нибудь цѣлое съ подробностями. Въ вознагражденіе требовалъ журналовъ, коихъ вышло на цѣну 265 р. кромѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Они немедленно начали высылать все, и просили „Халявскаго“ продолжать, хотя бы на восемь книжекъ, и что первая тетрадь будетъ помѣщена во второй книжкѣ.

„Головатый“ какъ любимецъ Анны Григорьевны, принятъ сю въ свое покровительство и она предположила отъ него воспользоваться. Начавши дѣло съ „Отечественными Записками“, мы хотѣли имъ послать записку, что намъ нужно будетъ ту цѣну, какую вы назначите; но если вы находите другую и удобнѣйшую дорогу къ удовле-

творенію желаній нашихъ, то и зависитъ совершенно отъ воли вашей. Мы вамъ ввѣрились и вамъ все предоставляемъ. Причемъ нужно объяснить. Вамъ извѣстно уже, что мы живемъ на пенсіи, достаточной для жизни, но въ дальнѣйшемъ неудовлетворительной. Въ осьмнадцать лѣтъ нашей супружеской жизни я не могъ ничего доставить Аннѣ Григорьевнѣ. Теперь, когда, благодѣтельнымъ вашимъ участіемъ, открывается способъ и возможность пріобрѣсти что-нибудь для удовлетворенія приличій и необходимостей, и когда здѣсь, даже и за деньги, невозможно хорошее имѣть, то я и убѣдилъ и настоятельно упросилъ ее сдѣлать записку, сходно съ моимъ желаніемъ, что̀ бъ нужно имѣть? Она составила, съ означеніемъ цѣнъ въ нѣкоторыхъ вещахъ. Главнѣйшее затрудненіе, кто позаботится пріискать и купить все, не то̀лько по цѣнѣ, но и по достоинству? Е. П. Гребенка со всѣмъ радушіемъ вызывается исполнять все, даже до модныхъ магазиновъ.

„О посвященіи ***. По должности, онъ меня нашелъ и, превознося, просилъ о присылкѣ „Пустолобова“ и другихъ. Все прочее у него затеряно и не возвратилось. Богъ съ нимъ! Переписка наша самая дружеская, несмотря ни на что, я былъ все одинъ и хотѣлъ показать ему прямое, искренное расположеніе, подписалъ ему статью; но какъ его не извѣщалъ, то и должно посвященіе исключить. О посвященіяхъ я думаю одинаково съ вами...

„О „Слободскихъ Полкахъ“ просила меня редакція „Отечественныхъ Записокъ“. Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье-либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе.

„Полученіе денегъ ни на что̀ болѣе не нужно, какъ на пріобрѣтеніе вещей, подобно какъ въ запискѣ. Слѣдовало тѣ же деньги отправлять обратно за вещами; и для того, лучше, не высылая денегъ (еслибъ когда оставались) удерживать ихъ до будущихъ надобностей.

„Хорошо Гоголю! На немъ почили существенно монаршія милости; онъ и не боится никого: всякій знаетъ о покровительствѣ. Но здѣсь, у насъ, правдою не возьмешь. О прочемъ всемъ лучше молчать, какъ на выходку Полеваго противъ „Праздника Мертвецовъ“ показываютъ,

разсказываютъ немногіе, но все же шипятъ. А попадись имъ что такое, къ чему могутъ придраться, тутъ имъ наслажденіе!

„Перечитывая журналы, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ и старанія достигать цѣли своей; а любопытно было бы взглянуть на нихъ ближе, слышать сужденія, толки и замѣтить ихъ извороты. Но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ? Кажется, послѣднее употребилъ бы на дорогу, тотчасъ бы явился у васъ, разсказалъ бы, что на душѣ, наслушался бы васъ, да хоть и назадъ ѣхать. Но невозможность въ способахъ истребляетъ всякую надежду".

IX.

23-го сентября 1839. Основа.

„Г. Полевой, воскуривая мнѣ ѳиміамы въ журналѣ, наконецъ отнесся чрезъ знакомаго съ тѣмъ же, и въ заключеніе просилъ статей въ „Сынъ Отечества". Я ему отказалъ: ни о статьяхъ, ни „о дѣлаемой мнѣ чести" ни слова; на томъ и кончилось! Однимъ словомъ, вездѣ иду и исполняю по наставленіямъ вашимъ. „Ганнуся" издана здѣшнимъ книгопродавцемъ, безъ моего участія и дальнѣйшаго надзора. Анна Григорьевна не полюбила ее сначала и теперь ворчитъ на меня за выпускъ ея. По-мдему, пусть идетъ въ-рядъ за прочими; есть и плоше ея. Еще одна готова: „Украинскіе Дипломаты". Вычистивъ и пересмотрѣвъ внимательнѣе, доставлю къ вамъ.

„Заключаю мое письмо усугубленіемъ благодарности за исхищеніе меня изъ когтей литературныхъ братій. Что они дѣлали со мной? Теперь вижу ихъ ясно, смѣюсь надъ всѣми ихъ выходками и покоенъ".

X.

27-го сентября 1839 года.

„Сегодня передано мнѣ отъ г. Смирдина приглашеніе участвовать въ „Сынѣ Отечества" и просили сказать объ условіяхъ, на которыя они заранѣе согласны. Я поблагодарилъ и, также на словахъ, сказалъ, что я не занимаюсь ex officio, чему давши слово посвятить себя, и пишу, когда вздумается. Ну ихъ совсѣмъ!"

XIII.

31-го января 1840 года.

„Мы, то-есть я и Анна Григорьевна, хотимъ попытаться дѣлать „Провинціальныя замѣтки на журналы“ и передавать на разсмотрѣніе вамъ; но, за неполученіемъ еще журналовъ, не имѣемъ ничего къ нашему занятію. Хочется, совершенно въ вашемъ духѣ, говорить, безъ язвительности, колкости, а всего менѣе, отверженной благоразуміемъ насмѣшки и браней; хотѣлось бы показать, что и въ провинціи есть люди, могущіе судить своимъ умомъ и неслѣдующіе за мнѣніями крикуновъ, учителей-самозванцевъ.

„Изъ повѣсти „Украинскіе дипломаты“ я написалъ комедію и отъ здѣшняго театра получилъ тысячу рублей. Кромѣ-того, пьеса очень нравится и ее давали нѣсколько разъ, по требованію, и еще будутъ давать; почему думаю, что и въ повѣсти она принята будетъ“.

XIV.

9-го марта 1840 года.

„При семъ является „Панъ Халявскій“, въ двухъ частяхъ, въ полное распоряженіе ваше, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ. Чтò вы о немъ скажете и какимъ его найдете — мнѣ очень-интересно. Я же долженъ вамъ объяснить, что (оставляя въ сторонѣ первую часть, которая была напечатана въ двухъ частяхъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“) вся вторая часть писана изъ доходившихъ до меня разсказовъ чудаковъ. Первое влюбленіе и за нами, грѣшными было! Надгробная рѣчь ходитъ по рукамъ, какъ подлинное сочиненіе одного, здѣсь извѣстнаго философа. Насильное взятіе въ службу „панычѐй“ и уходъ ихъ оттуда, хотя бы и безъ чина — это все здѣшнія событія, еще вспоминаемыя стариками. Поѣздка въ Петербургъ, угощеніе, и именно въ Тулѣ, пребываніе въ столицѣ, понятіе о городѣ, театрѣ и всѣ продѣлки, тамъ сдѣланныя — все это съ жаромъ разсказываетъ здѣшній чудакъ, какъ все съ нимъ случившееся. Раздѣлъ съ братьями такъ бываетъ обыкновенно; я самъ разбиралъ библіотеку, гдѣ все третьи и шестые томы были, и владѣлецъ

ихъ, какъ неопровергаемый фактъ, представлялъ мнѣ, что иначе нельзя было получить: „Я де былъ третій братъ!“ Разломаніе лѣстницъ случилось точно, и все былое. Заключеніе „О папашѣ и мамашѣ“ — это отъ избытка досады. О произведеніи всего этого судите по вашему усмотрѣнію.

„Съ „Халявскимъ“ посылается и „Панна Сотниковна“, любимица Анны Григорьевны. Ничего не скажу вамъ о ней; а скажите вы, когда прочтете. За нее было у меня большое преніе съ нашими умѣющими судить. Братъ мой, старшій меня и наблюдающій за честію націи, читавши, плакалъ и самъ подписалъ, что это истинное происшествіе, какъ оно и есть. Удостойте ее мѣста въ вашемъ „Современникѣ“, въ какой книжкѣ заблагоразсудите; если же найдете что̀ требующее измѣненія, по несообразности, по неестественности, возвратите и скажите, что̀ и ка̀къ передѣлать.

„Всю доходную часть отъ литературныхъ занятій моихъ, еще съ начала, я предоставилъ въ полное распоряженіе Анны Григорьевны, и присемъ убѣдительнѣйше прошу сказать со всею откровенностію, при теперешнихъ обстоятельствахъ, не озабочиваютъ ли васъ наши препорученія и не отнимаютъ ли времени, такъ нужнаго для васъ?“

XV.

18-го мая 1840 года.

„Вы, я думаю, видѣли въ „Пантеонѣ“ мою *комедію* ([74])? Она точно написана давно, была у меня брошена, попала, вовсе безъ цѣли, въ Петербургъ и, не спросясь моего желанія, помѣщена въ „Пантеонъ“. Я недоволенъ ею, а нѣкоторыя, хотя и ничтожныя выходки противъ нѣкоторыхъ, мнѣ не нравятся. Не люблю ихъ затрогивать! И такъ, если и вы недовольны моею комедіею, то знайте, что она поступила туда противъ воли и безъ вѣдѣнія моего, и я узналъ о ней вмѣстѣ съ выходомъ книжки. Въ чемъ и долженъ оправдаться предъ вами“.

(74) «Пріѣзжій изъ Столицы».

XVI.

3-го августа 1840 г. Основа.

„Изъ всѣхъ гг. журналистовъ, честнѣе всѣхъ поступила со мною редакція „Пантеона". Извинясь въ самовольномъ распоряженіи моею комедіею, поспѣшила доставить все, по разсчету, и съ большою заботливостью выслала все, что нужно было для Анны Григорьевны, а всего-то мелочей, *рублей на сто* съ небольшимъ. Это меня заставило поучаствовать въ ихъ изданіи и послать имъ мои комедіи, никуда, кромѣ ихъ, немогущія идти; да сверхъ-того, послалъ имъ кое-какія статьи мелкія.

„Прискорбно мнѣ было читать въ журналахъ, что будто у меня есть чрезъ комедію (75) какое-то соперничество съ Гоголемъ. Вотъ уже никогда не думалъ! и еслибъ это предвидѣлъ, *вѣрно никогда бы не выслалъ къ нимъ своей комедіи.* Тѣ же комедіи, кои послалъ въ „Пантеонъ", совсѣмъ другаго рода: одна изъ „Украинскихъ Дипломатовъ", другая также ни отъ кого не заимствована. Соперничать съ кѣмъ-нибудь никогда не помышлялъ, и еслибъ узналъ, что кѣмъ написанное—въ родѣ подобномъ моему, то скорѣе всего пріостановился бы и бросилъ свое".

XVII.

14-го декабря 1840 г. Основа.

„Пользуясь отсутствіемъ моей Анны Григорьевны, украдкою отъ нея, пишу къ вамъ, почтеннѣйшій другъ нашъ, Петръ Александровичъ, и все-таки съ безпокойною для васъ и убѣдительнѣйшею моею просьбою, вынужденный настоятельнымъ требованіемъ вашимъ относиться обо всемъ прямо къ вамъ.

„Анна Григорьевна имянинница 3-го февраля... Долго я вывѣдывалъ у нея, чтобы ей приготовить по вкусу ея, и наконецъ замѣтилъ, что ей хотѣлось бы имѣть шубу понаряднѣе и пристойнѣе, шу-

(75) Любопытно, что нѣкоторымъ казалось, будто Основьяненко въ этомъ случаѣ заимствовалъ у Гоголя планъ «Ревизора».

бу, какія нынѣ носятъ, съ крышею и воротникомъ, хотя бы въ тысячу рублей, на среднiй ростъ. Цвѣта крыши не умѣю вамъ выразить; но какой употребительный въ лучшемъ тонѣ.

„Она у меня одна въ мірѣ; ей желалъ бы доставлять все, чтобы она ни пожелала, и потому дружбою нашею умоляю васъ не потяготиться моимъ порученіемъ и не отказать — все прилично, и уложивъ все прочно, отправить чрезъ коммиссію транспортовъ, чтобъ чрезъ почту неотяготительно было огромностью поклажи. Не умѣю вамъ выразить, какое доставите мнѣ удовольствіе, сдѣлавъ ей нечаянность по ея вкусу и желанію, все это предполагаю, въ надеждѣ удачнаго сбыта книжекъ, умоляя васъ не подвергать себя собственно какимъ-либо издержкамъ...

„Оканчиваю повтореніемъ убѣдительнѣйшей просьбы не тяготиться моимъ послѣднимъ симъ препорученіемъ и не прежде исполнить по немъ, какъ когда способы за уплатою кареты будутъ позволять! Малѣйшее отягощеніе васъ въ этомъ случаѣ и всякая издержка ваша для насъ будетъ очень-прискорбна и Аннѣ Григорьевнѣ, вмѣсто утѣшенія, принесетъ огорченіе...

„Въ случаѣ невозможности нынѣ исполнить, можно отложить и до будущей зимы; главнѣйшее лишь бы вы не были ничѣмъ отягощены отъ насъ, чего мы въ правѣ требовать даже по дружбѣ нашей".

XVIII.

13-го сентября 1841 года.

„Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденія его и отъ нѣкоторыхъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изложена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ, она купила имѣніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцыза*. Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ*, то это не винитъ его.

Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія, какъ теперешніе *критики* не смотрятъ на цѣль сочиненія, а наблюдаютъ у мѣста ли поставлены *запятыя, ѣ, ы,* изящество бумаги и прочіе важные предметы...

„Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, то-есть, страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой человѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, еслибъ все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность и дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйствительно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодаго человѣка—вся сентенція, и потому нужно бы, чтобъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана".

XIX.

Письмо къ Жуковскому отъ 3-го декабря 1841 года.

„Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти и поставилъ лицо, страдающее отъ различныхъ угнетеній, не безъ разсудка вовсе, но по корыстолюбивымъ видамъ гонимаго до того, что его лишили даже воспитанія, на которое онъ, по роду и состоянію своему, имѣлъ полное право. За отнятіемъ сего блага, онъ страдалъ отъ того вездѣ и отъ всѣхъ цѣлую жизнь свою. Притомъ же, я полагалъ, что если онъ будетъ умнѣе, то не съ той уже точки будетъ смотрѣть на вещи и на все, встрѣчающееся ему, и перескажетъ уже не такъ, какъ прилично съ понятіями, одному ему свойственными".

Письма другихъ литераторовъ къ Основьяненкѣ.

I.

Письмо Михаила Николаевича Загоскина, отъ 1836 г. ноября 10-го (Москва).

„Я прочелъ съ удовольствіемъ комедію *Пріѣзжій изъ столицы*, которую вамъ угодно было, при вашемъ письмѣ, доставить ко мнѣ; въ ней есть сцены истинно-комическія, и еслибъ я получилъ ее прежде, чѣмъ *Ревизоръ* былъ данъ на здѣшней сценѣ, то она была бы непремѣнно принята; но, такъ какъ главная идея этой пьесы совершенно одна и та же, какъ и въ *Ревизорѣ* г. Гоголя, то я почти увѣренъ впередъ, что эта пьеса не можетъ имѣть успѣха. Публика всегда чрезвычайно строга къ *подражаніямъ*, а увѣрить ее едва ли будетъ можно, что эта комедія написана прежде комедіи *г. Гоголя;* впрочемъ, еслибъ это было и возможно, то и въ этомъ случаѣ ей покажется скучнымъ смотрѣть пьесу, которая во многомъ имѣетъ большое сходство съ пьесою, столько уже разъ игранною на петербургской и московской сценѣ.

„Пріймите, милостивый государь, искренное увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи къ автору комедіи „Дворянскіе выборы“, которая, вѣроятно, имѣла бы величайшій успѣхъ, еслибъ могла быть дана на здѣшней сценѣ“.

II.

Письмо Владиміра Ивановича Даля-Луганскаго, отъ 1840 года. (Число не означено).

„Золото, чистое, ненаглядное золото получилъ я отъ васъ въ подарокъ. Сколько у меня ни есть знакомыхъ, добрыхъ людей, въ вашихъ и другихъ мѣстахъ, сколько я ни старался вызвонить отъ нихъ что-нибудь, никогда и ни отъ кого не получалъ подобнаго подарка, никто не понялъ нужды моей такъ, какъ вы. Удивляюсь одному толь-

ко: какъ можно выпускать изъ рукъ такіе дорогіе запасы! Я говорю отъ души, никому бы не далъ этого, ниже первому и лучшему пріятелю своему, а скупился бы этимъ, какъ кладомъ ноопѣненнымъ и берегъ бы собственно для себя. Этого и за деньги достать нельзя, а у меня бы задаромъ никто не выпросилъ. Просить о продолженіи не смѣю; а надѣяться могу, ибо вы сами говорите: „вотъ вамъ, на первый случай“; слѣдовательно будетъ, или по-крайней мѣрѣ, могло бы быть другое? (76).

„Если я не успѣю приступить въ самомъ скоромъ времени къ отдѣлкѣ вашего жемчуга, то можете во всякомъ случаѣ быть увѣрены, что я не пророню ни одного словечка изъ тетрадки вашей, а все пойдетъ современемъ въ строку. Занятія этого рода меня утѣшаютъ и забавляютъ, радуютъ и питаютъ. Тотъ, кто нынѣ занимается изящною словесностью нашего парода, того помянутъ — коли не современники, такъ потомки. Пусть это будетъ мечта, сказка, да и не за былями же намъ гоняться...

„Сдѣлайте одолженіе, благодарите сердечно почтенаго издателя *Пословицъ* за присылку книжки своей; благодарите его вдвое за благую мысль—приступить къ этому собранію, и подстрекайте, „не шиломъ, такъ мыломъ“ продолжать собирать и издавать все то, что ходитъ въ свиткѣ да въ кожухѣ. Отчего у насъ *нѣтъ* доселѣ достойной изящной словесности; развѣ мы не тѣ же люди что Нѣмцы, да Голландцы? Или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ позаморски, русскими словами, и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ, и не могутъ понимать, такъ точно, какъ кяхтинскіе китайцы говорятъ по-англійски такимъ говоромъ, котораго никто на свѣтѣ не могъ бы признать за англійскій языкъ; и англичане понимаютъ ихъ только по навыку, по привычкѣ. Кто изъ русскихъ обжился съ словесностью

(76) Любопытно бы видѣть въ печати всю посылку, которую получилъ почтеннѣйшій В. И. Даль отъ Основьяненка, его *Сказки*. Въ I томѣ «Повѣстей, сказокъ и разсказовъ Казака Луганскаго» изд. 1846 г., на 452—474 стр., напечатана только сказка «Вѣдьма» съ примѣчаніемъ на 454 стр.: «Сказку эту прислалъ мнѣ тоже казакъ Грицько - Основьяненко, коли знавали его».

нашею, тотъ читаетъ, кой-что понимаетъ; кто примется читать, надѣясь только на здравый умъ и на русскій языкъ, на коренной, простой русскій языкъ, тотъ будетъ стоять и слушать, какъ англичанинъ китайца. И лучшія произведенія знаменитѣйшихъ нашихъ писателей хвораютъ этою болѣзнію; все, что они пишутъ, нерусское по духу, нерусское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него какъ на прекрасный *переводъ* съ иностраннаго; а скажите, что это родное и вамъ природный русскій скажетъ: неправда. Но я залепортовался, и отмололъ съ плеча три страницы, писать на четвертую: „милостивый государь, вашъ—и проч.", да и печатать. Но я еще вспомнилъ: полно, разобрали ль вы моего „Пѣтушка"? Я такъ могу похвалиться, что у меня рѣдко кто, какъ полѣзетъ рыться въ бумагахъ, разберетъ то, что не для него написано; разобрались и хохлацкія вставочки?

„И у меня бѣда похожа на вашу. Я, что ни посылаю въ Питеръ, все, какъ чорту на голову: не добиться ни складу, ни ладу, ни толку, ни отвѣту. Трудно печатать, коли не жить въ типографіи... Еще разъ благодарю за „Климку—Злодѣя", за „Краденный Зубъ" и за „Вѣдьму", съ коими имѣю честь пребывать и проч."

Письма Е. П. Гребенки къ Основьяненкѣ.

III.

На малороссійскомъ языкѣ, отъ 14-го сентября 1838 года. С.-Петербургъ.

„Давно, дуже давно я васъ знаю, добродію; не одынъ разъ я одводывъ душу, балакаючи зъ вами, не разъ плакавъ видъ щираго серця, слухаючи вашихъ казокъ, або реготавсь, якъ той козакъ, до не змогу — отъ що! А вы ёго й не знаете! Ще недавно отце я вамъ казавъ, та й не я одинъ, а вси наши — превелике спасиби за *Козыръ-дивку;* зъ биса десь була гарна дивчина! Я читавъ ваше такежъ рукописне, у цензури; прочитавъ, та ажъ облизавсь! Тай подумавъ: Господы мій милостивый! якъ то народъ пише гарно по нашому, и чомъ отъ у тіи журналы ничого такого не берутъ? А дали

згадавъ, що и у мене ѐ зо дви, чи зо три приказокъ, тя ѐ знаемый чоловикъ Котляревскій, та ще може зо два такихъ, що пишуть христіяньскою мовою, тай кажу соби: а нехай я поклонюсь добрымъ людямъ, та сберу невеличкій „Сбирнычокъ", нехай соби ходыть по билому свитови, хай потиша православныхъ! Эге, такъ? Такъ я до васъ зъ прошеніемъ: будьте ласкави, пане Грицьку, пришлите якій нибудь казень — люблящому и почитающому васъ землякови *Е. Гребинци*. — P. S. Не можете ли достать чего малороссійскаго у Гулака-Артемовскаго?"

IV.

Помалороссійски и порусски, отъ 12-го октября 1838 года.

„А мабуть то мало и я зрадовавсь, якъ получивъ видъ васъ одвитъ, мій коханый паночку! Бо бачите, я хоть и мавъ васъ за доброго чоловика, та все-таки не знавъ вашои натуры, думавъ и такъ и сякъ, и тее сее. Жду и не дождусь „Оксаны"! И отбою нема одъ нашихъ хлопцивъ; а ихъ таки тутъ ѐ зъ московскій десятокъ! Якъ я имъ сказавъ, то тилько й ричи: „а що, пріихала?" Я й гримну на нихъ: „Та кажу, що ни! адвьяжитця видъ мене!" то воны й пидуть сердешни, носы повисивши, мовъ тіи лелеки, далеби що правда! — На ваше предложеніе объ изданіи „Литературныхъ Прибавленій" на малороссійскомъ языкѣ я говорилъ съ журналистами, и согласилъ Кр.*** издать четыре „Прибавленія" въ годъ при новомъ журналѣ, съ 1839 г., „Отечественныя Записки". Всѣ литераторы, которые имѣютъ въ себѣ довольно гордости и не могутъ подчиняться деспотизму Сен—***го, будутъ въ немъ участвовать: всѣ порядочные люди. Редакція поручила мнѣ пригласить васъ участвовать и на русскомъ языкѣ! — До зобаченья же, мій коханый пане; нехай видъ васъ одмахуютъ крыльцями Божи янголы усяку напасть; нехай ваша доля насыпа ваши коморы борошномъ и кишени золотомъ; нехай ваша жинка и диточки (77) цвитуть, якъ макивочки: сѐго щиро бажа васъ ду-

(77) Основьяненко былъ бездѣтенъ...

же кохающій *Е. Гребинка.* (Приписка на боку листа): Не здивуйтесь, що погано попысано! Така моя вдача: не вивчилы добри люде краще писати".

V.

Отъ 18-го ноября 1838 года, помалороссійски и по русски.

„Добре, добре, паночку! Хибажъ я коли видъ дила цуравсь? Я й самъ свыту знявъ бы, та робывъ бы, абы було що! Изданіе „Прибавленій" должно быть подъ моимъ смотрѣніемъ, бо я трохи тямлю чоловичеську мову... Мы мусимо зробыть чотыри книжки: першу у марти, другу у конци мая, або у іюни, третю къ Семену, або къ Воздвиженью, а четверту у Пилипивку, геть туды къ Риздву, писля Саввы, або Зачатія. А ще тутъ е у мене одинъ землякъ Ш***о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ёму сей та той! Якъ що напише, тильки цмокни, та вдарь руками объ полы! Винъ мини давъ гарныхъ стихивъ на Сбирникъ. А отти бандуристы, що вы прислали мини, щось не тее! Ноты, коли хочете прислать, то краще зъ басомъ, бо басъ у музыци, якъ чоловикъ у семьи, не дуже то выспивуе, але дае усёму порядокъ, винъ голова... Уже, якъ хочете, а я вамъ признаюсь, паночку, що люблю вашу жинку, зроду не бачивъ, а чуючи, що вона дуже стало-быть мудрая. Краевскій чрезвычайно радъ видѣть вашего Халявскаго... Въ 1 № будетъ Марлинскаго: „Записки зачумленнаго офицера"—объяденіе! Изъ письма вашего вижу, что вы знаете Аѳанасьева; гдѣ онъ пропадаетъ? дайте ему мой адресъ и попросите написать ко мнѣ. Бувайте здоровы, зъ жиночкою!"

IX.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ ОСНОВЬЯНЕНКА.

(Съ 1816 по 1849 годъ).

Сочиненія, по малороссійски и по русски, печатанныя при жизни.—Сочиненія, изданныя съ 1843 года, по смерти.—Неизданныя сочиненія.

Въ заключеніе статьи нашей о Квиткѣ, и въ облегченіе будущаго издателя *Полнаго собранія его сочиненій*, приводимъ хронологическій списокъ этихъ сочиненій, составленный нами съ большимъ трудомъ, потому-что почти никто изъ русскихъ авторовъ такъ не разбрасывалъ своихъ произведеній, какъ Квитка. Исчисляемъ ихъ по годамъ.

Если сочиненіе подписано прямо именемъ Квитки или псевдонимомъ Основьяненка, принадлежность его нашему автору не нуждается въ объясненіяхъ; когда же оно подписано другими, не столь извѣстными псевдонимами, или осталось безъ подписи, указываемъ эти псевдонимы или соображенія, на которыхъ приписываемъ статью Г. Ѳ. Квиткѣ, если эти основанія не приведены ужь въ нашей статьѣ.

1816 годъ (78). 1) *Статьи объ Институтѣ и Благотворительномъ Обществѣ въ Харьковѣ.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ, мѣсяцы: январь, апрѣль и май, на стр. 94—101, 238—247, 358—371, 108 — 115 и 291. 2) *Письма Ѳалалея Повинухина.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1816 годъ. на стр. 130—255 и 263, первыхъ мѣсяцевъ. Надписи: «февраля 8-го, 1816 года. *Село... очень-извѣстно, и потому не скажу*» въ другомъ: *Съ будущей кружевной фабрики*, въ третьемъ: *Фабрика еще не поспѣла.* Безъ подписи. 3) *Стихотворенія.* Въ «Харьковскомъ Демокритѣ» за 1816 годъ. Въ январѣ, на стр. 50—61, напечатано стихотвореніе: *Воззваніе къ женщинамъ*, на стр. 112—114-й стихотвореніе: *Не хочу;* въ мартѣ, стихотвореніе: *Мнѣ*, а далѣе, на стр. 118-й: *Двойные акростихи;* на имена «Марія», «Лиза», «Паша», «Софья» и «Надя».

1817 годъ. 4) Письмо: *Къ нынѣшнимъ издателямъ Украинскаго Вѣстника.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, № 1, часть V, стр. 128 —130. 5) Еще *письмо* къ *издателямъ Ѳалалея Повинухина.* Въ «У-

(78) Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., ч. XXIII, № 30, стр. 145 помѣщена безъ подписи статья: *Харьковское Общество благотворенія.* По мнѣнію г. Тихонравова, указавшаго намъ эту статью, она принадлежитъ также Квиткѣ. Если кто-нибудь другой изъ тогдашнихъ харьковцевъ не былъ корреспондентомъ «Сынъ Отечества» такъ Основьяненко началъ печатать съ 1815 года.

краинскомъ Вѣстникѣ» за 1817 годъ, часть VIII, стр. 121. Въ заглавіи стоитъ, очевидно вымышленная, замѣтка: *Эпифанскій уѣздъ*

1818 годъ. 6) *Харьковскія записки. Письма къ издателямъ.* Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» за 1818 годъ, часть XI, стр. 105 — 107, и въ XII части, стр. 105—109. 7) Письмо Квитки, въ журналѣ Человѣколюбиваго Общества. 1818 т. I.

1820 годъ. 8) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы», издаваемомъ Каченовскимъ. Москва. 1820 года за мартъ, № 5, стр. 5—11, май, № 10, стр. 150 — 155 и іюнь, № 11, стр. 223 — 229. Подписи: *Аверьянъ Любопытный*, *состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ*, *имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ. Марта 1-го дня, 1820 года. Сыромятники*; въ другомъ: *1—19;* въ третьемъ: *А. Шестириковъ. Городъ Т.*

1821 годъ. 9) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1821 годъ, № 5, стр. 66—70, 112—119, съ подписью: *Юноша Бѣлаго города;* также, за ноябрь, № 21 съ подписью: N. N.

1822 годъ. 10) *Письма къ Лужницкому Старцу.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, № 4 февраль, стр. 301—314, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ;* № 7 апрѣль, стр. 232—235, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ. Апрѣль, 7-го дня 1822 г. Ѳалалеевка;* № 9 и 10 май, стр. 141 — 145, съ подписью: *Ѳалалей Повинухинъ;* № 11 и 12, стр. 302—310, съ подписью: N. N. 11) *Малороссійскіе анекдоты.* Въ «Вѣстникѣ Европы» за 1822 годъ, ноябрь, стр. 61—68, числомъ пять, и въ томъ же нумерѣ еще два, на стр. 157 — 162. Всѣ анекдоты: *безъ подписи* (разсказаны смѣсью русскаго языка съ малороссійскимъ).

1828 годъ. 12) Каламбуръ—стихи, съ подписью: Квитка, въ альманахѣ «*Опытъ русской Анѳологіи*» *Мих. Яковлева.* Спб. 1828 года, стр. 70.

1829 годъ. 13) *Дворянскіе выборы* — комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ. Москва, 1829 года, in 16°. Безъ имени автора.

1830 годъ. 14) *Дворянскіе выборы. Часть вторая или: Выборъ исправника*, *комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ*, *въ прозѣ*, *Москва* (вышла отдѣльною книгою, въ другомъ, нежели первая часть, форматѣ in 8°) (79).

1831 годъ. 15) *Шельменко*, *волостный писарь.* Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Москва in 8°. Безъ имени автора (смѣсь малороссійскаго съ русскимъ языкомъ).

(79) Въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1846 г. № 9, въ статьѣ *И. И. Срезневскаго*: *Очерки книгопечатанія въ Болгаріи* на стр. 23 й говорится: «Вотъ наконецъ и еще одна книга: *Дворянскіе выборы*, Комедія-водевиль въ едно дѣйствіе Переводена отъ русскій атъ езыкъ. Кишново. 1843 (63 и V стр. in 8)». Имени автора не означено, и мы не знаемъ, принадлежитъ ли эта пьеса Квиткѣ.

1832 годъ. 16) *Харьковская Ганнуся.* Повѣсть, въ русскомъ переводѣ, г. Погодина, въ «Телескопѣ», за 1862 годъ, часть VII, стр. 192—363 и 482 (*имени автора неупомянуто*, ни въ примѣчаніи редактора, ни самимъ переводчикомъ). *Въ малороссійскомъ подлинникѣ*, значительно пополненная, эта повѣсть издана отдѣльно, подъ названіемъ: *Ганнуся. Разсказъ Грицька — Основьяненка.* Харьковъ. 1839 года; въ 16°. Надпись: *Любови Яковлевнѣ Кашинцовой посвящаетъ Основьяненко.*

1833 годъ. 17) *Суплика до пана издателя.* Съ подписью: «Лыпця, у пьятсе число, 1833 року». *Грицько Основьяненко.* Въ Альманахѣ: «Утренняя Звѣзда» собраніе статей въ стихахъ и прозѣ. Харьковъ. 1833 года, 3—7 стр. 18) *Украинское утро.* Отрывокъ. Тамъ же, и съ полною подписью (на стр. 9—43). Въ этомъ же альманахѣ впервые напечатана извѣстная повѣсть Основьяненка: 19) *Солдатскій патретъ.* Побрехѐнька. Стр. 44—48.

1834 годъ. 20) *Малороссійскія повѣсти*, разсказываемыя Грицькомъ Основьяненкомъ. Москва. 1834 и 1837 года. *Двѣ части*, въ 16-ю долю листа *(на малороссійскомъ языкѣ). Второе изданіе* въ Харьковѣ, 1841 года, съ пятью картинками, гравированными на стали. Содержаніе: 1-я часть, 1) *Солдатскій портретъ* (стр. 6—60) па заглавномъ листѣ прибавлено: «Латиньска побрехѐнька, по нашему разсказана»; 2) *Маруся* (стр. 63—313); 3) *Мертвецкій великъ день* (стр. 317—380); II-я часть (изданная уже въ 1837 году, хотя процензированная въ 1834 г.); 4) *Дѣлай добро, добро и тебѣ будетъ*, стр. 5—106; 5) *Конотопская вѣдьма*, стр. 110—347 и 6) *Вотъ тебѣ и кладъ!* стр. 351—441. Всѣ эти повѣсти переведены на русскій языкъ. *Солдатскій портретъ* въ переводѣ Даля, напечатанъ въ «Современникѣ» 1837 года, 7-й томъ, стр. 108—138, и въ этомъ же переводѣ перепечатанъ въ альманахѣ г. Кукольника «Сказка за сказкой» 1842 года, т. 3, стр. 1—32, съ припиской: «Съ малороссійскаго разсказана». Въ малороссійскомъ же подлинникѣ впервые напечатана эта повѣсть въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» 1833 года. *Маруся* въ переводѣ *В. Н. С.*, напечатана въ «Современникѣ» (1838 года, XI часть). *Мертвецкій великъ-день* въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIII часть). *Дѣлай добро, добро и тебѣ будетъ*, порусски напечатанъ въ «Современникѣ» 1839 года (XIV часть). *Конотопская вѣдьма* порусски напечатана, въ «Современникѣ» 1839 года (XV часть). *Вотъ тебѣ и кладъ!* порусски напечатана въ «Литературной Газетѣ» 1839 года.

1836 годъ. 21) *Сватанье на Гончаровкѣ.* Малороссійская опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, на *малороссійскомъ языкѣ.* Съ надписью. *Сочиненіе Основьяненка* Харьковъ. 156 стр. въ 8-ю долю, 1836 года. Второе

изданіе, также въ Харьковѣ, въ 1840 году. 22) *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іосафа Горленко, епископа Бѣлоградскаго. Кіевъ.* 61 стр. in 8⁰ 1836 года, *безъ имени автора. Примѣчаніе.* У. Н. Ю. Квитки мы видѣли подлинникъ этой статьи, писанный рукою Основьяненка, съ помарками. При жизни его рѣдко кто зналъ объ этой брошюркѣ. Въ подлинникѣ о ней прибавлено: «Взято изъ собственноручныхъ записокъ Іосафа Горленка и другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, съ приложеніемъ извѣщенія о жизни святаго Аѳанасія, патріарха Константинопольскаго, коего мощи почиваютъ въ Лубенскомъ Мгарскомъ Монастырѣ». Рукопись въ большомъ форматѣ, на синей бумагѣ, въ 24 листа. При словѣ о «Лубенскомъ Монастырѣ», авторъ сдѣлалъ оговорку: «Сколько было мнѣ возможно узнать *въ бытность мою въономъ монастырѣ*».

1838 годъ. 23) *Козырь дивка.* Повѣсть *(по малороссійски)* Санктпетербургъ. 1838 года, въ 16 ю долю. Порусски напечатанъ въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII. 24) *Краткое историческое свѣдѣніе о Харьковской губерніи. Основаніе Слободскихъ полковъ.* Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1838 г, № 1. 25) *О Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи.* Въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1838 годъ, № 3, (стр. 29—33); № 4 (35—39); № 5 (43—49); № 6 (стр. 51—55); № 7, (стр. 65--69); № 8 (стр. 73—75); № 11 (стр. 101—104); № 13 (стр. 113—119); № 18 (стр. 166—169), № 20 (стр. 183—187); № 22 (стр 199--201); № 23 (стр 207—209); № 24 (стр. 215 -- 219); № 25 (стр. 225 -- 227); № 26 (стр. 223—235).

1839 годъ. 26) *Листы до любезныхъ землякивъ* («Введеніе» и «четыре листа»). Харьковъ. 1839 года, въ 8-ю долю листа *По малороссійски.* 27) *Вотъ любовь.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1839 года, № XVI. Въ «Современникѣ» же 1840 года, № XVII (стр. 104 — 111, 3-й нумераціи) напечатанъ, въ новой передѣлкѣ, *конецъ этой повѣсти,* какъ замѣчаетъ редакторъ: «Въ избѣжаніе повторенія конца прежней повѣсти *Маруся,* схожей съ судьбою героини: *Вотъ любовь,* поэтической Гàлочки. Въ ссылкѣ, этотъ передѣланный конецъ относится авторомъ къ 105-й страницѣ, подлѣ 7 й строки, въ текстѣ повѣсти, напечатанной въ № XVI «Современника» за 1839 годъ. 28) *Торговля шерстью* Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года № 51 стр. 328—330. Подпись (буквы наоборотъ) *К. Г.* 29) *Головатый* (матеріалъ для исторіи Малороссіи). Историческая монографія. Въ «Отечественныхъ запискахъ» 1839 года, въ 6-мъ томѣ. 30) *Панъ Халявскій.* Романъ, въ двухъ частяхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839

года, въ 4-мъ томѣ, первая часть: стр. 5 — 73, вторая часть: стр. 144—206. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатанъ только *первый томъ* (часть 1-я и 2-я) романа, дѣтство и юность героя. Оба тома вышли отдѣльною книгою въ Петербургѣ, въ 1840 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Сочиненія Основьяненка*; *Панъ Халявскій*. Санктпетербургъ. 1840. При книгѣ два рисунка, на камнѣ: «Проводы дѣтей въ городъ» и «Обученіе пѣнію у дьячка, посредствомъ дранья за уши». 31) *Скупецъ*. Эпизодъ изъ книги: *Жизнь и похожденіе Петра Степановича Пустолобова*, *помѣщика въ трехъ помѣстничествахъ*. Въ «Новогодникѣ» — собраніи сочиненій въ стихахъ и прозѣ современныхъ русскихъ писателей, изд. Н. Кукольника, 1839 г.; стр. 22—42.

1840 годъ. 32) *О слободскихъ полкахъ*. Историческое изысканіе. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVII, съ подписью: *Г. Θ. К.* 33) *О новой книгѣ* (листы до любезныхъ земляковъ). Статья въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1840 года № 1. 34) *Украинскіе дипломаты*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XVIII. 35) *Шельменко-деньщикъ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Харьковъ, въ 6-ю д. л. (Смѣсь русскаго съ малороссійскимъ языкомъ). Комедія эта передѣлана изъ повѣсти: *Украинскіе дипломаты*. 36) *Панна Сотниковна*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XIX, стр. 1—67, 2-й нумераціи. 37) *Ложныя понятія*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года № XIX, стр. 68—163, 2-й нумераціи. Обѣ повѣсти: *Панна Сотниковна* и *Ложныя понятія*, развиваютъ рѣшительно одинъ и тотъ же сюжетъ, только въ двухъ различныхъ развязкахъ, и напечатаны въ одномъ нумерѣ журнала. 38) *Званые гости*. Полемическій фельетонъ о журналахъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, подпись: *Т. А—въ. Марта 27-го дня. 1840 года. Хуторъ песчаный.* Общимъ оглавленіемъ «Современника» (до послѣдней его редакціи), эта статья и псевдонимъ приписаны Основьяненку. 39) *Городъ Харьковъ*. Описательный разсказъ. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX, безъ подписи. По словамъ П. А. Плетнева, этотъ разсказъ принадлежитъ Основьяненку. 40) *Ярмарка*. Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1840 года, № XX. 41) *Перекатиполе*. Разсказъ. Въ «Маякѣ» 1840 года. Перепечатанъ въ альманахѣ «Молодикъ» 1843 года, II части. 42) *О правописаніи малороссійскаго языка*. Статья: Г. Основьяненка. Въ «Маякѣ» за 1840 годъ; часть 4, стр. 4 — 6, въ смѣси. 43) *Божія дѣти*. Повѣсть. Въ альманахѣ «Утренняя Заря» за 1840 годъ. 44) *Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ*. Оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Грицька Основьяненка. Въ «Пантеонѣ», за 1840 годъ № 3, на заглавной страницѣ надпись: *писано въ 1827 году*.

1841 годъ. 45) *Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ. Рукопись XVII вѣка.* Три части. — Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 114 — 166, помѣщены отрывки изъ этого романа; именно: главы X, XI, XXI, XXII и XXIII. Писанъ ранѣе «Халявскаго», какъ видно изъ корреспонденціи автора. 46) *Мемуары Евстафія Мякушкина.* Полемическій фельетонъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXI, стр. 1—34, въ отдѣлѣ критики. 47) *Фенющка.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII. 48) *Герой очаковскихъ временъ.* Повѣсть. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXIII. 49) *Украинцы.* Очеркъ. Въ «Современникѣ» 1841 года, № XXII, стр. 75 - 85, *безъ подписи.* По словамъ П. А. Плетнева, этотъ очеркъ принадлежитъ Основьяненку. 50) *Добрый панъ.* Разсказъ. Въ альманахѣ «Кіевлянинъ» за 1841 годъ (книга вторая). *Примѣчаніе.* Въ этой книгѣ, между-прочимъ, напечатана статья издателя М. М. « О правописаніи малороссійскаго языка ». *Письмо къ Основьяненку* (стр, 153 — 180). 51) *Пархимово сниданьня.* Очеркъ. Въ альманахѣ Гребенки, «Ластовка» 1841 года, стр. 251—278 (по малороссійски). 52) *На пущаньня якъ завьязано.* Въ альманахѣ « Ластовка » за 1841 годъ (по малороссійски). 53) *Сердешна Оксана* ([80]). Повѣсть, по малороссійски. Въ «Ластовкѣ» 1841 года. Переведена, порусски, въ «Москвитянинѣ» 1842 года. 54) *Маргарита Прокофьевна.* Повѣсть. Въ «Москвитянинѣ» 1841 года часть V. 55) *Знакомые незнакомцы.* Разсказъ. Въ « Литературной Газетѣ » 1841 года, №№ 1 и 3, за 2-е и 7-е января. 56) *Ботфортъ.* Разсказъ штаб-лекаря, Пахома Пампушкина. Въ «Литературной Газетѣ» 1841 года, №№ 53 и 54. 57) *Театръ въ Харьковѣ.* Въ « Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ » 1841 г., № 2 (стр. 287—295), № 33 (стр. 300—303) и № 34 (стр. 310—314). 58) *Исторія театра въ Харьковѣ.* Въ « Литературной Газетѣ » 1841 года, №№ 114 и 115 (перепечатка предъидущей статьи). 59) *Знахарь.* Разсказъ. Въ альманахѣ: «Наши списанные съ натуры русскими». Изданіе Я. А. Исакова. Санктпетербургъ 1841 года, стр. 124—154. Съ тринадцатью политипажами. 60) *Разсказъ.* Небольшой анекдотъ, въ альманахѣ: «Русская бесѣда». Часть 2-я Санктпетербургъ, 1841 г.

1842 года. 61) *Друзья.* Разсказъ Въ « Литературной Газетѣ » 1842

(80) Переведена въ Парижѣ, въ 1854 году, подъ названіемъ: «Oksana ou l'orgueil villageois et ses Ravages, ou l'histoire grave et veridique de 35 kopecks, ancienne chronique de l'Ukraine — par Kwitka, traduit par M Charlotte Moreau de la Meltière, 1854, Paris, in 12o — перепечатана еще подъ именемъ «Сердечная Оксана» съ подписью Основьяненко, въ 1855 г.. въ Львовѣ, въ 1-й книгѣ, 1-го года «Семейной библіотеки» ежемѣсячнаго сочиненія, посвященнаго исторіи литературы и пр. Северина - Шеховича.

года, № 4. 62) *Вояжеры.* Фантазія. Въ «Литературной Газетѣ» 1842 года, №№ 26—27 и 28. 63) *Быль.* Разсказъ, на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Маякѣ» 1842 года, томъ III, книга V, въ Смѣси, въ два столбца, одинъ на малороссійскомъ языкѣ, а другой въ русскомъ переводѣ. 64) *Преданія о Гаркушѣ.* Историческій очеркъ, въ сценахъ. Въ «Современникѣ» 1842 года.

1843 года 65) *Двѣнадцатый годъ въ провинціи.* Повѣсть. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843 года; томъ XXVII. 66) *Основаніе Харькова. Старинное преданіе.* Въ «Молодикѣ», альманахѣ И. Бецкаго, на 1843 годъ; часть 1-я. При этомъ выпускѣ «Молодика» приложенъ *портретъ Основьяненка*, работы С. М. Башилова, единственный, какой былъ до изданнаго нами, 67) *Умныя дѣти.* Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года, за мартъ. 68) *О святой мученицѣ Александрѣ царицѣ.* Разсказъ. Въ «Звѣздочкѣ» 1843 года.

Чрезъ мѣсяцъ, по напечатаніи этого разсказа, Основьяненко скончался. Нѣкоторые труды его изданы по смерти, а нѣкоторые остаются донынѣ въ рукописи. Исчислимъ ихъ, на сколько позволяютъ намъ собранныя свѣдѣнія.

Въ томъ же году: 69) *Пидбрехачь.* Анекдотъ по малороссійски. Въ «Молодикѣ» на 1843 годъ, часть II, стр. 104—108. Подпись: *Основьяненко.* 70) *Народныя воспоминанія, когда и для чего поставлены пушки близь дома Дворянскаго Собранія въ Харьковѣ.* Въ «Литературной Газетѣ» 1843 года; № 36, стр. 656—658, подпись: *Г. Ѳ. Квитка—Г. Основьяненко* 71) *Отвѣтъ г-ну Тихорскому* на его статью въ сентябрской книжкѣ «Маяка», за 1842 г., въ критикѣ на сборникъ г. Корсуна «Снипъ»; Въ «Маякѣ» за 1853 г.; томъ X, стр. 34—37. По случаю этому, на 37 стр. тамъ же помѣщена, статья Н. Тихорскаго: *До пана Основьяненка*

1844 годъ. 72) *Татарскіе набѣги, выдержки изъ памяти.* (Любопытныя записки старожила о Харьковской старинѣ). Въ «Сказкѣ за сказкой» альманахѣ Н. В. Кукольника. Томъ IV. 1844 года. Стр. 67—162.

1845 годъ. 73) *Вояжеры.* Комедія въ пяти дѣйствіяхъ: *Г. Основьяненко.* Въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1845 годъ, въ 75-мъ томѣ; стр. 9—104.

1846 годъ. 74) *Безсрочный.* Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846 г. январь. Въ III Отдѣлѣ *(Нравоописатель)*: Грицька Основьяненка.

1848 годъ. 75) *Мертвецъ-шалунъ*, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ; въ № 12 стр. 1—34. «Реператуара» 1848 г., подпись: *Грицько Основьяненко.* 76) *Щира любовь, або милый дорогши счастя.* Драма, по малороссійски.

Въ альманахѣ г. Амвросія Метлинскаго «Южно-русскій сборникъ» за 1848 годъ; стр. 1—88, 5-й нумераціи. Надпись: *Грицька Основьяненка. Григорія Квитки.* *Выложена изъ бувальщины.* Эта драма взята изъ повѣсти того же содержанія, напечатанной въ «Современникѣ» 1840 г., подъ именемъ: *Вотъ любовь!* — А. Н. Островскій перевелъ драму *Щира любовь* для русской сцены, и она дана, три года назадъ, въ Москвѣ, въ одинъ изъ бенефисовъ; но, несмотря на имя двухъ авторовъ, не имѣла успѣха, за отсутствіемъ актеровъ, которые бы знали языкъ Малороссіи.

1849 годъ. 77) *Г. Ө. Квитка о своихъ сочиненіяхъ.* Статья въ «Москвитянинѣ» за 1849 годъ, № 20, книга 11-я, стр. 327—334. Въ примѣчаніи сказано: *изъ оставшихся бумагъ; доставлена И. Ю. Бецкимъ.*

1863 годъ. 78) *Планъ романа изъ жизни Мировича и записки о немъ Г. Ө. Квитки* (Основьяненко). Въ русскомъ архивѣ, П. Бартенева, 1863 г., 2-й выпускъ. Москва, стр. 160 — 170, при письмѣ къ Погодину.

Въ письмахъ къ издателю «Пантеона» Ө. А. Кони, и въ другихъ, Основьяненко упоминаетъ еще о комедіи: *Ясновидящая*, которая была послана въ Петербургъ, но не была напечатана. Основьяненко упоминаетъ въ тѣхъ же письмахъ еще о разныхъ неизданныхъ его вещахъ; о комедіи: *Турецкая шаль*, о статьѣ: *Волчанскъ*, объ оперѣ: *Купало на Ивана* и др. — К. М. Сементовскій называетъ также неизданное сочиненіе Основьяненка: *Краткая малороссійская исторія, на малороссійскомъ языкѣ, для простолюдиновъ.* Въ 1847 году, поставлена на сцену комедія Основьяненка: *Бой-жинка.* Эта пьеса также не напечатана. Въ рукописяхъ покойнаго, которыя переданы намъ, находится нѣсколько упомянутыхъ уже нами неизданныхъ стихотвореній его и *Маршъ*, съ музыкою для фортепьяно, его сочиненія. Другія посмертныя рукописи нашего автора, переданныя женою покойнаго другому лицу, бывшему однимъ изъ близкихъ къ Основьяненку, заключаютъ еще нѣсколько стихотвореній, неперебѣленный списокъ повѣстей: *Очки* и *Губернскія сцены*, и планъ *Комедіи* на малороссійскомъ языкѣ. Въ «Молодикѣ» (въ статьѣ объ украинской литературѣ), упоминается еще о разсказѣ Основьяненка: *Готоропъ.* В. И. Даль упоминаетъ въ письмѣ къ намъ его сказки, присланныя ему въ рукописи и неизданныя: *Климка-злодѣй, Украденый зубъ* и *Вѣдьма.* Послѣдняя сказка издана въ переводѣ Даля-Луганскаго; какъ мы видѣли выше, въ видѣ повѣсти, въ собраніи его «Повѣстей и разсказовъ», вышедшемъ въ 1846 году, въ I т. на стр. 352—474, съ выноскою, что доставлена въ подлинникѣ Квиткою. И. А. Корсаковъ упоминаетъ еще о статьяхъ: *Вол-*

чанскъ и *Бесѣды о спасеніи души;* также объ операѣ: *Купало на Ивана.*

Наконецъ, сюда же относятся всѣ собственноручныя *письма Основьяненка* къ литераторамъ и друзьямъ, впервые публикуемыя въ нашемъ трудѣ въ отрывкахъ...

IV.

ХАРЬКОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(Съ 1732 по 1865 г.).

IV.

ХАРЬКОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(Съ 1732 по 1865 г.).

Харьковская губернія, еще до 1835 года носившая имя Слободской Украйны, населилась, не далѣе 17 столѣтія, бѣглыми днѣпровскими казаками и другими жителями западной Малороссіи, въ новыхъ колоніяхъ искавшихъ спасенія отъ тогдашнихъ польскихъ смутъ.

Въ качествѣ казацкой колоніи, Слободская Украйна несла съ остальною Малороссіей общую судьбу и въ отношеніи первыхъ попытокъ народнаго образованія.

Шафонскій ([1]) говоритъ: „За полтораста и болѣе лѣтъ назадъ, будучи Малая Россія подъ державою польскою, завела у себя въ монастыряхъ латинскія школы. Въ сихъ училищахъ прежде, кромѣ латинскаго и польскаго языка да нѣсколько Аристотелевой древней философіи, краснорѣчія о богословія, никакихъ наукъ не обучали. Въ позднѣйшее время стали нѣсколько греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и по новѣйшей и яснѣйшей Баумейстеревой философіи учить; но все сіе ученіе весьма слабое и недостаточное. Бѣдное содержаніе учителей, а оттого и недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и въ книгахъ, причиною, что наука и просвѣщеніе по сіе время въ семъ краѣ весьма въ худомъ и бѣдномъ состояніи находится. Должно малороссіанамъ ту справедливость отдать, что они охотно

(1) «Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества 1786 года» изд. 1851 г. 31—35 стр.

въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти, съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многія изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (писано въ 1786 г.) когда малороссіяне, кромѣ самой Малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучась дома русской грамоты, вступали въ латинскія школы и, обучась тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ нимало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ, — такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся".

Эти-то польско-латинскія школы при монастыряхъ въ Малороссіи были разсадниками грамотности въ тѣхъ сельскихъ и приходскихъ школахъ, которыя оказываются во многихъ деревняхъ и нынѣшней харьковской губерніи въ царствованіе Петра I, и еще болѣе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Авторъ „историко-статистическаго описанія харьковской губерніи, преосвященный Филаретъ, у котораго были подъ рукой всѣ мѣстные церковные архивы, говоритъ: (изд. 1852 г. стр. 14—15): „При обозрѣніи церквей мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при многихъ церквахъ —въ 1732 году—были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому — читать и писать. Ставленники, согласно съ духовнымъ регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Но каковы были священники въ приходахъ? получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились они знать догматовъ вѣры и многіе не видали и въ рукахъ своихъ книжки послѣ священія своего.—

Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопопіи были проповѣдники для обученія народа истинамъ вѣры и благочестія, въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтыри". — Священникамъ поэтому разослали книгу о тайнахъ, съ объясненіемъ ихъ званія и обязанностей. Но въ 1752 году преосвященный Іосафъ Горленко нашелъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей епархіи 10 такихъ священниковъ, которые „совершали литургію на испортившемся винѣ, вопреки наставленію разосланной книжки, и были до того грубы и нерадивы, что даже не прочли этой книжки" какъ не читали ничего на свѣтѣ...

Въ „историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи" столько богатомъ матеріалами для исторіи мѣстной старины, добытыми въ въ приходскихъ церковныхъ и городскихъ архивахъ, упоминаются слѣдующія народно-церковныя школы начала XVIII вѣка въ губерніи. — По переписи 1732 года упоминаются: близь Харькова въ г. Куряжѣ „при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе, и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ";—въ г. Харьковѣ при троицкомъ храмѣ „кромѣ богадѣльни, школа съ 7 наставниками—дьячками"—(стр. 44—46) въ 15 верстахъ отъ Харькова, въ селѣ Деркачахъ „школа и шпиталь, богадѣльня"—(140 стр.); въ 30 верстахъ отъ Харькова „въ селѣ Должикѣ школа, а въ селѣ Рогозянкѣ школа и шпиталь"—(154 стр.); въ городѣ Валкахъ: „школа и шпиталь" - (194 стр.); въ селѣ Новой-Водолагѣ въ томъ-же 1732 г. показаны двѣ школы, на иждивеніи тамошнихъ жителей съ 4-мя наставниками въ одной и съ однимъ въ другой; въ томъ-же селѣ позднѣе, 1779 г., заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до реторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катихизису, по способности" (такъ сказано въ описаніи городовъ губерніи 1779 года).—Чтобъ не утомлять выписками изъ церковныхъ архивовъ, собранными нами въ книгѣ преосвященнаго Ѳиларета, гдѣ упоминается только число школъ и наставниковъ при нихъ, безъ другихъ объясненій, однимъ выраженіемъ „шко-

ла и шпиталь" или просто: „двѣ школы, училище"—приведемъ одинъ ихъ краткій перечень относящійся къ 1732 году. Вотъ всѣ остальныя школы того времени: въ селѣ Водолажкѣ 2 школы, въ г. Ахтыркѣ 1 школа (она же значится и по ахтырскимъ купчимъ № 911), въ городѣ Сумахъ 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ 2 учителями и богадѣльня для мѣщанъ; въ селѣ Нижней-Сыроваткѣ 1 школа, гдѣ учителей, т. е. „школярей 7-мъ" въ селѣ Бабркѣ 1 школа (на 328 душъ муж. пола), въ селѣ Стецковкѣ 1 школа и „2 школяри-учителя" (на 1124 душъ муж. пола), „въ селѣ Хотѣнь 1 школа; въ селѣ Кровномъ 1 школа съ 4 дьячками; въ селѣ Боромлѣ 1 школа; въ городѣ Бѣлопольѣ 1 школа съ 2-мя учителями и *братерскій* дворъ при соборѣ, а при Ильинской церкви еще 1 школа и 2 учителя; въ селѣ Ворожбѣ (Бѣлопольской) 1 школа, въ селѣ Климовкѣ 1 школа, въ селѣ Рѣчкахъ 1 школа, въ селѣ Тростинцѣ 1 школа; въ селѣ Семеренкахъ 1 школа; въ селѣ Ворожбѣ (Сумской) 1 школа съ 4 наставниками; въ селѣ Гринцовкѣ 1 школа. въ селѣ Голубовкѣ 1 школа, въ селѣ Михайловскѣ 1 школа (по дѣламъ правленія 1754 г. есть просьба Даніила Чепиринцова, который пишетъ: „1741 г. имѣлъ я учительство лебединскаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, при церковной школѣ"); въ помѣщичьемъ имѣніи „подданныхъ подпрапорнаго Павла Штепенка" въ селѣ Штеповкѣ 1 школа съ 3 наставниками, въ селѣ Печенѣгахъ 2 школы; въ селѣ Балаклеѣ 1 школа; въ селѣ Андреевкѣ 1 школа; въ селѣ Шелудковкѣ 1 школа и богадѣльня; въ городѣ Зміевѣ 1 школа съ 4 наставниками; въ селѣ Лиманѣ 3 школы и при нихъ 8-мъ дьячковъ-учителей; въ селѣ Соколовѣ 1 школа съ 4-мя дьячками; въ селѣ Пристѣнѣ 1 школа; въ селѣ Сѣньковѣ 1 школа.

Итого въ 1732 году на пространствѣ нынѣшней харьковской губерніи было 46 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники. Слѣдовательно тогда 1 школа приходилась на 3,000 человѣкъ жителей.

Упоминая нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше 46 школъ, названное нами сочиненіе приводитъ о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ, называя древнюю школу въ селѣ Боромлѣ, пр. Филаретъ говоритъ: (стр. 131 — 132): „при Боромлянскомъ храмѣ соборномъ,

ахтырскаго уѣзда, существуетъ школа съ давнихъ временъ. Одинъ изъ урожденцевъ Боромли, сумской іеродіаконъ Маркъ Мушенко, передъ посвященіемъ своимъ въ іеромонахи 1744 г., давалъ такое показаніе о себѣ: „по смерти отца своего остался онъ 5-ти лѣтъ и въ 1709 г. пошелъ въ училище, въ городѣ Боромлѣ, церкви Рождество Богородицы въ школу, къ бывшему въ то время дьячку Ивану Ивченку, своею волею". — Другой Черкашенинъ (казакъ изъ-за Днѣпра) урожденецъ села Криничнаго монахъ Сумскаго монастыря Дорофей, въ 1749 г. показывалъ: „отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго (слободско-украинскаго) полку села Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты *бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ*". „Эти два показанія очень важны, говоритъ пр. Филаретъ, собиравшій по крупицамъ изъ монастырскихъ и церковныхъ актовъ свѣдѣнія о старинныхъ школахъ харьковскихъ: онѣ говорятъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школъ были дьячки. Отселѣ несомнѣнно, что выраженіе такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи діаконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени „обученъ дьячкомъ" означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ". По справкѣ съ документами, оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской-Украйны (нынѣ харьковской губерніи) современно самому ея населенію, и что это прекрасное учрежденіе принесено черкассами изъ-за Днѣпра, *гдѣ унія вынудила рано приняться за книги*, чтобъ быть въ состояніи бороться съ проповѣдниками уніи—іезуитами.

Въ нѣкоторыхъ документахъ, приводимыхъ названною выше книгою, говорится: „обученъ чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученіи былъ въ маетности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ, *по черкасскому обыкновенію, въ школѣ, 9 лѣтъ*". — „Въ селѣ Капустянцѣ былъ (другой) при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьячкомъ, а онъ Алексѣй жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (полтавской губерніи) при церкви святаго Михаила въ школѣ" — и еще выраженіе: „Онъ Іоанникій, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ

онъ *мандрованнымъ дьякомъ,* Павломъ". Объясненіе этого характернаго прозванія „мандрóванный дьякъ" приведеннаго въ книгѣ пр. Филарета, мы долго искали между старожилами губерніи, нашли съ трудомъ, въ бесѣдѣ съ почтеннымъ Т. И. Селивановымъ, стариннѣйшимъ жителемъ Харькова, и приводимъ его ниже.—Приводя свѣдѣніе о школѣ въ селѣ Кровномъ, пр. Филаретъ говоритъ: „Въ 1742 г. дьячокъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники" на мѣсто отца своего, показывалъ: „русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ Иванъ той-же церкви дьячкомъ Василіемъ; а по изученіи русской грамоты отданъ былъ *въ харьковскія славено-латинскія школы* и трактовалъ до поэтики, подъ учителя Барлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той-же церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ".—Упоминая школу въ селѣ Семеренкахъ, пр. Филаретъ говоритъ: „діаконъ Яковъ Ивановъ, которому велѣно было непремѣнно выучить наизустъ катехизисъ и тогда черезъ годъ явиться къ посвященію въ священники, показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года": „родомъ онъ Яковъ малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ селѣ Семеренкахъ въ школѣ дьячкомъ; взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и инѳимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ граматикѣ Пелчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Корабановичемъ, въ Харьковѣ, въ реторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи реторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ".—Наконецъ, называя школу въ селѣ Балаклеѣ, зміевскаго уѣзда, пр. Филаретъ говоритъ: „послушникъ Святогорскаго монастыря, онъ Изюмскаго полка въ городѣ Балаклеѣ; отецъ его при школѣ Василій Жуковскій въ консисторіи показалъ о себѣ: „родился Успенской церкви города Балаклеи обучалъ *школяровъ и крылосное пѣніе,* и онъ жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ *Балаклеѣ* до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ-же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ—въ школахъ".

Слѣдовательно, въ Слободскую Украйну (харьковскую губернію) наука перешла изъ-за Днѣпра, вмѣстѣ съ жителями, въ началѣ XVIII вѣка. Сперва она носила чисто латинско-польскій схоластическій характеръ, какъ произведеніе религіозныхъ смутъ и уніи. Около 1700 -

1732 годовъ, въ харьковской губерніи было 46 школъ въ деревняхъ и городахъ. Но эти школы далеко еще не были школами для народа, т. е. для поселянъ-пахарей и мѣщанъ. Въ нихъ обучалось бѣдное и грубое сельское духовенство, изъ котораго вскорѣ вышли первые учители будущихъ народныхъ училищъ, возникшихъ при Екатеринѣ II, и даже учители помѣщичьихъ дѣтей, купцовъ и горожанъ. Украинскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткой-Основьяненкомъ въ его романѣ „Панъ-Халявскій" и бурсакъ, обезсмертившій гоголевскаго Вія, были первыми сѣятелями науки въ губерніи въ началѣ XVIII вѣка. Какъ источникъ къ обрисовкѣ понятій того времени о наукѣ въ здѣшней губерніи, привожу здѣсь въ точной копіи напечатанное мною въ газетѣ „Харьковъ" (1865 года № 1-й) завѣщаніе моего предка, бывшаго изюмскаго слободскаго полка андреевской сотни сотника, Данилы Данилевскаго, писанное послѣднимъ 1716 года, 24 декабря, засвидѣтельствованное въ бывшей тогда бѣлгородской конторѣ крѣпостныхъ дѣлъ 1719 года и найденное на дняхъ, въ двухъ подлинныхъ копіяхъ, въ здѣшнемъ архивѣ гражданской палаты, при одномъ тяжебномъ дѣлѣ прошлаго XVIII вѣка. Это завѣщаніе писано тѣмъ замѣчательнымъ предкомъ моимъ по словамъ редакціи „*Харькова*", которому выпало на долю въ 1709 году іюля 31 угощать у себя на хуторѣ, въ лѣсу на Донцѣ, въ сотенной крѣпостцѣ или сѣчи (1), царя Петра I, въ проѣздъ послѣдняго черезъ земли изюмскаго полка къ полтавскому войску, передъ знаменитою баталіей съ Карломъ XII Этотъ самый сотникъ въ 1716 году былъ схваченъ по ложному доносу и увезенъ „въ-навечеріи Рождества Христова" въ Петербургъ въ разыскную канцелярію кн. Юсупова, гдѣ и умеръ, оправданный впрочемъ всего за нѣсколько недѣль передъ своею смертью. Онъ чуть не лишился тогда всего своего громаднаго состоянія, пріобрѣтеннаго имъ по заимкѣ, по купчимъ и отъ царя Петра I въ подарокъ „за службу и за полонное его терпѣніе" — ложно обвиненный въ мнимой измѣнѣ. — Онъ былъ Подолянинъ, выходецъ изъ заднѣпровской Украйны, и какъ православный на берегахъ Донца явился въ числѣ первыхъ осадчихъ или населителей края

(1) До 1800 года Великое село, а теперь лѣсная пустошь, купленная Д. Д. Кузнецовымъ.

здѣшней Слободской Украйны, вмѣстѣ съ Донцами-Захаржевскими, Квитками, Шидловскими, Лесевицкими, Милорадовичами, Савичами, Ковалевскими и другими. Объ этомъ сотникѣ Данилѣ Данилевскомъ и о его сынѣ Евстафіѣ, потомъ извѣстномъ полковникѣ изюмскаго полка во времена царицы Анны Іоанновны, осталось въ фамильныхъ бумагахъ гг. Данилевскихъ множество сказаній и офиціальныхъ документовъ. Печатаемое здѣсь завѣщаніе писано Данилою Даниловичемъ Данилевскимъ на скоро, на канунѣ рождества 1716 года, передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго „юсуповскаго посла"— и обращено къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который, какъ оказывается изъ этого завѣщанія и изъ другихъ бумагъ, теперь находящихся въ рукахъ моихъ былъ зятемъ завѣщателя, будучи женатъ на дочери его Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Поясняемъ примѣчаніями полу-украинскій, полу-польскій слогъ завѣщателя, который передъ тѣмъ, всего за 25-ть лѣтъ, съ своими вѣрными товарищами-козаками и подпомощниками, бѣжалъ отъ „ляшской справы" изъ плодоносной старой Подоліи, на берега новой его родины, Донца, въ нынѣшній зміевской уѣздъ, гдѣ его потомки до сихъ поръ владѣютъ его „купленнымъ, подареннымъ отъ царя и старозаймочнымъ по его черкасской обыкности" наслѣдствомъ, селомъ Пришибомъ, съ хуторами, лѣсами, озерами, рыболовнями и степями. Вотъ это завѣщаніе, замѣчательное въ особенности тѣмъ взглядомъ на науку, какой сразу внесли сюда на берега Донца тогдашніе украинскіе православные выходцы изъ Подоліи:

„Пане полковнику, милый мой зятю!

„Объявляю вашей милости, такожъ всему дому, кому о семъ надлежитъ, ѣдучи въ назначенный мой путь. въ Санктпетербургскій, жадая (1) по васъ не оставить моего куреня (2), въ случаяхъ, аки вся Богу возможно. То помнить надлежитъ всѣмъ моимъ дѣтямъ по Бозѣ и по Пресвятой Богородицѣ; и нынѣ сродниковъ и родниковъ въ упеку всѣхъ вручаю полковникови Михаилу Захаржевскому, абы, прозираючи по годности дѣтей моихъ, что-бъ кому вдѣлить по реестру моей кровавой працы (3), что нынѣ остается, якъ въ домѣ мо-

(1) Желая.—(2) Домъ—сѣча.—(3) Трудъ.—

емъ, такожъ и въ разныхъ маетностяхъ (4) и хуторахъ, такожъ въ мельницахъ. Первое, что ни есть въ скрыни (5) моей въ погребѣ запечатанныхъ денегъ, то все полковникови и все въ его разсмотрѣніе, серебро, такожъ иконы и сукманы (6). Нынѣ осталось по отъѣздѣ моемъ сто осмдесятъ кухвъ (7) горелки; ту горелку попродавъ, роздать по монастыряхъ и по церквахъ и убогихъ за душу. Что нынѣшней зимы нароблятъ (8), то продавши, въ монастырѣ зміевскомъ зробить каменную трапезу. Женѣ моей Аннѣ зъ моей працы строить обѣды, а въ домѣ моемъ жить ей до смерти и всѣмъ господарствовать, что ни есть на Андреевцѣ, мельницами, гутою (9), пасикою, винницею (10), маетностями и бидломъ (11). Что есть же на Балаклейкахъ (12) и въ Курбатовѣ, такожъ балаклейскими млинами, что надлежитъ Евстафію, по смерти моей, женѣ Аннѣ; да мельница купенская и левковская — два кола (13) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови моему Михайлови Захаржевскому (14); а левковскіе кола два Ташкѣ внуци (15). Зміевской грунтъ, если суденъ (16) будетъ Максимъ, сильно есть ему; если-жъ такъ, какъ нынѣ не вчится (17) то только едну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ, что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельниця полковникови зміевская. — Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всѣмъ бидломъ, и оба Бурлучки (18). Грицькови мужикови простому валянцѣ (19) тысяча рублей, что въ ярми бывшаго ралечнаго (20). А что остался Прокопъ триста рублей виноватъ зъ давнихъ долговъ, тими церковную работу въ Андреевцѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнію. Дѣтямъ моимъ сынамъ за гроши ничего не дать. За нихъ много гро-

(4) Движимое имѣніе.—(5) Сундукъ.—(6) Суконныя платья.—(7) Бочка.—(8) Сдѣлаютъ.—(9) Стеклянный заводъ.—(10) Винокурня.—(11) Скотъ —(12) Рѣки, впадающія и теперь въ Донецъ —(13) Колеса —(14) Сынъ того полковника Михаила, кому писано завѣщаніе.—(15) Внукѣ Татьянѣ Захаржевской —(16) Разсудителенъ.—(17) Не учится.—(18) Два огромныхъ имѣнія, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 году Д. Д. Данилевскому, послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ.—(19) Сынъ сотника Григорій былъ, какъ видно, своему отцу непріятнѣе еще Максима; Максимъ только былъ не суденъ, а этого отецъ зоветъ и мужикомъ и валянцей, т. е. пьяницей; имѣніе ему не дано.—(20) Въ долгу у бывшаго казначея.—

шей страчено, а иные и сами не стоятъ, за то, что не вчились (21). Нехай нынѣ за то страждутъ, въ юности не хотяще труждатися. А когда поже́ните, то въ томъ по своему разсмотрѣнію зробите, кому что дасте́, памятуючи на смерть. Затѣмъ, вамъ предложивши зичливо (22) всего добра и вручая Господеви моему и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, вашъ родичь, зичливый на послушаніе—Данило Данилевскій.—Зміевскаго хутора въ навечеріи Рождества, 1716 г.“

Найдя въ приведенномъ выше документѣ у пр. Филарета выраженіе „мандрованный дьякъ“ я обратился къ Т. И. Селиванову, въ Харьковѣ, между прочимъ, съ такимъ вопросомъ:

—Что такое, Тимофѣй Ивановичъ, были здѣсь въ старину мандрованные дьяки?

—Очень хорошо знаю и понимаю, что это такое было. Дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: „Какъ станешъ самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы*“! т. е. не открывай своему ученику *всего,* чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого-то *всего*, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки... Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали“ по украински. Бродячій или мандрованный дьякъ являлся въ сельскую школу, притворялся ничего не знающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного учителя-дьяка, часть у другаго, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый, между тѣмъ, выросъ на пресловутой поговоркѣ: учи такъ, чтобъ не отбилъ школы...

—Въ чемъ же состояло это могучее всезнаніе тогдашнихъ церковныхъ школъ?

—Я самъ учился въ семинаріи, отвѣтилъ Т. И. Селивановъ, лѣтъ за 60 передъ этимъ. А у насъ были свои старожилы по 60 и по

(21) Не учились.—(22) Отмѣнно.

80 лѣтъ. Отъ нихъ-то мы и узнали о былыхъ временахъ. Вотъ въ чемъ было знаніе мандрованныхъ дьяковъ... Первыя свѣдѣнія вездѣ въ сельскихъ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ, состояли въ чтеніи псалтыря. Потомъ шло обученіе пѣнію 8 гласовъ: „на Господа воззвахъ къ тебѣ"!—потомъ 8 гласовъ „на Бо Господи явися намъ"; затѣмъ на ирмосы 8 гласовъ. Но были еще на тѣ-же псалмы и ирмосы пѣніе самогласное, т. е. на свой собственный голосъ, своего сочиненія и подобное, т. е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Въ тотъ отдаленный вѣкъ только и можно было щегольнуть, что этими мудростями пѣнія. Оттого-то и были у насъ тогда мандрованные дьяки, учившіеся ирмосамъ въ Водолагѣ у одного учителя, а самогласному пѣнію въ Боромлѣ, или подобному въ Балаклеѣ. И не одни дьяки знали такія премудрости. Крестьяне тонули въ невѣжествѣ; за то нѣкоторые купцы знали всѣ эти тонкости и на домашнихъ бесѣдахъ и пирушкахъ распѣвали псалмы самогласные и подобные. Еще въ мое отрочество славились въ Харьковѣ екатерининцы-купцы такого рода: А. Д. Скрынникъ, И. Т. Ващенко и И. Г. Рѣшитько. Такъ что о такихъ людяхъ говорили въ городѣ: „они училися у мандрованныхъ дьяковъ, да и сами кажется изъ мандрованныхъ" т. е. разумнѣйшихъ.

Вскорѣ ученость дьяковъ въ губерніи вошла въ извѣстность. Ихъ и семинаристовъ стали брать *„на кондиціи"*, т. е. къ дѣтямъ своимъ въ домашніе учителя, богатые помѣщики. Гоголь въ повѣсти „Вій" приводитъ вѣрное изображеніе этихъ бурсаковъ, отправлявшихся на кондиціи изъ городовъ по деревнямъ. „Самое торжественное для семинаріи событіе было вакансіи. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Послѣдніе отправлялись на кондиціи, т. е. брались учить или приготовлять дѣтей, людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и сюртукъ. Каждый тащилъ съ собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучь. Завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ сво-

ей женѣ: „жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть“! Такъ поступали полтора-вѣка назадъ безсмертные богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ у Гоголя.

Я спросилъ Т. И. Селиванова не помнитъ ли онъ, какъ въ старину приглашались такіе семинаристы на кондиціи?

—Какъ не знать! Обыкновенно зажиточный какой-нибудь харьковскій помѣщикъ писалъ къ архіерею или къ ректору семинаріи такое письмо съ дворецкимъ своимъ: ваше преосвященство, мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованье ему десять или пятнадцать рублей въ годъ и одежда. Архіерей выберетъ семинариста и послѣдній, съ одною книгою „письмовникомъ Курганова“ этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить и имъ очень довольны. Были съ этими бѣдняками учителями грустныя исторіи. Такъ помѣщикъ сумскаго уѣзда Хрущовъ, въ концѣ прошлаго XVIII вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобъ выслать такого, „который бы училъ дѣтей говорить *по-русски,* а не по-малороссійски“. [„Мы, прибавилъ при этомъ Т. И. Селивановъ, застали уже въ 1807 году въ училищахъ самаго Харькова учителей, что такъ и рѣзали по-украински съ учениками; да мы, т. е. новоприбывшіе изъ семинарій учителя, по распоряженію начальства, сломили ихъ и пріучили говорить *по-русски*“] (1). „Вотъ и поѣхалъ къ Хрущову на кондицію, изъ духовнаго народнаго училища, семинаристъ Павловскій. Пріѣхалъ къ помѣщику, учитъ его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевелъ его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже почти и прикащикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни. „Ты что? спрашиваютъ его Хрущовъ: не слушаться? *ты вѣдь мой!*“ —

(1) Въ статьѣ В. Н. Каразина. «Взглядъ на украйнскую старину» мы нашли очень характерную замѣтку, по части украинскаго языка и его судебъ въ украинскихъ школахъ прошлаго вѣка: «города наши *прежде* заселялись великороссіянами, преимущественно торговыми людьми; школы *прежде* ввели русскій языкъ». (Молодикъ 1843 г. стр. 39)

Одѣли Павловскаго по-мужицки, заставляютъ уже и жениться на крестьянкѣ.—Нѣтъ, этого не будетъ!—нѣтъ, будетъ?—Да почему-же я вашъ?—*„А потому, что я тебя, братецъ,* говоритъ Хрущовъ, *записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ своимъ, крѣпостнымъ“*. Словомъ, свободный учитель изъ семинаристовъ Павловскій сталъ нежданно мужикомъ барина Хрущова. Заплакалъ онъ, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? попалъ въ ревизію, и баста. Къ счастію его, явился по сосѣдству за сборомъ іеромонахъ изъ того-же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову: что-де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходныхъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По словамъ его, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ прикащиками...

Т. И. Селивановъ передалъ намъ еще слѣдующій очеркъ другаго учителя того времени.

—Былъ нѣкто дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій. Учился онъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и зналъ, хоть плоховато, французскій языкъ. Онъ поѣхалъ на кондиціи къ купянскому помѣщику Сошальскому. Сошальскіе тогда были „громкіе“ а Кудрицкій былъ бойкій изъ бойкихъ. Бурсаки тогда еще „мірковали“ т. е. побирались подъ окнами, распѣвая канты. У Кудрицкаго всего имущества была вязаночка книгъ, да войлочекъ и подушка. Разсказываютъ, что когда онъ пріѣхалъ и легъ въ пуховую постель, приготовленную ему бѣлыми ручками изъ бѣлоснѣжныхъ простынь г-жею Сошальскою, такъ съ него снялся цѣликомъ отпечатокъ на бѣльѣ, точно чернилами... Барыня и вся семья сбѣжались въ ужасѣ, узнали, что у учителя, кромѣ халатика, нѣтъ никакого бѣлья, сшили ему рубаху, чунарку и прочее,—онъ сталъ учить хозяйскихъ дѣтей, и они, какъ передаютъ, послѣ недурно говорили по французски.

Въ „исторіи Руссовъ“ т. е. Малороссіи, Георгія Кониcкаго, мы находимъ (стр. 250—251, изд. 1846 г.) слѣдующую черту о школахъ, или скорѣе школьникахъ украинскихъ конца XVIII вѣка. „Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличилось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовленіями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія. Въ Малороссію посланы отъ сего государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе въ военную службу голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ на сѣверъ. Всѣ дороги были наполнены сими голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ тонкое шелковое платье, т. е. панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними гарусными галстучками, надѣтыми на подобіе обрончиковъ (ошейниковъ) на ихъ шеи. Студенты и ученики училищъ приняли на себя военные обрончики и тянулись вслѣдъ за первыми вербовщиками. — Но, какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, такъ — и они, съ іюня мѣсяца 1762 года, по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію, и подходя къ своимъ жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ“. Этотъ школьный погромъ помнятъ еще многіе и въ здѣшней губерніи изъ разсказовъ старожиловъ.

Европейскія смуты, давшія намъ въ 1812 году учителей-французовъ, въ концѣ XVIII вѣка снабдили Россію учителями изъ эмигрантовъ всѣхъ націй. Такъ и харьковская губернія увидѣла многихъ изъ этихъ почтенныхъ лицъ, родомъ нѣмцевъ, венгровъ, чеховъ, французовъ, итальянцевъ и даже швейцарцевъ. Старожилы помнятъ учителей гг. Санбёфа, Ивана Вернета (этотъ швейцарецъ потомъ былъ любимымъ харьковскимъ журналистомъ) и многихъ изъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, о которыхъ, по отношенію ихъ къ тогдашнимъ народнымъ школамъ, скажется ниже. Но послѣдующіе гувернеры и сельскіе учители изъ иностранцевъ далеко не были тѣмъ, чѣмъ первые изъ иностранцевъ, явившихся въ концѣ XVIII вѣка просвѣ-

щать харьковскую губернію и то изъ ея сословій, которое тогда только и училось, рядомъ съ духовенствомъ, т. е. дворянскихъ дѣтей.

Вотъ замѣчательное „*условіе помѣщика съ учителемъ*“ за 63 года назадъ (см. „Молодикъ“ 1843 г. стр. 226—228), которое можетъ легко обрисовать положеніе тогдашнихъ первостепенныхъ сельскихъ учителей, т. е. иностранцевъ. Какъ-же смотрѣли тогда на учителей изъ русскихъ! Выписываемъ это условіе слово въ слово, какъ оно озаглавлено въ „Молодикѣ“ — съ „черноваго, писаннаго рукою г-на помѣщика“: „1800 года, октября 7 дня, я ниже подъ писавшейся Пруской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харьковскаго уезда у г. помещика подполковника К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому языку граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ арифметики и за синомъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведеніемъ ево и доставлять всякое ему благонъравие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малѣйшаго упущенія *весть себя всегда трезво* и добропорядочно, какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру, впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечатъ по законамъ; *и по прохожденее зъмнихъ месяцей*, мне Лоту за ево синомъ уже болѣя не смотреть и дѣтей не учить, *а вступить мне вдолжность садовничию* и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крытия алей ранжирею и огородни поросаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности старапа не леностею делать приобретенія разныя размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награжденіе; мнѣ Лоту получить вгодъ отъ ево К. пшеницы пять и ржи 4, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей, масла коровьево пудъ, масла постново ведро, сала свинова 2 пуда, соли 2 пуда, свѣчнова сала топленова пудъ, уксусу ведро, *наливки 2 ведра горячево вина 3 ведра*, солонины 4 пуда, вичины пудъ, свѣжаго мяса 6 пудъ и пристойное число кропева и свекли квашеной и годового жалованья 120 рублей. Буде же я хотя окажуся въ сихъ

должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему К. меня отпустить заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево и всю провизію и прочее все то, что я заслужу“.

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Для обзора мѣръ правительственныхъ, вернемся нѣсколько назадъ, именно ко времени Петра I. На этотъ разъ мы приведемъ данныя, добытыя нами въ рукописныхъ матеріалахъ харьковскаго „университетскаго архива“.

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся при дѣлахъ харьковскаго университета подъ названіемъ „*училища въ Харьковѣ*“, приведены также нѣкоторыя данныя касательно происхожденія народныхъ школъ въ краѣ. „Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною, 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищнымъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличь (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвавъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г. эти науки тамъ прекратились; но вве-

дены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.". Коллегіумъ, по словамъ статьи „Молодика" 1843 г. (43 стр.), „воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ".

По словамъ историка Миллера (см. Географическій Словарь россійскаго государства; М. 1789 г. ч. V стр. 119) около 1789 г. „число учителей и учениковъ, съ служителями ихъ, въ г. Харьковѣ составляло до 1000 человѣкъ". Въ 1789 году въ Харьковѣ открыто главное народное училище, къ которому присоединились и названные выше вспомогательные классы коллегіума.

Въ „*Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*" и пр. (1788 г. 170 стр.), я нашелъ слѣдующія указанія (стр. 128—137). Въ грамотѣ Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, говорится: „Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ—Епифаній епископъ, въ г. Харьковѣ основалъ—школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны

должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему К. меня отпустить заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ еко и всю провизію и прочее все то, что я заслужу".

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Для обзора мѣръ правительственныхъ, вернемся нѣсколько назадъ, именно ко времени Петра I. На этотъ разъ мы приведемъ данныя, добытыя нами въ рукописныхъ матеріалахъ харьковскаго „университетскаго архива".

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся при дѣлахъ харьковскаго университета подъ названіемъ „*училища въ Харьковѣ*", приведены также нѣкоторыя данныя касательно происхожденія народныхъ школъ въ краѣ. „Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною, 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищнымъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только пiитикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличь (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвавъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г. эти науки тамъ прекратились; но вве-

дены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.". Коллегіумъ, по словамъ статьи „Молодика" 1843 г. (43 стр.), „воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ".

По словамъ историка Миллера (см. Географическій Словарь россійскаго государства; М. 1789 г. ч. V стр. 119) около 1789 г. „число учителей и учениковъ, съ служителями ихъ, въ г. Харьковѣ составляло до 1000 человѣкъ". Въ 1789 году въ Харьковѣ открыто главное народное училище, къ которому присоединились и названные выше вспомогательные классы коллегіума.

Въ „*Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*" и пр. (1788 г. 170 стр.), я нашелъ слѣдующія указанія (стр. 128—137). Въ грамотѣ Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, говорится: „Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ—Епифаній епископъ, въ г. Харьковѣ основалъ—школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны

должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему К. меня отпустить заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ еко и всю провизію и прочее все то, что я заслужу".

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Для обзора мѣръ правительственныхъ, вернемся нѣсколько назадъ, именно ко времени Петра I. На этотъ разъ мы приведемъ данныя, добытыя нами въ рукописныхъ матеріалахъ харьковскаго „университетскаго архива".

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся при дѣлахъ харьковскаго университета подъ названіемъ „*училища въ Харьковѣ*", приведены также нѣкоторыя данныя касательно происхожденія народныхъ школъ въ краѣ. „Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною, 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищнымъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличъ (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвавъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г. эти науки тамъ прекратились; но вве-

дены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.". Коллегіумъ, по словамъ статьи „Молодика" 1843 г. (43 стр.), „воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ".

По словамъ историка Миллера (см. Географическій Словарь россійскаго государства; М. 1789 г. ч. V стр. 119) около 1789 г. „число учителей и учениковъ, съ служителями ихъ, въ г. Харьковѣ составляло до 1000 человѣкъ". Въ 1789 году въ Харьковѣ открыто главное народное училище, къ которому присоединились и названные выше вспомогательные классы коллегіума.

Въ „*Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*" и пр. (1788 г. 170 стр.), я нашелъ слѣдующія указанія (стр. 128—137). Въ грамотѣ Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, говорится: „Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ—Епифаній епископъ, въ г. Харьковѣ основалъ—школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны

должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему К. меня отпустить заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево и всю провизію и прочее все то, что я заслужу".

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Для обзора мѣръ правительственныхъ, вернемся нѣсколько назадъ, именно ко времени Петра I. На этотъ разъ мы приведемъ данныя, добытыя нами въ рукописныхъ матеріалахъ харьковскаго „университетскаго архива".

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся при дѣлахъ харьковскаго университета подъ названіемъ „*училища въ Харьковѣ*", приведены также нѣкоторыя данныя касательно происхожденія народныхъ школъ въ краѣ. „Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною, 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищнымъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличь (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвавъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г. эти науки тамъ прекратились; но вве-

дены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.". Коллегіумъ, по словамъ статьи „Молодика" 1843 г. (43 стр.), „воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ".

По словамъ историка Миллера (см. Географическій Словарь россійскаго государства; М. 1789 г. ч. V стр. 119) около 1789 г. „число учителей и учениковъ, съ служителями ихъ, въ г. Харьковѣ составляло до 1000 человѣкъ". Въ 1789 году въ Харьковѣ открыто главное народное училище, къ которому присоединились и названные выше вспомогательные классы коллегіума.

Въ „*Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*" и пр. (1788 г. 170 стр.), я нашелъ слѣдующія указанія (стр. 128—137). Въ грамотѣ Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, говорится: „Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ—Епифаній епископъ, въ г. Харьковѣ основалъ—школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны

ненарушимо, дать нашу жалованную грамоту; — такожде стараться, чтобъ науки вводить на собственномъ *россійскомъ языкѣ;* а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять" и пр.—Книга эта прибавляетъ: „Всѣ книги митрополита Стефана Яворскаго этому училищу пожалованы; въ немъ къ 1788 г. было всѣхъ книгъ до 2500 томовъ, въ томъ числѣ рѣдкая для своей среды „собственноручная лѣтопись С. Дмитрія Ростовскаго".

Въ другой любопытной рукописи, хранящейся при харьковскомъ университетѣ, которая не подписана никѣмъ и называется: „Исторія о занятіяхъ И. харьковскаго университета и его учебнаго округа за 1805 — 1812 года", (№ 28 — непереплетенная, съ золотымъ обрѣзомъ, въ большой листъ, 1½ вершка толщиною) мы нашли многія данныя, относительно народныхъ школъ и вообще первыхъ пріемовъ въ насажденіи науки въ этомъ краѣ. Въ главѣ „о домахъ и перестройкахъ въ нихъ" говорится: „передѣлки для университета были кончены къ сентябрю 1804 года и 4-го сентября въ маломъ домѣ помѣщены были истребованные изъ семинаріи 30 человѣкъ, предназначенные въ студенты казеннокоштные (1). Въ рукописи подробно исчислены пособія этимъ лицамъ отъ казны: на два года, мундиръ, шинель, 3 пары сапогъ и 2 головокъ съ починкой на годъ: сюртукъ, жилетъ, халатъ, черный платокъ на шею, 3 платка карманныхъ и пр. (2). Далѣе: „По Высочайшему соизволенію синодъ предписалъ архіепископу отпустить изъ бѣлгородской семинаріи и харьковскаго коллегіума въ университетъ по 15 человѣкъ изъ богословскихъ и философскихъ классовъ и по 5 изъ реторики и поэзіи". Но всѣхъ стипендій было устроено 40, а изъ реторики и піитики семинаристы оказались „недостаточно свѣдущими" (3); то принято лишь

(1) Описаніе открытія университета помѣщено въ № 13, 1805 года, С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

(2) Въ 1805 году студентамъ этимъ отъ казны прибавлены «для танцовальнаго класса башмаки и перчатки, по манишкѣ и на мѣсячные расходы *1* р. 50 к. Содержавшій столомъ студентовъ городовой секретарь Сердюковъ отказался отъ контракта и смѣненъ венгерцемъ Иваномъ Висгигелемъ. Денегъ на столъ отпускалось всего по 70 р. асс. на человѣка въ годъ. Вскорѣ и онъ отказался, и студенты взялись сами харчить свои желудки.

(3) Въ библіотекѣ харьковскаго университета хранится брошюра: «Наставленія для священно и церковно-служителей курской и бѣлгородской (харьковской) епархіи, какъ

30; остальные приняты со стороны. Послѣднихъ рукопись называетъ даже по именамъ: учитель народнаго училища Славинскій; бывшій въ домахъ учитель польскій шляхтичь Квятковскій и воспитанникъ харьковскаго училища Лобойковъ.—Далѣе: „12 сентября попечитель извѣстилъ, что по волѣ Его Величества государя опредѣлены въ университетъ, на казенное содержаніе двое дѣтей дворянина Занаревскаго; но какъ они по явкѣ въ университетъ оказались наученными *только* читать и писать по-россійски, то комитетъ, давъ имъ студентское содержаніе, помѣстилъ ихъ въ харьковское народное училище".

Не меньшаго труда стоило университету вначалѣ привлеченіе и своекоштныхъ студентовъ. Университетъ все заводилъ заново, до мелочей. Такъ онъ переплетчика для Харькова выписалъ изъ Петербурга, именно нѣкоего Ведде, контрактованнаго Каразинымъ (1); садовника Цетлера изъ Вѣны (по словамъ рукописи Цетлеръ привезъ съ собою „нѣсколько горшковъ растеній и сѣмянъ)"; типографщикъ Генъ и словолитщикъ Дрегеръ также выписаны изъ Петербурга. Для приглашенія желающихъ поступить въ своекоштные студенты, по словамъ рукописи, „было писано ко всѣмъ губернаторамъ, состоящимъ въ округѣ университета". Комитетъ въ ожиданіи ихъ постановилъ, что поступающій „долженъ быть экзаменованъ *съ снисхожденіемъ*, но „безъ лишняго послабленія", въ знаніяхъ: „россійской грамматики, географіи и исторіи, началахъ логики и метафизики, латинскомъ и французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ". Съ 20 мая по 10 декаб-

имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и какихъ въ малыя училища, потомъ въ семинарію принимать» (Харьковъ, 1807 г. въ универс. типограф.) Здѣсь совѣтуется семинаристовъ родителямъ помѣщать на частныхъ общихъ квартирахъ, человѣкъ по десяти, подъ вѣдѣніемъ надзирателя ихъ старшихъ учениковъ, а начальству смотрѣть, чтобы «дѣти принимаемы были не малолѣтнія, *нескуднодаровитыя* и не болѣзненныя». Брошюра безъ имени автора Очевидно, это посланіе архіепископа къ своей паствѣ.

(1) Рукопись говоритъ, что Каразинъ, имѣя въ виду практическую пользу отъ университета городу и краю, контрактовалъ въ Петербургѣ на счетъ университета ремесленниковъ: каретниковъ, столяровъ, сапожниковъ, кожевниковъ, кузнецовъ, стальныхъ и костныхъ дѣлъ мастеровъ, бронзовщиковъ, горшечниковъ и пр., коимъ въ задатокъ и на проѣздъ выдано было до 12,000 р. Они дѣлали для университета сперва мебель и пр., жили въ университетѣ и частью положили въ Харьковѣ основаніе колоніи нынѣшнихъ его ремесленниковъ; но названная рукопись говоритъ, что вскорѣ университетъ увидѣлъ ихъ негодность, не зналъ, что̀ съ ними дѣлать и отдалъ ихъ подъ вѣдѣніе общей полиціи.

ря 1804 года, явилось желающихъ 41 человѣкъ, принято 21 и „большая часть ученики харьковскаго главнаго народнаго училища". Потомъ въ это училище были командированы адъюнкты университета (Лангъ, Савиньи и Гамперле) для чтенія въ особой залѣ лекцій, къ приготовленію желающихъ въ университетъ, изъ чего возникъ отдѣльный приготовительный классъ.

Двѣ харьковскихъ школы, такъ называемое главное народное и казенное училища, основанное 1768 г., въ 1804 году назначены были къ слитію въ одно, въ формѣ слободско-украинской гимназіи. Въ проэктѣ этого слитія говорилось: „преподававшіяся въ казенномъ народномъ училищѣ артиллерію и фортификацію, дабы угодить дворянству, комитетъ счелъ за нужное удержать и при образованіи онаго училища въ гимназію, равно какъ и вокальный классъ". Директоръ училищъ губерніи доносилъ 19-го октября 1804, что народное училище въ Сумахъ „не имѣя постоянной квартиры, ни достаточной суммы для найма подъ оное дома, претерпѣваетъ крайнее безпокойство, такъ что въ теченіе года четыре раза изъ дома въ домъ переведено было". Ноября 11-го 1804 г., профессоръ Тимковскій представилъ комитету, что училища харьковскаго округа весьма нуждаются учебными книгами, по причинѣ трудности ихъ полученія. Предложеніе въ коммиссіонеры „магазейна московскаго купца Матвѣя Глазунова" не было принято.

Самъ университетъ въ 1805 году еще сильно нуждался въ профессорахъ. Въ Венгрію же былъ посланъ для улучшенія своихъ познаній и для найма учителей профессоръ Филиповичъ; по докладу о немъ проф. Стойковича совѣту, какъ говоритъ рукопись „онъ, бывши въ Пестѣ, вдругъ неизвѣстно куда пропалъ". Къ 1806 году однако онъ нанялъ для Харькова въ Венгріи изъ славянъ „учителей девять человѣкъ" [1]. Университетъ тогда же разсуждалъ о замѣнѣ нѣкоторыхъ „смотрителей училищъ, кои будучи большею частью изъ купеческаго состоянія и отлучаясь по торговымъ дѣламъ изъ городовъ, не могутъ исполнять службы по уставу"; ихъ предполагалось замѣнить людьми на жалованьи отъ казны, что не разрѣшено. Изъ

(1) Они прибыли въ губернію въ 1806 г.; это были между прочимъ: Павловичъ, Лазичъ, Дудровичъ и Билевичъ.

университетскаго архива видно (дѣло №№ 7 — 167, 1811 г.), что почетные смотрители изъ дворянъ при училищахъ въ губерніи введены съ 1811 года.

Ректоръ университета, Ив. Рижскій, предложилъ въ 1805 году и совѣтъ принялъ: „стараться въ округѣ имѣть учителей *изъ великороссіянъ*, для избѣжанія того, дабы учащіеся *не навыкли неправильному произношенію россійскаго языка*". Слободско-украинскій губернаторъ извѣстилъ университетъ, что „нѣкоторые города могутъ построить небольшіе для училищъ домы изъ *винныхъ доходовъ*, причемъ требовалъ смѣты „каковая составлена для всѣхъ училищъ архитекторомъ Васильевымъ". По словамъ рукописи, въ г. Богодуховѣ тогда училище имѣло свой домъ, подаренный учителемъ Туранскимъ, впрочемъ крайне ветхій. Обыватели казенныхъ волостей богодуховскихъ: Краснокутска, Колонтаева, Рублёвки и Никитина, вызвались сами, въ 1805 году, основать у себя училища и назначили на нихъ въ годъ по 150 р. асс.; изъ нихъ 75 р. учителю, 25 священнику и 50 р на содержаніе дома и учебныя пособія. Рукопись говоритъ, что туда были назначены учителями священники съ причетниками, по волѣ слободско-украинскаго епископа. Рукопись упоминаетъ, что кромѣ народныхъ школъ, въ Харьковѣ къ 1805 году были частные пансіоны: иностранца Гилейна, протоіерея Ватилія Фотіева и Ольденборгера. Проѣздомъ на Донъ, проф. Тимковскій посѣтилъ въ Изюмѣ училище и донесъ, по обычаю, о ветхости его дома, прибавляя, что изъ учителей его одинъ Ситницкій *съ нуждою* можетъ быть „опредѣленъ учителемъ 1-го класса уѣзднаго училища". Стараясь умножить число народныхъ учителей въ училищахъ, университетъ хлопоталъ въ 1805 году увеличить число казеннокоштныхъ студентовъ, что́ ему не удалось. При названной рукописной исторіи харьковскаго университета приложены „инструкціи профессорамъ, отправляющимся визитаторами въ губерніи округа": Тимковскому въ курскую, Умлауфу въ полтавскую и черниговскую, Стойковичу въ орловскую, и пр. По пути они ревизовали харьковскую. Во время визитаціи, Умлауфъ и Стойковичъ донесли, что просившіеся черезъ министра въ смотрители училищъ учитель Адамовичъ и флота лейтенантъ Макшеевъ: „Адамовичъ мало способенъ не только къ смотрительскому, но и къ

учительскому званію, а Макшеевъ по незнанію наукъ не можетъ быть смотрителемъ". Стойковичъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ училищахъ ученики выучиваютъ наизустъ не понимая преподаваемаго имъ". Конкуренціи въ учителяхъ не было почти никакой. Учителя смѣщались только за старостью. Такъ учитель артиллеріи и фортификаціи Николаевъ, въ харьковскомъ училищѣ, исполнялъ свою должность съ 1767 по 1806 годъ, почти 40 лѣтъ, и уволенъ съ полнымъ пансіономъ за старостью и болѣзнью. т. съ 360 р. асс. въ годъ. Только въ 1825 году (см. дѣла его архива, № 31) университетъ распорядился „о неопредѣленіи казеннокоштныхъ студентовъ, за дурные поступки и неисправленіе себя въ оныхъ, учителями".

Въ Волчанскѣ въ 1806 г. открыто училище; явилось въ него 28 учениковъ. Въ Лебединѣ было 24. Въ с. Крючикѣ богодуховскаго уѣзда открылъ въ 1806 г. училище помѣщикъ В. Н. Каразинъ, жертвуя по 250 р. асс. въ годъ и обязавши къ тому же завѣщаніемъ и „всѣхъ будущихъ своихъ наслѣдниковъ"; тамъ явилось 20 учениковъ. Его завѣщаніе не исполняется его внуками и наслѣдниками. Въ сентябрѣ докторъ Дюгуръ основалъ пансіонъ въ Харьковѣ для дѣвицъ, на имя жены своей и ея сестры, Оливеръ-Д'Осборнъ, англичанокъ; а въ Ахтыркѣ француженка Вейеръ. Въ уставѣ Дюгура, дѣвицы обязывались приносить пансіону каждая между прочимъ: „серебряную ложку, шести-аршинную скатерть и 6-ть салфетокъ", Обучались здѣсь болѣе пріятнымъ искусствамъ: шить, играть и проч.

Въ слѣдующіе годы, какъ мы собрали свѣдѣнія изъ общихъ дѣлъ университетскаго архива, въ Харьковѣ открыты частные пансіоны: въ 1807 г. въ домѣ помѣщицы Надоржинской, иностранца Жана-Пьера-Гепекена; въ 1815 г. упоминается существующимъ пансіонъ г-жи Нагель; въ 1821 г. выданы свидѣтельства маіору Лемоану и Санбефу; въ 1811 г. былъ открытъ пансіонъ иностранцемъ Жанелемъ; въ 1815 г. содержалъ у себя въ домѣ учениковъ префектъ коллегіума Рейпольскій; въ 1819 г. открыла дѣвичій пансіонъ статская совѣтница Делавинь; въ 1821 г. иностранка Шубертъ; въ 1826 году въ Сумахъ открыла пансіонъ поручица Апостолъ-Кегичъ. Въ 1828 г. былъ въ Харьковѣ пансіонъ Денавера (см. архивъ унив. № 53, 1828 г.).

Въ 1806 году вышло циркулярное предписяніе университета ди-

ректорамъ округа: „университетъ, узнавъ что нѣкоторые *учители* занимаются переводами на россійскій языкъ книгъ, по большей части избираютъ для того подлинники безъ должнаго вниманія, поручилъ факультетамъ таковыя нужныя книги предназначить".

Въ 1807 году вышло опредѣленіе совѣта университета, по словамъ рукописи, такого содержанія: „отъ студентовъ казеннаго содержанія Концевича, Галкина, Щелкунова и Степурскаго *нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ*, положилъ: опредѣлить ихъ учителями въ уѣздныя училища; они опредѣлены и отправлены — Концевичъ въ Изюмское, Галкинъ въ Лебединское и пр.

Въ 1807 году 17 января издана брошюра, которую мы просмотрѣли въ числѣ болѣе 50 брошюръ и книгъ, изданныхъ университетомъ по случаю его актовъ съ 1805 по 1862 годъ: „Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи И. Х. университета" 1807 г. Здѣсь напечатана рѣчь профессора Ивана Рижскаго, при сложеніи званія ректора „о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 годахъ". Это единственный печатный источникъ, гдѣ на 8-ми страничкахъ мы нашли нѣсколько краткихъ намековъ на отношенія университета къ школамъ его округа. Въ остальныхъ, болѣе чѣмъ 50-ти актовыхъ брошюрахъ его, мы не нашли никакихъ источниковъ для исторіи харьковскихъ и вообще южно-русскихъ школъ. Еще надо сказать, что первые двадцать лѣтъ почти всѣ рѣчи университета произносились на латинскомъ языкѣ. Проф. Рижскій въ названной рѣчи сказалъ (стр. 7): „университетъ не оставлялъ и внѣшнихъ своихъ попеченій объ училищахъ, въ округѣ его: узнать внутреннее состояніе заведеній, коими долженъ управлять, узнать директоровъ, смотрителей, учителей, учащихся, библіотеки, домы, на содержаніе суммы, *расположеніе жителей* къ учебной части; на сей конецъ: требованы отъ директоровъ свѣдѣнія, а для точнѣйшаго изслѣдованія всего на мѣстѣ въ теченіе двухлѣтія шестикратно отправляемы были отъ университета визитаторы, которые объѣхали почти весь округъ. Изъ донесеній визитаторовъ и директоровъ видно было, что многія училища имѣютъ нужду въ учителяхъ, недостаточны книгами и другими пособіями, нѣкоторыя не имѣютъ совсѣмъ или имѣютъ неудобные домы и нуждаются классическими мебелями". Вслѣдъ за этимъ говорится, что

все это по мѣрѣ силъ училищамъ доставлялось и что университетъ въ 1805 и 1806 годахъ открылъ въ округѣ: три гимназіи, десять уѣздныхъ, 16-ть приходскихъ училищъ и 5-ть частныхъ пансіоновъ. Повторяемъ: къ сожалѣнію, въ печатныхъ источникахъ, изданныхъ съ 1805 по 1863 годъ университетомъ, которые всѣ мы имѣли подъ рукой и тщательно просмотрѣли, мы не нашли болѣе указаній объ училищахъ округа. Небольшое исключеніе составляетъ брошюра („Рѣчи“ и пр. за 1815 и 1816 годы) изданная въ 1818 г., гдѣ помѣщена рѣчь проф. Ивана Каменскаго: „О успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ харьковскаго университета“. Но здѣсь приводимыя цифры относятся также не къ одной губерніи, а ко всему округу. Проф. Каменскій говоритъ: „Въ 1805 г. всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и училищахъ состояло 3967; но въ 1814 г. оныхъ находилось 7190“ и далѣе „Съ 1806 по 1815 годъ *учителями опредѣлены* (изъ учившихся въ университетѣ) 97 чел. Онъ прибавилъ: „по прошествіи каждаго семилѣтія число учащихся возобновляется, такъ что въ 14 лѣтъ кончившихъ ученіе въ училищахъ должно быть до 14,000, слѣдовательно для образованія 10,000,000 (жителей южной Россіи) потребно около 80-ти лѣтъ. *Внуки наши будутъ имѣть счастіе зрѣть событіе сего предугаданія*“. Мы, внуки, можемъ на это сказать: много горя вынесъ округъ съ тѣхъ поръ и университетъ не все видѣлъ золотыя грезы въ эти годы, послѣ рѣчи проф. Успенскаго, что увидимъ ниже.

Въ 1808 году, іюня 27, по представленію ректора Рижскаго: „что отправляемые для осмотра училищъ изъ гг. профессоровъ визитаторы, иногда въ теченіе немалаго времени не извѣщаютъ о мѣстѣ своего пребыванія и *чѣмъ занимаются*“, положено совѣтомъ, чтобы визитаторы давали о себѣ знать черезъ каждыя три недѣли. 31 октября 1808 года положено: „для доставленія въ училища учителей, знающихъ методъ преподаванія наукъ въ оныхъ“ желающимъ занять мѣста учителей ходить въ продолженіе 3 или 4-хъ недѣль въ гимназію или уѣздное харьковское училище „для пріобрѣтенія познанія въ способѣ преподаванія“.

Въ 1810 году снова изъ 45 казеннокоштныхъ студентовъ: „два

за нерадѣніе къ наукамъ и худое поведеніе исключены и восемь опредѣлены въ учители".

Въ 1811 году, совѣтъ, по предложенію ректора Стойковича: „разсуждая о надобности въ учебныхъ книгахъ для обучающихся въ университетѣ и состоящихъ въ округѣ его *училищахъ*, положилъ на первый разъ печатать: 1) хрестоматію на нѣмецкомъ языкѣ, 2) избранныя рѣчи Цицерона, по-латыни, 3) физику Стойковича, и 4) грамматическій разборъ словъ россійскаго языка, проф. Тимковскаго. Сверхъ того положилъ перевести на россійскій языкъ и отпечатать для употребленія *въ училищахъ*: 1) словарь латинскій Шерера и 2) естественную исторію Миллена.

Г. Каченовскій ([1]) въ замѣткѣ о харьковскихъ и другихъ университетахъ, говоритъ: „Въ силу уставовъ утвержденныхъ Александромъ I, на университеты возложенъ былъ также *надзоръ надъ низшими* учебными заведеніями по округу. Эта обязанность оказалась трудною и стѣснительною для профессоровъ; она отвлекала ихъ отъ главныхъ занятій. По общимъ отзывамъ, дѣла въ училищныхъ комитетахъ шли довольно вяло и не совсѣмъ удачно; въ нѣкоторыхъ даже возникли злоупотребленія. Но тѣмъ не менѣе коллегіальное устройство представляло болѣе твердыя ограды противъ произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не такъ удобно прилагается къ дѣлу народнаго образованія".

Въ 1843 году, 30-го августа, въ рѣчи на торжественномъ собраніи университета, г. Из. Срезневскій, говоря объ этомъ вліяніи университета на край и на устройство науки въ немъ, сказалъ ([2]); „Болѣе четверти вѣка былъ университетъ единственнымъ средоточіемъ высшаго образованія во всей полуденной Россіи. Около *250 училищъ* и до сихъ поръ находится подъ его нравственнымъ вліяніемъ; около *2,500 молодыхъ* людей воспиталъ онъ на службу, болѣе 100 воспитателей разослалъ въ разныя учебныя заведенія.... До открытія университета Харьковъ едва походилъ на городъ, не могъ быть сравненъ не только съ Полтавой, Курскомъ, Воронежемъ, но даже съ Бѣлго-

(1) См. «Замѣчанія на проектъ общаго устава имп. росс. университетовъ» ч. I 1862 Пб. стр 347.

(2) Отчетъ о состояніи универ. за 1842 и 1843 годъ, стр. 4—8.

родомъ, Сумами, а теперь превосходитъ ихъ, собравъ въ себѣ до 40,000 жителей, между тѣмъ, какъ въ 1805 г., до открытія университета, было 8,000 чел., въ пять разъ менѣе. Наука возвысила Харьковъ, какъ промышленность Тулу и Ярославль, какъ торговля Нижній Новгородъ и Одессу... *Въ немъ* болѣе 4,000 постоянно учащихся, около 500 учащихъ и 19 казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Въ немъ нѣтъ почти семьи безъ воспитанника, роднаго или чужаго; „многіе живутъ *только* для воспитанія дѣтей; въ немъ ищутъ воспитателей“.

Но обратимся къ другимъ письменнымъ источникамъ.

Дѣла университетскаго архива, которыя мы имѣли подъ рукою, идутъ съ 1805 по 1837 годъ. Здѣсь вся любопытная, часто грустная и комическая и еще чаще поучительная исторія внутренней жизни молодаго университета и его отношеній къ народной грамотности края. Оставя въ сторонѣ другія картины этой жизни, скажу нѣсколько словъ объ отношеніяхъ университета къ народнымъ училищамъ, съ 1805 по 1837 годъ, слѣдовательно за тридцать два первыхъ года его существованія. Просматривая обширныя тетради *„описей общимъ дѣламъ университета“* и *„частныхъ описей дѣламъ университета по дирекціи слободско-украинской* (харьковской) *губерніи“* читатель вполнѣ переносится въ этотъ первоначальный, еще полу-хаотическій періодъ жизни харьковскихъ народныхъ училищъ, благородныхъ пансіоновъ мужескихъ и женскихъ, съ ихъ учителями, чиновниками, визитаторами и пр. и пр. Мы присутствуемъ при усердномъ обдумываніи, университетскаго училищнаго комитета, мѣръ къ насажденію науки въ краѣ. Мы читаемъ въ 1806 г. дѣло „о предписаніи директорамъ, чтобы они донесли, кто изъ учителей можетъ заниматься переводами книгъ“ — „о шалостяхъ ученика Маньковскаго“ — „о распутной жизни ахтырскаго училища учителя Стол ъ—Ратинскаго“ — „о неспокойномъ нравѣ ахтырскаго учителя Бондарева“; — въ 1807 г. „о чрезвычайныхъ происшествіяхъ, послѣдовавшихъ въ округѣ сего университета въ 1807 году“ — „о хожденіи въ церковь ученикамъ въ воскресные и праздничные дни для слушанія литургіи“ — „о разсылкѣ по училищамъ округа исторіи Херсона Таврическаго, соч. митрополита Сестренцевича“ — „о прилѣжномъ смотрѣніи за учи-

телями, въ разсужденіи ихъ поведенія и нерадѣнія къ должности" — „о ускореніи открытіемъ *двухъ или трехъ* гимназій по харьковскому округу";—въ 1808 г. дѣло *„о истребованіи* г. ректоромъ отъ директоровъ *въ студенты* университета изъ окончившихъ курсъ ученія учениковъ"; — въ 1809 г. „о починкѣ неизвѣстно кѣмъ побитыхъ стеколъ въ домѣ *благороднаго пансіона*" — „о выстройкѣ валковскимъ городничимъ Бабаевымъ изъ сыраго и неспособнаго дерева для тамошняго училища дома"; — въ 1810 г. „о несходствіи отчетовъ университета съ казенными палатами, за 1807 и 1808 годы";—въ 1811 году, дѣло, серьезно озаглавленное цифрами архивныхъ нумеровъ: 682; 4 и 20. 30: „по отзыву почетнаго члена сего университета г. тайнаго совѣтника и кавалера графа Фостова" (украинское произношеніе фамиліи Хвостова) „съ препровожденіемъ *25 экземпляровъ сочиненія своего*" — „о нахожденіи директора Щредера подъ слѣдствіемъ" — „о самовольной отлучкѣ учителя лебединскаго училища Галкина отъ должности" - „о грубостяхъ учителя Панова сумскому смотрителю Резакову" —„о грубости ученика Артюхова харьковскому учителю Барзину" — „о непринимaніи просьбъ отъ губернскаго секретаря Осетрова, сужденнаго за разные законопротивные поступки". Въ 1812 году, не смотря на трагическое положеніе Россіи, при университетѣ велись акуратно дѣла: „о подтвержденіи по округу университета, дабы учащіе имѣли надзоръ и о нерадящихъ о своей обязанности доносили бы начальству" — „о допущеніи иностранца Генриха Голбейна къ экзамену и о выдачѣ ему свидѣтельства", хотя производились и дѣла: „объ очищеніи изюмскаго училищнаго дома подъ лазаретъ" — и „о несодѣйствіи земскихъ исправниковъ къ открытію приходскихъ школъ по уѣздамъ: валковскому, ахтырскому, волчанскому, богодуховскому, купянскому, изюмскому и зміевскому". Въ 1813 году встрѣчаются дѣла: „по отзыву форшмейстера Печатковскаго, о предписаніи учителю училища Маслову объ отдачѣ ружья, взятаго имъ Печатковскимъ" — „о позволеніи некончившимъ ученіе ученикамъ выдавать свидѣтельства для поступленія въ военную службу"; тутъ же: „о законопротивныхъ поступкахъ, сдѣланныхъ обывателями слободы Рѣчекъ, Халявою и Пугачевымъ, въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ" — „о безпорядкахъ въ Изюмѣ и Купянскѣ" — „о нерадѣніи по-

мощника учителя нижнесыроватскаго училища діакона Олейникова". Въ 1814 г. встрѣчаются дѣла „о визитаціи проф. Успенскаго уѣздныхъ училищъ губерніи" — „о *взысканіи съ учителей*, кто имѣетъ у себя на дому пансіонеровъ, пятипроцентныхъ денегъ и объ отсылкѣ ихъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія" и рядомъ: „*о невзысканіи* пятипроцентныхъ денегъ за приватное обученіе *священно и церковно-служителей* дѣтей прихожанъ своихъ" — а еще далѣе, какъ бы въ видѣ протеста бѣдныхъ свѣтскихъ учителей противъ этого пониженія тарифа на науку въ домахъ церковниковъ, „дѣло *о нехожденіи* учителей училищъ въ классы" и въ концѣ года: „*о подтвержденіи* учителямъ, *дабы они необращалися въ пянствѣ*" (мѣстное произношеніе слова пьянство) — тутъ же: „о вытѣсненіи смотрителемъ изюмскаго училища Золотаревымъ учителя того училища Башинскаго изъ училищнаго флигеля"; — въ 1815 г. „о разрѣшеніи визитаторамъ училищъ употреблять, сверхъ прогонныхъ денегъ, на наемъ квартиры и починку экипажей, по 2 процента на версту"; — въ 1816 г. „о дозволеніи употреблять *на похороны* (поправлено рукою того времени: на погребеніе) бѣдныхъ чиновниковъ по учебной части до 100 р. асс." — „о позволеніи передѣлать *печку* въ зміевскомъ училищѣ" — (дѣло на 4-хъ листахъ); — „въ 1817 г. „о установленіи *платежа* за ученіе съ учащихся въ народныхъ училищахъ" — „по предложенію попечителя гр. Потоцкаго, *не пожелаетъ ли* университетъ получать *военныя вѣдомости*" — „чтобы директоры училищъ выписывали для уѣздныхъ училищъ украинскій вѣстникъ" — „о позволеніи перекрыть и окрасить на ахтырскомъ училищѣ крышу" (дѣло на 88 листахъ). Въ 1818 г. „о томъ, чтобы при опредѣленіи къ должностямъ директорскимъ и смотрительскимъ *брать обезпеченіе*" — о томъ, чтобы учители естественныхъ наукъ доставляли въ университетъ каждогодно сѣмена разныхъ видовъ растеній и чучела животныхъ"; — въ 1819 г. „дабы *пансіоно-содержатели* не осмѣливались *поносить* другихъ пансіоновъ и публичныхъ учебныхъ заведеній" — „чтобы учители отнюдь не искали себѣ наградъ мимо мѣстнаго начальства" — „о сдѣланіи учителю харьковскаго училища Зимницкому выговора за *непозволительныя наказанія учениковъ*" — „о позволеніи смотрителю зміевскаго училища Романовскому продать лед-

никъ" (дѣло на 5 листахъ); — „о строгомъ выговорѣ купянскому учителю Малинину, за наказаніе учениковъ" — и „объ оставленіи безъ взысканія съ имѣнія бывшаго штатнаго смотрителя Ломаковскаго растраченной училищной суммы 1323 р. 55¼ к.". Съ 1820 г. мелочность распоряженій еще болѣе одолѣваетъ университетъ. Безпорядки въ народныхъ училищахъ растутъ вмѣстѣ съ ними. Въ этомъ году мы находимъ обширное дѣло: „о прекращеніи безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ"; — въ 1821 г. университетъ снова прибѣгнулъ къ „визитаціи учебныхъ заведеній" тутъ же возникло шумное дѣло, изъ пустяковъ, разумѣется: „о выведеніи изъ употребленія книги естественное право, проф. Куницына" — и еще: „о невозможности освободить домовъ почетныхъ смотрителей училищъ отъ военнаго постоя"; — въ 1822 г. „о неопредѣленіи („*таковыхъ не опредѣлять*") отпущеннаго на волю Родіонова учителемъ музыки" — „объ обидѣ, причиненной волчанскою градскою полиціею смотрителю училища Савинову" — „о покупкѣ астролябій для зміевскаго училища, въ чемъ отказано, *а позволено* сдѣлать 4 доски и другія мебели" — „о случившейся ссорѣ между учителями сумскаго училища и о перемѣщеніи ихъ въ другія мѣста" (на 163 листахъ); „по указу сената, объ обращеніи *въ первобытное состояніе* людей податныхъ сословій, въ случаѣ выбытія ихъ изъ службы до оберъ-офицерскаго чина; — въ 1824 г. „о препровожденіи образцовъ молитвъ, которыя читать предъ начатіемъ и по окончаніи ученія" — „чтобы въ мужскихъ пансіонахъ былъ преподаваемъ латинскій языкъ, а въ харьковскомъ училищѣ дѣвицъ *болѣе* занимались *рукодѣліемъ* и домашнимъ хозяйствомъ" — „о томъ, чтобы всѣ казенныя мѣста и лица, кромѣ адмиралтейства, нужныя для нихъ *чугунныя вещи* покупали въ казенной лавкѣ въ С.-Петербургѣ" (чугунъ-то! какъ дешево онъ обходился, значитъ, въ Харьковѣ, при провозѣ каждаго пуда за 1500 верстъ съ береговъ Невы!) — тутъ же „о непечатаніи чиновниками училищъ извѣстій *о поступкахъ своихъ по службѣ*, безъ дозволенія начальсгва, сверхъ обыкновенной цензуры". Впрочемъ, въ 1824 году еще видно усиліе университета отстоять свою разумную самостоятельность; подъ № 7, мы нашли въ этомъ году дѣло, на 23 листахъ: „объ освобожденіи учителя закона божія Гевлича отъ излишнихъ требованій духовнаго на-

чальства". Въ 1821 г. есть дѣло „о подпискѣ *желающихъ*, не пожелаетъ-ли кто взять *портретъ* г. министра народнаго просвѣщенія" (въ томъ же году бѣднякамъ учителямъ дѣлался вызовъ подписываться на сооруженіе памятника Дмитрію Донскому, на Куликовомъ полѣ, и Ломоносову — неизвѣстно гдѣ) и дѣло: „объ обидѣ надзирателя славянскаго училища Петренка Трояновымъ"; въ 1826 г. „о непомѣщеніи безъ дозволенія попечителя въ газетахъ никакихъ статей о происходившихъ торжествахъ въ учебныхъ заведеніяхъ"; — въ 1828 году: „о сгорѣвшихъ училищныхъ домахъ: новозыбковскомъ, никитовскомъ и лохвицкомъ" — „объ обращеніи въ податное состояніе бывшаго учителя обоянскаго училища Саламахи" — „объ обидѣ пансіоно-содержателя Денавера Павлу Зарину" — тутъ же начались сношенія, съ кѣмъ слѣдуетъ, директоровъ о знаменитыхъ „*кантонистахъ*" — „объ упадкѣ училищъ, чрезъ неотпускъ на содержаніе ихъ суммъ *отъ общества*" (въ это время уже во всемъ разгарѣ были дѣйствія правительства объ окончательной передѣлкѣ вольныхъ селъ въ губерніи въ военныя поселенія) — начались даже такія дѣла: „*о позволеніи* подѣлать зимнія окна въ домѣ сумскаго училища" (на 7 листахъ) — „о бѣжавшихъ двухъ воспитанникахъ, Добровѣровѣ и Добросельскомъ"; — въ 1830 г. „объ ученикахъ, исключенныхъ изъ учебныхъ заведеній" — „о нанесенной смотрителю волчанскаго училища Савину сотскимъ Свергуномъ обидѣ"; — въ 1831 г. „о сдѣланіи двухъ подсвѣчниковъ и двухъ умывальницъ"; — въ 1832 г. „чтобы представленія о разрѣшеніи на подѣлки и починки въ училищныхъ зданіяхъ дѣлались *съ начала весны*" — въ 1832 г. „о томъ, чтобы набивка льдомъ ледниковв, при заведеніяхъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ воспитанниковъ, отнюдь не была производима на счетъ училищныхъ суммъ" — „о мѣрахъ *противъ умноженія* пансіоновъ и частныхъ заведеній" — „о воспрещеніи обучать въ уѣздныхъ училищахъ *кантонистовъ*, при родственникахъ, на воспитаніи находящихся" — „о *побѣгѣ* ученика Пущина" „о ссорѣ между изюмскою повивальною бабкою и женою штатнаго смотрителя Пупыкина" — „объ увольненіи профессора Чанова отъ должности директора училищъ (1)". Въ 1834 г.

(1) Тотъ самый изъ *частныхъ приставовъ* Чановъ, который, по словамъ г. Каче-

мы просмотрѣли дѣла: *„о недопусканіи* приходящихъ учениковъ въ училища, *буде* они не имѣютъ нужныхъ для нихъ книгъ" — „о поступленіи съ старобѣльскимъ учителемъ Скопцовымъ по законамъ, за составленіе имъ свободнымъ хвѣбопашцамъ бѣлокуракинской волости прошенія" — „о *воспрещеніи* солдатскимъ дѣтямъ обучаться въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ, что́ до дѣтей *женскаго* пола не относится" — „о продажѣ старой избы и о сдѣланіи забора около пустаго мѣста при зміевскомъ училищѣ" (дѣло № 32 на 20 листахъ); — въ 1835 г. „о томъ, чтобы училищный комитетъ не входилъ къ его сіятельству г. попечителю съ своими представленіями" — „о представленіи подписокъ съ уѣздныхъ учителей, опредѣляемыхъ къ должностямъ, что они не принадлежатъ къ тайнымъ обществамъ" — „о содержаніи дѣвицею Лейгони женскаго пансіона безъ разрѣшенія начальства"; — въ 1836 г. „съ препровожденіемъ въ дирекцію училищъ дѣла о взятой смотрителемъ изюмскаго училища Катанскимъ изъ библіотеки онаго книги: Сводъ законовъ". Въ 1837 году, послѣднемъ въ періодѣ вліятельныхъ отношеній университета къ народнымъ школамъ, годовой отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній его округа заключалъ уже 1022 листа....

Въ *„Южномъ сборникѣ"* (учено-литературный журналъ, изд. Н. Максимова, № 10, 1859 г. Одесса) напечатаны въ высшей степени любопытныя „воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ" съ 1811 по 1815 г. въ переводѣ г. Я. Баляснаго съ подлинника, изданнаго въ 5 томѣ извѣстнаго собранія Бюлау; „Geheime Geschichten und räthselhafte Märchen". Нельзя не пожалѣть, что наша литература представляетъ такъ мало подобныхъ мемуаровъ. Покойный Роммель († 1859 г.) приводитъ кучу анекдотовъ о профессорахъ, былыхъ своихъ товарищахъ, рисуетъ смѣло картину первыхъ насажденій науки въ краѣ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, до того тогда грязномъ, что профессора вынуждены были учредить для студентовъ „грязные каникулы" (feriae luti) — въ 1811 году въ отношеніи къ наукѣ былъ еще со-

новскаго, былъ по протекціи тогдашняго попечителя назначенъ профессоромъ философіи въ харьковскомъ университетѣ. Значитъ, онъ былъ еще и директоромъ народныхъ училищъ....

вершенный хаосъ. „Все это (устройство школъ)“ говоритъ Роммель „было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена св. Винфрида и его учениковъ Штурма и Луллія. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ *училищный* комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и на время отсутствія замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами“. Описывая научныя командировки профессоровъ, Роммель, при очеркѣ своей поѣздки въ Славянскъ, говоритъ: (стр. 49). „Постоялыхъ дворовъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; за то всякая починка повозки или саней требовала много веревокъ; поэтому, не задумываясь, ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты“. Уѣздныя училища тогда едва возникали, причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели университета, показали много патріотизма; дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники первое недалекое преподаваніе“. Дворянская молодежь, по словамъ Роммеля (стр. 45), „смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; студенты, уже не молодые, изъ окрестныхъ дворянъ, поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ“. „Въ качествѣ члена училищнаго комитета, говоритъ Роммель, я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназіи, больше выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ военной и даже морской службы“. Дѣлая намеки на „обкрадываніе казны“ даже членами университета, Роммель съ горечью рисуетъ физіономіи профессоровъ, этихъ членовъ тогдашняго училищнаго комитета. „Успенскій былъ русскій крючекъ; по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось.... Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ, хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ, въ пылу спора, увлекался открытымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: „въ

протоколъ записать"! — *„довести до свѣдѣнія начальства*"! „Всегдашнею ихъ тактикою было: представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это они называли: служить вѣрою и правдою"! Отъ этого профессоръ Шадъ „однажды въ совѣщаніи до того забылся, что сказалъ: „вы всѣ холопы"! На него впослѣдствіи былъ сдѣланъ доносъ; лекціи метафизики по Шеллингу выданы за атеизмъ. Его препроводили изъ Харькова до границы и онъ кончилъ несчастную жизнь въ Іенѣ, гдѣ Гете и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Въ 1817 г. у него была мысль издать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и скандалахъ, но *крайняя нищета* заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну!

Рекомендуемъ будущему составителю исторіи харьковскаго университета наивныя и искреннія воспоминанія Роммеля. Мы касаемся внутренней жизни университета только со стороны его отношеній къ школамъ въ губерніи. Но и изъ тѣхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ, которые удалось намъ добыть и прослѣдить по этому случаю, видно, какое богатое поприще можетъ предстоять тому, кто взялся бы написать названную исторію харьковскаго университета.

Мы представили отрывки изъ печатныхъ источниковъ для очерка исторіи народныхъ школъ въ губерніи и указанія на дѣла, хранящіяся по этому поводу въ университетскомъ архивѣ. Изъ сжатаго очерка этихъ дѣлъ, съ 1805 по 1837 годъ, читатель могъ уже себѣ составить понятіе о самыхъ дѣлахъ. Мы имѣли терпѣніе просмотрѣть самыя дѣла, сдѣлать изъ нихъ много выписокъ и, принося нашу усердную благодарность начальству университета и его архиваріусу (г. Василенкѣ), передаемъ здѣсь то, что мы добыли не безъ труда изъ ближайшаго источника для узнанія былой жизни школъ, придерживаясь и здѣсь, какъ всегда, подлинныхъ словъ рукописныхъ матеріаловъ. Читатель, вѣроятно, оцѣнитъ нашу цѣль и, повторяемъ, простя намъ сухость этой части нашего труда, отдастъ должное нашей правдивости.

Надо очутиться въ провинціи, хотя бы и въ одномъ изъ оживленныхъ университетскихъ городовъ, чтобы понять всю трудность отысканія какихъ нибудь правдивыхъ свѣдѣній. Самые архивы въ южно-

русскихъ (да вѣроятно и въ сѣверныхъ) городахъ представляютъ неудобства для занятій въ нихъ болѣе, чѣмъ сколько ихъ встрѣчалъ Лейярдъ въ раскапываніи древностей Вавилона и Ниневіи въ Малой Азіи. Такъ напримѣръ, въ одинъ изъ архивовъ бывшихъ харьковскихъ военныхъ поселеній въ селѣ Андреевкѣ, гдѣ я началъ было читать дѣла упраздненныхъ недавно кантонистскихъ школъ, любопытнѣйшія по нѣкоторымъ грустнымъ сторонамъ прошлой нашей жизни, гг. чиновники, пріѣхавшіе изъ Петербурга для сожженія *лишнихъ дѣлъ* этого архива, не допустили меня туда потому только, что о моей скромной личности никто ихъ не извѣщалъ ни откуда. Въ университетскій же архивъ въ Харьковѣ такъ рѣдко навѣдываются любопытствующіе смертные, что въ началѣ моихъ занятій его сторожъ пропустилъ было туда меня и г. архиваріуса, и когда послѣдній, давно приведшій архивъ въ замѣчательный порядокъ, остался тамъ по моей просьбѣ долѣе обыкновеннаго, сторожъ его заперъ тамъ, взялъ ключь и ушелъ въ гости, такъ что г. архиваріусу могла грозить голодная смерть въ одинокихъ комнатахъ архива, надъ университетскою церковью, если бы я не воротился въ тотъ же день къ архиву за одною нужною справкой.

Изъ рукописнаго отчета объ учебныхъ заведеніяхъ харьковскаго округа (дѣло архива на 127 листахъ) за 1806 годъ видно, что въ Харьковѣ, 2-го февраля 1768 года, открыто *казенное училище*, въ 1789 году открыто *главное* и при немъ *малое народное училище*, которыя въ 1798 году марта 1-го „соединены во-едино" а въ 1805 году сентября 3-го преобразованы въ гимназію. При ней въ 1806 году книгъ было на разныхъ языкахъ 2,297, и сверхъ того книгъ для продажи на 314 руб. 14½ коп. Изъ того же отчета видно, что уѣздныя училища открыты съ 1805 — 1806 годъ: въ Богодуховѣ было съ 1793 года—малое народное, съ 1806 уѣздное - при немъ книгъ 61 и между прочимъ упоминается „мѣдная зрительная труба"; въ Ахтыркѣ съ 1790 года было также малое народное и при немъ въ 1806 году „12-ть книгъ"; въ Сумахъ малое народное съ 1790 года, гдѣ въ 1806 году считалось 62 книги; въ Валкахъ уѣздное съ 1802 года, въ самомъ Харьковѣ уѣздное съ 1805 г.; въ Волчанскѣ и Лебединѣ съ 1806 года прямо уѣздныя; въ Изюмѣ

съ 1790 года народное. Въ этихъ училищахъ смотрители были: въ Валкахъ уѣздный казначей, въ Изюмѣ, Лебединѣ городничіе, въ остальныхъ особые, съ жалованьемъ отъ 44 до 66 руб.; въ одномъ харьковскомъ смотритель получалъ 207 руб. жалованья въ годъ. Въ графѣ домовъ и вообще училищнаго имущества стоитъ вездѣ: „собственнаго имущества не имѣется". По слободско-украинской (теперь харьковской) губерніи въ 1806 году всего училищнаго прихода было: 31,114 руб.; расходу: 18,636 руб.; въ остаткѣ 12,478 руб.; въ числѣ прихода частными лицами пожертвовано только 40 руб. Сверхъ того отъ прежнихъ экономій, пожертвованія г-жи Суревцовой и другихъ казенныхъ капитальныхъ источниковъ было въ приходѣ за училищами къ 1806 году: 55,765 руб. О числѣ учениковъ въ названномъ отчетѣ указаній мы не нашли.

Въ 1810 году, по журналу училищнаго комитета, передано предписаніе по округу о доставленіи, по желанію министра просвѣщенія, болѣе подробныхъ свѣдѣній о школахъ и о числѣ учениковъ, но мы свѣдѣній этихъ и въ томъ году не нашли въ архивѣ.

Въ 1814 году въ дѣлѣ о визитаціи профессоромъ Успенскимъ заведеній округа (150 листовъ) говорится: „нѣкоторые изъ учителей харьковскаго округа, вмѣсто объясненія науки, преподаваемой ученикамъ, проводятъ время въ диктованіи собственныхъ выписокъ, чрезъ что теряется время". Въ *змiевскомъ* училищѣ визитаторъ нашелъ 39 учениковъ. „Учители поздно приходятъ въ классы, нерѣдко совсѣмъ не бываютъ, уѣзжая иногда безъ вѣдома смотрителя изъ города. Есть примѣтная къ заведенію сему неблагорасположенность простыхъ здѣшнихъ жителей; между учашимися — только одинъ крестьянскій сынъ, прочіе суть дѣти служащихъ и дворянъ; изъ купечества же и быть некому: во всемъ городѣ два купца" — „огорожа училища ветха и безобразитъ улицу; въ главную улицу выдаются амбаръ и сарай". Въ *изюмскомъ* профессоръ Успенскій нашелъ 61 ученика и 4 учениць; „успѣхи посредственные; пишутъ особливо весьма худо". „По несогласію учителей съ г. Золотаревымъ, смотрителемъ, лучшіе изъ жителей заведеніе сіе совершенно призираютъ, предпочитая отдавать дѣтей церковникамъ и приказнымъ служителямъ". Въ *купянскомъ* было: 59 учениковъ и 13-ть учениць. Успенскій говоритъ: „Учитель

Астрелинъ вредитъ училищу частыми отлучками; я его тамъ также не засталъ. По увѣренію гражданъ и при должности мало занимается, а особливо съ того времени, какъ прислано туда нѣкоторое число польскихъ чиновниковъ, съ коими онъ по большей части и обращается". „Смотритель Ломаковскій съ учениками ходитъ въ церковь, гдѣ обывательскихъ дѣтей заставляетъ читать (апостолъ и молитвы), а которые умѣютъ — пѣть, что особливо простымъ поселянамъ очень нравится". Въ *волчанскомъ* было: 63 ученика; успѣхи очень посредственные. Въ *сумскомъ* было 49 учениковъ и 2 ученицы. Успенскій выразился: „сумское уѣздное училище я почитаю лучшимъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ здѣшней губерніи" — „по попечительности смотрителя Резанова и учителя Маслова". Учениковъ тамъ тогда найдено: 113, изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 59, купеческихъ и мѣщанскихъ 25-ть человѣкъ. Въ *лебединскомъ* найдено: 49 учениковъ „смотритель Иваненковъ живетъ въ деревнѣ въ 7-ми верстахъ отъ города; на смотря на 10,000 жителей города, обыватели къ заведенію мало имѣютъ довѣрія" — Въ *ахтырскомъ* найдено 50 учениковъ „въ томъ числѣ 2 дѣвицы". „Смотритель живетъ въ деревнѣ; собраній учителей у него для педагогическихъ совѣщаній не бываетъ". Въ *богодуховскомъ* найдено 74 ученика. „Учитель Липицкій весьма не прилежно занимается; многіе ученики, пробывъ у него два года, ненаучились знать даже наименованія буквъ". — Въ графѣ общихъ замѣчаній Успенскій говоритъ: „Ни въ одномъ изъ училищъ ученики не имѣютъ даже порядочно сидѣть и держать ни пера, ни бумаги". Къ отчету приложены: жалобное „доношеніе" изюмскаго учителя Башинскаго и „доносъ" изюмскаго учителя Ярославскаго, по ссорѣ ихъ съ смотрителемъ; также: образцы чистописанія учениковъ (прописи — Діогенъ и Александръ Македонскій по-русски, и какая-то латинская; начало ея: „Asinus transit", и пр.). Итого въ 1814 году въ уѣздныхъ училищахъ губерніи было 557 учениковъ и только 8 ученицъ.

Въ 1816 году профессоръ Успенскій предложилъ университету: „при посылкѣ визитаторовъ въ училища избѣгать иностранныхъ профессоровъ университета, коимъ даются при этомъ приказные служители или студенты. Незнающій россійскаго языка профессоръ долженъ будетъ и видѣть и слышать чужими глазами и ушами, и притомъ

неопытными; а студентъ радъ воспользоваться случаемъ, избѣгая занятій своихъ по университету". Совѣтуетъ визитаторамъ: „изъ вопросовъ учителей ученикамъ, замѣчать способности тѣхъ и другихъ".

По вѣдомости о состояніи учебныхъ заведеній харьковскихъ въ 1821 году, значится: въ гимназіи учениковъ 227, въ уѣздныхъ училищахъ: харьковскомъ 99, богодуховскомъ 77, ахтырскомъ 95, лебединскомъ 63, сумскомъ 103, валковскомъ 60, волчанскомъ 48, змiевскомъ 60, купянскомъ 41 и въ изюмскомъ 77. Итого въ уѣздныхъ училищахъ губерніи было въ 1821 году 723 ученика; черезъ семь лѣтъ, съ 1814 года прибыло 166 учениковъ.

Въ это время мы находимъ уже слѣды и *приходскихъ училищъ* въ губерніи; въ харьковскомъ уѣздѣ: въ селѣ Деркачахъ 22 ученика, въ Ольшанѣ 24, въ Липцахъ 12; въ богодуховскомъ уѣздѣ: въ селѣ Крючикѣ, съ 1804 года, (В. Н. Каразина) 33, въ Калантаевѣ 19, въ Краснокутскѣ 37, въ Никитовѣ 17; въ сѣннянскомъ значились въ отчетѣ: учитель, помощникъ и надзиратель; а въ графѣ учениковъ сказано: „нѣтъ учениковъ"; въ ахтырскомъ уѣздѣ, въ селѣ Боромлѣ 56, въ селѣ Котельвѣ 20; въ лебединскомъ въ г. Недригайловѣ (съ 1811 года) 22. Въ сумскомъ: въ Бѣлопольи, ворожбянскомъ, климовскомъ, рѣчанскомъ, вышесыроватскомъ и чернечинскомъ значились вездѣ учитель, помощникъ и надзиратель, съ отмѣткой: „учениковъ не имѣется"; въ прорубскомъ 14, стеуковскомъ 21, въ нижнесыроватскомъ (съ 1812 года) 45 и въ тимофеевскомъ (съ 1812 года) 13. Въ валковскомъ уѣздѣ: въ с. Новой-Водолагѣ и Коломакѣ значатся учителя и надзиратели, но безъ учениковъ; въ купянскомъ, въ топольскомъ училищѣ значится 6 учениковъ, въ изюмскомъ: въ Славянскѣ 30. Итого въ сельскихъ училищахъ числилось въ 1821 году 391 ученикъ. — Нельзя не принять къ свѣдѣнію и частныхъ пансіоновъ въ Харьковѣ, гдѣ въ 1821 году значилось учениковъ: въ пансіонѣ Коваленкова 49, Рейпольскаго 26, Адольфа Роберти 27, Михаила Робуша 39; итого 141 ученикъ. Въ женскихъ: Делавинь 44, Анны Нагель 27 и въ харьковскомъ училищѣ дѣвицъ 22; итого 93. Слѣдовательно съ учениками гимназій, въ училищахъ губерніи въ 1821 году было 1,575 учащихся.

Въ отчетѣ за 1823 годъ мы нашли цифры почти тѣ же. При-

бавился частный женскій пансіонъ иностранки Дарьи Шубертъ. Въ уѣздныхъ училищахъ учениковъ прибавилосъ; общая цифра ихъ стала 165. За то во всемъ харьковскомъ уѣздѣ въ приходскихъ „по не отпуску на содержаніе ихъ отъ обществъ суммъ, ученія въ теченіи года не было".

Въ декабрѣ 1828 года ревизоръ Павелъ Шеншинъ нашелъ училища волчанскаго уѣзда въ наилучшемъ состояніи. По отчету за 1829 годъ оказывается: прибавились въ Харьковѣ пансіоны Ольденборгера, съ 49 учениками, Зимницкаго 20, майорши Прелато 33, коллежской регистраторши Бирихъ 34, иностранки Кроль 12, и въ Ахтыркѣ подполковницы Захаровой 31.

За другіе годы отчетовъ въ архивахъ до 1829 года мы не нашли. Въ этомъ году въ харьковской гимназіи было 329 учениковъ, въ сумскомъ уѣздномъ училищѣ 139, въ купянскомъ 98 (противъ 1821 года вдвое). За то большая часть приходскихъ училищъ были закрыты, по неимѣнію суммъ на содержаніе. Всего было закрыто въ 1829 году 22 приходскихъ училища. Бумаги отчетовъ этого года всѣ проткнуты, по случаю карантиновъ.

По отчету 1830 года, въ уѣздныхъ училищахъ *выбыло* кончившихъ ученіе: въ харьковскомъ 26, богодуховскомъ 8, ахтырскомъ 7, лебединскомъ 10, сумскомъ 10, валковскомъ 12, волчанскомъ 5, змiевскомъ 10, купянскомъ 9, изюмскомъ 7, и старобѣльскомъ 6.— Приходскихъ было закрыто 5 училищъ. Изъ гимназіи вышло кончившихъ курсъ 35, неокончившихъ 19; всѣхъ было учениковъ 320.— Въ 1831 году перемѣны почти не было.—Въ 1832 году въ отчетѣ прибавился рапортъ директора училищъ Чанова о состояніи „бабаевскаго училища взаимнаго обученія" *въ с. Бабаяхъ въ домѣ помѣщика Александра Щербинина*, гдѣ оказались 1 учитель, 19 учениковъ помѣщичьихъ крестьянъ и 2 ученика стороннихъ хлѣбопашцевъ; больше указаній на эту школу въ архивѣ мы не нашли. Въ это время за то школы кіевскія, бывшія въ вѣдѣніи харьковскаго округа, представляли самые подробные отчеты. — За 1833 годъ въ архивѣ мы нашли новый отчетъ о „школѣ при харьковской евангелической церкви" гдѣ значится: „начала образоваться съ 1827 г. на счетъ пастора той церкви Розенштрауха, -- учителей 4, учащихся

25; ученіе по-нѣмецки". — 1832 годъ вообще перемѣнъ въ составѣ училищъ не представляетъ, какъ видно изъ полнаго отчета дирекціи. Въ харьковской гимназіи въ 1832 г. было 357 учениковъ; изъ нихъ кончило курсъ 57, безъ аттестатовъ выбыло 26; — въ 1833 г. мы уже находимъ 366 учениковъ, изъ нихъ вольно-приходящихъ 279. А всего въ 1833 году находимъ въ губерніи: учащихъ 220, чиновниковъ при училищахъ 46; учениковъ училищъ и гимназіи: 1801, ученицъ 131; итого 1932 учащихся. Противъ 1821 года (черезъ 12 лѣтъ) прибавилось 357 учащихся.

Въ особой вѣдомости о дѣлахъ училищъ по губерніи за 1833 и 1834 г. (заключающей 103 листа) оказывается: уѣздныхъ училищъ въ губерніи было за эти два года 11, приходскихъ 18, 1 гимназія и частныхъ пансіоновъ 8. — Вышло учениковъ изъ этихъ заведеній 448, изъ нихъ кончило курсъ 126, не окончило 220, исключено 2. Поступило вновь къ 1834 году 472, изъ нихъ: дворянъ 115, оберъ-офицерскихъ дѣтей 131, купеческихъ 76, мѣщанъ 36, вольноотпущенныхъ и разночинцевъ 114. — Число всѣхъ учащихся въ губерніи было: 1402, менѣе противъ 1833 года 530 учащимися; изъ нихъ дворянъ 340, купцовъ 93, мѣщанъ 205, войсковыхъ обывателей 165, и пр. — По гимназіи отмѣтка: оказавшихъ успѣхи въ наукахъ 776, посредственнаго старанія 478, поведенія хорошаго 881, посредственнаго 430. — На лицо было постоянно около 280 ч. Книгъ въ учебныхъ заведеніяхъ считалось 2136, 7925 томовъ. — „Изъ чиновниковъ и преподавателей, сверхъ своей должности, никто въ губерніи не занимался учебными трудами въ училищахъ". — Распродано книгъ учебныхъ черезъ дирекцію губерніи на 7,002 р. 59½ коп. Въ общихъ замѣчаніяхъ, въ концѣ отчета, сказано: „лучшими въ губерніи училищами считаются: волчанское, купянское, зміевское, старобѣльское, лебединское и сумское; по числу учащихся лучшими: харьковское, сумское, богодуховское, зміевское, изюмское, волчанское, лебединское и ахтырское". — Еще сказано, что изъ низшаго отдѣленія 1 класса харьковскаго уѣзднаго училища, съ 1 апрѣля 1834 года, образована школа взаимнаго обученія, содержимая на счетъ городской думы, гдѣ было 75 учениковъ. — Въ богодуховскомъ уѣздѣ оказывается новое приходское училище, въ с. Каплуновкѣ, съ отмѣткой: „основано по-

мѣщикомъ Осиповымъ, въ 1822 г., на свой счетъ".—Отчетъ за 1835 годъ послѣдній въ архивѣ училищнаго комитета и мало разнится отъ отчета за 1834 г. Число всѣхъ учащихся къ 1836 году въ губерніи въ училищахъ было 1539; изъ нихъ, по словамъ отчета, *помѣщичьихъ крестьянъ 119*, иностранцевъ 7, дворянъ 476, купцовъ 146, мѣщанъ. 136, войсковыхъ обывателей 210.—„Изъ чиновниковъ и преподавателей (также) сверхъ своей должности никто учеными трудами не занимался". — Распродано книгъ училищами на 4504 руб. 92½ к. Исходящихъ бумагъ по дирекціи училищъ слободско-украинской губерніи въ 1835 году было: 5418

Но вернемся еще къ нѣсколькимъ чертамъ прошлой училищной жизни въ губерніи.

Въ архивѣ хранится дѣло (№ 369) 1808 года о веденіи учителями харьковскихъ училищъ „историческихъ, топографическихъ, метеорологическихъ и статистическихъ наблюденій". Нѣкоторые извѣщали поэтому о разныхъ разностяхъ: „о юго-западномъ жестокомъ вѣтрѣ, съ наивеличайшимъ градомъ, выбившимъ сто шесть стеколъ, какое происшествіе случилося во многихъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ"—„примѣчена на небѣ южно-западной стороны комета, имѣющая хвостъ къ югу, тускла, противъ большой медвѣдицы" и пр. и пр.

Мы нашли отчетъ о харьковскихъ училищахъ и числѣ всѣхъ учениковъ во всѣхъ ихъ, съ 1800 по 1806 годъ. Оказывается (дѣло № 105, 1806 г.) изъ него, что учениковъ было во всѣхъ уѣздахъ губерніи:

	дворянъ		разночинцевъ		итого.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1800 года . .	115	„	371	7	486	7
1801 — . .	125	„	341	7	456	7
1802 — . .	165	3	332	5	497	8
1803 — . .	165	6	342	7	507	13
1804 — . .	212	8	375	12	587	20
1805 — . .	289	11	310	7	599	18
1806 — . .	298	8	300	7	598	15

Это небольшое число учащихся снабжалось лучшими въ то время книгами.

Съ 1805 по 1810 годъ въ харьковскомъ округѣ въ ходу были, между прочимъ, слѣдующія книги, о которыхъ мы находимъ слѣдъ въ дѣлахъ архива.

1) О правахъ и обычаяхъ древнихъ римлянъ.

2) Исторія Блюменбаха, въ 3 частяхъ.

3) Зрѣлища вселенныя, на французскомъ, нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ.

4) Исторія Д'Анкетиля, въ 2-хъ частяхъ.

5) Кестнерова математика, въ 4-хъ частяхъ.

6) О должностяхъ человѣка, безъ вопросовъ.

7) Минералогія Севергина.

8) Математика Осиповскаго, въ 2-хъ частяхъ.

9) Статьи о душѣ человѣческой.

10) Размышленія о природѣ растущаго винограда.

11) Физика Галяровскаго.

12) Пространная исторія россійская Штритера, въ 3-хъ частяхъ, и проч. и проч.

Въ запискѣ „о шалостяхъ и наказаніяхъ учениковъ за 1830 г.“ значится, что шалости состояли въ самовольныхъ отлучкахъ учениковъ — „ученикъ О.рицъ грубилъ рисовальному учителю Андреевскому и кричалъ“ — „учителю латинскаго языка Кульжинскому неучтиво отвѣтилъ ученикъ: я буду просить васъ, чтобы вы уволили меня навсегда изъ вашего класса“ — „ученикъ уличенъ съ нѣкоторыми другими учениками въ заведеніи какого-то частнаго театра“ (??) противъ послѣдней шалости отмѣтка: „посаженъ былъ въ карцеръ“ — „ученикъ Янковичь бранился въ классѣ непристойными словами“ — ученикъ Голенищевъ бродяжничаетъ по городу и намѣривался вовсе убѣжать изъ города“ „ученикъ, призванъ будучи къ выговору, объявилъ, что намѣренъ поступить въ военную службу“ (отмѣтка: „8 мая посаженъ за то въ карцеръ“) — „у ученика Александрова найдены трубка и табакъ“ („15 февраля посаженъ въ карцеръ на 6 часовъ“) — „онъ же, 5 мая, стоя на колѣняхъ, объявилъ громко, что не хочетъ учиться“ — „ученикъ Денисовъ шалитъ въ классѣ и, будучи уже наказанъ,

смѣется, сверхъ того ослушенъ, и былъ встрѣченъ шатающимся по городу" (отмѣтка: „8 февраля извѣщены его родители, чтобы приняли мѣры къ его исправленію; имя его оглашено съ кафедры и онъ былъ посаженъ на два дня въ карцеръ").

Но нѣкоторые учителя въ поведеніи не отставали отъ своихъ учениковъ.

Изъ дѣла 1806 г. августа 24 видно, что по рапорту ахтырскаго смотрителя Мандрыки, учитель ахтырскаго малаго народнаго училища прапорщикъ Иванъ Столбъ-Ратынскій „худаго поведенія, прилежанія не имѣетъ, а распутную жизнь и нерѣдкое пьянство, не аттестуется". Мандрыкѣ поручено было отъ 1-го сентября 1806 г. „о исправленіи Столбъ-Ратынскаго начальническимъ увѣщаніемъ и ежемѣсячными о немъ донесеніями". Вѣроятно онъ исправился; но 1810 г. февраля 5-го, какъ видно изъ другаго дѣла (№ 621), умеръ отъ горячки и женѣ его Феофилѣ съ дочерью выдано пособіе въ 325 р. асс., „по крайней ея бѣдности и трудности имѣть дневное пропитаніе".

Въ 1829 г. много шума надѣлало въ Харьковѣ бѣгство двухъ гимназистовъ изъ города и гимназіи, именно: казенно-коштнаго, крещеннаго еврея Григорія Добровѣрова, и своекоштнаго, сына корнета Вестфальской службы, Дмитрія Доброславскаго. Изъ архивнаго дѣла о нихъ (№ 1594), найденнаго нами, видно, что тогда сильно въ модѣ была въ школахъ военная служба. По протоколу „нарочитаго засѣданія" по сему казусу педагогическаго совѣта гимназія, значится: „20-го мая 1829 г. означенные ученики, по нравственности и поведенію *одни изъ худшихъ*, во время сна товарищей вышли тайно изъ гимназіи, наняли на постояломъ дворѣ кибитку и бѣжали, съ цѣлью ѣхать въ Старый-Константиновъ, испросить у родственниковъ денежное вспомоществованіе для опредѣленія въ военную службу; но въ 60 верстахъ отъ Харькова пойманы надзирателемъ гимназіи штабсъ - капитаномъ Апаринымъ и гимназическимъ швейцаромъ, унтеръ - офицеромъ Куценкомъ, извѣстными по особенной расторопности для преслѣдованія, остановленія и обращенія воспитанниковъ снова въ гимназію". — Совѣтъ присудилъ ихъ исключить, а до присылки за ними родныхъ продержать при городской полиціи въ дежурной камерѣ. На дѣлѣ учитель математики Ѳ. Л. Тюринъ, при подписаніи прото-

кола остальными членами совѣта, написалъ: „По класснымъ замѣчаніямъ моимъ, *они не были изъ худшихъ учениковъ*“.

Изъ дѣла о пожертвованіяхъ на училища губерніи (№ 1236) видно, что на публичномъ актѣ въ лебединскомъ училищѣ, въ 1814 г., нѣкто Григорій Демидовъ пожертвовалъ на училище 5 р. и стѣнные часы въ 10 р. асс, при этомъ другіе еще пожертвовали 40 р. асс. Въ Зміевѣ на актѣ 1814 г. пожертвовали 20 руб. Петръ Богуславскій и др. Болѣе въ архивѣ дѣлъ о жертвахъ на школы въ губерніи мы не нашли. Въ 1811 г. (№ 707), въ дѣлѣ о проступкахъ директора училищъ Харьковской губерніи Шредера, оказывается, что Шредеру читанъ выговоръ министра просвѣщенія „за сѣченіе ученика Зубкова розгами и за битьё тростью, раздѣвъ до рубахи, ученика Калиновскаго“—за каковые неприличные поступки грозились его отставить: „такъ какъ они истребляютъ въ дѣтяхъ любочестіе и отъ таковаго воспитанія грубѣютъ чувствованія, благородный образъ мыслей, съ каковыми дѣти *нерѣдко* поступаютъ изъ домовъ своихъ въ училища и въ нихъ оныя теряютъ, вопреки цѣли просвѣщенія, а въ директорѣ вмѣсто отца представляютъ себѣ мучителя“.—Этотъ выговоръ посланъ по округу циркуляромъ; вѣроятно на это были у попечителя и другія причины, не одна жестокость Шредера.

Любопытно, что въ такіе дни самовластія и насилій училищныхъ бюрократовъ, литературные селадоны добраго стараго времени стремились угощать насильно училища своими литературными грѣхами. Графъ Хвостовъ былъ почетнымъ членомъ харьковскаго университета и въ 1811 году прислалъ ему 25 экземпл. своего сочиненія: „о пользѣ критики“ въ стихахъ, прося въ письмѣ: „*разсыпать* оное по училищамъ губерніи, какъ оное сочиненіе есть *классическое*“. Университетъ исполнилъ его просьбу, при чемъ возникло дѣло (№ 682) на 20 листахъ.

Но начальство иногда просыпалось и принимало болѣе рѣшительный тонъ въ отношеніи злоупотребленій губернскихъ училищныхъ педагоговъ. Вотъ документъ о пьянствѣ.

Въ 1814 г. января 31, за № 323, харьковскимъ университетомъ получено отъ министра просвѣщенія гр. Алексѣя Кириловича Разумовскаго предложеніе слѣдующаго содержанія, по школамъ губерніи:

„Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію моему, усматриваю, что учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко *обращаются въ пьянствѣ* такъ, что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предписываю харьковскому университету, *собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей*, объявить имъ, что если кто либо изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, столь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ. О каждомъ таковомъ, къ опубликованію подлежащемъ, предварительно представлять мнѣ. Подлинное подписалъ: гр. Алексѣй Разумовскій“.

Серьезныя раны въ тогдашнемъ губернскомъ обществѣ рисуетъ этотъ циркуляръ. Намъ пришлось его копію найти въ бумагахъ одного стараго учителя въ городкѣ губерніи, въ связкѣ другихъ бумагъ покойника, переданный намъ его родичемъ. Этотъ циркуляръ былъ присланъ къ нему, вѣроятно, нѣкогда въ копіи, какъ къ имѣющему въ нему отношеніе. На поляхъ бумаги рукою учителя сдѣлана отмѣтка былаго гуляки-учителя, въ гробъ унесшаго съ собою неисправимость въ дѣлѣ, сердившемъ такъ министра: „хорошо вамъ, господа, начальство; да намъ-то плохо“. Тутъ же, какъ видно любимая нѣкогда холостяка учителя, лежала пожелтѣвшая книжка прошлаго времени: „наставленіе молодымъ госпожамъ, вступающимъ въ свѣтъ и брачные союзы“, соч. г-жи Ле-Пренсъ де Боментъ. Перевелъ Ефимъ Руничь. Москва, въ тип. Новикова. 1788 г.“ (въ книгѣ сохранился пучекъ полевыхъ волошковъ) и тетрадь: „Между грѣхами и бездѣльемъ, собраніе разныхъ пѣсень масонскихъ. Григорія Капустянскаго. 1774 г.“, Этотъ бѣднякъ учитель, говорятъ, умеръ, повѣсившись отъ тоски и скуки, когда лишился мѣста за пьянство.

Если читатель перенесется въ школьную жизнь губерніи прошлаго времени, набросанную въ этихъ замѣткахъ, онъ съ одной стороны увидитъ тщетныя попытки высшаго начальства облагородить ее, а съ другой грубую мѣстную среду, гдѣ такъ плохо принимались эти бюрократическія сѣмена.

Нашъ вѣкъ, слѣдовательно, недалеко ушелъ еще тогда отъ вѣка

Екатерины II, когда петербургскія руководства для училищъ наивно перечисляли то, что̀ слѣдовало запретить. „Руководство учителямъ народныхъ училищъ“, 1789 г. (2-е изданіе), запрещало: „тѣлесныя наказанія, ремни, палки, плети, линейки и розги, пощечины, толчки и кулаки, драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши, всѣ посрамленія и устыженія, уши ослиныя и названіе скотины, осла“ и т. п. „Уставъ, 1786 года, для народныхъ училищъ“ предписывалъ учителямъ: „не дѣлать смѣшныхъ тѣлодвиженій, не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу“.

Объ училищахъ вѣдомства духовнаго, государственныхъ имуществъ, военныхъ, а нынѣ южныхъ поселеній, благотворительнаго общества, помѣщичьихъ экономій, временно-обязанныхъ крестьянъ и прочихъ, мы скажемъ ниже, въ обозрѣніи нынѣшняго положенія школъ въ губерніи, давно ожидающихъ той благословенной поры, когда всѣ разнородныя училищныя начальства сольются въ одно съ расширеніемъ правъ мѣстнаго самоуправленія училищъ.

Пробѣгая въ памяти приведенныя въ этомъ очеркѣ былыя стороны училищной жизни въ губерніи, читатель увидитъ, что эта жизнь шла не очень успѣшными шагами. Мы не находимъ большаго прогресса въ насильственной отдачѣ солдатскихъ дѣтей въ школы для кантонистовъ, сравнительно съ эпохой 1808 года, когда производилось въ канцеляріи университета дѣло „объ истребованіи изъ семинаріи студентовъ“ для наполненія аудиторій этого университета, или когда изъ Петербурга въ 1807 году предписывалось завести въ Харьковѣ „двѣ или три гимназіи“. Насланіе подобныхъ предписаній изъ Петербурга въ губерніи вызывало подобные же перуны и изъ Харькова по уѣздамъ, откуда, наконецъ, стали возникать запросы дирекціи училищъ и переписка съ нею на десяткахъ листовъ—„о передѣлкѣ печки въ зміевскомъ училищѣ“ или „о починкѣ крыши ахтырскаго училища“. Дѣла самой дирекціи училищъ представляютъ множество примѣровъ подобнаго разъѣдающаго вмѣшательства и контроля дирекціи надъ самыми ничтожными сторонами жизни сельскихъ училищъ въ губерніи.

Не выиграли училища и отъ замѣны визитаціи профессоровъ визи-

таціями чиновниковъ дирекціи. Внѣшняя, или казовая сторона, стала играть тутъ главную роль. Дисциплина и чинопочитаніе между учителями были вскорѣ введены успѣшнѣйшія, въ особенности въ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и военныхъ поселеній, о чемъ мы скажемъ ниже. За то сама наука въ народѣ въ послѣднее время шла, да и теперь, надо сознаться прямо, идетъ тѣми же черепашьими шагами, какими шла во времена буйства мифическаго ахтырскаго учителя Столпъ-Ратинскаго и ссоры изюмской повивальной бабки съ женою смотрителя училищъ Пупыкина.

Этотъ же бѣглый очеркъ убѣдитъ, надѣюсь, читателя въ той истинѣ, что хотя школы по харьковскимъ селеніямъ были открыты еще въ началѣ XVIII-го вѣка, усиліями мѣстнаго духовенства, но въ нихъ приготовлялись только будущіе служители клиросовъ и алтарей. Грамотность черезъ нихъ въ народъ собственно не проникала. За то, готовя пѣвчихъ, пономарей, дьячковъ и дьяконовъ, эти петровскія школы въ то же время въ этихъ лицахъ готовили будущихъ учителей. Народъ тогда искалъ въ наукѣ одного: узнанія немногихъ молитвъ, догматовъ вѣры и пѣнія церковныхъ кантовъ. Послѣднія распѣвались даже на званыхъ частныхъ пирушкахъ. Спѣть кантъ значило тогда то же, что теперь сыграть польку или вальсъ. Но если въ началѣ XVIII-го вѣка, въ петровскихъ греко-славянскихъ школахъ преобладала стихія церковная, внѣшне-обрядовая, вліявшая на народъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ полулатинскихъ и также полудуховныхъ народныхъ нашихъ школахъ было также народнаго одно названіе. Мало утѣшительнаго принесъ этимъ школамъ и XIX вѣкъ. Тутъ сельскія школы подавлены чиновничьимъ вліяніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Но объ этомъ скажется въ слѣдующей половинѣ этихъ замѣтокъ, именно, въ обозрѣніи харьковскихъ школъ за послѣднее время ихъ существованія, гдѣ предлагается читателямъ очеркъ первоначальныхъ школъ въ селеніяхъ помѣщичьихъ, государственныхъ крестьянъ, военныхъ поселянъ, въ мѣстечкахъ, населенныхъ мѣщанами, школъ духовныхъ, благотворительныхъ и пр., съ отзывами о нихъ простаго народа, высшаго общества, самихъ учениковъ и ихъ учителей, въ томъ числѣ мѣстнаго духовенства, до 690 отзывовъ котораго о школахъ я имѣлъ случай прочесть въ подлинникѣ. Наука, о вліяніи ко-

торой на народъ мечталъ въ началѣ XVIII-го вѣка Петръ I-й, а въ началѣ XIX-го вѣка профессоръ Каменскій, шла съ 1709 года, когда возникли первыя школы въ губерніи, до сихъ поръ, можно утвердительно сказать, не касаясь самаго народа.

Число жителей въ Харьковской губерніи въ настоящее время, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета (1) *681,967* муж. и *688,180* жен. пола.—Изъ нихъ государственныхъ крестьянъ *367,635* муж. и *376,068* жен. пола; бывшихъ помѣщичьихъ *191,857* муж. и *199,238* ж. пола крестьянъ; дворовыхъ *38,653* муж. и *37,859* жен. пола; мѣщанъ и купцовъ вмѣстѣ по *20,000* муж. и жен. пола; военныхъ, нынѣ южныхъ поселянъ, по „Описанію Харьков. губерніи" г. Кованько (1856 г.), около *200,000* ч. обоего пола; а всего жителей въ губерніи обоего пола около *1,400,000 ч.*

Новое время, къ сожалѣнію, въ отношеніи къ дѣлу грамотности народа въ Харьковской губерніи, не вездѣ принесло новыя истины. Люди вліятельные и дѣльные здѣсь до сихъ поръ остаются во многихъ отношеніяхъ съ застарѣлыми предразсудками.

Одинъ священникъ говорилъ намъ: „Жалованье мнѣ назначено 100 руб. сер. въ годъ; приходъ у меня разбросанъ на пространствѣ двадцати-пяти верстъ; зимою приходится въ одинъ день ѣхать за десять верстъ хоронить и къ вечеру въ другой конецъ за двѣнадцать верстъ пріобщать или крестить. На этотъ случай я изъ своего жалованья было-нанялъ за 120 руб. сер. себѣ помощника изъ бывшихъ кантонистовъ, такъ сказать въ репетиторы, потому что какъ же я солдату поручу школу вполнѣ? А приплатилъ я ему своихъ 20 руб. потому, что онъ, сидя лѣтомъ на бакшѣ, а зимой въ помѣщичьей конторѣ, больше 100 руб. навѣрное заработаетъ. Что же? Пріѣхалъ это вдругъ нашъ окружной; три года въ слободѣ нашей не былъ. Вошелъ въ школу съ сигаркой, увидѣлъ моего помощника, разругалъ его, выждалъ меня къ вечеру и напустился: какъ ты смѣлъ нанимать постороннихъ? ты записанъ у меня въ спискѣ учителей, жалованье получаешь, ну, и учи!—Велѣлъ выгнать репетитора, я и разсчиталъ его. Съ той поры по цѣлымъ недѣлямъ я иной разъ не вырвусь въ

(1) См. Памятную книжку г. Голяховскаго о губерніи на 1863 г стр 93—95.

школу, дѣти безъ надзора: а жалованье мнѣ идетъ акуратно — совѣстно его и брать-то... а дѣлать нечего, теперь беру!"

Въ перепискѣ харьковскаго губернскаго о крестьянскихъ дѣлахъ присутствія съ гг. мировыми посредниками, или собственно въ дѣлѣ его о школахъ, возникшемъ вслѣдствіе періодическихъ запросовъ изъ Петербурга о грамотности бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ со стороны г. министра внутреннихъ дѣлъ, я нашелъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ г. мироваго посредника 3-го участка лебединскаго уѣзда, за № 81, отъ 1-го февраля 1863 г. § 2-й: „Въ понятіяхъ крестьянъ здѣшней мѣстности сильно укоренилось убѣжденіе, что грамотный человѣкъ не можетъ быть хлѣбопашцемъ, не можетъ быть и хорошимъ хозяиномъ; къ сожалѣнію, *тутъ есть значительная доля правды*—если обратить вниманіе на мѣстныхъ грамотныхъ крестьянъ государственныхъ имуществъ. Временно обязанные же крестьяне охотно принимаютъ все то, въ пользѣ чего они такъ сказать практически убѣдились".

Когда я передалъ этотъ отзывъ почтеннаго посредника лебединскаго уѣзда въ другихъ мѣстностяхъ губерніи и въ самомъ лебединскомъ уѣздѣ крестьянамъ, они отвѣчали:

—„Нѣтъ, не такъ. Сами мы знаемъ, почему Терéшко писарь ворочаетъ волостью, мутитъ всѣхъ и обманываетъ; потому что на двѣ тысячи человѣкъ въ волости Терéшко почти одинъ грамотный; его некому повѣрить и вывести на чистую воду его „побрехéньки". А какъ господа посредники дадутъ намъ толкъ, да вразумятъ нашихъ міроѣдовъ, говоруновъ изъ нашего брата крестьянъ, чтобы школы были открыты, какъ дѣло божье и мірское, да на двѣ тысячи душъ у насъ будетъ въ волости хоть двадцать грамотѣевъ, такъ ни Терéшко, ни какой нибудь Шельмéнко не слишкомъ-то заберутъ силу въ народѣ, и всякому станетъ ясно, гдѣ обманъ, и гдѣ настоящее дѣло. Такъ-то-съ".

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ на ту же мысль помѣщичьи крестьяне говорили:

—Намъ брать примѣръ съ палатскихъ? (1) Нѣтъ, мы еще имъ

(1) « Слово: « государственные крестьяне » между народомъ въ губерніи чаще замѣняется словомъ « палатскіе ».

примѣръ дадимъ. Неграмотные мужики плохіе хозяева, а грамотные кантонисты. Кто въ грамотные изъ мужиковъ идетъ? Гдѣ въ семьѣ двое, либо трое, тамъ отецъ и отдастъ въ школу мальчишку; выучилъ его читать да цифири, да молитвамъ, и беретъ опять къ себѣ на свое дѣло; да и въ годы ученья его въ лѣтнюю пору мальчикъ тоже отцовскій скотъ пасетъ, либо погонычемъ за плугомъ ходитъ. А кантонисты — вотъ тѣ, такъ многихъ сбивали съ толку. Дорвались до книжной мудрости и пошли поддѣлывать паспорты, да ябеды писать, либо дурить насъ темныхъ да подводить головъ и цѣлые волостные сходы на всякія каверзы. Нѣтъ! Ни мы, ни палатскіе, ни военные крестьяне—никто тутъ въ селахъ не противъ грамоты. Дайте ее только намъ самимъ заводить, но не по одной охотѣ, а по закону, чтобъ дураки изъ нашего брата молчали, да гривны несли не въ кабакъ, а въ казну на школы".

Другой священникъ, о. М—й, мнѣ говорилъ: „Страшная бѣдность нашей слободы мѣшаетъ увеличенію числа учениковъ этою зимою. Вѣрите ли, у меня въ этомъ приходѣ есть семейства, гдѣ *одна пара сапоговъ круглый годъ*, значитъ и зимою, *служитъ отцу, матери и ихъ крошечнымъ дѣтямъ*, при выходѣ на воздухъ, въ непогоду и въ холодъ; за то и при бѣдности какъ чистоплотны украинцы"! Читатель при этомъ вѣроятно вспомнитъ, что въ Малороссіи лаптей не носятъ и что, слѣдовательно, названныя семейства буквально владѣютъ одною парою обуви. Кстати о городахъ. Въ Зміевѣ въ приходскомъ училищѣ сторожъ получаетъ 6 руб. сер. въ мѣсяцъ жалованья, а учитель 5 руб. Учитель этотъ пришелъ сюда пѣшкомъ, въ одной крестьянской свиткѣ, чуть не умирая съ голоду. Онъ торговаться о цѣнѣ за трудъ свой не могъ; а сторожъ могъ, тогда базарныя цѣны заработковъ были высоки.

По поводу этой бѣдности нельзя не вспомнить, что въ Зміевъ, Изюмъ и другіе города губерніи, въ 1857 г., разосланы по уѣзднымъ училищамъ модели аршиновъ, кубическихъ и линейныхъ вершковъ, четвертей и прочаго, что и безъ моделей отлично узнаютъ дѣти мѣщанъ и другихъ горожанъ, и округъ взыскалъ за это съ каждаго училища по 100 р. сер. Модели эти лежатъ безъ употребленія, пылятся и пачкаются мухами.

Я позволю себѣ остановиться на слѣдующихъ мнѣніяхъ священника, о. А. А—ва, въ школѣ и въ обществѣ котораго я провелъ нѣсколько часовъ въ сентябрѣ минувшаго года.

—„Гг. чиновникамъ, кто бы они ни были (говорилъ мнѣ о. А. А—въ), при осмотрѣ сельскихъ школъ, не вездѣ скажутъ правду... Я знаю, что правда не тонетъ и на днѣ моря; но правда также и то, что *беззащитные поборники ея часто гибнутъ на сушѣ*... Былъ—зачѣмъ вамъ знать, въ ближнемъ ли уѣздѣ, или у кого изъ дальнихъ моихъ товарищей?—начальникъ по школѣ, то-есть окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ... Разсказъ о немъ и о его дѣйствіяхъ по училищамъ его округа можетъ быть очень назидателенъ... Но я его теперь оставлю. Не то мнѣ хочется вамъ теперь передать. Мнѣ всегда странно было: зачѣмъ наши законовѣды и мыслители ищутъ съ такой энергіей конца тамъ, гдѣ нѣтъ еще прочнаго начала, заботятся о пріисканіи учителей, когда почти нѣтъ еще у насъ ни училищъ, ни учениковъ? На бумагѣ, пожалуй, ихъ много, чуть ли не больше прошлогоднихъ воскресныхъ школъ, а на дѣлѣ очень мало. По бумажнымъ отчетамъ чуть не вся Россія уже просвѣщена. Можно ли назвать училищемъ такое мѣсто, гдѣ числится 25 учениковъ, а постоянно изъ нихъ въ классы не ходитъ ни одинъ? Иной ученикъ у тебя въ сельской школѣ, смотришь, появится два-три раза въ мѣсяцъ; иной ходитъ въ школу и цѣлую недѣлю, а потомъ двѣ и три недѣли сидитъ дома, ровно ничего не дѣлая; иного не видишь мѣсяца два, смотришь—явился, потомъ опять исчезъ, посѣтилъ училище еще раза три въ годъ—и опять его нѣтъ. Что же съ нимъ дѣлать? Выключить за нерадѣніе? Но какая польза въ этомъ? Да вѣдь онъ же ходитъ! Значитъ, все-таки учится, а сотни другихъ и вовсе не ходятъ; ну, и миришься съ этимъ. Заставить же мальчиковъ чрезъ родителей постоянно ходить въ школу, Боже сохрани! начальство завопитъ, что это — насиліе; міроѣды мужичье доносами его завалятъ“.

—А вразумлять самихъ дѣтей? спросилъ я:—вразумлять ихъ родителей, безъ понудительныхъ мѣръ? Вы же съ ними всегда вмѣстѣ...

—Нѣтъ, господа! Студенты университетовъ не крестьянскіе оборванные ребятишки; они вполнѣ уже сознаютъ необходимость и пользу

просвѣщенія, а и то часто злоупотребляютъ свободою посѣщенія лекцій. Будто бы вы не слышали, что большинство ихъ нерѣдко круглый годъ шатается по кандитерскимъ, да по театрамъ, куритъ да ораторствуетъ на сходкахъ у пустѣйшихъ изъ своихъ товарищей, или занимается волокитствомъ за барышнями, вывѣшивая на желеткахъ цѣпочки, да отпуская нѣмецкія кудри и французскія бороды, а къ экзаменамъ старается на-скоро заучить кое-какія верхушки изъ лекцій добродѣтельныхъ профессоровъ, а иные даже рѣшаются подмѣчать билеты на выученные имъ отвѣты. Какого же успѣха въ этой свободѣ ждите вы отъ крестьянъ и отъ крестьянскихъ мальчиковъ, едва имѣющихъ понятіе о своемъ человѣчествѣ? Положимъ, что мы, священники — наставники народа, въ это время, люди необразованные и грубые, какъ насъ величаютъ. Возьмитесь, однако, вы, народъ просвѣщенный и нѣжный, убѣдить мужика въ пользѣ основательнаго обученія его дитяти, да убѣдите его безъ всякаго, даже разумно-законнаго побужденія, а тѣми только средствами, которыми мы сами, его долголѣтніе исповѣдники и проповѣдники, тщетно убѣждаемъ его, то-есть духомъ кротости, пастырскими и отеческими увѣщаніями. Вѣрьте, все это будетъ напрасно. Попробуйте убѣдить крестьянина, что сынъ его долженъ въ школѣ запастись не однимъ умѣньемъ считать, писать да читать, съ тѣмъ, чтобы на всю жизнь остаться при чтеніи въ минуты отдыха одного псалтыря; а что ему нужно узнать что-нибудь и изъ родной исторіи, и изъ отечественнаго землевѣдѣнія, хотя бы легкую статистику своей области, и еще что-нибудь изъ науки улучшеннаго хозяйства, изъ полевой ботаники и изъ зоологіи, хоть бы свѣдѣнія о вредныхъ растеніяхъ, насѣкомыхъ и животныхъ. Ваши усилія будутъ напрасны, какъ были напрасны усилія нашихъ предшественниковъ, духовенства XVI и XVII вѣка, пока Петръ I-й не взялъ всей огромной отвѣтственности на себя и, олицетворивши въ своей волѣ законъ, потащилъ за уши русскихъ дворянъ и горожанъ къ ученію, что и теперь слѣдуетъ предписать поголовно, въ отношеніи ко всѣмъ нашимъ сельскимъ сословіямъ... Вѣдь въ Пруссіи же, какъ слышно, грамота для народа обязательна-съ..."

— У насъ въ школѣ такъ же, какъ и вездѣ, я замѣтилъ, учатся только зимою?

—Да, вотъ и еще убыточность свободы. Ну, скажите, чему вы успѣете выучить мальчика, будь вы хоть семи пядей во лбу, въ такой промежутокъ времени, какой у насъ для этого существуетъ въ селахъ на самомъ дѣлѣ, то-есть, буквально, въ одну зиму или собственно въ три съ половиною, а за вычетомъ зимнихъ праздниковъ, въ три мѣсяца? Выпалъ снѣгъ—ученики являются; растаялъ снѣгъ—школа разбѣгается въ разсыпную. Снѣгъ выпадаетъ въ губерніи, среднимъ числомъ, около первыхъ чиселъ декабря, а таетъ въ первыхъ числахъ марта. Пашутъ и сѣютъ озими у насъ иногда во время всего филипповскаго поста, то-есть до исхода декабря, вообще же до конца ноября, а весеннія работы начинаются уже въ концѣ марта. И такъ, во власти наставника только многопраздничные декабрь, да февраль, да мартъ, съ середины котораго скотъ уже идетъ иногда въ поле, а съ 25 марта постоянно у насъ всѣ сѣютъ. Убѣдите же вы мужика въ томъ, что съ работы его восьмилѣтняго мальчика мало прока! Смотришь, ре ёнокъ и за эти три мѣсяца кое-чему и кое-какъ все-таки выучится; выучился, радуетъ; а прошла весна, прошли лѣто и осень, въ концѣ будущаго ноября онъ опять явился... и до тла все перезабылъ! все-все перезабылъ, и чтеніе, и письмо! Дѣло опять начинается съ убійственнаго букваря — вотъ что несносно... А время летитъ... Смотришь, мальчику уже четырнадцать лѣтъ; отецъ бурею на него налагаетъ, работай! Гдѣ тутъ толковать ему о его человѣческомъ достоинствѣ, о столицѣ Москвѣ, или о татарскомъ погромѣ, о его отечествѣ, или о странѣ Франціи, о способахъ лучшаго садоводства! Нѣтъ, всякій долженъ, безъ хвастовства, согласиться, что у насъ нѣтъ ни училищныхъ домовъ, ни ихъ отопленія и освѣщенія, ни сносныхъ школьныхъ скамей, столовъ и шкафовъ, ни учебныхъ книгъ, кромѣ азбукъ, ни самихъ учениковъ.. *есть одни бумажные отчеты*, а въ отчетахъ цифры, да болѣе или менѣе чванливые итоги!

—Какъ же, по вашему, устроить, чтобъ все это было у насъ хорошо? спросилъ я.

—Трудно рѣшить это мудреное дѣло одному человѣку. А по моему, вотъ какъ можно бы сдѣлать. Я полагаю, что сельскія училища должны быть открыты при каждой церкви, да не въ церковной сто-

рожкѣ, не въ домѣ священника и не въ избахъ по отводу, а въ особомъ школьномъ зданіи, хоть въ двѣ-три комнаты, гдѣ бы въ одной жилъ наставникъ или помощникъ его, а въ остальныхъ двухъ помѣщались бы два отдѣленія школы — азбучники и тупые въ одной, а лучшіе ученики въ другой. Книгами школу должно снабжать правительство; мебелью, отопленіемъ и прочимъ — общество. Міръ долженъ въ школу высылать съ каждыхъ 100 душъ по 5-ти учениковъ, отъ 10-ти до 13-ти лѣтъ, преимущественно изъ многосемейныхъ, гдѣ временная, около 3 — 4 лѣтъ, убыль одного подростка будетъ не такъ замѣтна. Пройдетъ 10—15 лѣтъ, и крестьяне увидятъ пользу этого закона, дѣйствующаго во имя общаго блага цѣлаго государства. Народъ нашъ — то же дитя. Онъ самъ чуетъ пользу науки; но его сбиваютъ сытые и самодовольные міроѣды - кулаки, разжившіеся на всякихъ сельскихъ неправдахъ и ворочающіе всѣмъ сельскимъ сходомъ. Для нихъ одна нажива — цѣлковый-рубль, да жирное, тепло и щеголевато укутанное брюхо, служатъ мѣриломъ всякой премудрости. Эти міроѣды сбиваютъ народъ и поневолѣ вызываютъ необходимость правительственной опеки надъ школами и обязательность грамоты, словами: „Э! знаемъ мы эти школы! Давно слышно, что въ чужихъ дальнихъ сторонахъ всѣ люди учены; а хлѣбъ покупаютъ у насъ же неучей...“ Курсъ ученія долженъ длиться четыре года; вакаціи—три мѣсяца рабочихъ: іюнь, іюль и августъ, не болѣе, если не менѣе того - съ...

—Но не отвыкнутъ ли поэтому крестьянскія дѣти отъ сельскихъ работъ и не станутъ ли ими послѣ гнушаться?

—Какая ошибка — такое предположеніе - съ. Въ часы и въ дни, свободные отъ классовъ, дѣти и безъ того будутъ жить дома, въ родной избѣ, въ кругу своихъ, гдѣ все хозяйство отца и матери у нихъ передъ глазами, при чемъ они всегда будутъ мимоходомъ принимать въ немъ участіе. Посмотрите и теперь: ребёнокъ спѣшитъ съ книжкой домой, бросилъ ее на столъ и бѣжитъ напоить телёнка, кинуть зерна птицѣ, подложить сѣна воламъ, помочь отцу запречь возъ, матери дровъ наносить. Потомъ, вакаціонные мѣсяцы, когда дитя остается неотлучно дома, составляютъ самое главное время полевыхъ работъ: уборки сѣна и хлѣба. Мы, священники, вовсе не сродны къ

крестьянскимъ сельскимъ работамъ; двѣнадцать лѣтъ сряду мы въ бурсѣ и въ семинаріи не видимъ ихъ въ глаза, утопая въ латыни и въ философіи и проживая въ городахъ; а какъ придетъ нужда, да явятся дѣти, такъ работаешь среди своего убогаго сельскаго прихода не хуже любаго крестьянина-пахаря. Отставные солдаты еще лучше убѣждаютъ въ этомъ, становясь черезъ двадцать лѣтъ военной службы отличными хозяевами; а кажется, успѣли бы забыть дѣло пахаря и стать бѣлоручками. Если мальчикъ, наконецъ, за четыре года и успѣетъ такъ отвыкнуть отъ полевыхъ работъ, что потомъ цѣлый годъ будетъ снова привыкать къ нимъ — что же за бѣда? Будто эта ничтожная невыгода можетъ сравниться съ благомъ, какое дастъ ребёнку наука? Не забывайте, что его при этомъ все-таки не за море отвезутъ, куда нѣкогда ѣздили дворяне Петра I-го, вывозившіе оттуда дѣйствительно много плодовъ, поставившихъ ихъ въ разладъ съ родиною, а мальчики останутся въ томъ же кругу своихъ родныхъ и близкихъ...

Мы разговорились далѣе о главныхъ предметахъ ученія въ сельскихъ школахъ. Мой собесѣдникъ сказалъ мнѣ:

—Извините меня, вы сочтете меня пристрастнымъ, а я скажу, и это извѣстно на мѣстѣ, въ провинціи, всякому, что простой народъ нашъ, если и учится и отдаетъ своихъ дѣтей въ науку охотою, такъ это дѣлаетъ единственно и исключительно въ наше время для того, чтобы умѣть правильно по церковному помолиться Богу, почитать зимою по вечерамъ и въ праздники псалтырь да житія святыхъ отцовъ, знать и умѣть различать церковные праздники, понимать церковное богослуженіе, и только-съ... Вы не вѣрите? Присмотритесь. Это главное! Потомъ уже, на отдаленномъ и второмъ планѣ, въ его понятіяхъ рисуется цифирь и умѣнье написать письмо къ роднымъ. Значитъ, законъ божій долженъ быть главнымъ предметомъ ученія въ сельскихъ школахъ и читаться по программѣ такого размѣра, какого только можно достигнуть въ 4-хъ лѣтній курсъ. Потомъ необходимо для крестьянина изученіе 1-й части ариѳметики, знаніе отечественной географіи и исторіи, правильное чтеніе и писаніе подъ диктовку. Но главное, повторяю вамъ - законъ божій. Это — ясная потребность самаго народа, для котораго учреждаются школы. И чѣмъ шире будетъ

программа этого предмета, тѣмъ народъ охотнѣе хлынетъ въ наши народныя школы.. Какъ вамъ угодно считать меня и моихъ товарищей въ губерніи! Мы не католики, ни притязательные ксендзы-іезуиты. То, чтò я говорю, скажетъ вамъ самъ народъ-съ... Спросите его!"

Таковъ главный выводъ почти изъ всѣхъ мнѣній, какія мнѣ удалось услышать въ разговорахъ съ харьковскимъ духовенствомъ. На сколько слѣдуетъ слушать эти отзывы и на сколько они справедливы, предоставляю оцѣнить самимъ читателямъ. Въ письмѣ ко мнѣ, касательно закона божія, священникъ А. А—въ еще болѣе развивалъ требованія программы мѣстнаго духовенства: „Въ составъ закона божія, писалъ онъ мнѣ: должны войти: священная исторія ветхаго и новаго завѣтовъ; православный катихизисъ; разумное изученіе церковныхъ молитвъ; чтеніе псалтыря (только не дьячковское) съ объясненіемъ наставника, какъ лучшее руководство для христіанина во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, подверженной скорбямъ и требующей постоянно высшихъ религіозныхъ утѣшеній; такое же чтеніе евангелія и отборныхъ мѣстъ изъ житій св. угодниковъ; краткое объясненіе богослуженій и краткая пасхалія, съ историческимъ и нравственнымъ объясненіемъ церковныхъ праздниковъ".

Читателю такая программа преподаванія закона божія для первоначальной сельской школы покажется, безъ сомнѣнія, громадною. Я передавалъ ее многимъ изъ священниковъ. Всѣ ее, разумѣется, одобрили. Свѣтскіе наставники за то осыпали ее сарказмами. Но сообщилъ я о ней двумъ-тремъ крестьянамъ изъ придонецкихъ мельниковъ Они отвѣчали мнѣ:

—Этого, ваше благородіе, нашимъ хлопцамъ еще мало-съ... Замѣсто тѣхъ гражданскихъ сторій (исторіи Россіи), лучше бы въ школахъ учить еще церковному пѣнію, чтобъ въ церковь пріятнѣе было войти, да помолиться.

Одинъ, впрочемъ, свѣтскій учитель въ Зміевѣ на мнѣніе священника А—ва также замѣтилъ мнѣ:

—Увы! Надо сознаться, священникъ этотъ исторически правъ, хотя теоретически неправъ. Чтò бы мы ни дѣлали. а на практикѣ наши сельскія школы, помяните мое слово, непремѣнно перейдутъ въ

первое время черезъ программу А—ва, какъ болѣе угодную народу, или иначе народъ не пошлетъ въ школы своихъ дѣтей, хотя бы эти школы были самыя раціональныя...

—Я сомнѣваюсь, говорилъ мнѣ еще А. А—въ, чтобы священники вообще добровольно приняли на себя долгъ, даже при порядочномъ жалованьѣ, быть исключительными наставниками сельскихъ училищъ. Имъ просто нéкогда. Но есть и между нами энергическія, полныя высокаго самоотверженія лица. Я зналъ одного заслуженнаго протоіерея - благочиннаго, который желая доставить своимъ дѣтямъ приличное воспитаніе, заработывалъ деньги собственными руками: днемъ ходилъ за плугомъ, сѣялъ, жалъ, косилъ, работалъ съ топоромъ, а ночью занимался перепискою на сторону, за деньги, исповѣдныхъ и метрическихъ книгъ, которыя набиралъ у причтовъ сосѣднихъ церквей, цѣною отъ 50 коп. до 1 руб. сер. за книгу въ нѣсколько десятковъ писанныхъ листовъ. И въ то же время съ него требовали быть наставникомъ школы“.

Г. А-въ полагаетъ, что еслибы обложить крестьянское сословіе прибавкою по 5 коп. сер. съ души въ податной ихъ окладъ, купечество обязать жертвовать нѣсколько лишнихъ процентовъ съ гильдейскихъ пошлинъ, а всѣхъ служащихъ и получающихъ казенное жалованье хотя по одному проценту съ каждаго получаемаго ими рубля жалованья, то составится такой капиталъ, что сборомъ его за одинъ годъ всѣ училища снабдятся нужными внѣшними принадлежностями, а капиталомъ слѣдующихъ годовъ сельскія школы увидятъ свое существованіе вполнѣ упроченнымъ. Если не все это практично и достижимо, за то надо отдать справедливость г. А—ву, что въ харьковской губерніи онъ принадлежитъ къ числу весьма почтенныхъ лицъ.

Старобѣльскій уѣздъ составляетъ самую степную и южную оконечность харьковской губерніи. Въ числѣ селеній, гдѣ въ немъ существуютъ или были школы, находятся, между прочимъ, три вольныя села: Бѣлокуракино, Лизинъ-хуторъ и Танюшевка, принадлежавшія нѣкогда извѣстному магнату, князю Куракину. Первое сохранило въ своемъ имени фамилію стараго владѣльца, а послѣднія два удержали имена двухъ его бѣглыхъ крѣпостныхъ, Лизы и Тани, урожденокъ этихъ селъ. Крестьяне ихъ знаютъ романическую исторію прозвищъ

этихъ деревень и съ сожалѣніемъ говорятъ, что въ былые годы, при первомъ князѣ Куракинѣ, у нихъ были школы, хоры пѣвчихъ и музыканты.

Вообще старобѣльцы дурно отзываются о бывшихъ начальникахъ школъ.

—Вы себѣ представить не можете, что выдѣлывали съ нами здѣсь недавно упраздненные, къ общему благополучію, окружные начальники! говорилъ мнѣ одинъ изъ старобѣльскихъ сельскихъ учителей. — Три года я возился съ нашимъ окружнымъ, переписываясь съ нимъ ежемѣсячно, и едва въ три эти года добился разрѣшенія сдѣлать скамьи и открыть училище. А послѣ? Выписываешь черезъ него по начальству азбуку или краткую русскую географію, а онъ вышлетъ тебѣ вдругъ Уставъ о рекрутскихъ наборахъ, Народное чтеніе или Солдатъ, г. Афанасьева-Чужбинскаго, въ стихахъ. Да и то: выписываешь въ ноябрѣ, вышлютъ тебѣ въ іюнѣ другаго года, во время закрытія школы; выпишешь въ февралѣ, въ надеждѣ получить нужное хоть въ декабрѣ — отвѣчаютъ: пропущено время! Къ одному такому я долго относился, чтобъ сдѣлалъ намъ честь пожаловалъ въ нашу глухую слободу на экзамены — молчитъ. Подкараулилъ я его въ волости, прошу: „Когда изволите навѣстить школу?“ — „А вамъ, говоритъ, какое дѣло?“ — „Да безъ меня вы же не станете экзаменовать школы, а я могу случиться въ отлучкѣ...“ „Не безпокойтесь; если вы не соберете школы, я дамъ приказъ старшинѣ и школяровъ вашихъ насобираютъ, сколько захочу“... И точно: вошелъ наутро въ классъ съ папироскою въ зубахъ, напустился при дѣтяхъ на меня... Грустно это вспоминать! Да и теперь не лучше: вотъ хоть бы тѣ же экзамены. Не только дѣтямъ, да и мнѣ пріятно было бы передъ какимъ нибудь разумнымъ начальствомъ или просто передъ посторонними посѣтителями показать силу своихъ успѣховъ. Окружныхъ смѣнили. Ихъ мѣста заняли волостные головы. И что же? Предпишутъ экзаменъ произвести волостному правленію; голова, разумѣется, неграмотный, а еще иногда и навеселѣ. Пріидетъ, важничаетъ, разсядется, да еще и ругается подчасъ, самодуръ; а ты передъ нимъ стой, спрашивай. Гдѣ же тутъ быть успѣху, коли мой, напримѣръ, голова самъ твердитъ: „вотъ бѣда, одного сына моего въ рекруты взяли, какъ я

былъ еще не при должности, а другаго окружной въ обученіе въ уѣздное училище отдалъ за отличіе тамъ какое-то!"—Вотъ и судите ихъ: рекрутчина и школа у нихъ одно и то же! Надо непремѣнно завѣдываніе школами отдать училищному совѣту околотка, по выбору жителей, и въ нихъ духовенству дать право голоса. А то вонъ въ с. Б—мъ, бѣ—нской волости, священникъ С—въ открылъ школу, безъ всякой переписки, желая избѣжать формализма и пустыхъ проволочекъ времени, а волостное правленіе и хватило: „закрыть школу такую-то, какъ открытую безъ разрѣшенія палаты, хотя бы и на счетъ самого основателя". Въ помѣщичьей деревнѣ, А—вкѣ, священникъ открылъ школу, въ церковной деревянной, холодной и ветхой сторожкѣ, гдѣ умѣстилось только 11 учениковъ. Между тѣмъ священникъ уступалъ подъ школу свой флигель, лишь бы общество давало въ училищную комнату на зиму отопленіе. Въ волости 2,500 душъ прихожанъ; отопка дешевая здѣсь, соломой „съѣдьями" послѣ скота; и что же? волостной писарь наперекоръ ему докопался, что приговоръ утвержденъ неформальнымъ, а простымъ большинствомъ, и школы изъ сторожки не перевели... То же случилось въ этомъ уѣздѣ, въ с. Д—вкѣ и въ с. Н—вѣ...

—Но есть странные случаи, сказалъ мнѣ, въ заключеніе бесѣды со мною о школахъ старобѣльскаго уѣзда, одинъ изъ тамошнихъ учителей:—приходитъ ко мнѣ одинъ изъ отцовъ моихъ учениковъ, мужикъ разумный и небѣдный, и съ собою приводитъ своего сына.

—Чему вы, спрашиваетъ сердито:—учите нашихъ хлопцевъ?

—А что?

—Да неладно что-то выходитъ ваше ученіе.

—Какъ такъ?

—А вотъ какъ. Собрался ко мнѣ въ гости мой родъ, значитъ, родичи. Я и хотѣлъ похвастать вотъ этимъ моимъ сыномъ. Скажи намъ, говорю ему, что нибудь на память. Онъ и давай жарить наизустъ какую-то побрехеньку про лебедя, да щуку, да рака еще кажется. Ну, я такъ и сгорѣлъ со стыда, ажно плюнулъ и прогналъ сына. Поплевали и мои родичи на это. Срамъ — говорятъ и они. Такъ я его привелъ къ вамъ.

—Зачѣмъ же?

Коли вы его точно учили этой страмотѣ, такъ тому и быть; а коли нѣтъ и онъ набрехалъ, дать ему двадцать-пять розогъ.

„Ну-съ, сталъ я втупикъ. Но тутъ, при мужикѣ этомъ, случился у меня въ гостяхъ купецъ Ланшинъ. Видитъ онъ, что меня смялъ мужикъ, и говоритъ мальчишкѣ: „А скажи-ка ты мнѣ эту побрехéньку“. . Мальчикъ сказалъ, да ужь страхъ ли ему придалъ силы, или желанье пристыдить грубаго отца, только басню эту Крылова онъ прочелъ великолѣпно. Купецъ пришелъ въ восторгъ, вынулъ кошелекъ и далъ мальчику полтинникъ, заставивши его еще разъ прочесть отъ стиха;

Поклажа бы для нихъ казалась и легка.
Да лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду...

—Это, сударь, самая судьба нашихъ школъ, коли хотите знать! я угадалъ! прибавилъ купецъ, весь взволнованный и тронутый.

Мужикъ выпучилъ глаза.

—За что вы дали полтину серебра хлопцу? спросилъ онъ Ланшина.

—А за смыслъ этой разумной басни, да и за умѣнье его. Пойми ты это, дурачина!

Купецъ растолковалъ крестьянину достоинство притчи. Мужикъ упалъ мнѣ въ ноги.

—Теперь я понимаю, сказалъ онъ: — это еще выгоднѣе будетъ, чѣмъ Христа славить, либо на крылосѣ пѣть. Спасибо же вамъ, что вы его выучили, а вамъ, что вразумили меня! Коли будетъ за такое по полтиннику получать, еще на годъ его оставлю“!

Изъ старобѣльскаго уѣзда, носящаго уже всѣ признаки сосѣднихъ новороссійскихъ уѣздовъ, я прошу читателя перенестись въ богодуховскій срединный уѣздъ, мѣстами болотисто-песчаный и пересѣкаемый густо-населенною рѣчкою Мерломъ.

Вечерѣетъ. Я въѣзжаю въ городъ. Вдали бѣлѣютъ его, разбросанные по сыпучему песку, домики. Сбоку дороги идутъ извилистыя, обсохшія отъ засухи болотца. Кое-гдѣ торчатъ вербы. Но садовъ нигдѣ почти между домами невидно. За городомъ возвышаются холмы, а надъ улицами и силуэтами домовъ царствуетъ знакомый, надо-

ѣдающей въ губерніи архитектуры, бѣлый огромный острогъ, самое высокое зданіе, какъ важный, толстый баринъ, сразу всѣмъ кидающійся въ глаза. Это — Богодуховъ. Хорошаго постоялаго двора вы, читатель, здѣсь не найдете.

До ночи вы еще спѣшите пройтись по улицамъ. На заборахъ, крышахъ, на спинахъ лошадей, на лицахъ пѣшеходовъ и на васъ самихъ, на всѣхъ сразу чувствуется и видится царство песку. Ноги едва двигаются по улицамъ. На площади у церкви толпа ребятишекъ играетъ въ новѣйшую военную игру: въ русскихъ солдатъ и въ повстанцевъ. Устроена изъ песку Варшава; ее разбиваютъ камнями. Для вящшаго сходства щоки и руки мнимо-раненыхъ повстанцевъ обмазаны чѣмъ-то краснымъ, въ родѣ вишневаго соку. Вы подходите, спрашиваете ребятишекъ:

—Кто побѣдилъ?

—Петя Нагнойко.

—Кто вы?

—Школьники...

—А гдѣ ваша школа?

—Вотъ она.

Дѣти васъ ведутъ къ забору чистаго, обширнаго двора. Въ числѣ ребятишекъ вы видите миловидное личико, въ рѣзко-бѣлыхъ пятнахъ. Вамъ говорятъ, что это—Савка Шило, бывшій въ школѣ, но теперь отданный отцомъ въ обученіе дубленія кожъ, гдѣ опытъ дубленія по нечаянности сперва сдѣланъ былъ надъ нимъ самимъ.

—Чему же ты, Савка, выучился въ школѣ?

—Я былъ тутъ 8 лѣтъ и выучился только читать псалтырь.

—Отчего же ты мало такъ успѣлъ?

—Должно быть, тупъ я былъ, такъ и учителя мнѣ говорили! съ грустною улыбкою, повѣся бѣлокурую головку, отвѣчаетъ вамъ пестрый Савка.

—У насъ есть такіе, что по пяти лѣтъ въ азбучникахъ сидятъ (1). Только и твердятъ ежедневно: азъ, ангелъ, архангелъ — буки, буки, буки, да буки азъ ба... тьфу! И я такой былъ...

(1) По словамъ одного изъ учителей, тутъ еще былъ нѣкто ученикъ Жіянъ, сидѣвшій въ одномъ классѣ 8 лѣтъ.

—А теперь?

—Теперь ужь самъ добился всей сути и читаю гражданское по верхамъ. А тамъ какъ войдешь, бывало, въ классъ, да за лавку сядешь—страшно, и—и, какъ страшно... Точно тебя взялъ кто за шиворотъ, да въ воду съ головою и окунулъ; право!

—Э, нѣтъ! перебили другіе: — теперь Иванъ Зиновьичъ не такъ учитъ; отлично учитъ — добрый!

—Кто это Иванъ Зиновьичъ?

—Пестриченко, учитель ихній новый, изъ студентовъ! перебиваетъ съ важностью Савка, опуская глаза въ землю:—эхъ-ма, у насъ тогда такихъ не было.

—Кто у насъ лучшіе ученики? изъ какого званія?

Дѣти сначала не понимаютъ вопроса.

—А! лучшенькіе? изъ городскихъ, да изъ окрестныхъ крестьянъ.

—Ну, мѣщане же какъ?

—При отцахъ въ городѣ больно балуются.

—А дворяне?

—Лѣнтяи первѣющіе, либо шустрые такіе: все крадутъ, да нашихъ ребятъ обижаютъ. Одинъ и теперь особо въ классахъ сидитъ, и мы всѣ его боимся. Не клади ему — с-ну с-ну, — ничего плохо; крадетъ карандаши, грифеля, книжки. А еще обер-офицерскій сынъ. Его больно учителя жучатъ, право (1).

—Да и другіе балуются; всѣхъ бы построже! вотъ что! внушительно говоритъ Савка Шило, втыкая палочку въ песокъ и не смотря ни на кого.

—Отчего же такъ?

—Видите вы вонъ тотъ колокольчикъ на столбѣ возлѣ школы? Ну, въ него ударятъ въ 9 часовъ утра. Это значитъ, пора въ классъ. Пока ребята соберутся, да сядутъ за столы, а иные далеко живутъ, коли не всѣхъ 10 часовъ будетъ, то безъ малости. Не успѣли учителя задать уроковъ, бьетъ опять колоколъ: это значитъ—11-ть часовъ: ступай опять по домамъ. Только и ученья; а послѣ обѣда не зовутъ, что хошь дѣлай. Только, выходитъ. уроки на домъ зададутъ

(1) «Дворяне даже плохо говорятъ тутъ»! сказали мнѣ въ Богодуховѣ.

до утра. Хорошо, кто понимающъ, учится дома; либо батько розгами тебя вспоретъ, заставитъ. А почти всѣ вовсе не учатся, чуть изъ школы распустили. Соберутся на улицѣ, либо тутъ же подъ школой, въ „пацю“ (бабки) играютъ, на кулачки бьются. Да иного такъ промнутъ здѣсь, что едва „ра́чки“ (ракомъ) домой доползетъ холопьятко (парнишка)...

—Когда ваша школа построена? не помните?

—Давно. Она жертвована.

—Кто же ее пожертвовалъ?

—Сочинитель былъ тутъ такой, Нахимовъ-съ...

Кто-то изъ ребятъ добавляетъ:

—Вотъ стишки Нахимова-съ:

«Нашъ Фока хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ,
«Затѣмъ, что харьковскимъ украшенъ онъ гербомъ»...

Всѣ хохочутъ...

Но вечеръ догораетъ. Подобравши полы, старикъ мѣщанинъ пробирается на встрѣчу идущаго стада за коровою. Его окликаетъ съ заваленки какой-то статскій. Я подхожу къ послѣднему закурить папироску: онъ самъ куритъ, сидя подъ избушкой. Новые люди легко заводятъ знакомство въ такомъ глухомъ городкѣ.

—Что вы вздыхаете? спрашиваю я.

—Да мы изъ бывшаго городническаго правленія; сокращены нонче. Скучно да и голодно; а больше скучно-съ...

Заштатный полиціантъ горько качаетъ головой.

—Развѣ мало знакомства здѣсь?

—Съ кѣмъ? Духовенств тутъ, да и вездѣ какъ-то мрачно и больше про себя живетъ; помѣщиковъ тутъ въ городѣ и не видно; съ учителями трудно знакомство вести.

—Отчего же?

—Народъ ученый. Куда имъ съ нами. Прежніе, бывало, и въ кабачокъ съ нашимъ братомъ отъ скуки пойдутъ; а теперешніе все больше за книжками сидятъ: сказано, молокососы.

—А ученики ихъ?

—Разсуждать больно выучились; а все отчего? не сѣкутъ, какъ прежде.

Наутро я знакомлюсь съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ учителей.

—Съ третьяго года число учениковъ въ нашемъ училищѣ уменьшилось! говоритъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

—Почему?

—Назначили за ученіе плату. Это—одна изъ разумнѣйшихъ мѣръ для горожанъ, у которыхъ всегда найдется въ годъ лишнихъ три—четыре цѣлковыхъ. Прежде отцы здѣшнихъ учениковъ, мѣщане, купцы, бѣдные чиновники и мелкіе церковники эти деньги пропивали и мало смотрѣли за тѣмъ, какъ учатся дѣти. А теперь стали строго обращать вниманіе на нихъ: „учись, говоритъ, дрянь, запорю; не даромъ же за тебя три цѣлковыхъ платить“! И надо сознаться, хоть нѣкоторые взяли изъ училища дѣтей, такъ за то остальные не въ примѣръ лучше стали учиться. Это хоть награда за скуку здѣшнюю!

—И точно скучно?

—Въ этомъ-то пескѣ?

—Да.

—Мозгъ сохнетъ, особенно лѣтомъ. Вездѣ песокъ и песокъ. Хлѣбъ ѣшь, чай пьешь — песокъ на зубахъ; думаешь, такъ вѣдь и мысли занесены этимъ мусоромъ.

—Библіотека у васъ хорошая при училищѣ?

—Пойдемте, посмотрите. Нѣтъ у насъ ни Грановскаго, ни Кудрявцева; за то другія сочиненія намъ навязали за наши же деньги въ двухъ и даже въ трехъ экземплярахъ, какъ Жуковскаго, Вейдемейера. Всѣхъ званій книгъ здѣсь 882 и болѣе 2,500 томовъ.

Мы пришли въ зданіе училища, осмотрѣли его.

—Пытались у насъ устроить женскую школу.

—Что же?

—По русскому обычаю: постучали языкомъ, да и замолчали. Устроивали даже недавно здѣсь театръ въ пользу этого училища; были и замѣчательные актёры, какъ, извѣстный даже Петербургу и тамошней сценѣ, здѣшній житель г. Вельсовскій; и пьесы недурныя играли: оперетки „Москаль Чаривникъ“ и „Дезертиръ“ или „Кетли“ и „Бувальщина“, и зрителей набиралось столько, что сидѣть приходилось однѣмъ дамамъ, а мужчины почти всѣ стояли. Но случилось такъ, что донынѣ нѣтъ здѣсь въ городѣ ни женской общественной

школы, ни даже частнаго женскаго пансіона, хоть жителей у насъ до 10,000 и учителя наши вызывались дѣвочекъ учить даромъ.

—Что же за причина?

—Взяться за дѣло не умѣли. Всѣ наши начинатели — честные люди; да любятъ дѣло всякое начинать по громадному плану. Видите вы, напримѣръ, этотъ нашъ училищный домъ?

—Вижу.

—Ну-съ, онъ въ одинъ этажъ и какъ будто на пригоркѣ стоитъ. Это не пригорокъ, а нижній фундаментный этажъ въ землю зарытъ, глубоко закиданъ. Что бы, кажется, стоило только отрыть его, пробить въ немъ окна, осушить его, подвести печи—и баста. Нѣтъ, видите ли, это будетъ очень просто. А надо помудренѣе! Устроили когда-то смету на его передѣлку; смета была на 2,000 р. сер. Но говорятъ, что эти 2,000 р. сер. пошли на штукатурку верхняго этажа; тѣмъ дѣло и кончилось. Завѣдывай наше земство да городъ сами училищемъ, давно бы была у насъ подъ уѣзднымъ училищемъ и женская школа; въ немъ легко тѣмъ же учителямъ послѣ обѣда учить: все равно мы и сами иной разъ, ей-богу, отъ скуки по этимъ улицамъ маячимся. Тутъ же вонъ и казенныя деньги, и съ театровъ частныя собрались, и все пошло прахомъ...

—Что же у васъ теперь въ модѣ изъ литературнаго міра?

—Въ классахъ не разъ я читалъ ученикамъ повѣсть „Муму": вѣрите ли, восторгу учениковъ не было конца. А когда въ повѣсти доходило до того, что сабаченку тамъ эту нѣмой съ горя въ водѣ утопилъ, накормивши ее, передъ тѣмъ борщикомъ, въ классѣ вой и ревъ отъ плача поднимался. Волосы, сударь, у меня самаго на головѣ вставали дыбомъ при этомъ волненіи слушателей моихъ! Училища наши пошли бы въ ходъ, если бы ихъ предоставили на страхъ и совѣсть ихъ собственныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Были бы у насъ тогда въ уѣздныхъ городахъ и публичныя даровыя библіотеки...

Другой учитель приходскаго училища, священникъ о. Амвросій, передалъ мнѣ слѣдующее:

—Въ послѣднее время я сталъ замѣчать влеченіе къ грамотности во взрослыхъ. На исповѣди два крестьянина въ минувшемъ году особенно тщательно сказали мнѣ главныя молитвы, которыя украинскій

народъ обыкновенно сильно коверкаетъ, не понимая многихъ словъ. Я ихъ похвалилъ и спросилъ, кто ихъ въ этомъ году выучилъ такъ хорошо молиться; а они у меня были на примѣтѣ, какъ и многіе другіе. — „Мы грамотѣ выучились теперь"! отвѣтили они. Я удивился: одному было лѣтъ за шестьдесятъ, а другому лѣтъ сорокъ. — У кого? — Одинъ, какъ отвѣтили они, выучился у прохожаго артиллерійскаго солдата, а другой уже у этого перваго. Самъ солдатъ, какъ они добавили, тоже выучился грамотѣ уже на исходѣ службы, въ своей батареѣ, отправляясь за старостью и немощью отъ ранъ въ отставку. — Кто же васъ недоумилъ выучиться грамотѣ такъ поздно? — Захотѣлось, батюшка, узнать: *каковъ таковъ по истинѣ и на самомъ дѣлѣ, по книгамъ, нашъ грѣхъ на свѣтѣ есть, чтобы до смерти еще успѣть отмолить его по Божьему по настоящему*...,

Захотѣлось мнѣ посѣтить одного труженика науки въ Богодуховѣ, объ искреннихъ и энергическихъ трудахъ котораго по городскому училищу я много слышалъ. Я отыскалъ его бѣдный дворикъ, разшатанное крыльцо и крошечное его помѣщеніе. На столѣ его лежали Льюисъ, Гартвигъ, Дарвинъ и Араго. Дарвинъ въ Богодуховѣ, въ комнаткѣ уѣзднаго учителя, куда во время разговора моего съ молодымъ и робкимъ человѣкомъ на свободѣ поминутно входило еще одно постороннее существо, мѣшавшее нашимъ разговорамъ, и это существо былъ веселый и рѣзвый теленокъ...

—Боже, сколько добраго могли бы мы сдѣлать для училищъ нашихъ, еслибы насъ не заѣдали формальности нашей бюрократіи! Шагу мы не можемъ сдѣлать безъ губернской опеки; книги дѣльной не можемъ безъ нея выписать, дырки заткнуть въ крышѣ училища, печчи передѣлать. Вѣрите ли, въ нашемъ училищѣ (вы, кажется, видѣли его и любовались его дѣйствительно хорошею архитектурою и вмѣстимостью)? мы, учителя, кочуемъ, какъ киргизы, примѣняясь къ его климату. Напримѣръ, у насъ зимою жарко невыносимо только въ 3 классѣ, а въ остальныхъ классахъ холодно; лѣтомъ же жарко до нестерпимости въ 1-мъ классѣ. Ну, мы и забавляемся возрожденіемъ прокустова ложа греческой миѳологіи: урѣзываемъ и увеличиваемъ число учениковъ въ классахъ не по ихъ способностямъ, а по температурѣ учебныхъ комнатъ въ извѣстную пору года. Въ одномъ уѣздномъ учи-

школы, ни даже частнаго женскаго пансіона, хоть жителей у насъ до 10,000 и учителя наши вызывались дѣвочекъ учить даромъ.

—Чтò же за причина?

—Взяться за дѣло не умѣли. Всѣ наши начинатели — честные люди; да любятъ дѣло всякое начинать по громадному плану. Видите вы, напримѣръ, этотъ нашъ училищный домъ?

—Вижу.

—Ну-съ, онъ въ одинъ этажъ и какъ будто на пригоркѣ стоитъ. Это не пригорокъ, а нижній фундаментный этажъ въ землю зарытъ, глубоко закиданъ. Чтò бы, кажется, стоило только отрыть его, пробить въ немъ окна, осушить его, подвести печи—и баста. Нѣтъ, видите ли, это будетъ очень просто. А надо помудренѣе! Устроили когда-то смету на его передѣлку; смета была на 2,000 р. сер. Но говорятъ, что эти 2,000 р. сер. пошли на штукатурку верхняго этажа; тѣмъ дѣло и кончилось. Завѣдывай наше земство да городъ сами училищемъ, давно бы была у насъ подъ уѣзднымъ училищемъ и женская школа; въ немъ легко тѣмъ же учителямъ послѣ обѣда учить: все равно мы и сами иной разъ, ей-богу, отъ скуки по этимъ улицамъ маячимся. Тутъ же вонъ и казенныя деньги, и съ театровъ частныя собрались, и все пошло прахомъ...

—Чтò же у васъ теперь въ модѣ изъ литературнаго міра?

—Въ классахъ не разъ я читалъ ученикамъ повѣсть „Муму“: вѣрите ли, восторгу учениковъ не было конца. А когда въ повѣсти доходило до того, что сабаченку тамъ эту нѣмой съ горя въ водѣ утопилъ, накормивши ее, передъ тѣмъ борщикомъ, въ классѣ вой и ревъ отъ плача поднимался. Волосы, сударь, у меня самаго на головѣ вставали дыбомъ при этомъ волненіи слушателей моихъ! Училища наши пошли бы въ ходъ, если бы ихъ предоставили на страхъ и совѣсть ихъ собственныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Были бы у насъ тогда въ уѣздныхъ городахъ и публичныя даровыя библіотеки...

Другой учитель приходскаго училища, священникъ о. Амвросій, передалъ мнѣ слѣдующее:

—Въ послѣднее время я сталъ замѣчать влеченіе къ грамотности во взрослыхъ. На исповѣди два крестьянина въ минувшемъ году особенно тщательно сказали мнѣ главныя молитвы, которыя украинскій

народъ обыкновенно сильно коверкаетъ, не понимая многихъ словъ. Я ихъ похвалилъ и спросилъ, кто ихъ въ этомъ году выучилъ такъ хорошо молиться; а они у меня были на примѣтѣ, какъ и многіе другіе. — „Мы грамотѣ выучились теперь“! отвѣтили они. Я удивился: одному было лѣтъ за шестьдесятъ, а другому лѣтъ сорокъ. — У кого? — Одинъ, какъ отвѣтили они, выучился у прохожаго артиллерійскаго солдата, а другой уже у этого перваго. Самъ солдатъ, какъ они добавили, тоже выучился грамотѣ уже на исходѣ службы, въ своей батареѣ, отправляясь за старостью и немощью отъ ранъ въ отставку.—Кто же васъ недоумилъ выучиться грамотѣ такъ поздно?— Захотѣлось, батюшка, узнать: *каковъ таковъ по истинѣ и на самомъ дѣлѣ, по книгамъ, нашъ грѣхъ на свѣтѣ есть, чтобы до смерти еще успѣть отмолить его по Божьему по настоящему*..,

Захотѣлось мнѣ посѣтить одного труженика науки въ Богодуховѣ, объ искреннихъ и энергическихъ трудахъ котораго по городскому училищу я много слышалъ. Я отыскалъ его бѣдный дворикъ, разшатанное крыльцо и крошечное его помѣщеніе. На столѣ его лежали Льюисъ, Гартвигъ, Дарвинъ и Араго. Дарвинъ въ Богодуховѣ, въ комнаткѣ уѣзднаго учителя, куда во время разговора моего съ молодымъ и робкимъ человѣкомъ на свободѣ поминутно входило еще одно постороннее существо, мѣшавшее нашимъ разговорамъ, и это существо былъ веселый и рѣзвый теленокъ...

—Боже, сколько добраго могли бы мы сдѣлать для училищъ нашихъ, еслибы насъ не заѣдали формальности нашей бюрократіи! Шагу мы не можемъ сдѣлать безъ губернской опеки; книги дѣльной не можемъ безъ нея выписать, дырки заткнуть въ крышѣ училища, печчи передѣлать. Вѣрите ли, въ нашемъ училищѣ (вы, кажется, видѣли его и любовались его дѣйствительно хорошею архитектурою и вмѣстимостью)? мы, учителя, кочуемъ, какъ киргизы, примѣняясь къ его климату. Напримѣръ, у насъ зимою жарко невыносимо только въ 3 классѣ, а въ остальныхъ классахъ холодно; лѣтомъ же жарко до нестерпимости въ 1-мъ классѣ. Ну, мы и забавляемся возрожденіемъ прокустова ложа греческой миѳологіи: урѣзываемъ и увеличиваемъ число учениковъ въ классахъ не по ихъ способностямъ, а по температурѣ учебныхъ комнатъ въ извѣстную пору года. Въ одномъ уѣздномъ учи-

школы, ни даже частнаго женскаго пансіона, хоть жителей у насъ до 10,000 и учителя наши вызывались дѣвочекъ учить даромъ.

—Что же за причина?

—Взяться за дѣло не умѣли. Всѣ наши начинатели — честные люди; да любятъ дѣло всякое начинать по громадному плану. Видите вы, напримѣръ, этотъ нашъ училищный домъ?

—Вижу.

—Ну-съ, онъ въ одинъ этажъ и какъ будто на пригоркѣ стоитъ. Это не пригорокъ, а нижній фундаментный этажъ въ землю зарытъ, глубоко закиданъ. Что бы, кажется, стоило только отрыть его, пробить въ немъ окна, осушить его, подвести печи — и баста. Нѣтъ, видите ли, это будетъ очень просто. А надо помудренѣе! Устроили когда-то смету на его передѣлку; смета была на 2,000 р. сер. Но говорятъ, что эти 2,000 р. сер. пошли на штукатурку верхняго этажа; тѣмъ дѣло и кончилось. Завѣдывай наше земство да городъ сами училищемъ, давно бы была у насъ подъ уѣзднымъ училищемъ и женская школа; въ немъ легко тѣмъ же учителямъ послѣ обѣда учить: все равно мы и сами иной разъ, ей-богу, отъ скуки по этимъ улицамъ маячимся. Тутъ же вонъ и казенныя деньги, и съ театровъ частныя собрались, и все пошло прахомъ...

—Что же у васъ теперь въ модѣ изъ литературнаго міра?

—Въ классахъ не разъ я читалъ ученикамъ повѣсть „Муму“: вѣрите ли, восторгу учениковъ не было конца. А когда въ повѣсти доходило до того, что сабаченку тамъ эту нѣмой съ горя въ водѣ утопилъ, накормивши ее, передъ тѣмъ борщикомъ, въ классѣ вой и ревъ отъ плача поднимался. Волосы, сударь, у меня самаго на головѣ вставали дыбомъ при этомъ волненіи слушателей моихъ! Училища наши пошли бы въ ходъ, если бы ихъ предоставили на страхъ и совѣсть ихъ собственныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Были бы у насъ тогда въ уѣздныхъ городахъ и публичныя даровыя библіотеки...

Другой учитель приходскаго училища, священникъ о. Амвросій, передалъ мнѣ слѣдующее:

—Въ послѣднее время я сталъ замѣчать влеченіе къ грамотности во взрослыхъ. На исповѣди два крестьянина въ минувшемъ году особенно тщательно сказали мнѣ главныя молитвы, которыя украинскій

народъ обыкновенно сильно коверкаетъ, не понимая многихъ словъ. Я ихъ похвалилъ и спросилъ, кто ихъ въ этомъ году выучилъ такъ хорошо молиться; а они у меня были на примѣтѣ, какъ и многіе другіе. — „Мы грамотѣ выучились теперь“! отвѣтили они. Я удивился: одному было лѣтъ за шестьдесятъ, а другому лѣтъ сорокъ. — У кого? — Одинъ, какъ отвѣтили они, выучился у прохожаго артиллерійскаго солдата, а другой уже у этого перваго. Самъ солдатъ, какъ они добавили, тоже выучился грамотѣ уже на исходѣ службы, въ своей батареѣ, отправляясь за старостью и немощью отъ ранъ въ отставку.—Кто же васъ недоумилъ выучиться грамотѣ такъ поздно?— Захотѣлось, батюшка, узнать: *каковъ таковъ по истинѣ и на самомъ дѣлѣ, по книгамъ, нашъ грѣхъ на свѣтѣ есть, чтобы до смерти еще успѣть отмолить его по Божьему по настоящему..*,

Захотѣлось мнѣ посѣтить одного труженика науки въ Богодуховѣ, объ искреннихъ и энергическихъ трудахъ котораго по городскому училищу я много слышалъ. Я отыскалъ его бѣдный дворикъ, разшатанное крыльцо и крошечное его помѣщеніе. На столѣ его лежали Льюисъ, Гартвигъ, Дарвинъ и Араго. Дарвинъ въ Богодуховѣ, въ комнаткѣ уѣзднаго учителя, куда во время разговора моего съ молодымъ и робкимъ человѣкомъ на свободѣ поминутно входило еще одно постороннее существо, мѣшавшее нашимъ разговорамъ, и это существо былъ веселый и рѣзвый теленокъ...

—Боже, сколько добраго могли бы мы сдѣлать для училищъ нашихъ, еслибы насъ не заѣдали формальности нашей бюрократіи! Шагу мы не можемъ сдѣлать безъ губернской опеки; книги дѣльной не можемъ безъ нея выписать, дырки заткнуть въ крышѣ училища, печчи передѣлать. Вѣрите ли, въ нашемъ училищѣ (вы, кажется, видѣли его и любовались его дѣйствительно хорошею архитектурою и вмѣстимостью)? мы, учителя, кочуемъ, какъ киргизы, примѣняясь къ его климату. Напримѣръ, у насъ зимою жарко невыносимо только въ 3 классѣ, а въ остальныхъ классахъ холодно; лѣтомъ же жарко до нестерпимости въ 1-мъ классѣ. Ну, мы и забавляемся возрожденіемъ прокустова ложа греческой миѳологіи: урѣзываемъ и увеличиваемъ число учениковъ въ классахъ не по ихъ способностямъ, а по температурѣ учебныхъ комнатъ въ извѣстную пору года. Въ одномъ уѣздномъ учи-

школы, ни даже частнаго женскаго пансіона, хоть жителей у насъ до 10,000 и учителя наши вызывались дѣвочекъ учить даромъ.

—Чтò же за причина?

—Взяться за дѣло не умѣли. Всѣ наши начинатели — честные люди; да любятъ дѣло всякое начинать по громадному плану. Видите вы, напримѣръ, этотъ нашъ училищный домъ?

—Вижу.

—Ну-съ, онъ въ одинъ этажъ и какъ будто на пригоркѣ стоитъ. Это не пригорокъ, а нижній фундаментный этажъ въ землю зарытъ, глубоко закиданъ. Чтò бы, кажется, стоило только отрыть его, пробить въ немъ окна, осушить его, подвести печи — и баста. Нѣтъ, видите ли, это будетъ очень просто. А надо помудренѣе! Устроили когда-то смету на его передѣлку; смета была на 2,000 р. сер. Но говорятъ, что эти 2,000 р. сер. пошли на штукатурку верхняго этажа; тѣмъ дѣло и кончилось. Завѣдывай наше земство да городъ сами училищемъ, давно бы была у насъ подъ уѣзднымъ училищемъ и женская школа; въ немъ легко тѣмъ же учителямъ послѣ обѣда учить: все равно мы и сами иной разъ, ей-богу, отъ скуки по этимъ улицамъ маячимся. Тутъ же вонъ и казенныя деньги, и съ театровъ частныя собрались, и все пошло прахомъ...

—Чтò же у васъ теперь въ модѣ изъ литературнаго міра?

—Въ классахъ не разъ я читалъ ученикамъ повѣсть „Муму“: вѣрите ли, восторгу учениковъ не было конца. А когда въ повѣсти доходило до того, что сабаченку тамъ эту нѣмой съ горя въ водѣ утопилъ, накормивши ее, передъ тѣмъ борщикомъ, въ классѣ вой и ревъ отъ плача поднимался. Волосы, сударь, у меня самаго на головѣ вставали дыбомъ при этомъ волненіи слушателей моихъ! Училища наши пошли бы въ ходъ, если бы ихъ предоставили на страхъ и совѣсть ихъ собственныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Были бы у насъ тогда въ уѣздныхъ городахъ и публичныя даровыя библіотеки...

Другой учитель приходскаго училища, священникъ о. Амвросій, передалъ мнѣ слѣдующее:

—Въ послѣднее время я сталъ замѣчать влеченіе къ грамотности во взрослыхъ. На исповѣди два крестьянина въ минувшемъ году особенно тщательно сказали мнѣ главныя молитвы, которыя украинскій

народъ обыкновенно сильно коверкаетъ, не понимая многихъ словъ. Я ихъ похвалилъ и спросилъ, кто ихъ въ этомъ году выучилъ такъ хорошо молиться; а они у меня были на примѣтѣ, какъ и многіе другіе. — „Мы грамотѣ выучились теперь"! отвѣтили они. Я удивился: одному было лѣтъ за шестьдесятъ, а другому лѣтъ сорокъ. — У кого? — Одинъ, какъ отвѣтили они, выучился у прохожаго артиллерійскаго солдата, а другой уже у этого перваго. Самъ солдатъ, какъ они добавили, тоже выучился грамотѣ уже на исходѣ службы, въ своей батареѣ, отправляясь за старостью и немощью отъ ранъ въ отставку.—Кто же васъ недоумилъ выучиться грамотѣ такъ поздно?— Захотѣлось, батюшка, узнать: *каковъ таковъ по истинѣ и на самомъ дѣлѣ, по книгамъ, нашъ грѣхъ на свѣтѣ есть, чтобы до смерти еще успѣть отмолить его по Божьему по настоящему*...,

Захотѣлось мнѣ посѣтить одного труженика науки въ Богодуховѣ, объ искреннихъ и энергическихъ трудахъ котораго по городскому училищу я много слышалъ. Я отыскалъ его бѣдный дворикъ, разшатанное крыльцо и крошечное его помѣщеніе. На столѣ его лежали Льюисъ, Гартвигъ, Дарвинъ и Араго. Дарвинъ въ Богодуховѣ, въ комнаткѣ уѣзднаго учителя, куда во время разговора моего съ молодымъ и робкимъ человѣкомъ на свободѣ поминутно входило еще одно постороннее существо, мѣшавшее нашимъ разговорамъ, и это существо былъ веселый и рѣзвый теленокъ...

—Боже, сколько добраго могли бы мы сдѣлать для училищъ нашихъ, еслибы насъ не заѣдали формальности нашей бюрократіи! Шагу мы не можемъ сдѣлать безъ губернской опеки; книги дѣльной не можемъ безъ нея выписать, дырки заткнуть въ крышѣ училища, печчи передѣлать. Вѣрите ли, въ нашемъ училищѣ (вы, кажется, видѣли его и любовались его дѣйствительно хорошею архитектурою и вмѣстимостью)? мы, учителя, кочуемъ, какъ киргизы, примѣняясь къ его климату. Напримѣръ, у насъ зимою жарко невыносимо только въ 3 классѣ, а въ остальныхъ классахъ холодно; лѣтомъ же жарко до нестерпимости въ 1-мъ классѣ. Ну, мы и забавляемся возрожденіемъ прокустова ложа греческой миѳологіи: урѣзываемъ и увеличиваемъ число учениковъ въ классахъ не по ихъ способностямъ, а по температурѣ учебныхъ комнатъ въ извѣстную пору года. Въ одномъ уѣздномъ учи-

школы, ни даже частнаго женскаго пансіона, хоть жителей у насъ до 10,000 и учителя наши вызывались дѣвочекъ учить даромъ.

—Чтò же за причина?

—Взяться за дѣло не умѣли. Всѣ наши начинатели — честные люди; да любятъ дѣло всякое начинать по громадному плану. Видите вы, напримѣръ, этотъ нашъ училищный домъ?

—Вижу.

—Ну-съ, онъ въ одинъ этажъ и какъ будто на пригоркѣ стоитъ. Это не пригорокъ, а нижній фундаментный этажъ въ землю зарытъ, глубоко закиданъ. Чтò бы, кажется, стоило только отрыть его, пробить въ немъ окна, осушить его, подвести печи — и баста. Нѣтъ, видите ли, это будетъ очень просто. А надо помудренѣе! Устроили когда-то смету на его передѣлку; смета была на 2,000 р. сер. Но говорятъ, что эти 2,000 р. сер. пошли на штукатурку верхняго этажа; тѣмъ дѣло и кончилось. Завѣдывай наше земство да городъ сами училищемъ, давно бы была у насъ подъ уѣзднымъ училищемъ и женская школа; въ немъ легко тѣмъ же учителямъ послѣ обѣда учить: все равно мы и сами иной разъ, ей-богу, отъ скуки по этимъ улицамъ маячимся. Тутъ же вонъ и казенныя деньги, и съ театровъ частныя собрались, и все пошло прахомъ...

—Чтò же у васъ теперь въ модѣ изъ литературнаго міра?

—Въ классахъ не разъ я читалъ ученикамъ повѣсть „Муму": вѣрите ли, восторгу учениковъ не было конца. А когда въ повѣсти доходило до того, что сабаченку тамъ эту нѣмой съ горя въ водѣ утопилъ, накормивши ее, передъ тѣмъ борщикомъ, въ классѣ вой и ревъ отъ плача поднимался. Волосы, сударь, у меня самаго на головѣ вставали дыбомъ при этомъ волненіи слушателей моихъ! Училища наши пошли бы въ ходъ, если бы ихъ предоставили на страхъ и совѣсть ихъ собственныхъ педагогическихъ совѣтовъ. Были бы у насъ тогда въ уѣздныхъ городахъ и публичныя даровыя библіотеки...

Другой учитель приходскаго училища, священникъ о. Амвросій, передалъ мнѣ слѣдующее:

—Въ послѣднее время я сталъ замѣчать влеченіе къ грамотности во взрослыхъ. На исповѣди два крестьянина въ минувшемъ году особенно тщательно сказали мнѣ главныя молитвы, которыя украинскій

народъ обыкновенно сильно коверкаетъ, не понимая многихъ словъ. Я ихъ похвалилъ и спросилъ, кто ихъ въ этомъ году выучилъ такъ хорошо молиться; а они у меня были на примѣтѣ, какъ и многіе другіе. — „Мы грамотѣ выучились теперь“! отвѣтили они. Я удивился: одному было лѣтъ за шестьдесятъ, а другому лѣтъ сорокъ. — У кого? — Одинъ, какъ отвѣтили они, выучился у прохожаго артиллерійскаго солдата, а другой уже у этого перваго. Самъ солдатъ, какъ они добавили, тоже выучился грамотѣ уже на исходѣ службы, въ своей батареѣ, отправляясь за старостью и немощью отъ ранъ въ отставку.—Кто же васъ недоумилъ выучиться грамотѣ такъ поздно?— Захотѣлось, батюшка, узнать: *каковъ таковъ по истинѣ и на самомъ дѣлѣ, по книгамъ, нашъ грѣхъ на свѣтѣ есть, чтобы до смерти еще успѣть отмолить его по Божьему по настоящему..*,

Захотѣлось мнѣ посѣтить одного труженика науки въ Богодуховѣ, объ искреннихъ и энергическихъ трудахъ котораго по городскому училищу я много слышалъ. Я отыскалъ его бѣдный дворикъ, разшатанное крыльцо и крошечное его помѣщеніе. На столѣ его лежали Льюисъ, Гартвигъ, Дарвинъ и Араго. Дарвинъ въ Богодуховѣ, въ комнаткѣ уѣзднаго учителя, куда во время разговора моего съ молодымъ и робкимъ человѣкомъ на свободѣ поминутно входило еще одно постороннее существо, мѣшавшее нашимъ разговорамъ, и это существо былъ веселый и рѣзвый теленокъ...

—Боже, сколько добраго могли бы мы сдѣлать для училищъ нашихъ, еслибы насъ не заѣдали формальности нашей бюрократіи! Шагу мы не можемъ сдѣлать безъ губернской опеки; книги дѣльной не можемъ безъ нея выписать, дырки заткнуть въ крышѣ училища, печчи передѣлать. Вѣрите ли, въ нашемъ училищѣ (вы, кажется, видѣли его и любовались его дѣйствительно хорошею архитектурою и вмѣстимостью)? мы, учителя, кочуемъ, какъ киргизы, примѣняясь къ его климату. Напримѣръ, у насъ зимою жарко невыносимо только въ 3 классѣ, а въ остальныхъ классахъ холодно; лѣтомъ же жарко до нестерпимости въ 1-мъ классѣ. Ну, мы и забавляемся возрожденіемъ прокустова ложа греческой миѳологіи: урѣзываемъ и увеличиваемъ число учениковъ въ классахъ не по ихъ способностямъ, а по температурѣ учебныхъ комнатъ въ извѣстную пору года. Въ одномъ уѣздномъ учи-

лищѣ здѣшней губерніи прогнила крыша какъ-то, и учениковъ по милости проливныхъ дождей перевели въ городскую больницу. Штатный смотритель писалъ, что на экономическія средства самаго училища можно было починить эту крышу за 13 руб. 50 коп. сер. Какъ можно! Предложили его смету губернской строительной и дорожной коммисіи, а эта командировала въ тотъ городъ, для ревизіи дѣла и соображеній, своего инженер-полковника П***. Тотъ поставилъ расходы свои на проѣздъ туда и обратно, да года два дѣло тянулось въ перепискѣ, и исторія эта кончилась тѣмъ, что крыша, говорятъ, упала и потомъ стоила казнѣ нѣсколько сотъ, если и не всю тысячу рублей серебромъ.

Лучшіе ученики изъ крестьянъ въ уѣздномъ богодуховскомъ училищѣ какъ-то все выходятъ изъ сельскаго училища с. Козѣевки, что много говоритъ въ пользу наставника послѣдняго. Одинъ изъ такихъ, Трофимъ Соколовскій, 22 іюня 1863 года, на актѣ читалъ свое сочиненіе, изъ исторіи его дѣтства, разсказанной имъ очень толково. Тутъ говорилось о томъ, какъ училъ его дьячокъ, какъ истинно заботился о немъ его духовникъ-священникъ и какъ, между прочимъ, онъ ѣздилъ съ отцомъ въ село Токмакъ и что тамъ видѣлъ и слышалъ. Сельскія общества высылаютъ сюда ежегодно 5 лучшихъ мальчиковъ изъ своихъ мѣстныхъ школъ для дальнѣйшаго ихъ обученія и подготовки въ волостные писаря и сельскіе учителя. Обученіе и содержаніе каждаго такого ученика въ уѣздномъ училищѣ обходится палатскимъ обществамъ около 60 р. сер. въ годъ. Молодые люди изъ послѣднихъ выходятъ хорошіе. Но выборъ падаетъ иногда на сильно неразвитыя, тупыя и почти животныя натуры. Такъ одинъ изъ присланныхъ въ Богодуховъ, мальчикъ Прогонный, весь курсъ ученія здѣсь только спалъ и ровно ничему не научился.

Въ изюмскомъ уѣздѣ я слышалъ ропотъ народа на одного изъ исключенныхъ изъ семинаріи, неокончившаго ученія семинарскаго и опредѣленнаго въ школу палатскихъ крестьянъ учителемъ. Духовная корпорація въ здѣшней губерніи очень смотритъ за своими выгодами и вообще дружно поддерживаетъ свое вліяніе и свои права. Отчего, разумѣется, не помочь несчастливцу, за шалости болѣе или менѣе важныя, изгнанному изъ высшаго училища, такъ вѣрно застраховываю-

щаго своимъ питомцамъ полученіе прихода, слѣдовательно, куска хлѣба на всю жизнь. Но нельзя не пожалѣть, что заботы насильно, административнымъ путемъ, навязать школамъ своихъ питомцевъ консисторія простираетъ нетолько на лучшихъ изъ лучшихъ, давая имъ учительскія занятія, пока они дождутся прихода, но и на худшихъ изъ худшихъ. Такъ въ с. Савинцахъ на Донцѣ я засталъ всю волость въ сильнѣйшемъ волненіи, вслѣдствіе того обстоятельства, что въ волостное училище сюда, нѣсколько времени назадъ, былъ присланъ и помѣщенъ учителемъ нѣкто г. Ч***, одинъ изъ числа 17-ти учениковъ, тогда исключенныхъ изъ харьковской семинаріи за шалости и, по предложенію самой консисторіи и черезъ палату государственныхъ имуществъ, размѣщенныхъ изъ Харькова по сельскимъ и волостнымъ училишамъ губерніи.

—Вы себѣ представить не можете, что это за человѣкъ! говорили поселяне и въ томъ числѣ мѣстныя ихъ власти: — онъ, повидимости, и добрый, будто и воды не замутитъ. Но отъ юности ли своей, или такъ по наклонностямъ, отвертываетъ у насъ такія колѣнца, что хоть караулъ кричи.

Училище с. Савинцовъ — одно изъ лучшихъ въ уѣздѣ; въ библіотекѣ его вы увидите книги,; „Руководство къ умственнымъ упражненіямъ“, Егора Гугеля 1847 года; „Сельскую Библіотеку“ 1861 г., изданіе министерства государственныхъ имуществъ; „Сельское Чтеніе“ 1852 г.; „Народное Чтеніе“ и проч. и проч.

—Еслибы намъ побольше псалтырей, да россійской исторіи! говорили мнѣ мѣстные жители: — а то возьметъ мальчикъ изъ школы у учителя книжку, принесетъ прочесть намъ; ничего не поймешь; либо про такое хозяйство написано, что у насъ его никогда не было и не будетъ. И безъ того не мало на свѣтѣ глумянныхъ книжекъ пишутъ“!

Въ женскомъ отдѣленіи савинской школы учитъ сестра новаго ея учителя, г-жа Дейниховская. Въ училищѣ есть сироты-мальчики, которыхъ содержаніе обществу крестьянъ въ годъ стоитъ 16 руб. сер. деньгами и $1^1/_2$ четверти хлѣба.

Проѣзжая хуторъ Вѣтровку изюмскаго уѣзда, я узналъ, что тамъ частно обучаетъ 6 человѣкъ дѣтей деревенскій сторожъ, по имени Акимъ, изъ отставныхъ солдатъ.

—Хорошо онъ учитъ у васъ? спросилъ я мужика, ѣхавшаго на хуторъ съ дровами.

—Читать, писать и горохметику... числа.

—А ты грамотный?

—Читаю, а писать не пишу. Я и своего сына посылаю къ дядѣ Акиму: польза-съ. Какъ не учить грамотѣ! безъ нея труднѣе!

—Почему? спросилъ я.

—Какъ вамъ сказать? Дома-то ребята кричатъ, шалятъ, не даютъ спокойно хлѣба куска съѣсть; бьютъ собакъ, съ сѣрничками подъ скирдами бѣгаютъ—того и гляди, что хуторъ запалятъ. А какъ въ школу-то къ дядѣ Акиму попадетъ, то хоть школа и поганенькая, а все же лучше: тамъ-то мальчишка наморится, наберется опаски; учитель же еще иной разъ и на домъ урокъ задастъ. Вотъ дитя прибѣжитъ, раньше спать съ книжкой ляжетъ — и будто его вдругъ и въ хатѣ не станетъ, какъ сдѣлается школяромъ — затихнетъ, покорный станетъ.

Въ одномъ изюмскомъ имѣніи посредникъ при мнѣ разбиралъ жалобу владѣльца издѣльнаго имѣнія на поздній выходъ крестьянъ на урочную работу по уставной грамотѣ имѣнія.

—Не мы, ваше благородіе, стали теперь поздно выходить на работу, *а паны-помѣщики стали раньше прежняго вставать*, да замѣчать за нами и за хозяйствомъ! отвѣтили посреднику крестьяне.

Я разговорился съ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и замѣчательныхъ посредниковъ губерніи, съ изюмскимъ посредникомъ, барономъ А. Е. Розеномъ. Жизнь этого рѣдкаго человѣка полна грустнаго и высокаго интереса. Съ 1826 года онъ провелъ много лѣтъ въ Сибири, потомъ на Кавказѣ и, съ нынѣшняго царствованія, живетъ на покоѣ въ деревнѣ. Бодрый, высокій и румяный старецъ, съ сѣдою бородою, онъ еженедѣльно объѣзжаетъ свои волости въ некрытомъ фургонѣ безъ рессоръ; оставаясь дома, либо за полночь ежедневно стоитъ, не разгибаясь, за письменной конторкой, либо верхомъ, съ переломленной въ тяжкіе годы испытаній ногою, объѣзжаетъ свое степное хозяйство, дѣлаетъ удачные опыты травосѣянія, съ любовью слѣдитъ за литературой и ведетъ огромную служебную и частную переписку.

—Въ морозной Сибири и въ горахъ Кавказа любимѣйшею моею

мечтою было всегда образованіе нашего народа! говорилъ мнѣ баронъ А. Е. Розенъ:—теперь и я самъ могу что-нибудь сдѣлать для этого. Но, Боже мой, что̀ можетъ сдѣлать нашъ бѣдный народъ въ этомъ случаѣ, безъ поддержки всей Россіи? Это дѣло надо поставить первою задачею всего государства, всѣхъ его силъ и средствъ. Помилуйте! я бьюсь, хлопочу, предлагаю крестьянамъ: бѣдность ихъ поражена теперь еще массою денежныхъ взносовъ на волостныя дѣла, въ казну, помѣщикамъ. И кому учить? Волостнымъ писарямъ? Взгляните на бездну переписки, подавившей ихъ сразу. Имъ нѣкогда. Духовенству еще менѣе времени; его надо сдѣлать участникомъ, но не властью народной науки. *Надобно, чтобъ народные учители вышли изъ самого народа.* Вы сами замѣтили, что во многихъ посѣщенныхъ вами волостяхъ вошло уже въ губерніи въ обычай: лучшихъ учениковъ посылать, для подготовки въ писаря, въ уѣздныя училища. Общества охотно взносятъ за нихъ деньги. Вотъ вамъ на первое время и путь къ образованію учителей (1). Но, главное, и въ этомъ убѣдился я самъ, чтобъ обученіе грамотности сдѣлать для народа обязательнымъ, съ окладомъ его, а съ нимъ и остальныхъ сословій, въ пользу училищнаго фонда. Пусть школы предоставятъ мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ, гдѣ бы волостныя власти имѣли совѣщательный голосъ наравнѣ съ наставниками и попечителями сельскихъ училищъ. Однимъ же сельскимъ обществамъ, какъ и одному чиновному вѣдомству учебныхъ округовъ, нельзя отдать въ руки судьбы народныхъ школъ. Пожалуй, встрѣчаются и рѣдкія лица въ кругу духовныхъ, какъ и въ кругу волостныхъ сельскихъ властей. Да гдѣ ихъ всѣхъ сдѣлать такими! Проѣзжалъ я какъ-то черезъ посѣщенное нами с. Савинцы. Мѣнялъ тамъ въ волости лошадей и услышалъ толки выборныхъ о мірскомъ савинскомъ капиталѣ. Какъ вы думаете? Голова савинскій, Гордѣенко, слышу, продалъ собраннаго въ его управленіе

(1) Въ № 48 журналовъ харьков. губер. кресть. присутствія мы прочли (§ V): «Предположеніе профессора Бекетова образовать въ Харьковѣ учителей встрѣтило затрудненія по числу 190 волостей губерніи и приготовленію 190 или 380 первоначальныхъ учителей. Посредникъ баронъ Розенъ счелъ возможнымъ ихъ образовать изъ грамотныхъ людей при уѣздныхъ училищахъ. Присутствіе отказало поддержать его мнѣніе, ибо «училища обусловлены извѣстными программами и врядъ ли могутъ дополнить курсы свои педагогическими уроками»,

сверхколичественнаго мірскаго хлѣба что-то до 700 четвертей ярова-го, да четвертей 300 озимаго. Изъ этого вышло въ одинъ прекрасный день ровно 6,000 руб. сер. запаснаго капитала. Онъ убѣдилъ волость сѣять и пшеницу, и ленъ, какъ лучшіе и дорогіе хлѣба! — 6,000 руб., да вѣдь это около 25,000 франковъ! И гдѣ же? въ глухой слободкѣ на Донцѣ! Пари готовъ подержать, что ни въ одной сельской коммунѣ—ни въ Бельгіи, ни во Франціи, ни въ Германіи, такого запаснаго собственнаго капитала не найдется. Что̀ значитъ одинъ дѣльный человѣкъ, одинъ вѣрный исполнитель законовъ страны, одна разумная и энергическая душа, среди нашего великаго будущностью народа. Я пришелъ въ восторгъ. День былъ дождливый. „Попросите его сюда, вашего Гордѣенка!“ сказалъ я выборнымъ: „хочу съ нимъ познакомиться; или нѣтъ, стойте! самъ къ нему пойду!“ —„Нѣтъ его больше въ Савинцахъ“, отвѣтили мнѣ, повѣся головы выборные: „онъ умеръ; а теперь у насъ голова другой“. Познакомился я съ этимъ новымъ головою: опять рѣдкій, хотя менѣе предпріимчивый умъ. Этотъ мнѣ сразу заговорилъ о школѣ и о той исторіи, которую вы знаете. Съ такимъ наслѣдствомъ, какое ему оставилъ Гордѣенко, легко было думать уже и о замѣнѣ одного учителя другимъ. Много мы съ нимъ говорили. Его взманивала слава двухъ дѣвушекъ - учительницъ царе-борисовской женской школы нашего уѣзда, изъ которыхъ одну савинское общество также хотѣло-было пригласить въ наставницы, въ женское отдѣленіе своей школы. Онъ бы обратился туда, да его тогда останавливала неопредѣленность перемѣны, постигшей въ то время мѣста окружныхъ начальниковъ государственныхъ имуществъ. — „И дѣйствительно, нашего окружнаго смѣняютъ“? допрашивалъ онъ меня.

— Смѣняютъ.

— Кто же теперь будетъ *окружнымъ* на нашу волость?

— Ты самъ, другъ мой, ты самъ теперь будешь окружнымъ! Благодари время и законъ, и хлопочи теперь о своей школѣ, да и мірской запашки Гордѣенка не бросай...

Изъ недавно-возникшихъ сельскихъ училищъ зміевскаго уѣзда нельзя не остановиться на школѣ, устроенной въ волости освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ с. Пришиба. По исторіи открытія ея

легко составить себѣ понятіе вообще о происхожденіи школъ въ помѣщичьихъ селахъ губерніи.

Школа обязана, дѣйствительно, частному начинанію. Зданіе для нея подарено со стороны, равно какъ и жалованье помощнику священника добыто на первые два года изъ средствъ, чуждыхъ крестьянамъ. Но надо отдать справедливость, что успѣхомъ своимъ школа обязана вполнѣ мѣстному священнику, о. Михаилу Михайловскому. Она возникла вслѣдъ за первыми днями крестьянской реформы. Здѣшніе крестьяне, не смотря на мягкія отношенія къ нимъ владѣльцевъ, все-таки, при переходѣ къ новой реформѣ, выказали самое полное недовѣріе и къ совѣтамъ новаго своего начальства и къ былымъ своимъ владѣльцамъ. Когда имъ предложено было устроить школу, они наотрѣзъ отказались.

—Отчего вы не хотите открыть школы? Можетъ быть, средствъ у васъ не хватаетъ?

—Нѣтъ; сложимся по копейкѣ, рубли будутъ. А просто не хотимъ.

—Вамъ ли не знать пользы ученія? Вонъ у старшаго вашего владѣльца, тридцать лѣтъ назадъ, да и у сыновей его, былъ хоръ пѣвчихъ и музыка. Мальчики дѣти ваши тогда учились въ домѣ помѣщиковъ и выходили въ люди черезъ одну грамоту.

—Какъ не знать, знаемъ. Одинъ музыкантъ изъ нашихъ и теперь подъ Харьковомъ дѣла какія ведетъ, въ купцы готовится записаться, на купчихѣ свататься думаетъ. А два другіе весь вѣкъ изъ нашей музыки учителями жили по помѣщикамъ, дѣтей барскихъ учили играть, деньги наживали. Иные учились и въ Петербургѣ. Многіе прикащиками стали. Да все-таки теперь, какъ мы вольные, школы не откроемъ.

—Отчего?

Долго отвѣта не добивались.

—А вотъ отчего, отвѣтили наконецъ тамошніе крестьяне:—слышно, что такъ-какъ теперь кантонистовъ, наѣхавшіе генералы, по сосѣдству съ нами, въ военныхъ поселеніяхъ, распустили; то теперь нашихъ дѣтей Царь *заберетъ въ кантонисты* (1), а потомъ и на службу, чуть они станутъ грамотѣями.

(1) Пустая боязнь крестьянъ харьковской губерніи касательно того, чтобы дѣтей

Насилу священникъ ихъ уговорилъ перенести и поставить зданіе, подаренное имъ однимъ сосѣднимъ лицомъ, подъ волость и школу. Цѣлые мѣсяцы проходили, пока крестьяне поставили даровое строеніе, укрыли его даровымъ камышомъ, обмазали, наполнили даровою мебелью и снабдили даровыми книгами. Ученики все-таки еще не собирались, а отцы, видѣвшіе, какъ насильно нѣкогда брали въ кантонисты дѣтей безродныхъ бѣдняковъ цыганъ, евреевъ, отставныхъ солдатовъ, вдовъ солдатокъ и другихъ, призрѣваемыхъ приказами общественнаго призрѣнія, толковали: „Нѣтъ, это подвохъ, не сдавайтесь!“ Въ мартѣ 1862 года, наконецъ, разными приманками и обѣщаніями подарковъ, священникъ собралъ около 10-ти учениковъ. Въ помощники священнику нанялся И. С. Рубанъ, отставной регентъ бывшаго военно-поселенскаго церковнаго хора сосѣдняго мѣстечка с. Андреевки. Мальчики сѣли за буквари, но священникъ прежде всего налегъ на знаніе молитвъ и сталъ учить ихъ пѣть церковные хоры. Сталъ его помощникъ, И. С. Рубанъ, съ скрыпочкой, поставилъ въ шеренгу крошекъ, выучилъ ихъ пять - шесть крылосныхъ пѣсенъ, да главныя служебныя молитвы, и сдѣлалъ чудо. Крестьяне еще недовѣрчиво качали головой, смотря, какъ новые ихъ школяры собирались въ школу. Но когда черезъ два мѣсяца, на храмовой праздникъ св. Троицы, къ клиросу огромнаго каменнаго и красиваго храма с. Пришиба, стали эти самые школяры и нежданно пропѣли передъ большою толпою родныхъ богомольцевъ всю обѣдню, изумленію и восторгу крестьянъ не было предѣловъ. Въ ту же недѣлю приведено было столько учениковъ, что мѣста не хватило. Въ тѣсномъ помѣщеніи, въ крошечной комнаткѣ, появилось въ то же лѣто до 50-ти учениковъ. Пришла зима. На отопленіе школы со стороны стали отпускать дрова; пришла вторая зима, и крестьяне, вопившіе прежде: „что вотъ, школа и волость закроются, потому что и топить-то ихъ нечѣмъ будетъ“! сами уже явились къ владѣльцамъ сосѣднихъ лѣсовъ и легко заработали, съ части, дровъ на волость и школу. — „Теперь, говорятъ, хоть и дровъ недостанемъ въ иную зиму, сложимся по копнѣ соломы съ двора — и легко ее сами протопимъ“. — Но приведу нѣсколько

ихъ не обратили въ *кантонисты*, поясняется нѣсколько далѣе, краткимъ образомъ этихъ недавно былыхъ школъ губерніи —*Авт.*

чертъ изъ моей переписки съ мѣстнымъ священникомъ и изъ того, что я самъ увидѣлъ въ этой школѣ.

„Посылаю вамъ списокъ учениковъ, съ отмѣтками о ихъ успѣхахъ“ писалъ мнѣ о. Михаилъ Михайловскій, въ декабрѣ 1862-го года: „въ школѣ у насъ тѣсно. Многіе мальчики занимаются стоя. Внутренняя жизнь школы чисто свободная. Шумятъ, говорятъ, играютъ, но дѣла не упускаютъ. Съ нихъ не взыскиваютъ, а потому неявки къ урокамъ умышленной я не встрѣчалъ. Школа всегда полна. Въ праздники даже дѣти собираются сами по себѣ въ школу, потолковать, порѣзвиться, или на такъ называемое устроенное ими дежурство, досмотръ за книгами и за чистотой комнаты, или для повторенія уроковъ. Я опишу вамъ одинъ казусъ съ учениками и мое распоряженіе. Ученикъ Андрей Бритвенко подговорилъ 5 мальчиковъ и подъвечеръ съ ними въ сараѣ сосѣдняго владѣльца содралъ у фаэтона фартучное сукно, раздѣлилъ его между соучастниками и они нашили себѣ гаманцивъ (сумочекъ или кармашковъ). Это сообщилъ мнѣ Рубанъ. Неходившимъ на этотъ промыслъ я предоставилъ право въ моемъ присутствіи разобрать дѣло и поставить надъ нимъ ихъ судъ. Ахъ, какъ мнѣ жаль, что васъ не было въ то время въ школѣ нашей! Трудно было бы себѣ представить этотъ ученическій судъ, въ толпѣ только что собранныхъ въ крошечную школу уличныхъ мальчишекъ. Я присутствовалъ, но въ дѣло этого небывалаго мірскаго суда не входилъ. Сколько тутъ было трогательнаго, поучительнаго и не дѣтски-высокаго! Единогласно этотъ судъ присудилъ главному виновнику дать 25 розогъ, а участникамъ по 5. И только слезы, обѣщаніе исправиться и мое заступничество (я, безъ сомнѣнія, пока живъ, не допустилъ бы тѣлесныхъ наказаній въ школѣ!) могли остановить этотъ приговоръ. — О пищѣ и о содержаніи дальнихъ хуторскихъ учениковъ мы не безпокоимся. Богъ питаетъ и птицъ! А у насъ ближніе родители уже стали добровольно чередоваться и брать къ себѣ дѣтей дальнихъ, кормить, обогрѣвая ихъ и давая имъ ночлегъ и пріютъ, а тѣ въ свой чередъ отплачиваютъ чѣмъ нибудь этимъ: либо подаркомъ куръ, яицъ, масла или муки, либо отработкомъ двухъ-трехъ дней, помощью въ чемъ нибудь по хозяйству. Такимъ образомъ сами другъ друга тяготы носятъ. Дѣти зимою приходятъ, изъ хуторовъ

Петровскаго, Марьевки и Мало-Ивановки, на цѣлую недѣлю или на нѣсколько дней, за 1, 2 и 3 версты, приносятъ съ собою хлѣбъ и ночуютъ у родныхъ и у пріятелей. А лѣтомъ чаще навѣдываются домой. — Господа посѣтители нашей школы не нарадуются ею и постоянно дарятъ дѣтей деньгами за чтеніе и пѣніе. Помѣщичьи пѣвчіе распущены здѣсь, какъ вы знаете, давно, болѣе двадцати лѣтъ. И за то, съ какимъ чувствомъ можно теперь помолиться въ нашей церкви, слушая по истинѣ недурное пѣніе этихъ крошекъ, сдѣлавшихъ такіе быстрые и неожиданные успѣхи въ грамотѣ и хоровомъ пѣніи. Какъ не довѣрять теперь школѣ самимъ крестьянамъ, которые оставили прежнее опасеніе, что дѣтей ихъ либо казна заберетъ въ кантонисты, либо обманомъ послѣ наймутъ сосѣди въ лакеи; и съ какимъ гордымъ наслажденіемъ крестьяне стоятъ теперь въ церкви, прислушиваясь къ голосамъ дѣтей, звонко подхватывающимъ каждый мой возгласъ въ литургіи".

Въ другомъ письмѣ о. Михаилъ Михайловскій писалъ мнѣ, въ мартѣ 1863 года: „Для училища намъ нужны были *два ланцета*. Я преподалъ ученикамъ кратко уроки *оспопрививанія*, способовъ добыванія, храненія и прививки оспы. Я расчитывалъ, что къ этой веснѣ мальчики, прививая оспу, станутъ заработывать свои гривны. И дѣйствительно: ланцеты добыты и съ февраля началась наша школьная практика. За эти два года, какъ крестьяне освободились отъ прежней опеки, но не пріобрѣли еще собственной самостоятельной опытности, до 150 дѣтей родилось и ни одному до сихъ поръ оспа не была привита. Теперь у крестьянъ явились свои оспопрививатели, и надобно было видѣть бабъ, несшихъ сюда, къ зданію школы, своихъ младенцевъ! Теперь уже матери просятъ, чтобъ открыть школу и для дѣвочекъ".

Читатель не безъ наслажденія встрѣтилъ бы трехъ или четырехъ мальчиковъ, съ холщевыми сумками черезъ плечо, иной разъ за три версты ковыляющихъ по степи изъ хутора въ школу. Въ сумкѣ хлѣбъ, перья, соль въ ветошечкѣ, книжка и тетрадка. Школьники идутъ обыкновенно серьёзно, говорятъ, не размахивая палками и не горланя. Они по улицамъ, даже въ праздники, держатся особнякомъ отъ своихъ прочихъ деревенскихъ сверстниковъ. Всегда затѣютъ особую игру.

Либо уйдутъ къ пруду, купаются подъ мельницей, плещутся, бережно сложа на рубашонки не разлучныя съ ними книжки, либо ловятъ рыбу удочками, можетъ быть, своему учителю, Ив. Степан. Рубану.

—А что хлопцы, ловится? спросите вы, проѣзжая навозную кривую гребельку.

—Ловится! съ важностію отвѣчаютъ вамъ, не отрывая отъ воды кудрявыхъ головокъ, полунагіе школары.

Тутъ же и вы подсядете. Дѣти ухмыляются дружелюбно, толкуютъ вамъ, что ныньче въ классѣ было про фараоновъ, да про Іосифа, про Волгу съ городами и про Москву объяснялъ священникъ, „горохметика“—завтра, счетъ выходитъ.

—Кто у васъ лучше учится?

—Пѣтушокъ хорошо, Борзѣй хуже, а Бугаёкъ еще хуже...

Хохотъ слушателей покрываетъ этотъ отвѣтъ. Оказывается, что школьники уже всѣ между собою пріобрѣли особыя прозвища. И все въ этой школѣ заводится само собой, какъ и въ лучшихъ и знаменитыхъ школахъ: и духъ честной корпораціи, и самоуваженіе, и гордость званіемъ школяра—всѣ тѣ чувства, о которыхъ въ этихъ маленькихъ людяхъ донынѣ не было и понятія.

Лѣтомъ пришибскіе ученики, съ первыми полевыми работами, какъ въ воду провалились: изъ 50 учениковъ вдругъ осталось всего едва 10, самыхъ маленькихъ. Попечитель школы, избранный обществомъ вздумалъ-было приманить ихъ новыми подарками: купилъ нанки и всѣхъ одѣлилъ обновками. Ничуть не бывало; ученики одѣлись въ новые синіе штаны, даже для бережливости засучили ихъ на голыхъ ножкахъ, и дня черезъ два, бросивши снова школу, опять разсыпались по хуторамъ. Это было въ іюнѣ.

—Куда вы? спрашивалъ Рубанъ-учитель, помня прежнюю дисциплину кантонистовъ.

—На заработки; теперь лѣто — вотъ что! отвѣчала мелюзга, не оборачиваясь даже, и улепетывая изъ школы.

—„Ты куда, Пріймакъ?“—„Я въ лѣсъ; марьевцы косятъ у Петра Семеныча“.—„А ты куда, Багацкій?“—„До нѣмца, въ погонычи: обносился; нужно на сапоги къ зимѣ заработать!“ слышались отдѣльные голоса.

Долго къ концу лѣтней поры не собирались пришибскіе школьники. Учились одни азбучники. Рубанъ скучалъ и настаивалъ передъ волостью о сборѣ школы. Голова и писарь сѣли въ тележку и поѣхали по хуторамъ собирать учениковъ, грозя даже отцамъ, „что вотъ-де, домъ ихъ чужими людьми на школу подаренъ и нанятъ учитель, а жалованье все лѣто идетъ ему почти даромъ: слѣдуетъ давно собрать дѣтей въ школу!“

—А что намъ дѣти! отвѣчали отцы:—сѣно и хлѣбъ убраны, скотъ, точно по правдѣ, не они пасутъ, а пасетъ мірской пастухъ; берите ихъ, и не слѣдуетъ уже имъ баловаться.

—Да гдѣ твой сынъ?

—Портняжитъ.

Подъ сараемъ гдѣ нибудь, въ огородѣ на соломкѣ, старшина дѣйствительно находилъ бѣглеца; но послѣдній сидѣлъ либо за починкой сапога, либо шилъ себѣ кое-какъ на зиму рукавички. Словомъ, въ сентябрѣ всѣ снова шумно и весело наполнили пришибскую школу и каждый на зиму заработалъ себѣ какую-нибудь одёжу собственными средствами, не говоря уже о помощи отцамъ.

Круглымъ счетомъ, получая въ день по 10 коп. сер., ученики въ мѣсяцъ зарабатывали; въ минувшіе два лѣта, до 3 р. сер., и это дѣлали дѣти отъ 8 до 10 лѣтъ, не болѣе.

Нѣкоторые изъ нихъ выказали по истинѣ замѣчательные успѣхи. Такъ пришибскій ученикъ, Митрофанъ Пойденко, въ полтора года, выучился отлично читать по-украински, по-русски и церковную печать и, выйдя изъ школы, тотчасъ же поступилъ за весьма высокую цѣну въ наймы въ одну лѣсную операцію подъ Харьковомъ.

Изданія „Основы“ (сочиненія гг. Стороженка, Квитки, Кулиша, Шевченко и другихъ) въ пришибской и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ губерніи приняты съ большимъ сочувствіемъ. Таковы: „Закоханный чортъ“ Олексы Стороженка: „Купованный розумъ“ и „Пидбрехачь“ Квитки; „Листъ про злодія у гаківници“; „Дзвонарь“ Мордовцева; „Ледащиця“ М. Вовчка; „Перебендя“, „Тополя“ и „Тарасова пичь“ Шевченка; „Сира кобыла“ Иродчука и, наконецъ, превосходный народный очеркъ г. Стороженки: „Се така баба, шо самъ чортъ ій на маховыхъ вилахъ чоботы отдававъ“. Судьбы украинскаго

языка въ харьковскихъ школахъ — предметъ, требующій особаго обсужденія и мимоходомъ къ нему относиться нельзя. Я къ нему возвращусь въ другомъ мѣстѣ и при другомъ случаѣ. Здѣсь, не входя въ филологическій и соціальный споръ, скажу, что, несмотря ни на что, языкъ украинскій въ харьковскихъ школахъ составляетъ, при объясненіи уроковъ исторіи, закона божія и чтенія, языкъ господствующій, чѣмъ облегчается и теперь преподаваніе дѣтямъ сразу двухъ незнакомыхъ имъ языковъ: церковнаго и великорусскаго.

Въ с. Боркахъ, зміевскаго уѣзда, священникъ о. Дмитрій Регишевскій много хлопоталъ о поддержкѣ школы, заведенной-было въ его домѣ, но мало успѣлъ. Онъ, правда, встрѣтилъ неожиданную помощь въ художникѣ г. Карповѣ, ученикѣ петербургской академіи художествъ, бывшемъ и за-границей, отъ котораго достались ему для открытія школы въ с. Боркахъ двѣ картины: сюжетъ одной — поэма Шевченки „Изганіе Катерины“, а второй — „Причащеніе умирающаго“, изъ Квитки. Но, несмотря на то, что эти картины предложены для лотереи, билеты на каждую раздавались г. предводителемъ и другими лицами изъ мѣстныхъ дворянъ, а картины были выставлены въ Зміевѣ, при мировомъ съѣздѣ — донынѣ, говорятъ, этихъ билетовъ роздано всего на 37 р. сер., тогда какъ картины оцѣнены въ 150 р. сер. — Ходя весной съ народомъ, при освященіи полей и колодцевъ, по мѣстному обычаю съ церковною процессіей, о. Дмитрій Регишевскій на роздыхахъ пробовалъ объяснять народу священную исторію, значеніе грамотности и улучшеннаго хозяйства и читалъ переложеніе псалмовъ на украинскій языкъ. Народъ сочувствовалъ въ особенности украинскому псалтырю и говорилъ: „Надо правду сказать, батюшка, и молиться пріятнѣе, какъ вы говорите по нашему. Если устроите школу, давайте нашимъ дѣтямъ такія книжки, какъ этотъ псалтырь, что̀ мы понимаемъ всякое слово. А будете учить мальчиковъ, учите и дѣвочекъ“...

Въ самомъ Зміевѣ нѣтъ вовсе женскаго училища.

Кстати. Въ зміевскомъ уѣздѣ, бывшемъ лѣтъ шесть-семь назадъ центромъ украинскихъ военныхъ поселеній, еще недавно только закры-

ты школы военныхъ кантонистовъ, одна память о которыхъ до сихъ поръ составляетъ тормозъ для дальнѣйшаго развитія грамотности въ губерніи. Я обѣщалъ сказать о послѣднихъ нѣсколько словъ, такъ-какъ онѣ теперь уже принадлежатъ исторіи, вслѣдствіе уничтоженія самихъ военныхъ поселеній, реформа которыхъ предшествовала въ это царствованіе великой реформѣ быта сельскаго сословія вообще. Въ 1835 году состоялось постановленіе, дабы солдатскіе сыновья, при родственникахъ до 20-ти лѣтъ оставляемые, отнюдь не проживали при нихъ далѣе сего возраста, подъ опасеніемъ штрафа. Въ весеннее время, солдатскія дѣти (до 20-ти лѣтъ) *высылались* въ губернскіе города тѣхъ губерній, гдѣ они проживаютъ. Тутъ они поступали въ вѣдѣніе командировъ внутреннихъ гарнизоновъ, гдѣ сперва образовались въ выправкѣ и маршировкѣ, безъ оружія. Къ кантонистамъ причислились, по Своду Военныхъ Постановленій: „всѣ сыновья, прижитые военными нижними чинами не изъ дворянъ, во время нахожденія ихъ въ службѣ военной“; „сыновья, коими матери, при вступленіи мужей ихъ въ военную службу, остались *беременными*“; „всѣ дѣти мужескаго пола, *незаконнорожденныя* солдатками, или *рекрутскими женами* при жизни мужей, и незаконнорожденныя отъ солдатскихъ *вдовъ*, отъ солдатскихъ *дѣвокъ* до брака и отъ дочерей *сихъ дѣвокъ* до брака же“; „*подкидыши* мужескаго пола къ нижнимъ военнымъ чинамъ или *служителямъ* регулярныхъ войскъ“; „сыновья кантонистовъ, поступившихъ въ межевое вѣдомство“; „сыновья солдатскихъ сыновей“ и пр. (статьи 64, 65 и 66 кн. 1 гл. 1 Свода Военныхъ Пост.). --По окончаніи срока ученія въ кантонистскихъ батальонахъ и полубатальонахъ, „кантонисты, менѣе способные къ фронту, поступали наиболѣе въ писаря, а также цейхшреберы, цейхдинеры, фельдшера, цирюльники и аптекарскіе ученики, а затѣмъ, мало-способные по понятіямъ въ наукѣ — въ вагенмейстеры, надзиратели больныхъ и служители при церквахъ военнаго вѣдомства“; „выпускаемые же на службу опредѣлялись рядовыми“; а иныхъ „черезъ три года не ранѣе производили при этомъ въ унтер-офицеры“ (статьи 161—168). — Въ архивѣ с. Андреевки мы видѣли старую книжку, изданія 1826 года. Въ ней означено во множествѣ табелей: число стульевъ для учителей, табуретовъ для кантонистовъ, число бутылей

для квасу, на нихъ воронокъ большихъ и среднихъ и проч.; въ числѣ безсрочныхъ вещей поставлены ведеръ 8, квашенъ 8, лоханей 12 и проч. до утиральниковъ, тюфяковъ, набитыхъ соломою, поставленныхъ также въ графу безсрочныхъ; тутъ же сказано, что въ классахъ учебнаго батальона, столы должны быть длиною въ 5-ть аршинъ, шириною въ 1 аршинъ, высотою въ 1 аршинъ 8 вершковъ. Всѣ столы выкрашиваются черною краскою и въ каждой вдѣлывается 3 чернилицы. Столы сіи должны стоять противъ оконъ по два вмѣстѣ, чтобы между стѣною и столами осталось еще мѣста на $1^1/_2$ аршина. Во время преподаванія наукъ ученики сидятъ спиною къ свѣту; въ каждомъ классѣ, имѣется по одной доскѣ на каждые два стола; длина доски два аршина, ширина $1^1/_2$ аршина; каждая изъ 3 ножекъ, стойки ея, имѣетъ въ длину 3 аршина; сіи доски ставятся въ 2-хъ шагахъ отъ переднихъ столовъ и пр. Учебнымъ дивизіономъ завѣдывалъ *одинъ изъ штабс-ротмистровъ или ротмистровъ поселеннаполка*, по назначенію полковаго командира. Обученіе кантонистовъ состояло: въ военномъ ученьи, ученьи въ классахъ и ученьи въ мастерскихъ. Въ военномъ ученьи было: пѣшее и конное ученье, верховая ѣзда, рекрутская школа, эскадронное и полковое ученіе, фехтованіе и фланкированіе. Для этого содержались казной лошади (до 139) и огромная прислуга, до 68-ми унтер-офицеровъ и вице-унтерофицеровъ при дивизіонѣ. Въ классахъ преподавались: законъ божій, россійскій языкъ, ариѳметика, геометрія, судопроизводство, бухгалтерія, чтеніе воинскаго устава, рисованіе. Между прочимъ, здѣсь преподавалось и словосочиненіе и составленіе бумагъ, употребительныхъ по службѣ. Верховая ѣзда, между тѣмъ, производилась ежедневно. Кантонисты встаютъ поутру въ $5^1/_2$ часовъ; умывшись, они оправляютъ свои постели, одѣваются; по воскресеньямъ содержатъ караулы въ селеніяхъ и проч. Школы кантонистовъ, изобрѣтеніе прошлой нашей бюрократической жизни, стали плохо приниматься въ губерніи; неудачи въ нихъ вызвали карательныя мѣры мѣстныхъ начальствъ.

Строгости къ кантонистамъ были неимовѣрны. Мы видѣли съ прискорбіемъ кучу „штрафныхъ журналовъ“ (рукописныхъ) въ андреевскомъ архивѣ зміевскаго уѣзда, по 1-й батареи кантонистовъ 1-й артиллерійской дивизіи. На каждомъ шагу вы здѣсь встрѣчаете отмѣтки

о розгахъ. Такъ въ журналѣ, съ 6-го ноября 1836 по 19-е іюня 1844 года, кантонисты Касьянъ Каверзневъ и Кирилло Грешечникъ, „за неопрятность въ одеждѣ и неоднократныя приказанія отдавать честь гг. штабъ и обер-офицерамъ", наказаны: первый 25-тью, и второй 50-тью ударами розогъ. Помѣтку скрѣпилъ поручикъ г. М—въ, котораго подпись въ такихъ случаяхъ повторяется въ тетради, имѣющей 22 страницы, 122 раза: сперва на 14 страницахъ подъ каждымъ случаемъ сѣченія, а съ 14 по 22-ю только внизу страницы, въ видѣ скрѣпы. Г. М—въ въ томъ числѣ наказалъ кантониста Андрона Пимонова (мальчика отъ 14 до 18-ти лѣтъ) „за слабое смотрѣніе ввѣреннаго ему взвода", какъ говорится въ его отмѣткѣ, „по моему приказанію, 100 ударами розогъ". Кантонистъ Тарасъ Ѳедосѣенко, „за картежную игру, мая 16 1839 года, наказанъ 100 ударами розогъ"; какой-то кантонистъ Шивцовъ 100 ударами просто „за шалость"; Егоръ Ґнучій 30 ударами „за несвоевременное прибытіе въ школу"; Степанъ Гончаровъ „за неопрятность—100 ударами". Полъ-книги занимаютъ отмѣтки неизвѣстной руки, вѣроятно одного изъ солдатъ, такого рода: „по приказанію господина поручика М—ва, наказанъ фейерверкеръ Петръ Комисаренко за непорядки палками 25 ударами, въ 5-й разъ; палками 30 ударами Егоръ Ивановъ, въ 4-й разъ".

Чтобы какъ нибудь обратить вниманіе высшаго начальства на школы кантонистовъ и увѣрить его, что онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ художественно-гражданскихъ школъ, мѣстные командиры ихъ пускались на тысячи хитростей. О подобныхъ продѣлкахъ кантонистскихъ командировъ, иногда разгаданныхъ, но большею частью удававшихся въ пользу ихъ изобрѣтателей, села бывшихъ военныхъ поселеній въ губерніи полны многими легендами. Вспомнимъ, что по уставу о кантонистахъ (см. Инвалидъ, статьи по поводу полемики о чугуевскомъ военномъ училищѣ, 1863 г.), штатъ ихъ былъ на 10,000 человѣкъ въ Россіи, а въ натурѣ ихъ оказалось 40,009 чел., почему ихъ и размѣщали по деревнямъ, собирая партіями для мастерскихъ, шагистики и проч.

Что же выходило изъ этихъ кантонистскихъ школъ въ губерніи? Ими наполнялись военно-поселенскія и армейскія канцеляріи. Писаря

изъ кантонистовъ донынѣ славятся отличнымъ почеркомъ и безграмотностью. Попадавшихъ въ полки кантонистовъ скоро производили въ унтер-офицеры, фельдфебеля и вахмистры. О послѣднихъ изъ кантонистовъ и теперь вздыхаютъ многіе бойкіе эскадронные и полковые командиры.

Не смотря на помѣтки ревизоровъ для *высшаго* начальства „о хорошемъ сбереженіи кантонистовъ и о здоровомъ видѣ ихъ“ на инспекторскихъ смотрахъ, въ дѣлахъ архива мы встрѣчаемъ другаго свойства донесенія *низшихъ* ревизоровъ, такъ сказать, въ ихъ домашней перепискѣ съ ближайшимъ начальствомъ. Такъ, въ предписаніи одному штабс-ротмистру мы читаемъ: „при *постоянномъ* посѣщеніи моемъ столовой залы кантонистскаго дивизіона, я находилъ въ оной большую нечистоту и безпорядки, а именно: на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ цвѣль, полы въ столовой до такой степени нечисты, что грязи на нихъ на цѣлый вершокъ; почему предлагаю вашему благородію приказать столы счистить *желѣзными* лопатками и вымыть, а кантонистамъ велѣть, входя, вступать сапогами въ (приготовленный) песокъ, а потомъ уже входить въ залу“. Вотъ вамъ и внѣшній лоскъ и тогдашніе инспекторскіе смотры!

Изъ южныхъ степныхъ уѣздовъ харьковской губерніи, кромѣ старобѣльскаго, зміевскаго и изюмскаго, остановимся нѣсколько еще на купянскомъ, носящемъ также характеръ степнаго.

Надо отдать справедливость уѣзднымъ городамъ харьковской губерніи: въ Купянскѣ также долго не было ни частнаго, ни общественнаго женскаго училища.

— Пробовали было у насъ открываться женскіе пансіоны, говорили мнѣ купянцы: — но неудачно; побудутъ 2 — 3 года и закроются. Воздухъ у насъ, видно, такой.

Изъ сельскихъ школъ купянскаго уѣзда нельзя не остановиться на школѣ с. Ольшаны, хотя тутъ слышатся тѣ же общія жалобы губерніи.

— За что мы получаемъ жалованье за весь круглый годъ? говорилъ мнѣ одинъ мѣстный наставникъ школы, о. С. К — въ: — съ пасхи всѣ ученики изъ школы исчезаютъ и являются только къ покрову. Назвать ужь прямо бы эти школы зимними и дѣлать бы имъ

экзамены въ мартѣ, а съ апрѣля ихъ распускать. Бѣда также намъ, наставникамъ школъ, имѣть сношенія съ далекимъ начальствомъ школъ. Просишь оттуда ариѳметику, а вамъ высылаютъ Главинскаго „Руководство къ изученію грамоты"; выписываешь русскую исторію — а оттуда получаешь почему-то тюкъ съ аспидными досками. Вотъ и теперь, посмотрите: у насъ на полкахъ 30 аспидныхъ досокъ на 25 учениковъ, а по уставу 1 доска полагается на 5 учениковъ. То же и со счетами: каждыя счеты полагаются по уставу на 4 ученика, а на 25 учениковъ у насъ 38 счетовъ. И кто хлопоталъ объ ихъ высылкѣ намъ — не знаю. Да еще прошу покорно исполнять предписаніе палаты — произвести экзаменъ при волостномъ головѣ, неграмотномъ и почти всегда враждебномъ къ школѣ человѣкѣ, который явится, развалится и пр. и пр.

Въ купянскомъ уѣздѣ, я познакомился съ любопытнымъ лицомъ, о. И. С — мъ. Село П. состоитъ большею частію изъ тайныхъ старообрядцевъ, вѣтковцевъ. О. И. С — въ въ званіи миссіонера для обращенія этихъ раскольниковъ много трудился на этомъ поприщѣ, хотя почти ни въ чемъ не успѣлъ, вслѣдствіе особенныхъ *мѣстныхъ* препятствій. По его словамъ, здѣшніе раскольники нашли себѣ опору въ одномъ изъ вліятельныхъ лицъ, которое опорочило его дѣйствія, и покровскій миссіонеръ сложилъ съ себя это званіе. Онъ много убѣждалъ свою паству и къ поддержкѣ мѣстной школы.

— „Правительство, ей-ей! втунѣ трудится, стараясь увеличить народную грамотность! сказалъ мнѣ г. С — въ: — книги въ хозяйствѣ и въ жизни ничего недаютъ и не дадутъ крестьянству; вѣдь я самъ хозяйничаю; выписываю литературные и экономическіе журналы, и ни одной строки печатной донынѣ не могъ примѣнить къ практикѣ моего хлѣбопашества, или къ моему саду. Такова сила мѣстныхъ, и для нашего брата непобѣдимыхъ, оттягивающихъ началъ нашей глухой жизни. Хорошо! Трудъ человѣка теперь нѣсколько освобождается; хочу тружусь, хочу нѣтъ, и для кого хочу, для того и тружусь. Да вѣдь это — тѣнь жизни, въ родѣ знанія грамоты, которой бѣднякъ мужикъ послѣ до гробовой доски ни къ чему не примѣнитъ. Прежде вы съ него снимите вообще гнетъ жизненной опеки, постоянно тянущій его къ землѣ, какъ камень на шеѣ брошеннаго въ воду чело-

вѣка. Ну, вотъ хоть бы и опыты мои съ этою, сердечнолелѣянною мною грамотностью народа... Я не даромъ таки прожилъ въ этомъ мѣстѣ; я хотѣлъ въ особенности и въ раскольникахъ добиться не обращенія ихъ въ православіе: для этого у меня мало силъ и самонадѣянности. Я искалъ ихъ сочувствія, довѣрія, чтобъ найти точки согласія въ ихъ упорной и, увы! большею частію ни на чемъ неоснованной розни съ нами. Я этого не добился... Такъ и о школахъ. Читалъ я г. Пирогова и наши педагогическіе журналы, и о Дистервегѣ слышалъ-съ. И что же? Гдѣ намъ примѣнять къ нашей темной, бѣдной и жалко-недовѣряющей намъ массѣ идеи гуманитарныя, практическія. Вотъ, напримѣръ, случай. Была ранняя весна на дворѣ. Народъ обсѣялся. Молодёжъ гуляла съ дѣвками по улицамъ. Приходитъ ко мнѣ грамотный, практикантъ и веселый, бойкій и еще молодой мужичокъ—украинецъ.

—„Дайте, говоритъ, батюшка, книжки почитать! Скучно..."

—Далъ я ему сперва это въ кабинетахъ вашихъ надуманное Народное Чтеніе. Подержалъ онъ сутки и приноситъ назадъ: „не годится, говоритъ; непонятно и глумянно!" Потомъ я ему далъ „Солдатское Чтеніе"; тутъ все патріотизмъ, анекдотовъ, какъ знаете, гибель, хоть больше все не народныхъ, а лакейскихъ. Принесъ и это—дуется. Я тогда, помня пользу науки-съ, далъ ему „Огородничество". Даже обидѣлся мужикъ; опять приноситъ.

—„Что это вы, батюшка, за дурня, что-ли, меня сочли, что такіе пустяки все даете?

—„А что?

—„Да вѣдь это я не себѣ одному, а и другимъ бы почиталъ. Ну, на какой намъ прахъ эти ваши смѣховыя книжки! Дайте мнѣ Евангеліе... А то хлопцы, когда я имъ все это пробовалъ прочитывать, даже сказали: да ужь не въ расколъ ли нашъ батько удираетъ?...

—Далъ я тогда мужику „Псалтырь". Не возвращался онъ цѣлую недѣлю; наконецъ принесъ его въ платкѣ, развернулъ бережно и кланяется.

—„Нельзя ли, спрашиваетъ, купить эту книгу? и что ей цѣна?"—„А что?"—Мужикъ вздохнулъ. „Да всѣ навзрыдъ плакали, какъ я

читалъ; трудно жить намъ на свѣтѣ, а въ этой-то книгѣ именно про такихъ все людей и пишется, что горе земное замучило, да нужда камнемъ голову къ бѣдѣ привалила!..."

—Вотъ и поди съ ними. Продавать я ему своей книжки не продалъ, а подарилъ. И съ той поры постоянно въ праздники мужики сидятъ вокругъ чтеца, а онъ гдѣ нибудь въ углу на улицѣ читаетъ.

—Какъ же это школы тутъ въ уѣздѣ плохо идутъ? спросилъ я священника.

—Бюрократія заѣла ихъ указами 1732 года, когда гарнизонными школами смѣнили школы цифирныя, 1786, 1804 и главнѣе всего уставомъ объ училищахъ 1828 года, когда въ особенности усилилась централизація отъ учебнаго вѣдомства нашего! Надо школы взять изъ вѣдѣнія губернскихъ чиновниковъ и отдать ихъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ, или приходскихъ совѣтовъ. Земству отдайте школы, какъ дороги, мосты, тюрьмы и все губернское хозяйство. Тогда и школы будутъ полны, и по дорогамъ вы проѣдете, и почты на мостахъ не будутъ проваливаться, и черезъ крохи арестантовъ жены инвалидныхъ начальниковъ не будутъ въ блондахъ ходить, а мужья ихъ не станутъ къ воздушному повѣтрію относить скорбутъ, свившій себѣ гнѣздо въ иныхъ тюрьмахъ ской губерніи... А теперь? Теперь мы, точно-съ, даромъ только казенное жалованье получаемъ! Оттого насъ народъ и обходитъ и даже священникамъ, слышите? священникамъ, а это уже послѣднее дѣло - съ, не довѣряетъ. Вотъ здѣсь, скажу откровенно, у меня самая жалкая въ губерніи школа. Даже совѣстно въ нее заглянуть; ну-съ... а вотъ тайныхъ школъ въ моей паствѣ довольно...

—Можетъ быть, у здѣшнихъ раскольниковъ?

—Ей, нѣтъ! и нечего мнѣ скрываться! У православныхъ-съ. Вотъ явился недавно изъ Тарасовки нѣкій учитель-мужичокъ Косикъ, поселился въ хатенкѣ тутъ же у насъ въ слободѣ, и давай учить грамотѣ дѣтей. Слышу я, что тамъ поютъ иногда. Прихожу невзначай; онъ сѣденькій стоитъ среди избы, машетъ палочкой, а дѣти поютъ нашу же обѣдню. Оробѣлъ онъ, я его ободрилъ, похвалилъ. Говорю; „Старикъ, хорошо, что хоть ты ихъ учишь, коли они нашихъ школъ бѣгаютъ. Кто тебя надоумилъ?" „Богъ!" „Гдѣ взялъ азбучки?" „Въ Дубинкѣ у торговки, что ленточками торговала, я купилъ".—А че-

резъ недѣлю узнаю, что два отставныхъ солдата опять стали дѣвочекъ учить. Къ одному, старенькому, собираются и теперь даже взрослыя дѣвки—молитвы учить, да учиться пѣть церковное, по мертвымъ псалтырь читать... Вотъ вамъ и Солдатское Чтенiе, и Народная Бесѣда! Стоятъ себѣ у насъ на полкахъ, да и баста.

—А отчего же украинскiя изданiя такъ здѣсь отлично принимаются народомъ?

—Родною рѣчью пронимаютъ, и мужикъ-украинецъ чувствуетъ, читая эти книжки, что-то такое отрадное, чего и объяснить не можетъ въ родѣ именно чтенiя того же-съ Псалтыря, о коемъ я вамъ доложилъ-съ... Это не зубрёжка по русскимъ учебникамъ, въ родѣ того, что мальчикъ, переминаясь и потѣя отъ отчаянiя, по цѣлымъ днямъ безъ толку и ничего не понимая твердитъ: „Адамъ... Адамъ... Каинъ сынъ Евы... Евы... пошелъ... пошелъ... Каинъ... странствующiй... щiй... щiй... щiй...“

Въ купянскомъ, какъ равно въ старобѣльскомъ и змiевскомъ уѣздахъ, находится много деревень бывшихъ военыхъ, нынѣ южныхъ, украинскихъ поселенiй. Надо вспомнить, что этихъ поселянъ, на 1,370,000 человѣкъ жителей въ губернiи, приходится 200,000 ч., слѣдовательно почти 1/7 доля числа жителей губернiи.

Вотъ что мнѣ говорили старожилы крестьяне этого бывшаго аракчеевскаго военнаго поселенiя, въ Чугуевѣ и въ Сватовой Лучкѣ:

—Оно точно-съ, мы вздохнули теперь. Графъ Аракчеевъ-съ (не тѣмъ будь онъ помянутъ), какъ обращалъ насъ въ военные поселяне: брилъ намъ бороды, въ форменные кафтаны и въ шапки одѣвалъ, да въ штанахъ съ красными лампасами за плугомъ заставлялъ ходить. Были такiе случаи, что подъ Чугуевомъ, не желая въ эти поселенцы идти, наши мужики ложились подъ кнутъ. Хвала нашему царю, что освободилъ насъ! Мы ему церкви положили строить, въ честь его, значитъ, ангела! Оживаемъ. Куда легко теперь жить и дышать, какъ у тебя начальникъ свой же братъ голова. Подати несемъ исправно, за годъ впередъ несемъ иногда. Тишь да гладь да благодать по селамъ нашимъ настала. И о школахъ стали мы теперь сами думать... Только скажите, ваша милость, когда же намъ эти наши вѣковѣчныя, родныя имена и прозвища воротятъ?

—Какія?

—Да помилуйте! Отчего же за сорокъ лѣтъ назадъ наша Андреевка Андреевкой звалась, Балаклея—Балаклей, и другія тоже деревни? А тутъ налетѣлъ Аракчей, да и переворотилъ все посвоему: Балаклея стала Новосерпуховомъ, Андреевка—Борисоглѣбскомъ, тамъ явились Новоастрахань, Новоглуховъ, Новомиргородъ. Въ Анреевкѣ да въ Балаклеѣ былъ нѣкогда самъ царь Петръ, и внуки наши въ книжкахъ это начитывали; а теперь все помретъ, значитъ, въ памяти? (1)

—Отчего же у васъ школы плохо идутъ, коли вы благодарите царя за волю, а онъ хочетъ, чтобы дѣти ваши учились?

—Больно ужъ намъ памятны еще былые наши кантонисты, вотъ что. Теперь за то и отвѣтили наши общества, что коли кто захочетъ выучить сына, то и къ дьячку его отведетъ. Это досадно волоснымъ писарямъ, они и врутъ въ своихъ отчетахъ: у насъ 12 учениковъ въ поповской школѣ, а онъ пишетъ 42.

Дѣйствительно, иногда не вѣрится тому, что̀ слышишь о старыхъ порядкахъ здѣшнихъ поселеній. Напримѣръ, нѣкоторыя командиры изловчались въ изобрѣтеніи особыхъ фасоновъ зданій, улицъ, даже заборчиковъ, и тотчасъ такое изобрѣтеніе предписывалось принять къ свѣдѣнію. Избамъ, напримѣръ, стать бокомъ, а не главнымъ фасадомъ къ улицѣ, покрыться черепицей, такъ дорого стоющей при отсутствіи въ степяхъ топлива, и при такой дешевизнѣ другихъ, хоть соломенныхъ крышъ. Всему селу, напримѣръ, слободѣ Мосьпановой, вытянуться въ одну улицу, и улица стала длиной въ двѣ версты, выстроивши всѣ хаты бокомъ къ заборамъ. Заборчики кто-то изобрѣлъ изъ кирпича, сквозные, ажурные; и всѣ селенія сломали свои дешевые плетни и украсились тюлевыми заборчиками, которые, разумѣется, размокали, осыпа̀лись и по-нѣскольку разъ въ лѣто, въ рабочую пору, бѣлились, да еще нуждались въ сторожахъ, потому что первая шальная корова, бывало, почешется о такой заборъ и развалитъ его. По степнымъ просёлкамъ на сотни верстъ устроены, вмѣсто верстъ, кирпичныя пирамидки, также нуждавшіяся въ постоянномъ ремонтѣ и бѣленіи. Хлебныя клуни (риги) были также подведены подъ ранжиръ

(1) Объ измѣненіи имевъ множества селъ южныхъ поселеній на прежнія ихъ имена возбуждена теперь, какъ слышно, переписка.

и съ фронтонами, за то постоянно пусты. Устроены были работами поселянъ громадные каменные гошпитали, цѣлые каменные города для войскъ, заведены сады шелковицы, складочные сараи войсковыхъ вещей. И вдругъ все это разомъ рухнуло, разломалось, продано за безцѣнокъ. Поселяне въ особенности благословили отмѣну дѣлежа ихъ на *хозяевъ* и *нѐхозяевъ*. Послѣдніе были въ родѣ индѣйскихъ паріевъ. Эти бѣдные щуры теперь вздохнули, радуясь тому, что получаютъ землю наравнѣ съ остальнымъ міромъ, гдѣ они были подобіемъ помѣщичьихъ дворовыхъ. Хлѣбопашество возрасло въ поселеніяхъ. Открылись ссыпки хлѣба и прямыя сношенія поселянъ съ портами южныхъ морей.

— Да-съ, говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ былыхъ нѐхозяевъ-поселянъ въ Сватовой-Лучкѣ: — у насъ теперь и пьянства стало меньше за эти четыре года. Бывало, мужа пошлютъ за 15 верстъ на полковую косовицу, жену—накирпичный поселенскій заводъ — а дочь на шелковичную плантацію, либо соберутъ дѣвокъ полы мыть по наряду. А наказанія? Вы о нихъ слышали? Гдѣ же тутъ было намъ думать о грамотности?

— Куда дѣлись ваши былые кантонисты?

— Нанялись больше, въ прошломъ году и этою осенью, въ рекруты. Въ волостные и въ селькіе писаря, какъ только міру дали самому право ихъ нанимать, кантонистовъ не принимаютъ: всѣ вороваты и ненадёжны. Писаря у насъ почти всѣ изъ грамотныхъ поселянъ. А то еще справьтесь, сударь, въ Харьковѣ: кто главные острожники, хоть и Малининъ? говорятъ, что бывшіе кантонисты.

Малининъ сталъ недавно извѣстенъ въ Харьковѣ многими убійствами и бѣгствомъ черезъ подкопъ съ семью товарищами изъ тамошняго каменнаго острожнаго замка.

Южные поселяне теперь охотно помогаютъ помощникамъ учителей и кое-гдѣ сами приводятъ въ немногія школы своихъ дѣтей, а спустя полгода-годъ, сами ихъ экзаменуютъ. — „Прійдетъ это, говорили мнѣ учителя: — проситъ при немъ заставить прочесть его сына, самъ неграмотный переворачиваетъ листы, тычетъ пальцемъ—тутъ-де вотъ читай, посмотрю, что оно“! и послѣ прибавитъ: „Спасибо же тебѣ, что сына моего учишь; вотъ тебѣ подарокъ“! и въ ноги поклонится. А сынъ тебѣ принесетъ по силамъ своимъ подарокъ: либо каши гор-

шокъ, либо решето, либо, пару новыхъ сапогъ, либо десятокъ яицъ. Къ деньгамъ они только скупы въ одиночку, а обяжи—всѣ заплатятъ за обученіе дѣтей".

Помощникъ начальника округа купянскаго уѣзда, въ Сватовой Лучкѣ, мнѣ говорилъ: „Школы наши пойдутъ, если ученіе въ нихъ сдѣлаютъ обязательнымъ для всѣхъ; добровольныхъ же приговоровъ къ открытію школъ поселяне донынѣ не дѣлаютъ. Въ открытыя у нихъ прежде сельскія школы охотно отдаютъ дѣтей только многосемейные. Народъ болѣе и болѣе успокоивается и скоро вѣроятно окончательно повѣритъ и нынѣшнему откровенному желанію правительства обучать народъ грамотѣ".

Какъ идти народу охотно учиться, когда его учителя въ военныхъ поселеніяхъ терпѣли слѣдующія, напримѣръ, превратности?

Въ Сватовой-Лучкѣ существуетъ отличная школа. Учитель ея изъ военныхъ крестьянъ, нѣкто г. Григорій Шидловскій, душа кроткая, незлобивая, полная самоотверженія и вѣры въ силу науки. Долгое время, кое-какъ обучившись грамотѣ, онъ былъ учителемъ въ частныхъ домахъ у своего же начальства и у сосѣднихъ помѣщиковъ. Имъ всегда помыкали: то посадятъ его, бывало, въ комитетскую канцелярію переписывать бумаги, то дадутъ ему другую работу въ какомъ нибудь штабѣ. Самъ онъ урожденецъ слободы Кременной... нѣтъ, виноватъ — Новоглухова. Промаявшись долгое время, г. Шидловскій отъ горя ли, или вслѣдствіе чтенія „этихъ завирательныхъ книгъ" Бѣлинскаго, Гоголя, Тургенева и другихъ, вздумалъ продолжать собственное ученіе. Окружилъ себя спеціальными книгами, пробрался въ Харьковъ, нанялся даже въ писцы въ канцелярію попечителя учебнаго округа, чтобы еще легче добиться хорошихъ руководствъ и совѣтовъ, и наконецъ съ блескомъ выдержалъ экзаменъ на званіе учителя, чтобы съ нимъ пройти въ уѣздныя училища, тамъ, быть можетъ, добиться и мѣста учителя гимназіи. Не тутъ-то было! Онъ до сихъ поръ обучаетъ дѣтей въ маленькой школѣ въ Сватовой-Лучкѣ.

—И вотъ-съ я, говорилъ мнѣ г. Шидловскій, показывая мнѣ свою школу:—не могу выбиться изъ бѣдности. Люблю эту школу; въ этомъ одна моя отрада. А старость подходитъ; глаза мнѣ начинаютъ уже измѣнять. Содержанія мнѣ идетъ 105 р. сер. Я и тѣмъ доволенъ,

потому-что не состою въ числѣ широкихъ-съ натуръ, не загуливаю съ горя, въ ротъ капли не беру. Одна моя бѣда — вдали отъ городовъ, въ этой глуши, а особенно зимою-съ... читать нечего, умрешь съ тоски...

Школа г. Шидловскаго (это было 21-го сентября минувшаго года) была биткомъ набита учениками. По смуглымъ, запеченнымъ на солнцѣ лицамъ учениковъ видно было, что они недавно съ поля. Г. Шидловскій показалъ мнѣ прекрасную библіотеку; кое-какъ на гроши имъ собранную при училищѣ, и заставилъ учениковъ читать, говорить басни, стихи Кольцова. Онъ зналъ исторію и бытъ каждаго своего ученика.

— Нужда губитъ ихъ отцовъ, сударь, сказалъ онъ мнѣ на прощаньи, передавши жизнь четырехъ-пяти мальчиковъ: — а дайте имъ опериться, да найдись у насъ средства поддержать школы, такъ мы за поясъ заткнемъ и пруссаковъ-съ и бельгійцевъ! Надо дѣйствовать на наши волостныя власти, а съ ними и все можетъ пойти успѣшно.

Отъ 9-го декабря 1863 г., свящ. К—нъ (купянскаго уѣзда) также мнѣ писалъ на этотъ вопросъ о школахъ: „Холодность сельскихъ начальствъ къ школамъ, столь замѣчательная въ настоящее время, когда все государство думаетъ о народной грамотности, можетъ быть смягчена поощреніями со стороны палатъ государственныхъ имуществъ, посредниковъ и др. вѣдомствъ, похвальными листами или внесеніемъ отмѣтокъ о заслугахъ ихъ въ послужные списки, а въ противномъ случаѣ, за невниманіе, небрежность или умышленное презрѣніе къ столь важному дѣлу — штрафами“.

Въ срединѣ іюля 1863 года я впервые посѣтилъ Ахтырку, одинъ изъ популярнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ харьковской губерніи. На предпослѣдней станціи, когда мнѣ перепрягали лошадей, въ общей комнатѣ пилъ молоко какой-то путникъ, заѣдая его чернымъ хлѣбомъ и будучи нѣсколько навеселѣ. Оказалось, что это былъ дьячокъ одной изъ дальнихъ сельскихъ церквей, ѣхавшій въ духовное ахтырское училище за сыномъ своего священника. Дьячокъ походилъ, впрочемъ, съ виду на зажиточнаго купца и былъ говорунъ.

—Куда вы? спросилъ я его.

—Тоже за бурсаковъ-съ. Ихъ теперь, какъ овецъ изъ овчарни, распускаютъ на каникулы-съ. Всѣхъ до 200-съ... Каждому казна отпускаетъ въ годъ по 22 р. сер. на харчи, на одёжу, на отопленіе и на освѣщеніе, въ бурсѣ этой. Сытъ и тепелъ не будешь! А впрочемъ, по губерніи у насъ это училище цвѣтущее-съ.

—А прочія училища въ Ахтыркѣ? Вы знакомы тамъ съ кѣмъ нибудь изъ учителей?

—Всѣ люди *со степенью-съ*...

—Какъ это со степенью?

—Степенствомъ нонче-съ одарены, тихіе все; а прежде по триста розогъ ученикамъ тутъ иные учителя закатывали. Я самъ тамъ когда-то въ приходскомъ обученъ, и просвѣщенъ, и испытуемъ. Вынесъ одно убѣжденіе: охрани меня, Господи, отъ друзей моихъ! Сѣченъ былъ непомѣрно и потомъ исключенъ. Теперь всѣ учителя, говорю вамъ, со степенью; только полиція зачѣмъ вмѣшивается въ этотъ, такъ сказать, ученый патріотизмъ? Одинъ соблазнъ.

—А что?

—Да по модѣ и она теперь жить хочетъ. Прослышали тутъ тогда о воскресныхъ школахъ. Начальникъ тутъ былъ С***; онъ и недолго думая, устроилъ яко-бы для посторонняго дѣла крестный ходъ, поставилъ въ заготовленныхъ комнатахъ столы, а на столахъ разложилъ книги, по стѣнамъ развѣсилъ таблицы, да прямо въ училище и заманилъ сюда съ улицы народъ; десятскихъ поставилъ у дверей. Забрались въ комнаты и дѣти. Толпа послѣ торжества стала выходить—анъ нѣтъ. Начальникъ спичъ всѣмъ сказалъ, да дѣтей всѣхъ оставилъ, переписалъ—школа воскресная и открылась... А ему награда: ибо „воскрѐски“ эти въ модѣ были тогда-съ!

—Неужели же это правда? Не можетъ быть!

—Ей, было! Школа и безъ того открылась бы; да и долѣе пробыла бы; а тутъ отъ насилія, вслѣдъ за ея открытіемъ, она и изсякла. Вотъ въ с. Б—кѣ, въ уѣздѣ, былъ священникъ, такъ это не то-съ. Прямо объявилъ: кто неграмотный, того онъ пріобщать не станетъ, вѣнчать не будетъ. И что же-съ? Вѣдь усилилъ вотъ какъ грамотность: вы, говоритъ, коли неграмотные, значитъ, и молитвъ,

да и своей вѣры въ точности не знаете; учитесь! И стали учиться. А мужикъ нашъ вотъ какъ жаденъ. Изъ-за хорошей коровы, куда! изъ-за лишняго поросенка, свяжетъ свою судьбу съ какою угодно суженою. Къ моему-то попу этою весной пришелъ мужикъ, Максимъ Тронда, какъ теперь помню, вынулъ коповикà (30 к. сер.) и проситъ о себѣ сдѣлать справки въ метрикахъ и у свидѣтелей; потому-что ему, къ такому-то вотъ дню, надо обвѣнчаться съ такою-то. До петровскаго поста оставалось дня четыре. Попъ замѣшкался, и постъ наступилъ. Приходитъ опять мужикъ. „Отдайте, батюшка, назадъ коповикà“!

— „Зачѣмъ?“ — „Не успѣли меня повѣнчать до косовицы, а послѣ нея жинка мнѣ и даромъ не нужна“! — Обяжите-ка ихъ къ вѣнцу хоть являться грамотными, въ десять лѣтъ вся Россія-съ будетъ читать, писать и знать наизустъ исторію г. Устрялова...

Дьячокъ разсмѣялся.

—Что вы?

—Выдолбилъ и я эту исторію г. Устрялова, а толку, ей, мало! Въ головѣ — какъ въ пустой бочкѣ-съ! Жизнь не легче стала; вотъ кабы намъ, дьячкамъ, да дьяконамъ, да пономарямъ рублей хоть по сто бы еще жалованья казеннаго накинули! А что школы! Грамотенъ, да голъ—все одинъ соколъ“...

Я подъѣзжалъ къ Ахтыркѣ проселками со стороны Сумъ. Лошади выбились изъ силъ по песку, и ямщикъ мнѣ предложилъ ихъ выкупать въ Ворсклѣ, гдѣ и самъ онъ сталъ купаться и меня взманилъ. На берегу, подъ высокими вербами и по мосту, стояло нѣсколько тележекъ, фургонъ и крытая нетечанка. Въ водѣ оказалось также еще нѣсколько купающихся и всѣ съ длинными бородами и въ косичкахъ. Незнакомцы долго молча поглядывали на меня, купаясь въ прохладныхъ струйкахъ; наконецъ разговорились. Это были все духовные, ѣхавшіе также въ ахтырскую бурсу за своими дѣтьми; одинъ изъ купающихся былъ офицеръ.

—Что, господа, Помяловскій правду о бурсахъ вашихъ пишетъ? спросилъ послѣдній.

Всѣ знали имя вскорѣ потомъ умершаго писателя.

—Какъ не правда! Только все, имъ описанное, относится къ прошлому времени. Теперь ужь и въ бурсахъ не то.

—-Какъ, къ прошлому? За много ли лѣтъ? Такъ-ли? Что вы съ?

Отвѣта не послѣдовало. Однако же два-три голоса объявили, что еслибы казна на тѣ же казенныя деньги принимала ихъ дѣтей въ общія гимназіи, а потомъ давала имъ университетское образованіе и тогда уже поручила бы имъ приходы, дѣло было бы лучше.

Въ Ахтыркѣ очень хорошій домъ для уѣзднаго училища. Штатный смотритель и учителя, по отзыву горожанъ, какъ люди большею частью молодые, энергически хлопочутъ о его процвѣтаніи. Въ городѣ также есть недурной пансіонъ для дѣвицъ, г-жи Шевцовой...

Но позвольте васъ, читатель, занять личностью одного изъ учениковъ, кончившихъ курсъ въ этомъ уѣздномъ училищѣ.

Былъ жаркій, пыльный и сухой полдень, когда я вошелъ въ одинъ изъ постоялыхъ дворовъ Ахтырки—города, обильнаго садами, каменными недурными домами и, вслѣдствіе дешевизны здѣшней жизни. большимъ числомъ отставныхъ военныхъ и статскихъ чиновъ губерніи, уѣзжающихъ сюда доживать вѣкъ, въ покоѣ, съ пенсіонными окладами. За хозяина постоялаго двора встрѣтилъ меня сынъ его, мѣщанинъ г. Н. С—въ. Если вы, читатель, встрѣчали горячихъ и идеальныхъ харьковскихъ юношей, временъ Северина, Потоцкаго, Рижскаго и Шада, то ваше сердце невольно умилялось, слушая ихъ восторженныя похвалы своимъ менторамъ. Г. С—въ плаваетъ мельче; но и онъ полонъ любви къ школѣ, оставленной имъ для практики постоялаго двора. Я посѣтилъ его горенку, въ концѣ корридора. На стѣнѣ ея висѣла географическая карта. За стеклами шкафа видны были книги: Мартынъ-найдёнышъ, Дѣянія Петра, Пантеонъ г. Кони, Альфъ и Альдона, Нравы испанцевъ, Вѣдьма за Днѣпромъ, Ариѳметика и Географія, и проч. — Въ его воспоминаніяхъ есть свои патріархальные любимцы.

—У насъ въ уѣздномъ училищѣ былъ учитель К—ко, говорилъ мнѣ г. С—въ: — какъ идутъ бывало, къ нему ученики въ классъ географіи и исторіи, то молятся на всѣ образа, плачутъ и заранѣе веревочки на брючкахъ ослабляютъ, зная, что будутъ непремѣнно сѣчены. И что же? Смѣнилъ его другой, помягче. Когда онъ его смѣ-

нялъ, то К—ко сказалъ ему: „шествуй и учи моихъ долбешевъ: сущіе ослы“. А любилъ всѣхъ насъ крѣпко, плакалъ и мы плакали, какъ его провожали. „Я, говорилъ онъ, строгъ, ибо отецъ мой меня бревномъ по бокамъ дулъ съ горя“. Былъ у насъ и смотритель, И. Е.; тоже былъ предобрѣющій человѣкъ-съ; умеръ въ кабакѣ въ с. Котельвѣ отъ пьянства: доля заѣла-съ. Тотъ прямо намъ говорилъ: „Ну, не глупо ли, господа, чему мы васъ учимъ? Саранча да суслики хлѣбъ вашихъ отцовъ поѣдаютъ, о ихъ истребленіи надо вамъ трактаты читать; садоводство ваше на степени адамовыхъ временъ стоитъ, хоть могло бы васъ озолотить. Васъ же учатъ знать малѣйшія событія Карѳагена; его давно на свѣтѣ нѣтъ, а я васъ сѣку за него: тьфу, мерзость! Реформы намъ нужны, реформы“! вопитъ, бывало, съ каѳедры... Да такъ и не дождался нетолько никакихъ реформъ, а еще, какъ говорю вамъ, умеръ въ кабакѣ“...

—Что же въ васъ осталось болѣе всего отъ школы?

—Страсть къ чтенію-съ; не могу ни единой книжки-съ обойти, какъ встрѣчу. Казалось, только и книгъ, что въ школѣ; я же тѣ перезабылъ, а на новыя, какъ увижу, не нарадуешься. Да и все, что видѣлъ, слышалъ въ школѣ, теперь иначе кажется. Былъ, напримѣръ, тоже у насъ учитель рисованія - пустой человѣкъ-съ. Самъ, бывало, нарисуетъ картинокъ, да намъ и раздаетъ напоказъ въ классахъ и къ экзамену. Мы, было, къ нему: „Отчего же вы насъ самихъ не учите?“—„Э! отвѣчаетъ: я своего знанія никому тутъ въ вашей Ахтыркѣ и за тысячи не продамъ; а то еще выучитесь, мнѣ же на шею сядете учителями!“ Учитель словесности тоже тѣмъ только и бралъ, что намъ преотмѣнныя книги носилъ читать. А учить насъ по руководствамъ мало училъ; такой задумчивый былъ. Ходитъ по классу, сложивши руки, и говоритъ: „Вотъ до чего я дожилъ: обязанъ васъ мѣстоименію, да дѣепричастіямъ учить; намъ бы сюда Бѣлинскаго, Григоровича, Некрасова дать читать. И потому, господа, къ экзамену каждый выучи свой билетъ, чтобъ даромъ не коптить неба: ты выучи изъ глаголовъ, ты—басню Мартышку, а ты—о добродѣтеляхъ арабовъ. Онъ былъ сначала противъ актовыхъ рѣчей, а какъ заискивалъ-съ тутъ у одной особы, то меня перваго и заставилъ выучить наизустъ рѣчь для торжественнаго экзамена“...

—И вы ее заучили?

—Часъ и семь минутъ публику накачивалъ ею. До сихъ поръ анаѳемская рѣчь эта сидитъ гвоздемъ у меня на головѣ, а въ долгія ночи спать не даетъ; такъ и мерещится. Хотите, всю ее скажу?

Г. С—въ сталъ въ позу, отставилъ передъ собою руку, закатилъ глаза и сталъ говорить:

—Милостивые государи, почтеннѣйшіе господа посѣтители, мужи добра и жоны благотворительности. Сѣмена ученія въ этомъ вертоградѣ нашего дѣтства, ахъ! много и много требовали за собою ухода и политики"... Потомъ, опять: „Ахъ! еслибы не наше попечительное начальство"... и такъ далѣе, и т. д.

—Какъ? перебилъ я: -онъ жалѣлъ о запрещеніи въ училищѣ Бѣлинскаго и заставилъ васъ прочесть эту рѣчь?

—Именно такъ-съ. Я же вамъ сказалъ, что онъ заискивалъ тутъ у одной особы. — А послѣ словъ „попечительное начальство" и пошелъ я, и пошелъ; все вопросы, да вопросы! „Почему мы счастливы"?—потому-то отвѣчаетъ сама рѣчь! — „Ѣсть хочешь?"—Хочу.— „Ну, такъ трудись"! — „Денегъ хочешь? Счастья хочешь"? — А въ концѣ было, помню, про какого-то тогдашняго министра; имя его я только позабылъ. И даже, какъ ни былъ я малъ, а странно мнѣ и тогда казалось: хлопоталъ учитель у здѣшней особы, а упомянулъ министра, бывшаго тогда отъ Ахтырки за тридевять земель, а особу не упомянулъ. Вы какъ, сударь, про это думаете? нечто полагалъ рѣчь отпечатать?...

—Рѣчь понравилась?

—Многіе слушатели плакали. Товарищъ мой за мною прочелъ двѣ аллегорическія басни: „Прудъ и рѣка" и „Листы и корни"—должно статься, это про французскую революцію...

— Отчего же онѣ намекаютъ на революцію, по вашему?

—Эта особа такъ сказала. Она была изъ нѣмцевъ. Встала и говоритъ: „Это про революцію!" Мы такъ и помертвѣли. Подошла къ учителю, поблагодарила его за благонамѣренность, а мнѣ и товарищу прислала по пяти фунтовъ конфектовъ и какія - то алебастровыя медальки, въ честь нравственности школы и въ честь науки. Должно статься, сама она ихъ и выдумала. Мою тутъ же въ школѣ и украли...

—Развѣ у васъ въ училищѣ были воры?

—Были воришками двое, братья Х***; карандаши да книжки воровали; мы ихъ сильно колотили; да еще офицерскій сынъ Л***. Странно: самый лѣнивый, что десять лѣтъ ровно въ училищѣ сидѣлъ, М***, тоже сынъ чиновника...

—Мѣщане же лучше учатся?

—Шутить изволите? Думаете, что я такъ и расхвастаюсь? Нѣтъ-съ! Лучше учатся крестьянскіе мальчики, а потомъ купеческіе. Мы въ задахъ. Больно насъ отцы балуютъ.

—Дѣвушекъ же, вашихъ сестеръ, хорошо ли тутъ въ школахъ учатъ?

--Гдѣ имъ! Читаютъ черезъ пень-колоду; а выйдетъ изъ ученія— карналинъ этотъ ей подавай, да шелку на платье. Въ хозяйствѣ же ни къ лысому дѣлу не годится, какъ вышла изъ пансіона какого.

Валковскій и волчанскій уѣзды не представляютъ особыхъ сторонъ въ школьномъ бытѣ губерніи. Сравнительно съ другими уѣздами, изъ сѣверныхъ, выдѣляются сумской и лебединскій, какъ уѣзды малоземельные, фабричные и промышленные, и харьковскій, срединный, гдѣ близость губернскаго, административнаго и ученаго центра, придаетъ сельскимъ школамъ характеръ исключительный, болѣе городской, чѣмъ сельскій, почему я о харьковскомъ уѣздѣ не скажу въ частности ничего особаго.

Въ лебединскомъ уѣздѣ, въ нѣкоторыхъ бывшихъ помѣщичьихъ селахъ (напр. въ с. Марковѣ, гдѣ въ открытіи школы принялъ горячее участіе кандидатъ университета, мѣстный владѣлецъ, г. Добросельскій), введено обученіе грамотѣ по системѣ Золотова, къ сожалѣнію, мало еще распространенной въ сельскихъ школахъ губерніи. Въ с. Марковѣ учитъ самъ помѣщикъ. Онъ же склонилъ крестьянъ къ сбору на школу по 10 к. сер. съ души.

Въ с. Ворожбѣ, лебединскаго уѣзда, я посѣтилъ мужскую школу. Показывалъ мнѣ ее мѣстный голова.

У насъ есть и женская школа! сказалъ онъ:—учительница въ ней Ефимья Падалкина; но дѣвочки еще не въ сборѣ, по случаю уборки хлѣбовъ.

Я просилъ пригласить эту наставницу въ школу, чтобы посмот-

рѣть работы ученицъ. Голова вышелъ въ сѣни и шепнулъ дневальному:

—Бѣги, зови *барышню;* скажи, что проѣзжій какой - то хочетъ купить что-то изъ работъ.

— Развѣ Падалкина барышня? спросилъ я, вспоминая другихъ простыхъ наставницъ женскихъ харьковскихъ школъ.

—Она наша же крестьянка; ну, а коли въ ситцѣ ходитъ, да грамотна, такъ ужь какъ бы и барышня, и дѣти ее такъ величаютъ!

Ефимья Ивановна Падалкина черезъ полчаса скромно вошла въ правленіе, бывшее въ одномъ дворѣ съ обѣими школами с. Ворожбы. Это оказалась дѣвушка лѣтъ 18-ти, бѣлокурая, застѣнчивая, въ полиняломъ ситцевомъ платьицѣ и съ головою, укутанною бумажнымъ дешевымъ платкомъ. Сколько я ни просилъ ее сѣсть, она не садилась и отвѣчала, стоя.

—Помилуйте, я—крестьянка! робко твердила она, принимая меня за чиновника.

—Гдѣ вы учились? разскажите мнѣ вашу жизнь.

—Тутъ по - близу, въ слободѣ Межиричи я училась. Десяти лѣтъ я поступила туда и оставалась тамъ въ ученіи семь лѣтъ. Тутъ въ Ворожбѣ была прежде наставницей Ефросинья Малоштанова; она была изъ помѣщичьихъ дѣвокъ, замужемъ за казеннымъ крестьяниномъ, и училась въ Харьковѣ, во дворѣ у бывшаго своего помѣщика. Какъ грамотную, ее было сюда и взяли. А когда я, урожденка здѣшняя, обучилась въ Межиричи, то Малоштанову разсчитали, а меня помѣстили тутъ. какъ круглую сироту.

—Есть у васъ домъ, усадьба?

—Нѣтъ, у меня съ дѣтства въ нашей сельской опекунской казнѣ лежитъ 70 р. сер. Это только и есть мое состояніе. Сперва и мнѣ было тяжело. День - деньской бывало - съ бьешся съ дѣвочками, глаза измучишь, показывая имъ работы, шитье, вязанье. Жалованье мнѣ было-назначили въ годъ 20 цѣлковыхъ. Ну, гдѣ на него прожить, коли я за квартиру должна платить, за уголъ въ одной избѣ съ хозяевами, 17 цѣлковыхъ со столомъ?

—Какимъ же работамъ вы учите? спросилъ я Ефимью Ивановну, вспоминая аристократическія работы старобѣльскаго пріюта.

—Мужицкія рубахи ученицы шьютъ, отъ штуки по 25 коп. сер.; мужицкія исподницы тоже по 20 и по 25 к. сер.; чулки шерстяные и нитяные для дѣвокъ вяжутъ по 50 к. сер. пару; кружева для мужицкихъ свадебныхъ простынь и полотенецъ, по 30 коп. сер. за 3 аршина...

—Выгодно же такъ работать?

—А какъ же! Въ полѣ дѣвка въ день больше четвертака не заработаетъ; а на этихъ работахъ и полтинникъ въ день возьметъ, подавай только; шить же, рѣдко кто въ нашихъ слободахъ шьетъ.

—Кто же васъ въ Межиричи училъ?

—Тоже казенная крестьянка ахтырскаго уѣзда, Анна Сукачева: теперь она два года назадъ вышла за ахтырскаго же казеннаго крестьянина. Послѣ нея стала учить Ефросинья Горишнякова, моя соученица по межирической школѣ. Теперь, говорятъ, и она увольняется и перейдетъ въ Сумы. А у меня кто же лучшія ученицы по рукодѣлью и грамотѣ? Ольга Цимбалова, да Палагея Кузина. Все-съ здѣшнія крестьянки. Съ нихъ будетъ прокъ. Толковыя, да работящія... право-съ! Цымбалова мужу, коли выйдетъ когда замужъ, смѣло въ годъ рублей пятьдесятъ заработаетъ. А бабы знаете у насъ какія. Самой сильной да расторопной по деревенскому хозяйству въ годъ наемная красная цѣна пятнадцать цѣлковыхъ, а не то и десять"... (1)

Нѣкоторыхъ интересуетъ вопросъ: какое сословіе даетъ болѣе нравственныхъ учениковъ въ первоначальныхъ нашихъ школахъ? На вопросъ объ этомъ въ Сумахъ вы получите отвѣтъ:

—Дѣти купцовъ у насъ лучшіе: крестьянскіе сыновья грубы, но честны и чисты во всѣхъ отношеніяхъ. Сыновья дворянъ худшіе; изъ послѣднихъ дѣти богатыхъ составляютъ еще нѣсколько сносный оттѣнокъ; за то дѣтей бѣдныхъ дворянъ здѣсь почти всѣхъ исключаютъ до окончанія курса, либо за развратное молодечество и какое-то ще-

(1) Къ сожалѣнію, тѣхъ же похвалъ о женской школѣ села Верхней Сыроватки, сумскаго уѣзда, сказать нельзя. Здѣсь дѣвочки всѣ модничаютъ, готовятся не для деревни, а будто въ горничныя. Шитьемъ «broderie anglaise» (именно такъ!), вязаньемъ тонкихъ чулокъ и вышиваньемъ въ пяльцахъ занимаются дѣвочки и въ школѣ с. Стецьковкѣ, сумскаго уѣзда.

гольство самыми циническими пороками, либо за воровство и пьянство. Сюда въ нѣкоторой степени относятся и дѣти духовныхъ. Такъ, еще недавно одинъ укралъ между актомъ и экзаменомъ оригиналы, такъ называемыхъ, классныхъ рисунковъ, а другой укралъ и продалъ, такъ называемыя, нѣмыя географическія ландкарты. До такой смѣлости сынъ простолюдина не дойдетъ. Былъ, правда, случай съ крестьянскимъ мальчикомъ, но надо оговориться, съ сыномъ двороваго. Онъ написалъ отъ чужаго лица записку и приписалъ въ концѣ: „А подателю сего, какъ бѣдному и неимѣющему пропитанія человѣку, прошу вручить 1 р. сер.“.

Если вамъ, читатель, придется ѣхать когда нибудь въ маѣ черезъ Сумы, вы будете заняты страннымъ движеніемъ школьнаго сумскаго люда. На вашъ вопросъ: что̀ это такое — вамъ отвѣтятъ съ гордостью:

—Это-съ, сударь, у насъ, изволите видѣть-съ, майскій праздникъ школьниковъ. Майскій праздникъ этотъ устроилъ у насъ, на вѣчныя времена, нашъ одинъ сумскій урожденецъ, можетъ изволили слышать про такого: Иванъ Тимофѣевичъ Лисенковъ. Онъ торгуетъ книжками, что ли, въ Санктпитербурхѣ-съ. Родился онъ тутъ и мальчикомъ учился въ здѣшней школѣ. Ну-съ, въ память этого-съ, на имя города и выслалъ онъ недавно оттуда (1860 года) 1,000 р. сер. и на проценты изъ нихъ предложилъ всегда, въ маѣ мѣсяцѣ, дѣлать праздникъ для школьниковъ со всего города, т.-е. на 50 цѣлковыхъ покупаются мячи, пряники, воланы, чай, сахаръ, сухарики, сливки, конфекты...

—Куда же это всѣ идутъ?

—Праздникомъ долженъ завѣдывать городской голова. Вотъ всѣхъ онъ и зазываетъ на дачу, теперь г-жи Бѣлинской, за городомъ надъ Псломъ. Всѣ туда, какъ видите, бѣгутъ, ѣдутъ, идутъ; пьютъ тамъ чай, молоко, ѣдятъ сласти, играютъ въ мячи, пускаютъ змѣевъ, играютъ въ горѣлки, въ чихарду...

—Этте также-съ въ Германіи бываетъ праздникъ стрѣлковъ, когда изфолите знать! добавилъ мнѣ при этомъ одинъ изъ горожанъ, баварскій пивоваръ переселенецъ.

И точно̀, эта затѣя г. Лисенкова достойна всякой похвалы. Пусть

другіе жертвуютъ на воиновъ, раненыхъ въ сраженіяхъ, на богадѣльни, на погорѣвшихъ и на другія бѣдствія рода людскаго. Г. Лисенковъ вспомнилъ о дѣтскихъ забавахъ и, благодаря этимъ 50 р. сер., бросаемымъ ежегодно въ теплый майскій сумской денёкъ на забавы и увеселенія толпы сумскихъ, развеселыхъ ребятишекъ, въ огромномъ и отдаленномъ отъ многолюдныхъ учебныхъ городовъ, уѣздномъ городкѣ Сумахъ, укрѣпляется духъ школьной корпораціи, ученики всѣхъ мѣстныхъ школъ знакомятся и сближаются между собою. Пирующіе мальчики гордо зовутъ въ себѣ въ гости на цѣлый день крошекъ, непринадлежащихъ къ школамъ, и цѣлый годъ ждутъ этого праздника съ нетерпѣніемъ.

Примѣръ г. Лисенкова ждетъ себѣ подражателей въ другихъ городахъ. Отчего бы мѣстнымъ нашимъ рентьерамъ и сквайрамъ не попытаться сдѣлать того же и въ своихъ сельскихъ околодкахъ, гдѣ они теперь должны искать доброй славы и вліятельнаго значенія на своихъ арендаторовъ, оброчниковъ и издѣльныхъ крестьянъ?

Примѣчаніе.— Кстати, авторъ этой статьи недавно обращался письменно въ Петербургъ за нѣкоторыми справками и получилъ касательно г. Лисенкова слѣдующую замѣтку, которая рисуетъ духъ украинскаго человѣка, переселившагося въ Петербургъ: «Во время нашествія моремъ на Петербургъ западныхъ союзниковъ, во время Севастопольской войны, было воззваніе правительства о пожертвованіяхъ на защиту Петербурга. Чѣмъ ожидать французовъ и англичанъ въ столицу и подвергнутыя превратностямъ войны, книгопродавецъ Ив. Тимоф. Лисенковъ пошелъ въ думу и внесъ сразу на предметъ защиты Петербурга 5,000 р. сер., получилъ квитанцію и сталъ полагать, что всѣ остальные купцы пожертвуютъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ люди, не несущіе воинской повинности лично. Объявленіе о жертвахъ купцовъ было вскорѣ напечатано и оказалось, что нѣкій хохолъ-украинецъ, пришедшій изъ г. Сумъ въ Петербургъ, пожертвовалъ 5,000 р. сер. а Петербургскіе милліонеры, имѣвшіе тогда въ Петербургѣ дома, фабрики и товары побогаче книжнаго хлама, пожертвовали кто 100 руб., кто 300 руб.; одинъ Англійскій магазинъ еще внесъ сумму въ 1,500 р. сер. Знакомые Лисенкова даже приходили къ нему въ лавку и заводили съ нимъ стороной рѣчь о его жертвѣ, долгое время считая его рехнувшимся съ ума».

гольство самыми циническими пороками, либо за воровство и пьянство. Сюда въ нѣкоторой степени относятся и дѣти духовныхъ. Такъ, еще недавно одинъ укралъ между актомъ и экзаменомъ оригиналы, такъ называемыхъ, классныхъ рисунковъ, а другой укралъ и продалъ, такъ называемыя, нѣмыя географическія ландкарты. До такой смѣлости сынъ простолюдина не дойдетъ. Былъ, правда, случай съ крестьянскимъ мальчикомъ, но надо оговориться, съ сыномъ двороваго. Онъ написалъ отъ чужаго лица записку и приписалъ въ концѣ: „А подателю сего, какъ бѣдному и неимѣющему пропитанія человѣку, прошу вручить 1 р. сер.".

Если вамъ, читатель, придется ѣхать когда нибудь въ маѣ черезъ Сумы, вы будете заняты страннымъ движеніемъ школьнаго сумскаго люда. На вашъ вопросъ: что это такое — вамъ отвѣтятъ съ гордостью:

—Это-съ, сударь, у насъ, изволите видѣть-съ, майскій праздникъ школьниковъ. Майскій праздникъ этотъ устроилъ у насъ, на вѣчныя времена, нашъ одинъ сумскій урожденецъ, можетъ изволили слышать про такого: Иванъ Тимофѣевичъ Лисенковъ. Онъ торгуетъ книжками, что ли, въ Санктпитербурхѣ-съ. Родился онъ тутъ и мальчикомъ учился въ здѣшней школѣ. Ну-съ, въ память этого-съ, на имя города и выслалъ онъ недавно оттуда (1860 года) 1,000 р. сер. и на проценты изъ нихъ предложилъ всегда, въ маѣ мѣсяцѣ, дѣлать праздникъ для школьниковъ со всего города, т.-е. на 50 цѣлковыхъ покупаются мячи, пряники, воланы, чай, сахаръ, сухарики, сливки, конфекты...

—Куда же это всѣ идутъ?

—Праздникомъ долженъ завѣдывать городской голова. Вотъ всѣхъ онъ и зазываетъ на дачу, теперь г-жи Бѣлинской, за городомъ надъ Псломъ. Всѣ туда, какъ видите, бѣгутъ, ѣдутъ, идутъ; пьютъ тамъ чай, молоко, ѣдятъ сласти, играютъ въ мячи, пускаютъ змѣевъ, играютъ въ горѣлки, въ чихарду...

—Этте также-съ въ Германіи бываетъ праздникъ стрѣлковъ, когда изфолите знать! добавилъ мнѣ при этомъ одинъ изъ горожанъ, баварскій пивоваръ переселенецъ.

И точно, эта затѣя г. Лисенкова достойна всякой похвалы. Пусть

другіе жертвуютъ на воиновъ, раненыхъ въ сраженіяхъ, на богадѣльни, на погорѣвшихъ и на другія бѣдствія рода людскаго. Г. Лисенковъ вспомнилъ о дѣтскихъ забавахъ и, благодаря этимъ 50 р. сер., бросаемымъ ежегодно въ теплый майскій сумской денёкъ на забавы и увеселенія толпы сумскихъ, развеселыхъ ребятишекъ, въ огромномъ и отдаленномъ отъ многолюдныхъ учебныхъ городовъ, уѣздномъ городкѣ Сумахъ, укрѣпляется духъ школьной корпораціи, ученики всѣхъ мѣстныхъ школъ знакомятся и сближаются между собою. Пирующіе мальчики гордо зовутъ въ себѣ въ гости на цѣлый день крошекъ, непринадлежащихъ къ школамъ, и цѣлый годъ ждутъ этого праздника съ нетерпѣніемъ.

Примѣръ г. Лисенкова ждетъ себѣ подражателей въ другихъ городахъ. Отчего бы мѣстнымъ нашимъ рентьерамъ и сквайрамъ не попытаться сдѣлать того же и въ своихъ сельскихъ околодкахъ, гдѣ они теперь должны искать доброй славы и вліятельнаго значенія на своихъ арендаторовъ, оброчниковъ и издѣльныхъ крестьянъ?

Примѣчаніе.— Кстати, авторъ этой статьи недавно обращался письменно въ Петербургъ за нѣкоторыми справками и получилъ касательно г. Лисенкова слѣдующую замѣтку, которая рисуетъ духъ украинскаго человѣка, переселившагося въ Петербургъ: «Во время нашествія моремъ на Петербургъ западныхъ союзниковъ, во время Севастопольской войны, было воззваніе правительства о пожертвованіяхъ на защиту Петербурга. Чѣмъ ожидать французовъ и англичанъ въ столицу и подвергнутыя превратностямъ войны, книгопродавецъ Ив. Тимоф. Лисенковъ пошелъ въ думу и внесъ сразу на предметъ защиты Петербурга 5,000 р. сер., получилъ квитанцію и сталъ полагать, что всѣ остальные купцы пожертвуютъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ люди, не несущіе воинской повинности лично. Объявленіе о жертвахъ купцовъ было вскорѣ напечатано и оказалось, что нѣкій хохолъ-украинецъ, пришедшій изъ г. Сумъ въ Петербургъ, пожертвовалъ 5,000 р. сер. а Петербургскіе милліонеры, имѣвшіе тогда въ Петербургѣ дома, фабрики и товары побогаче книжнаго хлама, пожертвовали кто 100 руб., кто 300 руб.; одинъ Англійскій магазинъ еще внесъ сумму въ 1,500 р. сер. Знакомые Лисенкова даже приходили къ нему въ лавку и заводили съ нимъ стороной рѣчь о его жертвѣ, долгое время считая его рехнувшимся съ ума».

Мнѣ пришлось прочесть около 690 отзывовъ сельскихъ и городскихъ харьковскихъ священниковъ на запросы высшаго духовнаго начальства о школахъ.

Они не могутъ подойти ни подъ какую систему. Захваченные врасплохъ, мѣстные священники отвѣчали также большею частью врасплохъ или невпопадъ, приводя мысли, только нѣкоторыми строго и давно обдуманныя, а большинствомъ выхваченныя изъ головы почти въ ту самую минуту, когда срокъ отвѣтовъ подходилъ, и ихъ авторы брались за перо. Дай начальство болѣе времени духовенству обдумать отвѣты и написать ихъ, всѣ бы увидѣли изъ этого болѣе пользы.

По *волчанскому уѣзду*, на запросы высшаго духовнаго начальства о школахъ:

Слободы Терновой, священникъ Платоновъ пишетъ: „Иной разъ радъ бы душевно подарить лишній часъ въ день на обученіе дѣтей; да дѣло въ томъ, что нельзя располагать этимъ. А иногда усталый физически и обезкураженный въ душѣ, каждый воспользуется этими минутами отдыха, чтобъ сколько нибудь успокоиться. Ужели можно винить (священника), что онъ позволяетъ себѣ этотъ далеко не — комфортъ, а удовлетвореніе самой естественной потребности природы? Чтό дѣлать? Духъ бодръ, но плоть немощна“.

Соборный причтъ г. Волчанска пишетъ, что хорошо было бы, если бы „хозяйственное отдѣленіе при св. синодѣ разослало по уѣзднымъ городамъ и къ благочиннымъ по нѣсколько сотъ букварей и другихъ книгъ, съ возвратомъ цѣны ихъ изъ продажи“.

По *валковскому уѣзду:* с. Новой-Водолаги, священникъ Погорѣловъ, наставникъ старѣйшей въ губерніи тамошней школы, жалуется, что безъ понужденія ученики „во всякое время года, то являются въ училище, то оставляютъ его произвольно“.

По *сумскому уѣзду:*

Соборный причтъ г. Сумъ пишетъ, что духовенство „мало встрѣчаетъ сочувствія (по школамъ) отъ волостныхъ начальниковъ; крайне необходимо священникамъ имѣть право голоса въ волостномъ правленіи, въ дѣлахъ церкви и школы; и тогда привилегіи школы, невыпрошенныя въ церкви, будутъ уважены на мірской сходкѣ“.

Изъ села Боброка пишутъ, что на сборъ капиталовъ для дѣла народной грамотности по волостямъ можно обратить: „штрафы, идущіе (теперь въ правленіяхъ) на пропой, провіантскія съ (проходящихъ) войскъ и пр.“. Онъ прибавляетъ, что нерѣдко теперь, за тотъ же пропой и магарычъ, правленія, по мірскимъ приговорамъ, отдаютъ сиротъ на работы на сторону, и что этихъ сиротъ лучше бы, безъ магарыча, отдавать въ школы.

По вѣдомству южныхъ, бывшихъ военныхъ поселеній:

Села Сватовой - Лучки, свящ. Ерофаловъ пишетъ: „по разбросанности прихода, постоянно заниматься въ школѣ самъ не могу; нанимаю помощника“.

Села Тарасовки, свящ. Басанскій пишетъ: „Нанимать помощника изъ 105 р. сер. (нашего казеннаго жалованья) нѣтъ возможности никакой; способныхъ нѣтъ или требуютъ за свои труды платы несравненно выше той, которая опредѣлена окладомъ самому наставнику“.

Села Терновъ, свящ. Бѣликовъ пишетъ: „Наше обученіе грамотности сдѣлать обязательнымъ для прихожанъ и особенно многосемейныхъ“.

Села Покровскаго, свящ. Куницынъ пишетъ: „Если самъ священникъ пользуется двумя тѣсными комнатками, при немаломъ семействѣ, то гдѣ отыскать въ приходѣ удобное помѣщеніе для школы? Самъ народъ имѣетъ (въ избахъ) по одной комнатѣ. На какія средства пріобрѣсти все это, если общество копейки не пожертвуетъ?—Денежныя средства (на школы) должны быть не отъ народа, но отъ казны. Помощникамъ слѣдуетъ предоставить преимущества за выслугу лѣтъ“.

Села Поповки - на - Жеребцѣ, свящ. Голяховскій пишетъ: „Священникъ нынѣ принимаетъ участіе въ школѣ по управленію отрицательное, какъ лицо, зависящее отъ вмѣшательства мѣстныхъ гражданскихъ властей“. „Неудовлетворительность обученія грамотности въ настоящее время происходитъ оттого, что ученіе необязательно и нѣтъ жалованья помощникамъ“.

Въ селѣ Торской, свящ. Оптовцевъ открылъ школу въ церковной сторожкѣ, или караулкѣ, какъ и въ селѣ Лиманѣ свящ. Яновскій, пишущій, что его „прихожане чуждаются грамотности, не отдаютъ въ

школу даже малолѣтныхъ и совершенно ненужныхъ по хозяйству дѣтей". Онъ также стоитъ за обязательное ученіе.

С. Дробышева, свящ. Красноюльскій пишетъ: „Священникамъ постоянно заниматься въ школѣ невозможно, а причетники—плохіе помощники".

С. Ново-Астрахани, свящ. Григоровичъ пишетъ: „Школы должны быть независимы отъ волостныхъ расправъ, съ пособіемъ однако же (отъ міра) по хозяйственной части черезъ избранныхъ обществами блюстителей".

С. Чебановки, свящ. Жуковъ пишетъ: „Школъ въ приходѣ моемъ нѣтъ; при неоднократномъ приглашеніи и увѣщаніи прихожанъ, при предложеніи безмездно трудиться, они боятся, чтобы содержаніе школы и жалованье учителю послѣ не пало бы на нихъ, и никто не привелъ дѣтей учиться".

С. Шульгинки, свящ. Аристовъ высказалъ въ своихъ отвѣтахъ слѣдующее мнѣніе: „Школы должны быть устранены *отъ всякаго вмѣшательства со стороны свѣтской власти*".

Среди массы отрывочныхъ отзывовъ духовенства южныхъ харьковскихъ. бывшихъ военныхъ, поселеній, читатель встрѣтитъ, въ отвѣтѣ свящ. Ѳедорова, с. Каменки, слѣдующее, между прочимъ, мнѣніе: „Даровое ученіе—*плохое ученіе* и ни съ одной стороны невыгодное, какъ и хожденіе въ школу учениковъ необязательное и произвольное. Теперь въ волѣ родителей сегодня послать дитя въ школу, а завтра найти ему другое дѣло Существенной пользы отъ такихъ занятій пока не видно. Полгода ученикъ учится хоть чему нибудь, а полгода забываетъ выученное. Это значитъ, что мы переливаемъ изъ пустаго въ порожнее".

Слоб. Бѣлолуцкой, свящ. Поповъ пишетъ: „Самое лучшее—устранить всякое вмѣшательство чиновниковъ, этихъ опекуновъ народа, а предоставить школы совѣсти и благоразумію *однихъ священниковъ*, которые теперь сами собираютъ мальчиковъ, сами готовятъ топлово въ сторожку и пр.". — Свящ. Макухнинъ, с. Рогова, заходитъ еще дальше: „Участіе духовенства въ школахъ надо сдѣлать самостоятельнымъ; священникамъ долженъ быть предоставленъ нетолько надзоръ за преподаваніемъ, но и главное начальство надъ школою, *съ подчи-*

неніемъ имъ въ этомъ случаѣ сельскаго начальства". Другой священникъ с. Рогова прибавляетъ, что встрѣчаются особыя „затрудненія въ письменныхъ сношеніяхъ съ сельскимъ управленіемъ и въ тратѣ времени на безполезную переписку".

Города Чугуева соборный причтъ жалуется на нынѣшнія времена, когда по школамъ „всѣмъ распоряжается мѣстное начальство, и большую власть въ томъ имѣютъ волостные головы или какой-либо сельскій старшина, которые сами никакого понятія не имѣютъ о школахъ и объ улучшеніи ихъ".

С. Большой-Бабки церковный причтъ пишетъ: „По грубости ихъ нравовъ и по невѣдѣнію пользы образованія, прихожане не отдаютъ дѣтей своихъ въ училище".— С. Шевелёвки, свящ. Щербина пишетъ: „Крестьяне мыслятъ, что дѣти ихъ, учась, отвыкнутъ отъ полевыхъ работъ". — С. Каменной-Яруги, свящ. Сильванскій также пишетъ: „Добровольно прихожане ничего (по школамъ) не сдѣлаютъ и не дадутъ; а должно на нихъ сдѣлать налогъ, хоть по 10 к. сер. съ десятины земли, собирая его (непремѣнно, какъ подать) въ казначейство".—Въ заключеніе выписокъ моихъ изъ мнѣній духовенства южныхъ поселеній, привожу слѣдующее мѣсто изъ отзыва о томъ, могутъ ли причетники учить въ школахъ: *Многіе причетники читаютъ по складамъ; а если подпишутъ свою фамилію, то и ученому трудно оную разобрать.*

По *зміевскому уѣзду:*

С. Лимана, свящ. Протопоповъ полагаетъ, что ученики въ школу „должны быть обязательно выбираемы волостнымъ правленіемъ изъ великосемейныхъ крестьянскихъ дворовъ".

Изъ села Нижней-Орели или Лыговки, разсказываютъ печальный случай о томъ, какъ для тамошней школы была отведена по найму отъ міра изба и какъ „хозяинъ избы вывелъ школу (почти насильно), и поселилъ въ избѣ своего зятя". Жалуются, что „управляющіе окружные слишкомъ дерзко обращались съ наставниками, ревизуя училища", и полагаютъ, что правительство должно своею властью „заставить каждую общину взять школу подъ свою опеку и обезпечить ее всѣмъ нужнымъ".

Наконецъ, по *изюмскому уѣзду* укажемъ на слѣдующія замѣтки въ отзывахъ тамошняго духовенства:

С. Даниловки (г-дъ Антоновыхъ), свящ. Петръ Прокофьевъ пишетъ: „Приходъ мой раздробленъ на 1 село и 9 деревень, а свозить въ одну деревню учениковъ крестьяне не могутъ".—„Въ деревнѣ Подольи, въ 5 верстахъ, имѣется 11 десятинъ земли, подаренныхъ помѣщикомъ Ст. Мих. Горпинченковымъ для школы — онъ же обѣщалъ устроить для школы домъ и снабдить ее книгами и другими принадлежностями".

С. Гавриловки (г-дъ Ивановыхъ), свящ. Бѣляевъ пишетъ, что въ этомъ селеніи есть „семь мальчиковъ, коихъ обученіе грамотѣ взяла на себя полковница г-жа Иванова и помѣстила ихъ въ одной изъ комнатъ своего дома", и что „помѣщица г-жа Горпинченкова (жена названнаго выше жертвователя, по приходу с. Даниловки) въ с. Котовкѣ обѣщаетъ устроить домъ для училища и на содержаніе его подарила и отрѣзала 30 десятинъ земли".—По словамъ свящ. Котляревскаго, въ имѣніи г-на Бантыша, с. Прелестномъ, также „школа помѣщается въ экономическомъ домѣ" (отъ помѣщика).

Города Славянска, свящ. Костичъ полагаетъ за лучшее: *устроить мѣстные училищные комитеты изъ наставниковъ и нѣсколькихъ попечителей или блюстителей изъ самихъ крестьянъ.*

И такъ, что же мы можемъ представить въ общемъ итогѣ изъ замѣтокъ о нашей поѣздкѣ и о посѣщеніяхъ первоначальныхъ народныхъ школъ въ харьковской губерніи?

Собственно народныхъ сельскихъ, волостныхъ и городскихъ училищъ въ харьковской губерніи въ настоящую минуту, именно къ 1-му января 1864 года, разныхъ вѣдомствъ и сословій находится *285*. Въ нихъ 8,652 ученика и 1,138 ученицъ; а всего *9,790 учащихся*, мужескаго и женскаго пола. Число постоянныхъ жителей въ губерніи, въ настоящее время, простирается до *1,400,000* человѣкъ обоего пола и разныхъ сословій, за исключеніемъ, разумѣется, расположенныхъ на всегдашней стоянкѣ въ этой губерніи войскъ: кавалерійскихъ полковъ, артиллеріи, пѣхоты и гарнизона внутренней губернской стражи. По свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета, число жителей обоего пола *крестьянскаго сословія*, занимающаго насъ теперь, въ раз-

ныхъ вѣдомствахъ губерніи, простирается до *1,300,000*. Здѣсь считаются крестьяне: вѣдомства государственныхъ имуществъ, бывшіе помѣщичьи, теперь крестьяне-собственники, и временно-обязанные, и бывшіе военные, а теперь южные крестьяне харьковскаго поселенія.

Соображая приведенныя цифры, мы увидимъ слѣдущее. Считая 285 народныхъ школъ на 1,300,000 жителей крестьянскаго сословія, харьковская губернія имѣетъ на каждыя 4,560 душъ крестьянъ одну первоначальную школу, или 1 школа на 14,790 квадратныхъ десятинъ земли. Всего учащихся въ этихъ 285 школахъ 9,790 человѣкъ обоего пола; слѣдовательно, въ губерніи приходится 1 учащійся на 133 челов. крестьянскаго сословія. Другими словами, можно почти навѣрное допустить, что на 133 челов. крестьянъ въ харьковской губерніи приходится въ настоящую пору только 1 человѣкъ грамотный [1]. Я не нашелъ въ губерніи, ни въ дѣлахъ мѣстнаго статистическаго комитета, ни въ бумагахъ ревизіоннаго отдѣленія казенной палаты, средствъ повѣрить офиціальными данными о грамотности народа этотъ поражающій выводъ. Но, читатель, я нашелъ грустную возможность повѣрить это лично, посѣтивши до ста селъ и деревень губерніи въ минувшее лѣто. Оказывается, что гдѣ я ни былъ, на разспросы мои въ волостныхъ правленіяхъ палатскихъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также въ штабахъ и въ канцеляріяхъ южныхъ поселеній, мнѣ отвѣчали, что дѣйствительно, среднимъ числомъ, на сто душъ крестьянъ, каждаго посѣщеннаго мною селенія или волости, грамотныхъ, взрослыхъ и малолѣтковъ приходится въ настоя-

(1) Изъ начала этихъ замѣтокъ читатель видѣлъ, что въ 1732 г 47 школъ губерніи приходилось на 135,000 жителей губерніи, или 1 школа на 3,000 душъ приблизительно. Теперь 1 школа приходится на 4,560 душъ крестьянъ. Слѣдовательно, число школъ губерніи, съ возрастаніемъ народонаселенія, *уменьшилось*, въ наше время, а не увеличилось... Между 1800 и 1806 годами число учащихся въ приходскихъ школахъ губерніи возросло отъ 486 муж п и 7 ж. только до 598 м. п. и 15 ж. п.—Въ 1821 г. было въ губерніи, по свѣдѣніямъ университ. архива, только 25 приходскихъ и сельскихъ училищъ, изъ которыхъ 9 были безъ учениковъ. Въ 1829 году закрыты 22 приходскихъ училища по неимѣнію средствъ. Въ 1834 г. всего оказывается въ губерніи 18 приходскихъ училищъ За то въ 1836 году. какъ я привелъ въ первой части этого труда, по дерекціи училищъ харьковской губерніи было *5.418 исходящихъ административныхъ бумагъ.*

щее время не болѣе 2-хъ и рѣдко-рѣдко 3 человѣка ([1]). — Есть въ дѣйствительности села и волости, особенно помѣщичьи и бывшія военныя, гдѣ на 300 душъ и болѣе жителей нѣтъ ни одного грамотнаго. Есть села, гдѣ еще за два года назадъ, на 700 душъ крестьянъ былъ всего одинъ человѣкъ грамотный, и то 50 - лѣтній старикъ, случайно выученный въ давно-распущенномъ помѣщичьемъ пѣвческомъ хорѣ.

Принимая въ расчетъ пропорціи рожденій и сильной смертности дѣтей въ губерніи, какъ предметъ мало еще изслѣдованный и объясняемый пока нѣсколько рѣзкими перемѣнами погоды континентальнаго климата, поразительнымъ невѣжествомъ отцовъ и матерей въ гигіенѣ дѣтскаго возраста и полнымъ отсутствіемъ малѣйшаго признака медицинскихъ пособій на громадныхъ пространствахъ харьковской земли ([2]), а также и то обстоятельство, что вообще крестьяне здѣсь рѣже, чѣмъ на сѣверѣ Россіи достигаютъ стараго возраста ([3]) и что путникъ, какъ на диво, кое-гдѣ только засмотритс я здѣсь на столѣтняго старика — читатель вправѣ рѣшить, что дѣло грамотности въ здѣшней губерніи представляетъ самое плачевное и поражающіе явленіе. Онъ вправѣ прибавить, что если дѣло народной грамотности оставить въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится теперь, то крестьянское сословіе харьковской губерніи, считая въ средѣ своихъ жителей 1 школу на 4,570 ч., или 1 учащагося на 134 человѣка, достигнетъ времени, когда оно все будетъ обучено грамотности, если не черезъ всѣ 133, то никакъ не ближе 100 лѣтъ... Или иначе, законодатель, члены мѣстнаго самоуправленія, представители религіи,

(1) Та же пропорція, какъ слышно, является и вообще въ отношеніи числа грамотныхъ къ безграмотнымъ въ нашемъ государствѣ.

(2) Бывшіе госпитали военныхъ поселеній—благо которому трудно было здѣсь опредѣлить цѣну, въ эти семь лѣтъ закрыты, а доктора ихъ разъѣхались, въ одно время съ уничтоженіемъ аптекъ для крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

(3) По словамъ профессора статьстики въ харьковскомъ университетѣ, А. П. Рославскаго - Петровскаго («Замѣтки» въ Экономическомъ Указателѣ 1857 года стр. 586—589) оказывается, что въ здѣшней губерніи «смертность уноситъ ежегодно $^1/_{30}$ долю всегда народонаселенія, что изъ числа новорожденныхъ здѣсь едва $^3/_5$ достигаютъ 15 лѣтняго возраста», и что въ срединѣ самаго рабочаго класса губерніи считается: «$^1/_5$ стариковъ. $^1/_5$ дѣтей, $^1/_5$ больныхъ и только $^2/_5$ выносятъ полный рабочій трудъ.»

народной ученой литературы и поэзiи могутъ разсчитывать, что только послѣ 1997 года, то-есть за три года до конца двадцатаго вѣка, главенствующая масса обывателей нынѣшней харьковской земли будетъ способна лично и разумно встрѣчать и обсуждать законы страны, истины ея вѣры, науки и литературы и текущiя распоряженiя представителей своего самоуправленiя.

Народныхъ школъ по вѣдомствамъ въ губернiи, въ настоящее время, находится: 1) помѣщичьихъ—63 (1); 2) южныхъ, бывшихъ военно-поселенскихъ—43 (2), и 3) школъ палаты государственныхъ имуществъ 179.—Если принять въ разсчетъ число крестьянъ каждаго изъ приведенныхъ вѣдомствъ, а именно, что помѣщичьихъ крестьянъ въ губернiи считается до 465,000 ч., южныхъ поселянъ до 200,000 и крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ или палатскихъ около 743,000, то мы увидимъ, что число школъ и учащихся между ними распредѣляется такъ: въ губернiи приходится по 1 школѣ на каждые 4,150 челов. государственныхъ крестьянъ и по 1 школѣ на каждые 4,650 южныхъ (военныхъ) и по 7,380 бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. А иначе, значитъ, грамотность болѣе развита здѣсь между государственными крестьянами; потомъ идутъ южные поселяне, и, наконецъ, помѣщичьи крестьяне.

Большее число учениковъ въ народныхъ школахъ, а именно 1,570 челов.—въ старобѣльскомъ уѣздѣ, а меньшее, всего 197 учениковъ—въ волчанскомъ. Большее число ученицъ, 332 ученицы — въ ахтырскомъ, а меньшее, всего 18—въ волчанскомъ уѣздѣ.

Порядокъ, въ которомъ идутъ уѣзды по числу учащихся обоего пола, слѣдующiй: въ старобѣльскомъ—1,662 чел. учащихся, въ ахтырскомъ—1,291, въ харьковскомъ—1,214, въ змiевскомъ—1,072, въ купянскомъ—944, въ изюмскомъ—859, въ сумскомъ—839, въ богодуховскомъ—653, въ лебединскомъ—545, въ валковскомъ—495 и въ волчанскомъ—216.

(1) Въ томъ числѣ по уѣздамъ: въ харьковскомъ—3; въ старобѣльскомъ—11; въ изюмскомъ—10; въ купянскомъ—4; въ сумскомъ—9; въ лебединскомъ—4; въ богодуховскомъ—4; въ ахтырскомъ—8; въ валковскомъ—2; въ волчанскомъ—4; и въ змiевскомъ—4.

(2) Въ томъ числѣ: въ изюмскомъ—3, въ старобѣльскомъ—9, въ купянскомъ—3 и въ змiевскомъ 28.

Распредѣляются ученики и ученицы въ 285 народныхъ школахъ харьковской губерніи такимъ образомъ. На каждую изъ 285 школъ приходится, среднимъ числомъ, около *30 учениковъ*. Вообще же число учениковъ въ школахъ колеблется между 106 и 3. Высшее число учениковъ, именно 106, мы находимъ только въ очень зажиточной палатской слободѣ ахтырскаго уѣзда, Котельвѣ (учитель свящ. Рудинскій), гдѣ жители занимаются изстари прибыльнымъ промысломъ извоза на волахъ, чумачествомъ. Затѣмъ, по 85 и до 84 учениковъ мы видимъ въ четырехъ палатскихъ селахъ: Стецьковкѣ (свящ. Пономаревъ), сумскаго уѣзда; въ Новой-Водолагѣ (свящ. Погорѣловъ), валковскаго уѣзда; въ с. Ольшанѣ (свящ. Грековъ), харьковскаго, и въ с. Даниловкѣ (дьяконъ Донченко), старобѣльскаго уѣзда. Наименьшее число учениковъ, именно только 6, мы видимъ въ 4 селеніяхъ: въ двухъ помѣщичьихъ: с. Пасковкѣ, волчанскаго, и въ с. Вѣтровкѣ (учитель отставной солдатъ Акимовъ), изюмскаго уѣзда; и въ двухъ палатскихъ: с. Никифоровкѣ (свящ. Воробьевъ), изюмскаго, и с. Бишкинѣ (свящ. Острогорскій), лебединскаго уѣзда. Всего 3 ученика находится въ школѣ помѣщичьяго с. Липовки, старобѣльскаго уѣзда.

Дѣвочки учатся изъ числа 285 школъ губерніи только въ 117 школахъ. Изъ числа 1,138 учащихся лицъ крестьянскаго сословія и женскаго пола въ губерніи, приходится на каждую изъ этихъ 117 школъ, среднимъ числомъ, всего около *9 ученицъ*. Вообще же число ученицъ въ школахъ колеблется между 50 и 1 —50 ученицъ находится въ палатской свободѣ Новой-Водолагѣ, валковскаго уѣзда (учительница—подпоручица Гапель); 45 ученицъ въ с. Котельвѣ, ахтырскаго уѣзда (учительница—дочь свящ. Романова). Но, увы! какъ я сказалъ выше, есть въ харьковской губерніи сельскія школы, гдѣ считается всего по 1 ученицѣ, и не думайте, чтобъ ихъ было мало. Такихъ школъ 16, что составляетъ ровно 10% всего числа школъ, гдѣ учатся дѣвочки. Между ними находится 9 палатскихъ, 5 южнопоселенскихъ и 2 бывшихъ помѣщичьихъ деревень.

Въ харьковскихъ народныхъ школахъ всѣ мѣста наставниковъ и наставницъ школъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, заняты въ настоящее время мѣстнымъ духовенствомъ, то-есть приходскими священни-

ками, ихъ женами и дочерьми, или дьяконами, дьячками и неимѣющими штатныхъ приходскихъ мѣстъ семинаристами. А именно въ 285 школахъ, въ числѣ наставниковъ и наставницъ ихъ, находятся слѣдующія лица: волостныхъ писарей 2 (Карталовъ и Иванъ Коляда); отставныхъ солдатъ 3 (Акимовъ, Ив. Климовъ и Рубанъ): мѣщанка 1 (Рацъ); мѣщанъ 2 (Виноградовъ и Подусовъ); южный, бывшій военный поселянинъ 1 (Шидловскій); поселянокъ 4 (Ефимья Падалкина, Лоскутова, Горшнякова и Склярова); дворянокъ 10 (Мазанова, Жохова, Анфиса Савичъ, Павловская, Петрусенкова, Марипичъ, Соколова, подпоручица Гапель, поручица Черникова и полковница Иванова) - и дворянъ 2 (кандидатъ университета Добросельскій и губернскій секретарь Лазаревскій). И такъ, только въ 22-хъ сельскихъ школахъ здѣсь находятся свѣтскіе наставники. Въ остальныхъ школахъ оказывается въ числѣ учителей и учительницъ: около 250 священниковъ, ихъ женъ и дочерей; 20 дьяконовъ, 18 семинаристовъ и 2 дьячка. А иначе - свѣтскіе учителя и учительницы въ харьковскихъ школахъ относятся къ духовнымъ, какъ *1: 16*. — Если же исключить изъ этихъ соображеній семинаристовъ, священническихъ женъ и дочерей, какъ лицъ, которыя не связаны никакими обязанностями по требамъ духовенства и могутъ посвятить свою дѣятельность такъ же, какъ и свѣтскія лица, исключительно школамъ, гдѣ они учатъ, то увидимъ, что пропорція эта измѣнится, и тогда число свѣтскихъ наставниковъ и наставницъ (22) будетъ относиться къ числу наставниковъ духовныхъ (260), связанныхъ своими церковными обязанностями и безпрестанно отвлекаемыхъ отъ школъ, какъ *1: 12*.— Слѣдовательно, только 1/12 часть наставниковъ и наставницъ въ харьковскихъ народныхъ школахъ можетъ по истинѣ носить это имя и на самомъ дѣлѣ, хорошо ли, худо ли, учитъ въ школахъ, безотлучно находясь при дѣтяхъ и руководя ихъ занятіями.

Печальныя цифры! Грустные выводы! скажетъ на это вмѣстѣ со мною читатель. Дѣло народной грамотности въ такомъ положеніи долѣе оставаться, очевидно, не можетъ и не должно. Чего же намъ желать для исправленія этого дѣла?...

Распредѣляются ученики и ученицы въ 285 народныхъ школахъ харьковской губерніи такимъ образомъ. На каждую изъ 285 школъ приходится, среднимъ числомъ, около *30 учениковъ*. Вообще же число учениковъ въ школахъ колеблется между 106 и 3. Высшее число учениковъ, именно 106, мы находимъ только въ очень зажиточной палатской слободѣ ахтырскаго уѣзда, Котельвѣ (учитель свящ. Рудинскій), гдѣ жители занимаются изстари прибыльнымъ промысломъ извоза на волахъ, чумачествомъ. Затѣмъ, по 85 и до 84 учениковъ мы видимъ въ четырехъ палатскихъ селахъ: Стецьковкѣ (свящ. Пономаревъ), сумскаго уѣзда; въ Новой-Водолагѣ (свящ. Погорѣловъ), валковскаго уѣзда; въ с. Ольшанѣ (свящ. Грековъ), харьковскаго, и въ с. Даниловкѣ (дьяконъ Донченко), старобѣльскаго уѣзда. Наименьшее число учениковъ, именно только 6, мы видимъ въ 4 селеніяхъ: въ двухъ помѣщичьихъ: с. Пасковкѣ, волчанскаго, и въ с. Вѣтровкѣ (учитель отставной солдатъ Акимовъ), изюмскаго уѣзда; и въ двухъ палатскихъ: с. Никифоровкѣ (свящ. Воробьевъ), изюмскаго, и с. Бишкинѣ (свящ. Острогорскій), лебединскаго уѣзда. Всего 3 ученика находится въ школѣ помѣщичьяго с. Липовки, старобѣльскаго уѣзда.

Дѣвочки учатся изъ числа 285 школъ губерніи только въ 117 школахъ. Изъ числа 1,138 учащихся лицъ крестьянскаго сословія и женскаго пола въ губерніи, приходится на каждую изъ этихъ 117 школъ, среднимъ числомъ, всего около *9 ученицъ*. Вообще же число ученицъ въ школахъ колеблется между 50 и 1 —50 ученицъ находится въ палатской свободѣ Новой-Водолагѣ, валковскаго уѣзда (учительница—подпоручица Гапель); 45 ученицъ въ с. Котельвѣ, ахтырскаго уѣзда (учительница—дочь свящ. Романова). Но, увы! какъ я сказалъ выше, есть въ харьковской губерніи сельскія школы, гдѣ считается всего по 1 ученицѣ, и не думайте, чтобъ ихъ было мало. Такихъ школъ 16, что составляетъ ровно 10% всего числа школъ, гдѣ учатся дѣвочки. Между ними находится 9 палатскихъ, 5 южно-поселенскихъ и 2 бывшихъ помѣщичьихъ деревень.

Въ харьковскихъ народныхъ школахъ всѣ мѣста наставниковъ и наставницъ школъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, заняты въ настоящее время мѣстнымъ духовенствомъ, то-есть приходскими священни-

ками, ихъ женами и дочерьми, или дьяконами, дьячками и неимѣющими штатныхъ приходскихъ мѣстъ семинаристами. А именно въ 285 школахъ, въ числѣ наставниковъ и наставницъ ихъ, находятся слѣдующія лица: волостныхъ писарей 2 (Карталовъ и Иванъ Коляда); отставныхъ солдатъ 3 (Акимовъ, Ив. Климовъ и Рубанъ): мѣщанка 1 (Рацъ); мѣщанъ 2 (Виноградовъ и Подусовъ); южный, бывшій военный поселянинъ 1 (Шидловскій); поселянокъ 4 (Ефимья Падалкина, Лоскутова, Горшнякова и Склярова); дворянокъ 10 (Мазанова, Жохова, Анфиса Савичъ, Павловская, Петрусенкова, Мариничъ, Соколова, подпоручица Гапель, поручица Черникова и полковница Иванова) – и дворянъ 2 (кандидатъ университета Добросельскій и губернскій секретарь Лазаревскій). И такъ, только въ 22-хъ сельскихъ школахъ здѣсь находятся свѣтскіе наставники. Въ остальныхъ школахъ оказывается въ числѣ учителей и учительницъ: около 250 священниковъ, ихъ женъ и дочерей; 20 дьяконовъ, 18 семинаристовъ и 2 дьячка. А иначе – свѣтскіе учителя и учительницы въ харьковскихъ школахъ относятся къ духовнымъ, какъ *1: 16*. — Если же исключить изъ этихъ соображеній семинаристовъ, священническихъ женъ и дочерей, какъ лицъ, которыя не связаны никакими обязанностями по требамъ духовенства и могутъ посвятить свою дѣятельность такъ же, какъ и свѣтскія лица, исключительно школамъ, гдѣ они учатъ, то увидимъ, что пропорція эта измѣнится, и тогда число свѣтскихъ наставниковъ и наставницъ (22) будетъ относиться къ числу наставниковъ духовныхъ (260), связанныхъ своими церковными обязанностями и безпрестанно отвлекаемыхъ отъ школъ, какъ *1: 12*.— Слѣдовательно, только $^1/_{12}$ часть наставниковъ и наставницъ въ харьковскихъ народныхъ школахъ можетъ по истинѣ носить это имя и на самомъ дѣлѣ, хорошо ли, худо ли, учить въ школахъ, безотлучно находясь при дѣтяхъ и руководя ихъ занятіями.

Печальныя цифры! Грустные выводы! скажетъ на это вмѣстѣ со мною читатель. Дѣло народной грамотности въ такомъ положеніи долѣе оставаться, очевидно, не можетъ и не должно. Чего же намъ желать для исправленія этого дѣла?...

Большинство мнѣній въ губерніи прежде всего ясно и положительно высказывается за *обязательное обученіе народа грамотности*. За это стоятъ, за малымъ исключеніемъ, всѣ мѣстные священники (изъ 690 письменныхъ отзывовъ ихъ о школахъ въ консисторіи противнаго убѣжденія очень мало), большинство посредниковъ и всѣ почти штатные смотрители училищъ. Раздаются сужденія: „Если въ этомъ благословенномъ краѣ, изъ-за прибыльнаго земледѣлія и скотоводства незнающемъ еще гнилыхъ поползновеній къ трактирной, мѣщански-плутовской и городски-испорченной жизни, если здѣсь еще не можетъ быть опасности въ томъ, что народъ, обучась грамотѣ, броситъ дѣдовскій плугъ, или стадо и хлынетъ въ городскіе кабаки, станетъ поддѣлывать паспорты и ассигнаціи, или займется ябедничествомъ и крючкотворствомъ по канцеляріямъ, за что же онъ, спрашиваютъ горожане, этотъ честный, мирный народъ погрязаетъ въ такомъ страшномъ невѣжествѣ? За что онъ, спрашиваетъ духовенство, заучиваетъ со словъ темныхъ родителей безсмысленно-перевранныя молитвы и твердитъ клочки догматовъ вѣры и сердечныхъ обращеній къ промыслу, не понимая ихъ? За что, прибавляютъ посредники, этотъ добрый и способный народъ, имѣя среднимъ числомъ на 100 и на 200 человѣкъ 1 грамотнаго и часто на 500 и 1,000 человѣкъ не имѣя ни одного грамотнаго, терпитъ, вѣря на слово наброднымъ грамотѣямъ, отдаетъ послѣднюю копейку пройдохамъ волостнымъ писарямъ и мелкимъ чиновникамъ канцеляріи, вычитывающимъ для нихъ небывалые законы; за что и онъ, харьковскій, былой крѣпостной, полумильйонный людъ, заключаютъ помѣщики, до сихъ поръ самъ не прочелъ ни строки изъ законоположеній реформы, пересоздавшей его бытъ и, слѣпо выполняя приказанія посредниковъ, въ душѣ своей долго не вѣрили ни этимъ законоположеніямъ, ни намъ помѣщикамъ, ни новому своему начальству? За что мѣстные крестьяне тонутъ вообще въ невѣжествѣ, чуть-чуть не равномъ невѣжеству жителей Мадагаскара и Отаити и превосходящемъ, быть можетъ, невѣжество японцевъ и китайцевъ? говорятъ лица харьковскаго университетскаго круга. Слѣдуетъ дать дѣтямъ этого народа грамотность и образованіе, даже противъ воли отцовъ и матерей, которая бываетъ въ этомъ случаѣ только несправедливымъ обскурантизмомъ. Нечего дожидаться, пока

крестьянинъ, бѣдный и слѣпой поклонникъ неподвижнаго прошлаго и противникъ всякой полезной новизны, перестанетъ чесаться за ухомъ и добровольно положитъ на своихъ сходкахъ открывать школы и поведетъ туда своихъ дѣтей. Харьковскіе же крестьяне, напуганные бывшими еще недавно среди нихъ безобразными кантонистскими школами, еще прямо предубѣждены, въ большинствѣ, противъ грамотности и, боясь, что царь ихъ обученныхъ дѣтей заберетъ либо въ военные писаря, либо не въ очередь въ солдаты, чтобы имѣть потомъ въ полкахъ грамотныхъ вахмистровъ и унтер-офицеровъ, отвѣчаютъ на предложенія завести школы: „Коли нужно будетъ нашихъ дѣтей обучать письму да цифири, мы ихъ и къ дьячку отведемъ". — Надо, говоритъ земство, сдѣлать обученіе народа обязательнымъ, но школы признать свободными и дать имъ свое мѣстное, участковое самоуправленіе, гдѣ бы народъ самъ имѣлъ непосредственное право голоса и надзора за нравственною и матеріальною сторонами школьнаго дѣла черезъ своихъ выборныхъ. — Народъ просвѣтится, но не броситъ своей среды. Чистый и трезвый земледѣльческій бытъ въ краѣ не оскудѣетъ. Въ ряду доходныхъ статей въ губерніи этотъ бытъ надолго останется доходнѣйшимъ, благодаря неисчерпаемымъ богатствамъ почвы, легкости ея обработки и постоянно высокимъ цѣнамъ наемнаго труда. Масса бывшей помѣщичьей дворовой челяди лучше всего подтвердила это на глазахъ у всѣхъ. Сверхъ общихъ ожиданій, только незначительная часть этихъ людей обратилась въ сосѣдніе губернскіе и уѣздные города, гдѣ отъ этого почти вовсе не понизились цѣны найма домашней прислуги. Всѣ же остальные дворовые остались на мѣстахъ, приписавшись къ волостямъ и взявши отъ громады (міра) полезные и усадебные надѣлы, на прежде припасенные гроши и въ долгъ быстро обстроились и занялись землепашествомъ и скотоводствомъ. Эти дворовые теперь охотно идутъ къ былымъ своимъ помѣщикамъ и къ сосѣдямъ въ поденщики и въ срочные полевые работники. Но можно сказать, что и тридцатая часть ихъ не соглашается идти въ домашнюю прислугу и въ должностныя хозяйскія лица по найму. Даже спеціально обученные дворовые: музыканты, пѣвчіе, слесаря, искусные столяры, повара, портные, фельдшера и грамотные лакеи и садовники, вообще, въ губерніи взялись за полевое хозяйство

и сѣли среди сельскаго міра своими собственными усадьбами. — Это люди новые. Наблюдая надъ немногими прежними грамотниками по харьковскимъ деревнямъ, всякій подтвердитъ также, что опасенія за нравственность грамотныхъ крестьянъ должны быть оставлены. Проживая въ родной семьѣ тѣмъ же пахаремъ и овцеводомъ, харьковскій грамотѣй-крестьянинъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ товарищей. Изрѣдка только вы увидите его въ праздникъ съ книжкой въ рукахъ, среди внимающаго ему кружка. Къ нему идутъ украдкою считаться иной разъ бѣдняки, обманутые плутами сборщиками податей или волостными писарями, пока властные негодяи этого не откроютъ и не затрутъ единственнаго сельскаго беззащитнаго контролера, повторяющаго потомъ со вздохомъ: „Не могу, хлопцы, вамъ считать; будь я не одинъ въ слободѣ, будь насъ грамотныхъ хоть десятокъ, доискивайся, кто открылъ обманъ! А то я одинъ, ну, и пропалъ!“ Да въ церкви еще этотъ грамотникъ развѣ отдѣлится отъ толпы и станетъ впереди у клироса, вычитывая по церковнымъ главизнамъ или подтягивая причетникамъ.—Благодаря обязательности одного изъ гг. чиновниковъ здѣшней губерніи, посѣтившаго всѣ этапные остроги и городскіе тюремные замки въ харьковской губерніи, мнѣ удалось его сопровождать въ этой поѣздкѣ по большинству уѣздовъ губерніи, видѣть заключенныхъ въ этихъ острогахъ, говорить съ ними и узнавать о ихъ прошломъ. Оказывается, что грамотныхъ преступниковъ изъ здѣшнихъ крестьянъ почти не встрѣчается и что, напротивъ, всѣ почти преступленія и проступки крестьянъ, заключенныхъ въ настоящее время въ харьковскихъ острогахъ, происходятъ отъ крайняго и невообразимаго ихъ невѣжества и безграмотности.—Мнѣ приходилось не разъ быть на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ въ губерніи. Разумные крестьяне сами, при толкахъ о школахъ, говорятъ: „Не дождется казна, чтобы мы сами охотою заводили школы; мужикъ—темный человѣкъ. Ты ему толкуй о наукѣ, а онъ свое говоритъ: жили же отцы наши безъ грамоты, и мы проживемъ. А коли царь велитъ открыть школы, да туда нашихъ дѣтей вести, мы охотно поведемъ: на то царская воля; онъ уже знаетъ настоящее дѣло, чтобъ и нашему брату въ потемкахъ не бродить и всякому міроѣду на слово не вѣрить! Вотъ, говорятъ, скоро и мы пойдемъ въ городъ выбирать

земскихъ да мировыхъ нетолько въ уѣздъ, даже и въ губернію изъ своего же брата крестьянина. А какъ туда идти, какъ и кого выбирать, когда мы и самаго-то закона своими глазами не прочитаемъ?" Если читатель сообразитъ, что въ такихъ странахъ, какъ Пруссія и Австрія, обученіе народа давно уже признано обязательнымъ, то все вышесказанное получитъ еще болѣе правъ на вниманіе общества (1). Могутъ, однако, указать въ этомъ случаѣ на Англію, гдѣ правительство не содержитъ на свой счетъ ни одной школы, не издаетъ учебныхъ руководствъ и гдѣ ученіе не обязательно ни для кого, за исключеніемъ въ извѣстной долѣ дѣтей фабричныхъ и ремесленниковъ. Скажутъ, что въ Англіи правительство только направляетъ и поощряетъ въ дѣлѣ народной грамотности добровольныя усилія частныхъ лицъ и обществъ, и что тамъ болѣе всего одна частная дѣятельность хлопочетъ, „поощряя и развивая образованіе училищъ, черезъ публичные митинги, общественные спектакли, концерты, денежныя подписки и другія практическія мѣры, чѣмъ вкореняется въ умахъ родителей сознаніе отвѣтственности ихъ въ дѣлѣ обученія дѣтей, и что трудъ образованія своихъ дѣтей они обязаны выполнять по чувству нравственности долга и въ видахъ обоюднаго интереса, дающаго англійскимъ школамъ ежегодно свыше мильйона добровольно учащихся дѣтей" (теперь 1,028,690 ч.). Харьковская губернія не манчестерскій и не ливерпульскій округа, отвѣчаютъ на это харьковцы, и мы скорѣе хотимъ раздѣлить въ этомъ дѣлѣ участь нашихъ практическихъ сосѣдей, Пруссіи и Австріи, и старинной поставщицы нашихъ гувернёровъ и гувернантокъ Франціи, которая сама

(1) Въ *Пруссіи*, гдѣ народъ почти весь грамотный и гдѣ постоянно считается до 3 миліоновъ учащихся въ школахъ (теперь 2,943,251 уч.) общины обязаны отводить помѣщеніе для школъ и для учителей и посылать дѣтей въ школы для обученія чтенію, письму, ариѳметикѣ, пѣнію и объясненію физическихъ явленій природы. Въ *Австріи* всѣ дѣти обязаны обучаться въ первоначальныхъ школахъ, отъ 6 до 12 лѣтъ а до 15 лѣтъ въ воскресныхъ школахъ; учителя въ Австріи ставятся отъ казны, дающей пенсіи имъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Оттого въ Австріи на 35,800,000 ч. жителей считается 29,972 народныхъ школъ съ 3,909,000 учащихся, что̀ составляетъ 1 школу на 1,195 жителей (въ харьковской губерніи 1 школа приходится на 4,560 крестьянъ). Во *Франціи* народъ обложенъ прямымъ налогомъ на жалованье учителямъ школъ и на наемъ для школъ помѣщенія Тамъ на 36,000,000 жителей находится 65,000 народныхъ школъ съ 3,850,000 учащихся (1 школа на 553 ч. жителей).

теперь спохватилась о своемъ относительномъ невѣжествѣ и требуетъ обязательности народнаго обученія, чѣмъ подражать Англіи и ея, увы! надолго непримѣнимой у насъ частной дѣятельности, благодаря которой, ужь безъ сомнѣнія, у насъ дѣло образованія народа затянется на нескончаемые годы. Недаромъ сами иностранцы, читая наши проекты объ училищахъ, по словамъ г. Танѣева, выразили опасеніе, чтобы наши училищные законы не оказались на дѣлѣ слишкомъ идеальными.

Имѣя въ виду малонаселенность губерніи, дороговизну наемнаго труда и слабыя условія хозяйства, при которыхъ здѣсь мальчики и дѣвочки съ 8 лѣтъ, а нерѣдко и съ 7, уже становятся важнымъ подспорьемъ въ полевыхъ работахъ отцовъ и матерей, мнѣніе большинства лицъ, заинтересованныхъ школами въ харьковской губерніи, стоитъ за то положеніе, чтобы, при введеніи обязательнаго обученія для народа, на первыхъ порахъ отнести эту обязательность къ многосемейнымъ крестьянамъ, къ сиротамъ, которыми теперь большею частью спекулируютъ волостныя и сельскія власти, а нерѣдко и ближайшіе родные; къ дѣтямъ разоренныхъ, отсутствующихъ, или почему-либо незанимающихся полевыми работами родителей, и пр. Школы должны остаться зимними, то-есть открываться въ сентябрѣ, съ первыми морозами, и закрываться въ апрѣлѣ, съ первыми полевыми работами и отводомъ скота въ степь. Школы должны существовать не по прихоти крестьянскихъ общинъ, а по волѣ всего мѣстнаго земства, подъ его единственнымъ контролемъ, на счетъ его вообще и отчасти и на счетъ училищной повинности всѣхъ сословій государства, какъ главнѣйшая и безотлагательная потребность народа въ видахъ перваго блага всей страны. Гдѣ школы открыты частными лицами, казна должна взять на себя половину жалованья ихъ учителей, на все время существованія такихъ школъ, обезпеченнаго ихъ учредителями. Надзоръ за школами долженъ быть предоставленъ мѣстнымъ участковымъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и съѣздамъ изъ учителей народныхъ школъ всякаго званія, слѣдовательно и священниковъ, если они преподаютъ въ школахъ, попечителей и частныхъ учредителей школъ, если такіе будутъ въ участкѣ, и, наконецъ, земскихъ блюстителей школъ изъ крестьянъ, по выбору послѣднихъ. Всѣмъ этимъ лицамъ

предоставить право голоса на сельскихъ и волостныхъ сходкахъ крестьянъ, по части школъ. Училищнымъ совѣтамъ дать по возможности широкую автономію. Руководящими членами въ нихъ быть избраннымъ отъ общинъ и участковъ попечителямъ школъ. Народныя школы всѣхъ сословій и званій соединить въ одно училищное бюро губерніи, или губернскій совѣтъ о народныхъ школахъ, состоящій изъ нѣсколькихъ членовъ отъ казны и изъ выборныхъ отъ земства участковыхъ попечителей или учредителей, свѣтскихъ и духовныхъ учителей школъ. Съ губернскимъ совѣтомъ, гдѣ предсѣдательствуетъ одинъ изъ мѣстныхъ директоровъ гимназіи, по-назначенію отъ правительства, общинные или уѣздные совѣты сносятся черезъ своихъ предсѣдателей или руководителей. Сверхъ того, какъ сказано выше, предоставить учителямъ разныхъ участковъ и уѣздовъ дѣлать, время отъ времени, частные съѣзды, съ цѣлью обмѣна педагогическихъ мыслей и для принятія мѣръ къ улучшенію школъ. Сельскіе и приходскіе учители должны сравниться, въ отношеніи пенсіи и другихъ правъ и привилегій, съ прочими лицами училищнаго вѣдомства въ государствѣ, несмотря ни на какія ихъ различія по сословіямъ и званіямъ (1). Вспомнимъ, что по существующимъ теперь законамъ, наши бѣдные приходскіе учители, часто обезсиленные лишеніемъ рукъ, ногъ, языка, зрѣнія, старики или потерявшіе разсудокъ, въ пенсію получаютъ въ годъ отъ 15 до 28 р. сер. и рѣдко 60 р. сер.; а сельскіе учители вовсе лишены права на пенсію. — На первое время народныя школы должны быть безплатныя; впослѣдствіи, за обученіе въ нихъ можетъ быть земствомъ назначена небольшая плата, такъ-какъ самъ народъ охотно ей подчинился уже въ уѣздныхъ училищахъ харьковской губерніи, говоря, что коли за дитя свое платишь, то какъ-то больше за его стараніями и смотришь. Отъ назначенія 3 руб. сер. годовой платы за обученіе въ уѣздныхъ училищахъ губерніи, на первыхъ порахъ число учениковъ въ нихъ было-уменьшилось, но за то оставшіеся дѣйствительно, какъ отзываются учителя, стали лучше учить-

(1) Россія въ настоящее время тратитъ на приходскія училища и учителей 55,789 р. 25 к. с.; Франція тратитъ 6,000,000 франковъ. Англія — 836,620 фунтовъ стерлинговъ или около 6,000,000 руб. сер.

ся (2). Если плата за обученіе будетъ впослѣдствіи собираться въ народныхъ школахъ, она должна идти единственно на поощреніе учителей, въ помощь бѣднымъ ученикамъ и на учебныя надобности. — Соединеніе сана священнослужителей въ деревняхъ съ должностью учителя народныхъ школъ должно быть, гдѣ возможно, избѣгаемо. Само духовенство губерніи, какъ мы видѣли, словесно и письменно заявляетъ, что по обширному кругу своихъ церковныхъ занятій и по разбросанности хуторовъ, слободъ и деревень своихъ приходовъ въ такой степной губерніи, какъ харьковская, иногда на десятки верстъ, оно поневолѣ будетъ всегда считать школьное дѣло дѣломъ второстепеннымъ. Власть ихъ будетъ властью мачихи. Оставаясь же, подъ вѣдѣніемъ всего земства, не распорядителями, а учителями въ школахъ, хоть впрочемъ они могутъ быть избираемы и въ важную должность попечителей школъ, священнослужители не потеряютъ своего значенія и въ отношеніи религіозныхъ соображеній въ развитіи нравственнаго духа школъ, о чемъ такъ многіе хлопочутъ и тревожатся. Пора, кажется, сознаться, что правъ былъ знаменитый прусскій народный учитель Дистервегъ, который защищалъ родныя школы отъ деспотизма правительственныхъ партій вообще и отъ тупоумныхъ или лицемѣрныхъ регулятивовъ министерства Раумера въ особенности. Люди однихъ мнѣній съ Дистервегомъ пришли къ тому почтенному убѣжденію, что народныя школы должны имѣть въ виду человѣка, съ его человѣческимъ значеніемъ и достоинствомъ, и ничего болѣе этой задачи.

А чего искали и ищутъ другіе? спрашивали нѣмецкіе единомышленники Дистервега, и какъ ихъ удовлетворить? — „Государство хочетъ, чтобы школы были чисто-казенными. церковь — чисто-церковными. По требованію отдѣльныхъ германскихъ партій, школы должны образовать то настоящихъ специфическихъ протестантовъ, то католиковъ, то республиканцевъ, то пруссаковъ. Здѣсь они должны поставлять людей для агитацій и революцій, тамъ — для реакцій и обску-

(2) По проекту бывшаго министра, г. Норова, 1858 г., стали собирать въ харьковской губерніи эту плату, что составило по губерніи: въ 1858 г. — 357 р., въ 1859 г. — 848 р., 1860 г. — 1142 р., 1861 г. — 990 р.

рантизма. Здѣсь они должны служить душой и тѣломъ коммунизму, тамъ — капиталу. Ремесленникъ кричитъ: сдѣлайте школу мастерской, промышленникъ — сдѣлайте ее конторою, сельскій хозяинъ — приготовьте мнѣ батраковъ и работницъ! Но гдѣ же останется, затѣмъ, *человѣкъ?* Гдѣ народъ, которому прежде всего принадлежитъ школа и ради котораго она существуетъ? Человѣкъ и народъ — это вовсе не государственные принципы и не консисторія! Это не аугсбургское вѣроисповѣданіе, не тридентскій соборъ, не сѣверо-американская и не прусская конституція, не Мараты и не Бурбоны, не купцы и не фабриканты! Человѣкъ и народъ — вовсе ни какія-нибудь спеціальности... *И школа, съ какою бы то ни было тенденціей, не есть народная школа, въ ея простомъ и великомъ практическомъ значеніи*"... Нѣкоторые скажутъ, что намъ еще далеко до принциповъ нѣмецкой педагогіи, до Дистервега, Шварца, Шмидта, Грубе, Нимейера и Кёрнера. Мнѣніе ошибочное и жалкое. Россія на вѣчныя времена сохранитъ имена тѣхъ лицъ изъ своего правительства, которыя дадутъ безотлагательно ея народу народныя школы и учителями въ эти школы пошлютъ людей, вышедшихъ изъ самаго народа.

[illegible] Тогда они [illegible] служить умомъ и талантомъ [illegible] — министры. Посмотрите [illegible] [illegible] — сравните съ [illegible] [illegible] [illegible] и работникомъ! Но гдѣ же остается [illegible]? Гдѣ народъ, которому прежде всего принадлежитъ [illegible] [illegible] Человѣкъ и народъ, — это [illegible] государственные принципы и не [illegible]! Это не [illegible] [illegible], не [illegible] соборъ, не [illegible] и не [illegible] конституція, не Мараты и не Бурбоны, не [illegible] и не [illegible] Человѣкъ и народъ — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Шиллера, Гюго, [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] людей, вышедшихъ изъ самаго народа.

Государств. Центральная Книжн. Палата
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО КНИГООБМЕНА.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Danilevskij, Grigorij P.,

Ukrainskaja starina materïaly dlja istorïi ukrainskoj literatury i narodnago obrazovanïja

Char҆kov 1866

4 H.lit.p. 317 s
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10684090-0